

ТЗ(2)
и-90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. СИДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Г. Бескровный, И. У. Будовниц (ответственный секретарь),
Р. П. Дадыкин, Г. М. Деренковский, М. П. Ким, чл.-корр. АН СССР
М. В. Нечкина, А. А. Новосельский, Ю. А. Поляков, М. К. Рожкова,
А. Л. Сидоров (ответственный редактор), *Л. В. Черепнин*

И. Г. ДЫКОВ

**РУМЧЕРОД
И БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ**

История Румчерода (Исполкома Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа), насколько нам известно, специально изложена лишь в одной работе — диссертации И. А. Пшук «Борьба за установление Советской власти в Одессе и роль большевистского Румчерода». Несмотря на отдельные недостатки, эта работа содержательна и интересна. Однако автор ее ставил перед собой ограниченную цель — дать анализ деятельности Румчерода только на территории Одессщины. Между тем сфера деятельности Румчерода была значительно шире: в нее входили Румынский фронт, Молдавия, Волынская, Подольская, Херсонская, Таврическая губернии, а также Черноморский флот. Таким образом, диссертацию И. А. Пшук надо рассматривать как первый шаг в исследовании большой и важной темы, какой является история Румчерода. Кроме того, автор не воспользовался ценными документами, хранящимися в ЦГВИА, позволяющими осветить ряд существенных моментов темы.

Из других работ, так или иначе касающихся деятельности Румчерода, но также только в связи с событиями в Одессе, укажем на диссертации Б. Л. Фурмана¹ и М. Д. Свичеревской². В печатной же литературе о Румчероде можно найти лишь немногие и весьма краткие упоминания.

В настоящей статье автор пытается осветить некоторые вопросы истории Румчерода, относящиеся к событиям конца 1917 — начала 1918 г. прежде всего на Румынском фронте и в Молдавии, в органической связи с процессом большевизации солдатских масс Румынского фронта.

Большая трудность для исследователя заключается в том, что архив Румчерода до сих пор не найден. Известно только, что после ликвидации Румчерода Я. М. Свердлов вызвал в Москву его руководителей, предложив им привезти с собой и архив, дальнейшая же судьба этого архива пока неизвестна. Поэтому отсутствие основного источника приходится восполнять выявлением и обобщением отдельных документов, хранящихся в ЦГВИА и ЦГАОР, а также в местных архивах Кишинева и Одессы, дополняя их материалами прессы изучаемого периода.

* * *

После Февральской революции во всем южном районе России — Бессарабии, Волыни, Подолии, Херсонщине и Одессщине, на Румынском

¹ «Подготовка и осуществление социалистического переворота в Одессе».

² «Первый период Советской власти в Одессе».

фронте, в Черноморском флоте и в других местах, как и во всей стране, были созданы Советы, солдатские и матросские комитеты. Большинство их находилось под эсерово-меньшевистским влиянием в силу недостаточной политической зрелости масс, выразившейся в так называемом добросовестном оборончестве, вере в «социалистическую» демагогию меньшевиков и эсеров.

Именно такой типичной эсерово-меньшевистской организацией был Румчерод, который с первых же дней своего существования занял позицию активной поддержки Временного правительства и проводил мероприятия, глубоко враждебные подлинным интересам народных масс.

Внешняя история возникновения Румчерода очень проста. 29 марта 1917 г.³ при Петроградском Совете открылось Всероссийское совещание Советов, на котором каждому Совету был отведен определенный район⁴. В числе других был образован и 2-й Южный район, куда вошли Румынский фронт, Черноморский флот, Бессарабская, Волынская, Подольская, Херсонская, часть Таврической и Новороссийской губерний. В апреле 1917 г. меньшевиками и эсерами 2-го района был разработан план созыва съезда Советов района с тем, чтобы создать единый центральный орган, который руководил бы всеми указанными Советами, а также комитетами в армии и флоте и другими подобными организациями, созданными революционным творчеством масс, и определить его программу.

Съезд открылся 10 мая 1917 г. в Одессе⁵. По своему составу он был эсерово-меньшевистским. Большевистских делегатов было очень немного, что объясняется, помимо политической незрелости масс, малочисленностью пролетарской прослойки, а также и тем, что к моменту созыва съезда на территории 2-го Южного района не было самостоятельных большевистских организаций (большевики были объединены в единые организации с меньшевиками и это самым отрицательным образом сказывалось на их работе)⁶.

Румынский фронт был представлен на съезде монархическим офицерством во главе с помощником главнокомандующего фронтом генералом Щербачевым⁷, а также солдатскими организациями — армейскими, корпусными, дивизионными комитетами, руководство которыми принадлежало преимущественно эсерам и меньшевикам. Представителем Временного правительства на съезде был Керенский. В качестве гостей присутствовали представители дипломатических миссий Америки, Англии, Франции и Бельгии.

Съезд открылся речью генерала Щербачева, в которой он жаловался на плохую дисциплину среди солдат вверенных ему армий, на их нежелание продолжать войну и призывал участников съезда поддерживать внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, помочь командованию фронта повысить дисциплину среди солдат⁸.

³ Все даты даются по старому стилю.

⁴ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 59, л. 75.

⁵ Там же.

⁶ Самостоятельные большевистские организации возникли во 2-м Южном районе в разное время: в Одессе — в июле 1917 г., на Румынском фронте — в октябре. Время возникновения их в Бессарабии до сих пор не установлено. Однако известно, что вплоть до конца ноября большевики и меньшевики-интернационалисты находились в единой организации.

⁷ Номинально командующим Румынским фронтом являлся румынский король Фердинанд, фактически же командующим был Щербачев.

⁸ «Известия Одесского фронтового и областного съезда Советов солдатских, матросских и рабочих депутатов», от 12 мая 1917 г.; «Летопись революции» (Харьков), 1922, № 1, стр. 172; «Голос революции» (орган Румчерода), от 11 июня 1917 г.

Между большевистски настроенной частью солдат съезда и его большинством развернулась борьба по основным вопросам войны, мира и революции.

Большевики обвиняли командование фронта в том, что оно препятствует образованию солдатских демократических организаций — Советов и комитетов — и долго скрывало от солдат известие о совершившейся в стране революции⁹. Большевистски настроенные солдаты требовали прекращения империалистической войны, заключения демократического мира, передачи земли крестьянам. Разумеется, эти требования были отвергнуты, и съезд принял резолюцию, призывавшую к продолжению войны до победного конца, к поддержке Временного правительства и оказанию ему всеобщего доверия, а разрешение аграрного вопроса резолюция предлагала отложить до Учредительного собрания¹⁰.

Избранный съездом в количестве 127 человек Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа (Румчерод) в большинстве был эсеро-меньшевистским (меньшевиков — 44, эсеров — 32); остальные члены Румчерода принадлежали к другим партиям, часть состояла из беспартийных; большевиков было избрано всего три человека¹¹.

Для ведения текущей работы ЦИК Румчерода выделил исполнительное бюро из 25 человек, в число которых входил весь президиум ЦИК (так называемая председательская коллегия из четырех человек, четыре секретаря, казначей и его помощник). Одновременно ЦИК создал 13 секций: контрольную (она должна была контролировать правительственные и общественные организации), организационную, секцию по подготовке к Учредительному собранию и выборам в органы местного самоуправления, секцию связи с Всероссийским Советом РС и КД, соседними областями, Черноморским флотом и Румынским фронтом, секцию снабжения армии, секцию по борьбе с дезертирством, по организации производства, земельную, продовольственную, транспортную, санитарную, просветительную и техническую¹².

В специальной декларации Румчерод объявил о своих целях и задачах, сводившихся в основном к следующему: объединение работы всех демократических организаций фронта и тыла, установление контроля над всеми местными правительственными, гражданскими, военными, земскими и общественными учреждениями, в том числе торговыми и промышленными предприятиями, и согласование их деятельности по обслуживанию фронта и тыла¹³. Для контроля за фронтом и руководства солдатскими комитетами Румчерод создал специальный орган — Фронтотдел, который находился в Яссах, при штабе Румынского фронта.

На деле вся политика Румчерода была направлена на поддержку контрреволюционных мероприятий Временного правительства и командования Румынского фронта, разрабатывавшего за спиной Румчерода планы подавления революционного движения в армии и в тылу. Фронтотдел принимал все меры к тому, чтобы не допустить проникновения революционного влияния на солдат Румынского фронта, активно участвовал в формировании контрреволюционных ударных частей, специально

⁹ «Одесские новости», от 11 мая 1917 г.; «Солдатская мысль», от 13 и 16 мая 1917 г.; «Голос революции», от 13 июня 1917 г.

¹⁰ «Одесские новости», от 11 мая 1917 г.; «Известия Одесского фронтового и областного съезда», от 19 и 21 мая 1917 г.; «Солдатская мысль», от 22 июня 1917 г.

¹¹ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 59, л. 75.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 57.

предназначавшихся для подавления революционных выступлений на фронте и на территории Молдавии. Уже в июне Румчерод выступил с предложением ввести в армии смертную казнь. Официальный орган Румчерода открыто клеветал на большевистскую партию и призывал к поддержке империалистической политики Временного правительства. Крестьян он убеждал терпеливо ожидать «законного» решения аграрного вопроса и не посягать на имущества помещиков¹⁴.

Румчерод оказал самую действенную поддержку командованию Румынского фронта в подготовке наступления, которое планировалось как составная часть наступления, начатого 18 июня 1917 г. армиями Юго-западного фронта. 19 июня Румчерод принял решение: «немедленно послать на Румынский фронт членов Исполнительного комитета, которые оказали бы моральную поддержку частям, идущим в наступление, а с теми, что отказываются, шли бы в бой»¹⁵.

Однако все усилия Румчерода в этом направлении оказались безуспешными. Большинство солдат фронта не хотело продолжать империалистическую войну и требовало заключения мира. Еще задолго до начала наступления стали учащаться случаи неповиновения офицерам, отказа от выполнения боевых приказов, самовольного ухода с боевых позиций. 23 апреля солдаты 3-го батальона 15-го стрелкового полка IX армии отказались идти на рытье окопов¹⁶. 7 мая солдаты 4-й стрелковой дивизии обезоружили и арестовали командира дивизии генерал-майора Станкевича за грубое обращение с солдатами и плохую организацию питания¹⁷. 17 мая полки 103-й дивизии отказались передвинуться на новые позиции, заявив, что они хотят мира и не желают умирать за чуждые им интересы¹⁸. Вслед за этим 23 мая солдаты 163-й дивизии, расположенной в районе Кагула, арестовали всех своих офицеров.

Все эти факты заставили генерала Щербачева признать, что «между офицерами и солдатами не было связи и взаимного доверия»¹⁹. Подобную же точку зрения высказал начальник 29-го корпуса в своей телеграмме в ставку, где сообщал, что «некоторые начальники утратили власть над вверенными им частями»²⁰. Для подавления выступлений солдат генерал Щербачев направил в Кагул две кавалерийские дивизии, два батальона пехоты, артиллерийскую батарею, броневой дивизион и авиацию.

Позорный провал июньского наступления и расстрел июльской демонстрации в Петрограде, знаменовавший конец двоевластия, послужили одной из основных причин резкого полевения солдатских масс, в том числе и солдат Румынского фронта, процесса освобождения их из-под влияния меньшевиков и эсеров.

По указанию Временного правительства на всех фронтах, в том числе и на Румынском, вводились полевые суды и смертная казнь. Арестовывались большевики и наиболее революционные солдаты²¹. За неисполнение приказов офицеров и военных властей верховное командование категорически требовало немедленного ареста и передачи военному суду, а в случае необходимости — применения оружия. Солдатам запрещалось

¹⁴ «Голос революции», от 11 и 13 июня 1917 г.

¹⁵ «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», № 62, от 1917 г.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 2142, оп. 2, д. 21, лл. 3—5.

¹⁷ Там же, д. 24, л. 4.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 146, л. 45.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 2142, оп. 1, д. 4, л. 18.

²⁰ Там же, л. 31.

²¹ ЦГВИА, ф. 2142, оп. 1, д. 4, лл. 74, 79, 102, 110; ф. 2085, оп. 1, д. 247, лл. 157, 158, 226; ф. 2118, оп. 1, д. 794, лл. 13, 69; ф. 2085, оп. 3, д. 30, л. 18.

лось читать большевистские газеты. Под страхом строжайшего наказания были запрещены митинги и собрания. Советам и комитетам было приказано не вмешиваться в оперативные дела. Во исполнение указанных мер командование Румынского фронта 10 июля расформировало 3-й батальон 5-го стрелкового полка IX армии за проводившуюся там агитацию против наступления, за призывы к неповиновению командному составу, уничтожению офицеров и оставление боевых позиций. Одновременно были расформированы за невыполнение приказов командования 8-я рота 33-го Елецкого пехотного полка, 5-я и 7-я роты 121-го пехотного Пензенского полка и ряд других подразделений²².

Все эти мероприятия не только одобрялись Румчеродом, но и активно поддерживались им. По сообщению газет Румчерод в начале июля одобрил расстрел июльской демонстрации в Петрограде и призвал рабочих, крестьян, матросов к поддержке Временного правительства²³. Вслед за этим Исполком Румчерода полностью одобрил приказ о введении смертной казни и полевых судов, заявив в специальном решении, что «для тех, которые подстрекают солдат не слушаться, должна быть введена смертная казнь. Право выносить смертный приговор в военной обстановке должно быть дано вновь установленным военным судам»²⁴.

Солдаты Румынского фронта ответили на эти меры усилением своей борьбы за прекращение империалистической войны и установление демократического мира. Солдаты 7-го и 21-го стрелкового полков 40-го корпуса выступили с категорическим протестом против введения полевых судов, объявив приказ Керенского о карательных судах контрреволюционным²⁵. Полковой комитет Симферопольского полка 7-го корпуса вынес решение о недоверии всему командному составу корпуса, а солдаты 2-й роты 12-го инженерного полка того же корпуса отстранили от командования ротой капитана Сосновского²⁶. Солдаты 26-го корпуса (IX армии), по признанию командования, враждебно относились к офицерам и требовали окончания войны и заключения демократического мира²⁷.

Большевистские лозунги о войне и мире, о земле, рабочем контроле и другие становились среди солдат фронта все популярнее. По данным командования, решения большевистской партии проникали к солдатам фронта через молодое пополнение, прибывавшее на фронт из центральных районов России²⁸. Так, 13 июля солдаты 11-й и 12-й рот 35-го пехотного Брянского полка 10-го армейского корпуса отказались выполнить боевой приказ о замене Елецкого полка на огневом рубеже, заявив офицерам: «Идите сами», «Не пойдем, довольно воевали», «Пусть отсекут нам головы, а сменять не пойдем»²⁹. О нежелании русских солдат Румынского фронта продолжать империалистическую войну свидетельствуют донесения румынской охраны — сигуранцы. Агенты сигуранцы сообщали в штаб Румынского фронта, что солдаты ряда частей упорно ведут разговор о том, что если в конце августа и в начале сентября не будет заключен мир, то русские солдаты оставят фронт³⁰.

Особенно усилился процесс большевизации частей Румынского фронта после разгрома корниловщины.

²² ЦГВИА, ф. 2142, оп. 2, д. 38, л. 9.

²³ «Бессарабская жизнь», от 8 июля 1917 г.; «Одесские новости», от 7 июля 1917

²⁴ «Солдатская мысль», от 17 июля 1917 г.; ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 402, л. 19.

²⁵ «Известия», от 20 июля 1917 г.

²⁶ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 3, д. 30, лл. 8, 18.

²⁷ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 111, лл. 29—30.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГВИА, ф. 2142, оп. 2, д. 139, лл. 5, 6, 10.

³⁰ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 149, л. 134.

Комиссар IV армии в своем отчете на имя комиссара Румынского фронта сообщал: «Корниловский мятеж переполнил чашу терпения, разутые и голодные солдаты потеряли остатки доверия к командному составу. Полки 49-й пехотной дивизии отказались выполнять боевой приказ командования». Характеризуя положение армии за период с 31 августа по 6 сентября, тот же комиссар писал: «Если падение Риги поставило перед солдатами вопрос о причинах военных неудач русской армии и дальнейших перспективах войны, то после корниловского мятежа солдаты открыто заявляли, что причина неудач кроется в Корнилове и командном составе, которые сознательно довели армию до развала»³¹.

Солдаты частей IV армии требовали строгого наказания участников корниловского заговора и самого Корнилова, установления тщательного контроля за командным составом со стороны демократических организаций, введения выборных комиссаров во всех частях до полков включительно. На солдатских собраниях принимались резолюции о прекращении войны и передаче земли крестьянам. Все решительнее становились требования о выборности командного состава и необходимости массовой чистки офицерского состава³². Почти всех офицеров солдаты считали скрытыми врагами революции. Аналогичная картина наблюдалась и в VI армии. В своем донесении комиссар названной армии указывал, что настроение в частях и подразделениях вверенных ему войск ухудшается, фронтовики требуют мира.

Так например, в 3-й стрелковой дивизии была проведена демонстрация под лозунгом «Долой войну!». Представители французской военной миссии прибыли в дивизию, чтобы уговорить солдат пойти в наступление, но ничего не добились. Один из полков дивизии, Кутаисский, отказался даже принять их³³. Солдаты Либавского полка 2-й пехотной дивизии обвинили командира полка Штюрмера в измене и вынудили его покинуть полк.

30 сентября проходил съезд представителей 33-го корпуса VIII армии. Делегаты от всех частей корпуса привезли с собой указы, в которых солдаты требовали немедленного заключения мира, передачи власти в руки демократии без участия буржуазии, ликвидации тайных договоров, заключенных царским и Временным правительствами, расформирования всех ударных частей, обновления командного состава армии, отмены смертной казни, передачи всех частновладельческих земель в распоряжение земельных комитетов, обложения подоходным налогом крупных капиталистических предприятий.

Съезд избрал делегацию в составе 36 человек, которая должна была поехать в Петроград для вручения специального наказа ВЦИК. По прибытии в столицу прапорщик Васильевский от имени представителей упомянутого корпуса на заседании ВЦИК 9 октября заявил: «Мы, делегаты 33-го корпуса, приехали потребовать от вас прежде [всего] ответа, который мы повезем в окопы, на вопрос, где ваши практические шаги к открытию мирных переговоров? В течение ряда месяцев мы слышали только ваши декларации, слова, — ответьте, где ваши дела?... Мы приехали, чтобы заявить вам, что иначе произойдет катастрофа, вся ответственность за которую падет на вас... Мы, солдаты окопов, ждем от вас ответа»³⁴.

Приезд делегации 33-го корпуса в Петроград и ее настойчивое требование прекращения войны говорят о том, что идея демократического мира, выдвинутая большевиками, все больше овладевала солдатскими мас-

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 583, лл. 103, 104, 105.

³² Там же, лл. 104—105, 115.

³³ Там же, лл. 125, 154.

³⁴ Газ. «Солдат», от 11 октября 1917 г.

сами. Большевики Румынского фронта использовали поездку делегации во ВЦИК для дальнейшего разоблачения соглашателей. Отказ ВЦИК от борьбы за мир наглядно показал фронтовикам, что Временное правительство, опирающееся на эсеров и меньшевиков, не желает и не способно решить ни одного из важнейших вопросов революции. Вернувшиеся из Петрограда делегаты повели активную агитацию среди солдат фронта за свержение Временного правительства.

20 октября, например, состоялось собрание солдат 47-го пехотного полка, где был заслушан доклад делегата 33-го корпуса, приехавшего из столицы. После обсуждения доклада участники собрания приняли резолюцию, в которой указывалось, что Временное правительство не в состоянии вывести страну из тупика, что оно поставило народы России перед пропастью. Солдаты потребовали, чтобы II Всероссийский съезд Советов взял всю полноту власти в свои руки³⁵.

Под действием развернувшейся в 33-м корпусе большевистской агитации, как сообщал генерал-майор Фирсов, «атмосфера сгущается и ежеминутно грозит разразиться в ужасную катастрофу... Боевые приказания подвергаются критике и не исполняются»³⁶.

Таким образом, корниловский мятеж вызвал огромное возмущение и поднял на борьбу с корниловщиной и Временным правительством широкие солдатские и трудящиеся массы всего 2-го Южного района.

29 августа совместное пленарное заседание всех ротных и полковых комитетов бендерского гарнизона, Бендерского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, представителей армейского комитета VI армии, фронтового комитета, Союза моряков Одесского порта в ответ на контрреволюционное выступление Корнилова приняло решение о переходе всей власти в г. Бендеры и Бендерском уезде к Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов³⁷. Вслед за этим Бендерский Совет отстранил от должности комиссара Временного правительства³⁸.

В тот же день состоялось заседание кишиневского гарнизонного Совета солдатских депутатов. Участники заседания требовали немедленного введения выборности командного состава во всех воинских частях, устранения контрреволюционного офицерства из армии, в том числе и из кишиневского гарнизона, и передачи всей власти в руки Советов³⁹. В конце августа в Унгенах, одном из тыловых городов Румынского фронта, был создан Революционный комитет по борьбе со сторонниками Корнилова⁴⁰.

В этих условиях Румчерод для сохранения своего авторитета в массах вынужден был выступить с осуждением корниловского заговора и требованием о наказании Корнилова, хотя на деле всей своей предыдущей деятельностью он объективно способствовал усилению монархистско-корниловских элементов на Румынском фронте.

Не кто иной, как генерал Крымов — один из главных «героев» корниловщины — до похода на Петроград орудовал за спиной Румчерода в Кишиневе в качестве начальника гарнизона⁴¹.

После подавления корниловского мятежа Румчерод, опираясь на солдатские организации Румынского фронта — армейские, корпусные и ди-

³⁵ ЦГВИА, ф. 85, д. 3, л. 102.

³⁶ ЦГВИА, ф. 2244, оп. VI, л. 16, л. 26.

³⁷ ЦГАОР Молдавской ССР, ф. 317, оп. 1, д. 9, л. 96.

³⁸ «Свободная Бессарабия», от 1 сентября 1917 г.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Партархив ЦК КП Молдавии, ф. 49, оп. 19, д. 94, л. 11.

⁴¹ «Свободная Бессарабия», от 11 июля 1917 г.; «Бессарабская жизнь», от 8 июля 1917 г.

визионные комитеты, где господствовали меньшевики и эсеры, продолжал свою контрреволюционную деятельность, помогая Временному правительству бороться с революционным движением на фронте и в тылу.

Румчерод осудил начавшуюся в сентябре всероссийскую забастовку железнодорожников, назвав ее «тяжелым несчастьем», и потребовал от Временного правительства и ЦК железнодорожников ликвидации забастовки любой ценой⁴².

Особенно ярко контрреволюционная деятельность Румчерода проявилась в его борьбе с крестьянским движением на территории Бессарабии. В конце сентября правительство Керенского рассылало один приказ за другим, угрожая крестьянам расправой за самовольный раздел помещичьих земель. В соответствии с этими приказами Румчерод разослал земельным комитетам 2-го Южного района телеграмму, в которой предлагал прекратить самовольный раздел помещичьих земель и возвратить владельцам уже разделенную землю, угрожая в противном случае расправиться с непокорными силой⁴³. Румчерод не ограничился только угрозами. Когда в сентябре начались голодные выступления рабочих и развернулось аграрное движение в Бендерском и Тираспольском уездах Молдавии, он направил туда своих представителей, обязав их силой оружия подавить выступление рабочих и крестьян⁴⁴.

Но из этих попыток ничего не вышло. Большевистски настроенные части румынского фронта, дислоцировавшиеся в Бендерском и Тираспольском уездах, помогали крестьянам отбирать землю у помещиков⁴⁵. В полном бессилии перед развернувшейся крестьянской борьбой за землю Румчерод продолжал рассылать угрожающие телеграммы на места. В одной из таких телеграмм, посланной земельным комитетам в октябре 1917 г., говорилось: «Ввиду полученной телеграммы верховного главнокомандующего Керенского, в которой вновь подтверждается недопустимость насильственных действий при разрешении земельных вопросов, на основании распоряжений Временного правительства, предлагаю немедленно прекратить распределение земли и возвратить им (владельцам. — И. Д.) уже распределенную во всех случаях землю, когда не было достигнуто полного добровольного соглашения между землевладельцами и крестьянами. В случае если соглашение не будет достигнуто и при неповиновении Одесским военным округом будет применена военная сила»⁴⁶. В начале октября Румчерод обратился в штаб Одесского военного округа с просьбой направить в Бессарабию войска для подавления аграрного движения. Штаб округа немедленно откликнулся на эту просьбу, направив в Бессарабию конные части с строжайшим приказом любой ценой защищать помещичьи имения⁴⁷.

Политика Румчерода вызывала все большее разочарование рабочих, крестьян и солдат. Прибывший 15 октября в Одессу представитель солдат Румынского фронта высказался за необходимость свержения Временного правительства и установления власти Советов. Весь фронт, заявил он, за большевиков, а не за Временное правительство⁴⁸. Солдаты 40, 46 и 48-го пехотных полков предложили распустить Румчерод как органи-

⁴² «Бессарабская жизнь», от 28 сентября 1917 г.

⁴³ «Одесский листок», от 27 сентября 1917 г.; «Известия фронтотдела Румчерода», от 29 сентября, от 30 сентября, от 3 октября 1917 г.

⁴⁴ «Известия фронтотдела Румчерода», от 29 сентября 1917 г.

⁴⁵ «Известия фронтотдела Румчерода», от 3 октября 1917 г.

⁴⁶ «Одесский листок», от 27 октября 1917 г.

⁴⁷ «Одесские новости», от 4 октября 1917 г.

⁴⁸ «Коммунист», 1923, № 23, стр. 26.

зацию, не отражавшую интересы революционных масс⁴⁹. Вслед за этим на состоявшемся 22 октября митинге солдаты 49-го запасного пехотного полка приняли резолюцию, которая требовала передачи всей власти в руки Советов, вооружения революционных войск, создания народной милиции для спасения революции, расформирования контрреволюционных гарнизонов и изгнания из комитетов эсеров и меньшевиков⁵⁰.

Однако процесс большевизации солдат Румынского фронта, несмотря на его интенсивный характер, к кануну Октябрьской революции далеко не завершился. Значительная часть солдат-фронтовиков еще оказывала поддержку соглашательским партиям, особенно эсерам.

В замедлении этого процесса большую роль играло то обстоятельство, что большевики 2-го Южного района продолжали оставаться в единой организации с меньшевиками и допускали в связи с этим серьезные ошибки.

На VI съезде партии Я. М. Свердлов доложил о факте блокирования большевиков Одесского района с оборонцами⁵¹. В принятой резолюции съезд потребовал от всех большевистских организаций самого резкого разоблачения меньшевиков-оборонцев, полного и решительного разрыва с меньшевиками-империалистами⁵².

Несмотря на это директивное указание съезда, многие большевистские организации 2-го Южного района продолжали блокироваться с соглашателями.

10—11 августа 1917 г. в Одессе происходило совещание объединенных социал-демократических организаций, в котором участвовали представители Бессарабской, Херсонской и Таврической губерний. В принятой резолюции говорилось о всемерной поддержке Временного правительства и необходимости продолжения войны до победного конца⁵³. С 1-го по 3-е октября проходила конференция социал-демократических организаций Румынского фронта, в которой приняли участие социал-демократы всех направлений, начиная от открытых меньшевиков-империалистов и кончая большевиками. Большевики дали согласие на общий список кандидатов в Учредительное собрание в числе 20 человек, из которых большевиков было только четверо⁵⁴. На этой же конференции эсеро-меньшевистский Румчерод протасил резолюцию, осуждавшую созыв II Всероссийского съезда Советов.

В связи с неправильным поведением большевиков Румынского фронта по отношению к соглашательским партиям Центральный Комитет РСДРП(б) на своем историческом заседании 10 октября принял решение, где было сказано, что, считаясь с постановлением VI съезда, допускавшим блоки лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма и на деле порвавшими с оборонцами, ЦК постановил, что никакие блоки с оборонцами недопустимы⁵⁵. Тогда же был аннулирован совместный список в Учредительное собрание большевиков с оборонцами. Это решение исправило допущенную большевиками Румынского фронта ошибку и

⁴⁹ «Маленький одесский листок», от 26 октября 1917 г.

⁵⁰ «Солдатская мысль», от 24 октября 1917 г.

⁵¹ См. «Протоколы VI съезда РСДРП (большевиков), М.—Пг., 1919, стр. 35.

⁵² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 71-е, Госполитиздат, 1953, ч. I, стр. 388.

⁵³ «Голос революции», от 17 августа 1917 г.

⁵⁴ «Вестник IV армии», от 14 и 18 октября 1917 г.; «Революция 1917 г.», т. V, М.—Л., 1926, стр. 20. По другим источникам было пять большевиков.

⁵⁵ «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, Партиздат ЦК ВКП(б), 1933, стр. 315. См. также В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XXI, стр. 493 (Приложения).

ускорило их организационный разрыв с меньшевиками, завершившийся в октябре созданием самостоятельной организации.

Исторические декреты о мире и земле, принятые II Всероссийским съездом Советов, сыграли решающую роль в процессе большевизации масс в районе деятельности Румчерода.

Уже 26 октября собрание Совета военно-черноморской организации Одесского порта заявило, что власть должна принадлежать только Советам, что матросы не желают никаких соглашений с врагами демократии и заявляют, что все те, кто захочет посягнуть на власть народа, встретят с их стороны сокрушительный отпор⁵⁶.

6 ноября в Севастополе открылся I общечерноморский флотский съезд, который в своем решении заявил: «Заслушав и обсудив доклад о втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов при участии крестьянских депутатов и прения по текущему моменту, Черноморский флотский съезд признает позицию, занятую съездом в вопросе о переходе всей власти к Советам вполне правильной. Признавая II Всероссийский съезд Советов вполне правомочным, Черноморский флотский съезд считает вновь избранный Центральный исполнительный комитет Всероссийского съезда Советов единственным источником власти...»⁵⁷.

С большой радостью встретили также победу Великой Октябрьской социалистической революции солдаты Румынского фронта. 28 октября солдаты 165-й и 32-й дивизий VIII армии заявили о своей полной поддержке петроградских рабочих и солдат. В докладе Ставке Румынского фронта комиссар IX армии сообщал, что солдаты многих частей армии, получив известие о победе октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, приняли решение о передаче всей власти Советам. Во многих частях 29-го корпуса были арестованы офицеры. По свидетельству комиссара, полки 3-й Туркестанской дивизии были сплошь большевистскими; солдаты стали изгонять из комитетов эсеров и меньшевиков и заменять их большевиками⁵⁸.

27 октября на объединенном собрании Одесского Совета рабочих, крестьянских и матросских депутатов представители Авиационного парка, 7-й тыловой артиллерийской мастерской Румынского фронта и 479-й дружины заявили, что их общие собрания приветствуют выступление большевиков и переход власти к Советам, что они готовы защищать Советское правительство с оружием в руках. На этом же собрании представители морского и железнодорожного батальонов выступили с протестами против предательской деятельности Румчерода⁵⁹.

В то же время контрреволюционные силы 2-го Южного района и Румынского фронта в лице помещиков и буржуазии, генералитета и большей части офицеров, различного рода буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, в том числе и Румчерода, поддерживаемые англо-французскими империалистами и румынскими боярами, встретили Октябрьскую революцию бешеным сопротивлением, стремясь не допустить ее победы на фронте и в тылу.

25 октября штаб Одесского военного округа издал приказ о запрещении всяких уличных собраний на территории округа⁶⁰. 26 октября киши-

⁵⁶ «Солдатская мысль», от 29 октября 1917 г.

⁵⁷ Сб. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», Киев, 1951, стр. 158.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 3, д. 106, лл. 12, 16.

⁵⁹ Сб. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 152—153.

⁶⁰ «Маленькие одесские новости», от 27 октября 1917 г.

невский эсеро-меньшевистский Совет осудил октябрьский переворот в Петрограде и призвал рабочих, крестьян и солдат встать на защиту Учредительного собрания. В тот же день Кишиневская городская дума приняла решение о неподчинении Советской власти⁶¹.

30 октября в Одессе открылся съезд «ударных батальонов» Румынского фронта, в котором приняли участие бывшие комиссары Временного правительства. Съезд постановил создать для борьбы с Советской властью «комитет активной обороны страны», в который вошли эсеры, меньшевики, представители буржуазии и союза георгиевских кавалеров, комиссары свергнутого Временного правительства⁶².

Резко враждебно встретил Октябрьскую революцию Румчерод, за исключением его небольшого меньшинства, состоявшего из большевиков, меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров⁶³. Сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде Румчерод заявил, что он не признает власти Совета народных комиссаров и принятых II съездом Советов декретов о земле и мире и не допустит революционных выступлений ни в армии и флоте, ни в тылу⁶⁴.

Прикрываясь демагогической фразой о «защите» революции, Румчерод разослал по всему 2-му Южному району и в части Румынского фронта телеграмму, которая на деле являлась призывом к свержению Советской власти и сохранению в стране господства помещиков и буржуазии. «Нами получены сведения, — говорилось в телеграмме, — о начавшемся вооруженном восстании частей петроградского гарнизона, организованном большевиками. Румчерод полагает, что в настоящий грозный момент, когда по всей стране растет контрреволюционное движение, старающееся использовать недовольство широких масс, вызванное продовольственной разрухой, когда судьбы революции находятся в страшной опасности и когда все усилия демократии должны быть направлены к своевременному созыву Учредительного собрания, которое одно должно разрешить вопросы о войне и мире и о будущем устройстве республики Российской, никакие выступления не могут, не должны быть допускаемы»⁶⁵.

Не ограничиваясь этим, Румчерод, с согласия комиссара Румынского фронта, сформировал для борьбы с выступлениями трудящихся масс 2-го Южного района и солдат Румынского фронта вооруженный отряд особого назначения в 3 тыс. человек из отборных корниловцев. Для этой же цели предполагалось использовать регулярные строевые части, находившиеся в Одессе.

Наряду с этим контрреволюционные силы фронта развернули упорную борьбу за завоевание на свою сторону солдатских масс. О значении этой борьбы можно судить по тому, что представлял собой Румынский фронт накануне Октябрьской революции. В состав фронта входили четыре армии (IV, VI, VIII. и IX) общей численностью около 1,5 млн. солдат и офицеров, которые по армиям распределялись следующим образом. IV армия — 392 119, VI армия — 304 164, VIII армия — 360 493, IX армия — 377 209 — всего 1 433 985 человек⁶⁶.

⁶¹ «Свободная Бессарабия», от 27 октября 1917 г.; «Сфатул-Цэрий», от 8 декабря 1917 г.; ЦГИА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 9124, лл. 218, 220.

⁶² «Одесские новости», от 18 ноября 1917 г.; ЦГАОР, ф. 393, оп. 25, д. 25, л. 4.

⁶³ «Известия Одесского Совета», от 21 ноября 1917 г.; «Одесские новости», от 31 октября 1917 г.

⁶⁴ Одесский областной партийный архив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, л. 21; ЦГВИА, ф. 69, д. 33, л. 101.

⁶⁵ «Бессарабская жизнь», от 27 октября 1917 г.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 69, д. 29, л. 11.

Эсеры и меньшевики совместно с командованием Румынского фронта стали создавать фальшивые «революционные», а на деле контрреволюционные организации. Комиссар Румынского фронта правый эсер Тизенгаузен совместно с фронтотделом Румчерода при полном одобрении генерала Щербачева организовал 26 октября так называемый Военно-революционный комитет Румынского фронта из 10 человек, куда вошли Тизенгаузен, помощник комиссара фронта правый эсер Андрианов, председатель фронтотдела Румчерода правый эсер Лордкипанидзе и др. Председателем комитета был избран Лордкипанидзе⁶⁷.

Практическая деятельность эсеров-меньшевистского «военно-революционного» комитета была направлена на борьбу с большевистскими организациями и солдатскими Советами и комитетами, стоявшими на большевистских позициях, на восстановление власти Временного правительства.

Комитет начал свою работу с организации подобных же «военно-революционных» комитетов во всех частях фронта; этим комитетам было предложено взять всю полноту власти в свои руки, установить контроль над почтой, телеграфом и телефоном, задерживать все директивы Советского правительства. Специальным распоряжением «военно-революционного» комитета фронта было предложено всем бывшим комиссарам Временного правительства и командованию Румынского фронта оставаться на своих местах и исполнять попрежнему свои обязанности⁶⁸.

Для борьбы с революционным движением в частях Румынского фронта «военно-революционный» комитет совместно с командованием стал формировать так называемую «свободную дивизию»⁶⁹ Специальной телеграммой генерал Щербачев и «военно-революционный» комитет фронта предложили командирам корпусов выделить в эту дивизию по 250 «отборных» солдат. Каждый предполагавшийся к отправке в «свободную дивизию» солдат должен был предварительно пройти тщательную политическую проверку и персональное утверждение корпусным комитетом. Ясно, что эта директива имела целью сформировать дивизию из наиболее контрреволюционных элементов.

Стремясь обеспечить себе опору в широких солдатских массах Румынского фронта, Румчерод и «военно-революционный» комитет созвали с этой целью в г. Романи 30 октября экстренный фронтовой съезд. Из 135 делегатов эсеров было 80, меньшевиков — 40, большевиков — 15. Председателем съезда был избран правый эсер Лордкипанидзе.

Основными вопросами съезда были текущий момент и о созыве Учредительного собрания. Инициаторы съезда возлагали на него большие надежды. Эсеры и меньшевики полагали, что солдаты Румынского фронта выскажут отрицательное отношение к Советской власти и встанут на защиту свергнутого Временного правительства.

Выступивший с программной речью помощник комиссара Румынского фронта правый эсер Андрианов призвал к беспощадной борьбе с большевиками и их сторонниками, отверг лозунг «Вся власть Советам», выдвинув в противовес ему эсерово-меньшевистскую платформу созыва Учредительного собрания⁷⁰.

На съезде разгорелась ожесточенная борьба между эсерово-меньшевистским большинством и делегатами-большевиками. Эсеры и меньшевики,

⁶⁷ «Известия Одесского Совета», от 28 октября 1917 г.; ЦГВИА, ф. 69, д. 33, л. 101; «Солдатская мысль», от 28 октября 1917 г.

⁶⁸ «Известия фронтового отдела Румчерода», от 27 октября 1917 г.

⁶⁹ Там же; ЦГВИА, ф. 69, д. 33, лл. 101, 103; ф. 2085, оп. I, д. 255, л. 216.

⁷⁰ «Известия фронтотдела Румчерода», от 1 ноября 1917 г.

пользуясь своим большинством, сформировали «новый» «военно-революционный» комитет Румынского фронта, в состав которого вошли правые эсеры Андрианов, Лордкипанидзе и Хаджи-Лазарь, от меньшевиков — Веселков, Подлыгач и др. Большевики отказались включить своих представителей в комитет⁷¹.

По окончании съезда «военно-революционный» комитет и Румчерод обратились к солдатам, матросам, рабочим и крестьянам Румынского фронта и 2-го Южного района с призывом не исполнять никаких распоряжений Совета народных комиссаров.

18 ноября Румчерод созвал областной съезд Советов 2-го Южного района⁷², в котором приняли участие делегаты от Николаева, Балты, Евпатории, Голты, Екатеринослава и других городов.

Основная борьба между революционной частью съезда и его эсеро-меньшевистским и буржуазно-националистическим большинством разгорелась по вопросу об отношении к Советскому правительству и декретам II съезда Советов и организации власти во 2-м Южном районе⁷³. Революционные представители Черноморского флота и ряда гарнизонов в своих выступлениях самым резким образом осудили Румчерод, объявив его политику противоречащей интересам солдат и матросов, и заявили, что считают единственно законной властью Совет народных комиссаров⁷⁴. Однако и на этом совещании эсеро-меньшевистское большинство провело резолюцию о непризнании власти Совнаркома⁷⁵.

Из-за отсутствия кворума ЦИК Румчерода не был переизбран. В связи с этим было принято решение о созыве нового, второго съезда⁷⁶.

Несмотря на то, что на этих двух съездах эсеры и меньшевики одержали победу, положение Румчерода в действительности было уже непрочным, так как его влияние на солдат, матросов и трудящиеся массы резко упало. Это особенно ярко сказалось в ходе и итогах выборной кампании на второй съезд Советов Румынского фронта, Черноморского флота и 2-го Южного района, проходившей в условиях дальнейшей большевизации солдатских и трудящихся масс, огромного роста среди них авторитета большевиков.

Большевистская организация Румынского фронта развернула упорную борьбу за изгнание соглашателей из Советов и комитетов. Под ее непосредственным руководством в ноябре 1917 г. в частях Румынского фронта стали создаваться, в противовес меньшевистско-эсеровским «военно-революционным» комитетам, большевистские военно-революционные комитеты, которые полностью становились на платформу Советской власти и признания власти Совета народных комиссаров. Уже большинство солдат поддерживало большевиков и требовало осуществления декретов II Всероссийского съезда Советов. О сильном росте большевистского влияния среди солдат Румынского фронта в ноябре 1917 г. свидетельствуют различные сводки и донесения штабов частей и соединений.

Согласно этим донесениям, настроение солдат 11-го корпуса VIII армии было большевистским⁷⁷. Солдаты 467-го Кинбургского полка признали власть Совнаркома и создали свой, новый, действительно револю-

⁷¹ «Известия фронтотдела Румчерода», от 2 и 3 ноября 1917 г.

⁷² Съезд был объявлен совещанием из-за отсутствия кворума: на съезде присутствовало немногим более 100 делегатов.

⁷³ «Известия Одесского Совета», от 21 ноября 1917 г.

⁷⁴ «Красный архив», 1932, т. IV, стр. 65—69.

⁷⁵ «Известия Одесского Совета», от 21 ноября 1917 г.

⁷⁶ «Известия Одесского Совета», от 24 ноября 1917 г.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 2134, оп. 1, д. 1048, л. 42—42 об.

ционный комитет⁷⁸. 16 ноября военно-революционный комитет 36-го корпуса на объединенном заседании с президиумом корпусного комитета потребовал от ВРК Румынского фронта признать власть Совета Народных Комиссаров⁷⁹.

В тот же день в Хотине открылся съезд революционных комитетов полков, бригад, дивизий 33-го армейского корпуса, который обсудил следующие вопросы: об отношении к власти, об организации военно-революционных комитетов на новых началах, о переизбрании армейских организаций и смене командного состава, об ударных батальонах и др.

Съезд принял решение о передаче всей власти Советам и постановил не признавать эсеров-меньшевистские военно-революционные комитеты и провести их перевыборы в ближайшие дни. Одновременно съезд потребовал отстранить всех комиссаров Временного правительства и заменить их выборными комиссарами. Было принято также решение о расформировании ударных батальонов, созданных с контрреволюционными целями⁸⁰.

25 ноября в 14-м Заамурском пограничном полку вся власть перешла в руки нового военно-революционного комитета, установившего контроль за деятельностью офицеров полка. Все распоряжения были действительны и исполнялись только тогда, когда под ними стояла подпись военно-революционного комитета. Лица, отказавшиеся подчиниться комитету, немедленно арестовывались⁸¹. 27 ноября комитет заявил, что он готов выполнять любые приказы Совета Народных Комиссаров⁸².

Отражая эти настроения солдатских масс, представитель Румынского фронта Фокин, выступая 6 ноября на заседании ВЦИК Советов в Петрограде, от имени солдат фронта огласил следующую резолюцию: «Обсудив все положение, мы торжественно приветствуем петроградский гарнизон, пролетариат, Петроградский Совет РСД, РСДРП(б), а также Петроградский Совет крестьянских депутатов и передаем свою солидарность перехода власти правительству Советов». В своем выступлении Фокин осудил деятельность тех солдатских комитетов, которые продолжали поддерживать свергнутое Временное правительство, и заявил, что они не отражают интересов солдатских масс⁸³.

О переходе солдат Румынского фронта на сторону Советской власти убедительно свидетельствуют проходившие во второй половине ноября и начале декабря 1917 г. армейские съезды IV, VI, VIII и IX армий, на которых абсолютное большинство участников стояли на большевистской платформе. По всем важнейшим вопросам момента (признание власти Совета Народных Комиссаров и декретов II Всероссийского съезда Советов, выборное начало в армии, об отношении к Учредительному собранию, о демобилизации и продовольственном снабжении армии и др.) съезды, несмотря на сопротивление эсеров и меньшевиков, принимали большевистские решения, посылали приветственные телеграммы Совнаркому и В. И. Ленину. Решениями съездов смещались старые, избирались новые командующие армиями, а также комиссары армий, создавались военно-революционные комитеты⁸⁴.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 2244, оп. 6, д. 16, л. 159.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. 2085, д. 8, л. 13.

⁸⁰ ЦГВИА, ф. 2244, оп. 1, д. 567, л. 526.

⁸¹ ЦГВИА, ф. 2224, оп. 6, д. 16, л. 122.

⁸² Там же, л. 120.

⁸³ «Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», М., 1918, стр. 36.

⁸⁴ «Известия фронтотдела Румчерода», от 27, 28, 29 ноября 1917 г.; «Одесские новости», от 23 ноября 1917 г.; «Пролетарская революция», 1926, № 11, стр. 237—243; ЦГВИА, ф. 79, д. 2, лл. 1—4, 6, 8—12, 29; ф. 69, д. 33, л. 112.

Чрезвычайно важную роль в дальнейшей большевизации Румынского фронта и всего 2-го Южного района сыграла большевистская конференция Румынского фронта, проводившая свою работу в Кишиневе с 27 по 30 ноября.

На эту конференцию Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров прислали своих представителей, которые передали важнейшие директивы ЦК и СНК по борьбе за установление Советской власти в Бессарабии и на Румынском фронте.

Конференция предложила всем большевистским организациям фронта и тыла оказывать всеми силами помощь представителю ЦК и СНК Симону в осуществлении им директив Советского правительства. Конференция предложила также большевикам Молдавии выйти из объединенной Бессарабской организации, разорвать всякие связи с меньшевиками.

В своих решениях конференция отметила рост большевистского влияния на местах и поставила перед большевиками задачу—вырвать Румчерод из-под влияния меньшевиков и эсеров и превратить его в подлинно революционную организацию, стоящую на платформе Советской власти. «Румчерод и его фронтовой отдел, — говорилось в решении конференции, — являются организациями, абсолютно не выражающими мнение и настроение Румынского фронта, и по своей деятельности являются явно контрреволюционным учреждением, и только проведение в исполнительный комитет Румчерода представителей социал-демократической партии большевиков может обеспечить ему широкое поле плодотворной деятельности, а на фронте — сочувствие солдатских масс. Для той же цели конференция выражает пожелание, чтобы товарищи на местах приложили самые энергичные усилия для проведения на предстоящем областном съезде (Румчерода. — *И. Д.*) членов нашей партии, и считает необходимым послать из своего состава представителей в числе 10, снабдив их мандатами на право решающего голоса. Далее конференция находит, что в интересах борьбы с контрреволюцией товарищи на местах обязаны проявлять энергичную инициативу в духе декретов Советского правительства и всеми силами стремиться к насаждению и укреплению власти Народных Комиссаров во всех областях фронтовой жизни»⁸⁵.

Большевизация Румынского фронта позволила большевикам фронта поставить вопрос о смещении с поста генерала Щербачева. С этой целью, по указанию большевистской конференции, предполагалось 10 декабря созвать съезд всех армейских военно-революционных комитетов Румынского фронта для избрания нового главнокомандующего⁸⁶.

В условиях бурного роста революционного движения на Румынском фронте проходили выборы делегатов на II съезд Румчерода. В разгаре этой избирательной кампании на помощь большевикам 2-го Южного района ЦК партии и Совет Народных Комиссаров направили группу агитаторов во главе с Володарским, в которую, помимо других, входили также кронштадтские матросы — участники вооруженного восстания в Петрограде⁸⁷. В. Володарский, исполняя директиву ЦК и СНК о необходимости превращения Румчерода в орган борьбы за установление Советской власти во 2-м Южном районе, развернул большую агитационно-массовую работу. Он создал агитколлектив, который проводил свою работу среди рабочих, солдат и матросов. Большевистские агитаторы разъясняли массам значение программы Советского правительства и декретов, при-

⁸⁵ «Сфатул-Цэрий», от 1 декабря 1917 г.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 79, д. 2, л. 12.

⁸⁷ «Одесские новости», от 6 декабря 1917 г.

нятых II съездом Советов, призывали их передать всю полноту власти Советам ⁸⁸.

По указанию Одесской большевистской организации, большевики — члены Румчерода организовались во фракцию, которую возглавили Старостин и Хмельницкий. Создание фракции способствовало работе по разоблачению политики Румчерода в глазах масс и сколачиванию вокруг большевиков актива из рабочих, крестьян, солдат и матросов ⁸⁹.

В результате большой организационной и агитационно-массовой работы, проделанной большевиками, солдаты ряда частей Румынского фронта стали направлять в качестве своих делегатов на II съезд Румчерода большевиков и их сторонников, давая им наказы всемерно поддерживать деятельность Советского правительства. Так, например, солдаты 26-й пехотной дивизии в своем наказе делегатам писали: «Мы, солдаты 26-й пехотной дивизии, приветствуем выдвинутую народом власть в лице Советов Народных Комиссаров, которую всеми силами будем поддерживать. Приветствуя сделанный шаг к скорейшему заключению демократического мира, мы, солдаты 26-й пехотной дивизии, заявляем, что будем напрягать все усилия к осуществлению такового и с своей стороны не допустим никаких дезорганизационных попыток, могущих сорвать приближающийся мир. Видя в лице Корнилова, Каледина и других убийц нашей молодой свободы и революции, явно стремящихся ввергнуть нас во власть царизма, мы категорически заявляем, что они дойдут до своей цели только через наши трупы» ⁹⁰.

29 ноября, накануне II съезда Румчерода, состоялся съезд солдат-крестьян частей, подчиненных начальнику военных сообщений армий Румынского фронта. Значительное большинство делегатов съезда были большевики и их сторонники. Обсудив вопрос о политическом положении в стране, солдаты приняли решение, в котором говорилось: «Признаем действия коалиционного правительства в течение 8 месяцев явно изменческими. Не считаясь с Советами, оно преступно тормозило деятельность Советов и земельных комитетов и довело трудовой народ до безвыходного положения... Съезд постановил:

1) Приветствуем Народных Комиссаров, взявших на себя обязанность провести намеченную программу второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

2) Протестуем против всех саботажных классов, которые осмеливаются сорвать мирные переговоры, начатые Народными Комиссарами.

3) Признаем только Народных Комиссаров, ставку Керенского и Терещенко считаем преступной, противоречащей интересам трудового крестьянства и рабочей демократии.

4) Признаем декрет о земле в силе, просим все военные организации способствовать быстрому проведению его в жизнь.

5) Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в центре и на местах.

6) Протестуя против постановления Румчерода, оскорбляющего действия Народных Комиссаров ⁹¹.

съезд выражает недоверие политической деятельности Румчерода» ⁹².

⁸⁸ Одесский партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, лл. 6, 40.

⁸⁹ «Летопись революции», 1927, № 4, стр. 96.

⁹⁰ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 335—336.

⁹¹ Речь идет о постановлении от 20 ноября 1917 г. с отказом признать власть СНК.

⁹² «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 334—335.

Исходя из того, что выборы делегатов на 2-й съезд Румчерода проходили в условиях усиленного процесса большевизации солдат Румынского фронта и трудящихся масс всего 2-го Южного района, Советское правительство потребовало от Румчерода признать Советскую власть и ее декреты. После отказа Румчерода выполнить это требование Совет Народных Комиссаров 3 декабря 1917 г. отдал распоряжение о роспуске Румчерода⁹³.

Процесс большевизации Румынского фронта и трудящихся масс 2-го Южного района вызвал большую тревогу в стане внутренней и внешней контрреволюции. Ставка Румынского фронта при поддержке украинских и молдавских буржуазных националистов, а также эсеров и меньшевиков лихорадочно готовилась к борьбе с пролетарской революцией.

В Яссы стягивались контрреволюционные части, состоявшие из «батальонов смерти» и казачьих полков⁹⁴. Одновременно спешно проводились расформирование революционных частей и организация частей по национальному признаку.

В конце ноября Духонин, Щербачев и Центральная рада договорились о слиянии Румынского и Юго-западного фронтов в один Украинский фронт во главе с Щербачевым⁹⁵. Все эти мероприятия имели целью дезорганизовать фронт и разобщить его революционные силы.

2 декабря эсерово-меньшевистский «военно-революционный» комитет Румынского фронта постановил реорганизовать все фронтовые комиссариаты. Вместо комиссаров свергнутого Временного правительства был введен институт так называемых национальных и областных комиссаров соответственно тем национальным и областным частям, которые формировались на фронте⁹⁶. Для руководства этим институтом был учрежден специальный комитет, в состав которого входили меньшевики и эсеры⁹⁷.

В этой обстановке армейские большевики развернули усиленную борьбу за установление Советской власти в районе Румынского фронта. 2 декабря состоялось совещание представителей фронтового комитета большевиков яесского и сокольского гарнизонов, представителей IV и IX армий, исполкомов района железнодорожников, Одесского комитета большевиков и Совета Народных Комиссаров⁹⁸. Совещание признало власть Совета Народных Комиссаров и решило установить Советскую власть на Румынском фронте в лице вновь сформированного большевистского фронтового военно-революционного комитета. Об этом решении в тот же день большевистский военно-революционный комитет Румынского фронта оповестил в специальном воззвании к солдатам, рабочим и крестьянам⁹⁹.

В ночь на 3 декабря большевистский военно-революционный комитет предложил сложить полномочия эсерово-меньшевистскому военно-революционному комитету. Ввиду отказа последнего его члены, а также комиссар фронта Тизенгаузен были арестованы и большевистский военно-революционный комитет объявил себя высшей властью Румынского фронта¹⁰⁰.

Это была величайшая победа революции на фронте. Однако революционный комитет не проявил достаточной решительности и не повел солдат-

⁹³ Одесский обл. парт. архив, ф. 2, оп. 2—4, д. 42, л. 228.

⁹⁴ Там же, д. 1, л. 16.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 79, д. 1, л. 22; «Свободная Бессарабия», от 17 декабря 1917 г.; «Революция 1917 г.», т. VI, М. — Л., 1930, стр. 197.

⁹⁶ На Румынском фронте были созданы национальные и областные части украинские, молдавские, грузинские, армянские, белорусские, польские, сибирские казахи и др. (ЦГВИА, ф. 2085, оп. 2, д. 128, лл. 7, 8, 15—17).

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 2085, оп. 1, д. 177, л. 127.

⁹⁸ «Пролетарская революция», 1926, № 11, стр. 237—243.

⁹⁹ И. А. Пшук. Указ. соч., стр. 83.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 79, д. 1, лл. 8—9; «Свободная Бессарабия», от 8 декабря 1917 г.

ские массы в наступление против сил контрреволюции; по существу он занял оборонительную позицию и тем самым дал противнику возможность собрать свои силы.

Щербачев совместно с «национальными комиссарами», эсерами и меньшевиками, стянув в Яссы значительное количество контрреволюционных сил, в ночь с 3 на 4 декабря арестовал часть большевистского военно-революционного комитета, после чего последовало объявление национальных комиссаров о том, что вся власть переходит в их руки¹⁰¹. Орган национальных комиссаров «Вестник национальных и областных комиссаров Румынского фронта» развернул бешеную контрреволюционную агитацию против Советской власти, не гнушаясь клеветой и измышлениями по адресу большевистской партии и Советского правительства.

Борьба на Румынском фронте между силами революции и контрреволюции принимала все более напряженный характер. Оставшаяся на свободе часть членов большевистского военно-революционного комитета, собравшись на станции Сокола (в 4 верстах от г. Яссы), вновь объявила себя высшим органом власти на Румынском фронте¹⁰². После этого большевистский военно-революционный комитет сразу же направил своих представителей во все армии фронта, поручив им поднять солдатские массы на борьбу с контрреволюцией. В помощь большевикам фронта Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров направил группу комиссаров во главе с С. М. Рошалем.

С приездом этих комиссаров позиции большевистского военно-революционного комитета настолько усилились, что Щербачев вынужден был начать с ними переговоры. Он предложил комитету договориться с национальными комиссарами и выработать с ними условия прекращения борьбы. Это был маневр, рассчитанный на выигрыш времени и арест большевистского военно-революционного комитета. Последний безусловно допустил вновь грубую ошибку, согласившись на переговоры. Ошибка усугублялась еще тем, что именно в этот момент революционная борьба солдатских масс Румынского фронта достигала наибольшего размаха, и если бы ВРК вместо переговоров пошел на самые решительные действия, полная победа Советской власти на фронте была бы обеспечена. Однако военно-революционный комитет не использовал этой благоприятной обстановки, попавшись на удочку врага.

Переговоры открылись 7 декабря на квартире генерала Щербачева, а уже на другой день, 8 декабря, военно-революционный комитет вместе с Рошалем был арестован¹⁰³. Одновременно были арестованы большевистские революционные комитеты IV и IX армий¹⁰⁴. Тем самым румынский фронт лишился революционного руководства.

Щербачев знал, что его контрреволюционные меры встретят серьезное сопротивление со стороны революционных солдат, и поэтому провел большую предварительную подготовку: перераспределил фронтовые части по национальному и областному признаку, ввел в районе г. Яссы и ст. Сокола отборные румынские военные части, которые помогали осуществлять его

¹⁰¹ «Свободная Бессарабия», от 8 декабря 1917 г.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Будучи арестован Щербачевым, Рошаль был отправлен им в Румынию, где был зверски замучен сигурандой. Труп Рошаля был обнаружен в окрестностях г. Яссы. Никаких официальных сообщений о его смерти ни румынские власти, ни ставка Щербачева не сделала (ЦГВИА, ф. 2085, д. 13, лл. 37—43; «Бюллетени бюро военных комиссаров». № 4, январь 1918 г.; «Революция 1917 г.», т. VI, стр. 311).

¹⁰⁴ «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 440; ЦГВИА, ф. 2244, оп. 6, д. 18, л. 239; ф. 2210, оп. 8, д. 6, л. 105.

контрреволюционный план. Не ограничиваясь этим, Щербачев добивался деморализации революционных солдат. С этой целью он проводил разоружение многих частей фронта, прекратил доставку армиям фуража, продовольствия и обмундирования. Вполне естественно, что все эти меры привели к дезорганизации войск. Целые подразделения и части оставляли окопы и двигались в тыл ¹⁰⁵. Но двигались не боевые единицы, а неорганизованные толпы измученных солдат, у которых была одна мысль — скорее добраться до родины. Именно в условиях начавшейся дезорганизации фронта Щербачеву удалось осуществить контрреволюционный переворот.

* *
*

В этих трудных и сложных условиях политической борьбы, развернувшейся во 2-м Южном районе, 10 декабря 1917 г. в Одессе открылся II съезд Румчерода, продолжавший свою работу до 23 декабря. На съезд прибыло 1090 делегатов, из которых 859 было от Румынского фронта и 231 делегат от 2-го Южного района. По партийному составу делегаты распределялись следующим образом:

Партийность	Фронт	Район	Всего
Большевики	350	46	396
Левые эсеры	187	33	220
Правые эсеры	122	65	187
Меньшевики	50	18	68
Украинские эсеры	60	14	74
Украинские социал-демократы	4	2	6
Другие партии	15	11	26
Беспартийные	45	31	76
Итого	833	220	1053

В президиум съезда было избрано восемь большевиков, пять левых эсеров, три правых эсера, один меньшевик, один украинский эсер, один беспартийный ¹⁰⁶. Председателем съезда был избран большевик Старостин ¹⁰⁷. От имени и по поручению Советского правительства съезд приветствовал В. Володарский.

Анализ партийного состава съезда показывает, что соотношение сил на нем, в отличие от I съезда и ноябрьского совещания, изменилось в пользу большевиков. Большевицкая фракция была самая многочисленная, а блок с левыми эсерами обеспечивал им твердое большинство.

Блок с левыми эсерами на съезде был частью того общего блока, на который пошло Советское правительство, исходя из конкретно-исторической обстановки, сложившейся после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Как известно, большевики пошли на блок с левыми

¹⁰⁵ «Свободная Бессарабия», от 9 декабря 1917 г.

¹⁰⁶ «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», от 12(25) декабря 1917 г.; «Маленькие одесские новости», от 12 декабря 1917 г.; «Одесские новости», от 12 декабря 1917 г.; Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, лл. 1—2, 40. Данные о партийном составе относятся к моменту открытия съезда, а количественный состав относится ко всем делегатам, в том числе и к опоздавшим к открытию съезда.

¹⁰⁷ Старостин — один из активных деятелей большевистского Румчерода — был затем убит во время гражданской войны в Севастополе (см. «Летопись революции», 1926, № 5(20), стр. 29).

эсерами потому, что еще значительная часть трудящегося крестьянства верила им и политика блока являлась в то время лучшим средством отрыва от них этих слоев, с одной стороны, ослабления и разобщения сил контрреволюции — с другой. В свою очередь левые эсеры пошли на этот блок с целью сохранить свое влияние в крестьянских и мелкобуржуазных массах, которые неминуемо отвернулись бы от них, если бы они попрежнему сохранили единство с правыми эсерами, продолжали борьбу с Советской властью и выступали против декретов II съезда Советов, которые весь народ воспринял с величайшей радостью и надеждой.

Большевистская партия отдавала себе ясный отчет в непрочности и недолговечности этого блока, но, как показали дальнейшие события, эта политика оказалась мудрой и дальновидной: большевики сумели использовать этот временный и вынужденный союз с левыми эсерами в интересах дальнейшего развития и упрочения пролетарской диктатуры.

Правильность политики блока с левыми эсерами подтвердилась и результатами II съезда Румчерода, а также последующей деятельностью его нового ЦИК и фронтотдела, избранных съездом, хотя, как увидим ниже, ошибки в их работе тоже были в значительной мере обусловлены этим блоком.

Съезд принял решения по следующим вопросам: текущий политический момент, перемирие и его условия; земельный вопрос, об отношении к Учредительному собранию, доклады секций и фронтового отдела, об отводе русских военных частей из Румынии, о рабочем контроле над производством, о борьбе с контрреволюцией на фронте, о демократизации армии, о снабжении фронта и области, о выборах нового состава ЦИК Румчерода¹⁰⁸.

Благодаря блоку с левыми эсерами решения, принятые по всем обсуждавшимся вопросам, были большевистскими, а контрреволюционное меньшинство съезда в лице меньшевиков, правых и украинских эсеров и других потерпело, несмотря на ожесточенное сопротивление, полное поражение.

С докладом о текущем моменте выступил на съезде В. Володарский. Основное его содержание сводилось к тому, что съезд должен взять власть в свои руки¹⁰⁹. Это предложение В. Володарского было встречено бурной овацией. Призывы же меньшевистских и правоэсеровских ораторов к поддержке Временного правительства и борьбе за скорейший созыв Учредительного собрания встречались большинством делегатов возгласами: «Долой!», «Вон их!», «Долой корниловщину!». Меньшевика Финна-Ено-таевского делегаты-солдаты стащили с трибуны, не дав ему говорить¹¹⁰.

Потерпев поражение в открытом бою, меньшевики и правые эсеры прибегли к скрытому маневру, имевшему целью фактически сорвать работу съезда, обесценить его значение. Маневр этот сводился к предложению объявить съезд только фронтовым, а не фронтовым и областным¹¹¹. В случае принятия такого предложения правые эсеры, меньшевики и другие получили бы право заявить о неправомерности съезда и несостоятельности его решений для гражданского населения 2-го Южного района. Мотивировалось это предложение указанием на то, что на съезде якобы мало представителей крестьян: из 61 уездного Совета 2-го Южного района прислал своих делегатов только 41 Совет. Но этот маневр был разобла-

¹⁰⁸ Одесский областной партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, л. 19.

¹⁰⁹ «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», от 13 декабря 1917 г.; Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, лл. 6, 40.

¹¹⁰ Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, лл. 58, 89, 92.

¹¹¹ Там же, л. 15.

чен. Ораторы-большевики напомнили, что на I съезде Румчерода присутствовало только 10 делегатов-крестьян, что отнюдь не смущало его эсеро-меньшевистских заправил, объявивших этот съезд фронтовым и областным. Большевиков поддерживали делегаты крестьян. Делегат-крестьянин от Тираспольского уезда (теперь входит в Молдавию) выразил мнение всех крестьянских делегатов, заявив, что его послала на съезд не одна деревня, а весь уезд и, следовательно, крестьяне-делегаты представляют здесь большинство уездов. В том же духе выступили и другие делегаты-крестьяне¹¹².

Потерпев поражение и в этом вопросе, правые эсеры и меньшевики покинули съезд. После их ухода съезд продолжал обсуждение доклада т. Володарского и принял специальную резолюцию о признании власти Совета Народных Комиссаров. «II съезд — говорилось в резолюции, — всецело одобряя политику Совета Народных Комиссаров, обещает ему полную и безусловную поддержку»¹¹³.

Убедившись, что своим уходом они никого не запугали, меньшевики и правые эсеры на другой день вернулись на съезд и снова повели борьбу по вопросу об Учредительном собрании. Однако и здесь их ждал полный провал. В принятой съездом резолюции говорилось: «Имущие классы и их прислужники, стремящиеся к отнятию у народа его завоеваний, пытаются противопоставить Учредительное собрание революционным организациям трудовых масс — Советам. Между тем Учредительное собрание, не опирающееся на Советы, будет совершенно бессильно и станет игрушкой в руках господ соглашателей и буржуа. Съезд поэтому заявляет, что Учредительное собрание ни в коем случае не может заменить собою Советов, а должно опираться на таковые, в полном контакте с ними и созданной ими властью, и через них проводить политику, соответствующую интересам рабочих, солдат и крестьян, не останавливаясь перед самым беспощадным подавлением контрреволюционных попыток, откуда бы они ни исходили»¹¹⁴.

По вопросу о рабочем контроле была также принята большевистская резолюция¹¹⁵.

По поводу контрреволюционного выступления командования Румынского фронта, арестовавшего членов большевистского военно-революционного комитета и С. М. Рошаля и передавшего после этого власть на фронте в руки контрреволюционной националистической организации, так называемому штабу национальных комиссаров, II съезд Румчерода принял следующее решение: «Съезд, представляющий весь Румынский фронт, не признает самозванного штаба национальных комиссаров, возглавляемого генералом Щербачевым. Съезд констатирует тот факт, что взятие власти на фронте национальными комиссарами сопряжено также с агрессивными действиями со стороны румынского генералитета по отношению к русским революционным войскам. Съезд признает создавшееся положение опасным для революции. Съезд предлагает армейским комитетам немедленно выделить из своей среды временно, впредь до разрешения съездом вопроса о власти и избрания полномочного органа на Румынском фронте, главное командование. Выделенному таким образом командованию съезд предлагает безотлагательно принять все меры к тому, чтобы решительно покон-

¹¹² Там же, лл. 12—15, 18.

¹¹³ «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», от 13 и 16 декабря 1917 г.

¹¹⁴ Там же, от 13 декабря 1917 г.

¹¹⁵ «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине», стр. 348.

чить с теми темными контрреволюционными элементами, которые разлагают революционный фронт»¹¹⁶.

Съезд избрал новый состав ЦИК Румчерода в количестве 180 человек, члены которого по партийному составу распределялись следующим образом: большевиков — 70, левых эсеров — 55, представителей крестьянских организаций — 23, других — 32¹¹⁷. Председателем Румчерода был избран большевик Юдовский¹¹⁸. В числе наиболее активных работников нового ЦИК были большевики Чижигов, Старостин и Кангун¹¹⁹.

Для повседневного оперативного руководства был сформирован президиум Румчерода из семи человек, куда входили председатель, пять его заместителей и секретарь. Местопребыванием ЦИК была избрана Одесса.

Для руководства военно-политической и хозяйственной жизнью 2-го Южного района, Румынского фронта и Черноморского флота при Румчероде были созданы секции: земельная, юридическая, организационная, культурно-просветительная, продовольственная, рабочая и техническая, транспортная, снабжения армии. Несколько позднее были созданы еще две секции: демобилизации и международная.

Для руководства делами Румынского фронта Румчеродом был создан Фронтовой отдел, находившийся в Кишиневе. Фронтovому отделу было поручено возглавить революционную борьбу на Румынском фронте и в Молдавии.

Решением 2-го съезда Румчерода вся полнота власти как на фронте, так и во всем 2-м Южном районе была передана ЦИК Румчерода. Съезд потребовал от ЦИК сместить генерала Щербачева и назначить нового командующего фронтом, установить Советскую власть в Молдавии, Вольнской, Подольской, Херсонской, Таврической губерниях и на Румынском фронте¹²⁰.

* * *

Новому Румчероду пришлось вести борьбу против контрреволюционных сил в исключительно сложной и трудной обстановке.

Трудность борьбы была обусловлена прежде всего малочисленностью пролетариата во 2-м Южном районе. Во-вторых, революционные силы находились в кольце войск Центральной рады и Сфатул-Цэрия¹²¹. В-третьих, контрреволюция пользовалась открытой вооруженной поддержкой со стороны иностранных интервентов. В-четвертых, на Румынском фронте не было опытных партийных работников; большевистская организация фронта была молодой и неопытной и не всегда умела распознавать тактику и планы врага. В-пятых, и на фронте и в черноморском флоте, а также по всему 2-му Южному району влияние эсеров, меньшевиков, различных буржуазных националистов и т. п. на солдатские, матросские и трудящиеся массы продолжало оставаться еще очень значительным.

С образованием большевистского Румчерода в Одессе фактически уста-

¹¹⁶ «Победа Великой Октябрьской революции и установление Советской власти на Украине», стр. 346—347.

¹¹⁷ Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, лл. 29, 31, 32, 36, 39, 40. Приведенные данные показывают, что утверждение, высказанное в макете т. II «Истории Украины» о том, что весь ЦИК Румчерода, избранный его II съездом, был большевистским, — ошибочно.

¹¹⁸ Профессор Московского университета, Педагогического института им. В. И. Ленина. Умер в 1950 г.

¹¹⁹ Чижигов был одним из руководителей одесских большевиков; убит в период борьбы с контрреволюцией в Очакове. Кангун погиб в борьбе с петлюровцами (см. «Летопись революции», 1926, т. 5(20), стр. 29).

¹²⁰ Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 41, л. 258.

¹²¹ Сфатул-Цэрий — националистический «Краевой Совет», был создан по решению военно-молдавского съезда, происходившего в Кишиневе с 20 по 28 октября 1917 г.

новились две власти — Румчерода и Центральной украинской рады, направившей в Одессу своего комиссара Поплавко и несколько полков.

«Национальные комиссары» отказались признать новый Румчерод и заявили, что не будут ему подчиняться¹²². Молдавское буржуазно-националистическое правительство «Сфатул-Цэрий» встало на путь открытого предательства интересов молдавского народа. Оно установило связи с Украинской радой и иностранными империалистами с целью совместной борьбы против Советской власти.

Командование Румынского фронта вместе с «национальными комиссарами» арестовало революционные штабы IV, VIII, IX армий. Одновременно были разоружены наиболее большевистски настроенные части IV армии¹²³. Отобранное у них оружие было использовано для вооружения контрреволюционных формирований. Румынская военщина при полном содействии генерала Щербачева стала захватывать склады, принадлежавшие русской армии, и прекратила снабжение революционных частей фронта продовольствием и фуражом, поставив тем самым армии Румынского фронта в крайне трудное положение. «Национальные комиссары», стремясь посеять раздор в армии и сделать ее ареной междоусобной национальной борьбы, стали усиленно формировать национальные украинские, белорусские, молдавские, польские и кавказские части.

Молдавские буржуазные националисты втайне от народа договаривались с румынскими боярами об оккупации Бессарабии румынскими королевскими войсками¹²⁴. Командование Румынского фронта, стремясь облегчить румынским войскам оккупацию Бессарабии, стало проводить демобилизацию с таким расчетом, чтобы полностью дезорганизовать фронт. Демобилизация проводилась без всякого плана и предварительной подготовки. Получив приказ о демобилизации, тысячи солдат, измученные войной, стихийно покидали окопы и огромными толпами устремлялись к железнодорожным станциям. Естественно, что в подобных условиях железные дороги не могли обеспечить нормальной эвакуации, а это приводило к утере самого элементарного порядка как на фронте, так и в тылу.

Именно в этой обстановке румынская военщина, заручившись поддержкой англо-французских империалистов, начала интервенцию против Советской России. 15 декабря 1917 г. румынские войска начали захват Бессарабии; они успели занять Леово, Кагул, Манта и другие населенные пункты. Однако эта первая попытка кончилась для интервентов неудачей: солдаты Румынского фронта и трудящиеся массы Молдавии вскоре изгнали румынские войска с захваченной ими территории.

Следует отметить, что большевики Румынского фронта и 2-го Южного района допустили одну весьма серьезную ошибку, которая сильно затруднила последующую борьбу Румчерода с внутренней и иностранной контрреволюцией. Ошибка эта состояла в том, что, получив известие о контрреволюционном перевороте генерала Щербачева, они не приняли быстрых и энергичных мер для его ликвидации, ограничившись лишь принятием решения на II съезде Румчерода о необходимости свержения Щербачева и «национальных комиссаров» и направлением своих представителей в ставку Румынского фронта для выражения протеста против ареста большевистского военно-революционного комитета. Другой ошибкой большевиков было то, что они не организовали одновременного удара по силам контрреволюции: на Румынском фронте революционные силы наступали в конце ноября и начале декабря, в Молдавии — с 28 декабря по 13 янва-

¹²² Олесский обл. партархив. ф. 2. оп. 2—4, д. 41, л. 130.

¹²³ Там же, лл. 73, 108, 109, 127.

¹²⁴ Там же, лл. 110—111.

ря, в Одессе — с 14 января. Это давало возможность контрреволюции опрavlяться от ударов и наносить ответные удары, громить революционные силы по частям. Ошибкой большевиков 2-го Южного района была и десятидневная дискуссия на II съезде Румчерода (в период самой напряженной борьбы), в которую они дали себя втянуть соглашателям и буржуазным националистам. Эти 10 дней дали возможность контрреволюции укрепиться, арестовать большевистский военно-революционный комитет и захватить инициативу в свои руки.

Исправляя эту ошибку, большевики в первую очередь развернули большую работу по организации вооруженного отпора румынским захватчикам. Румчерод начал спешно формировать вооруженные отряды, рассылать в воинские части и на некоторые важные объекты своих комиссаров¹²⁵. Прибывший 28 декабря в Кишинев Фронтотдел Румчерода приступил к созданию красногвардейских отрядов и рабочих дружин. 3 января 1918 г. Фронтотдел провозгласил себя верховной властью в русских армиях Румынского фронта и Молдавии. В тот же день Фронтотдел назначил новое, революционное командование VIII армией и послал на железнодорожные станции своих комиссаров¹²⁶. 5 января на заседании Кишиневского Совета представитель Фронтотдела заявил, что последний ставит перед собой задачу сосредоточить в своих руках всю полноту власти как на фронте, так и в Бессарабии, вывести русские войска из Румынии и окончательно изгнать румынские войска с территории Бессарабии¹²⁷.

В ответ на попытку румынской военщины захватить 6 января 1918 г. Кишинев Фронтотдел ввел в Кишиневе, Бендерах и Бельцах осадное положение и объявил войну Румынии¹²⁸. Одновременно он отдал распоряжение о перевыборах всего командного состава Румынского фронта и замсне его людьми, наиболее преданными революции. По распоряжению Фронтотдела никакие приказы штаба Румынского фронта, Украинской рады и Одесского военного округа не должны были выполняться. Приказы объявлялись действительными только в том случае, если они были санкционированы Фронтотделом¹²⁹. О попытках оккупации Бессарабии румынским королевским правительством Румчерод немедленно довел до сведения Совета Народных Комиссаров¹³⁰.

Несмотря на категорические протесты Советского правительства и революционных организаций Молдавии, румынские захватчики, поощряемые англо-американскими и французскими империалистами, продолжали занимать населенные пункты Молдавии. 6 января 1918 г. ими были заняты Прути, Унгены, Ваду-Луй-Исак, Манта. В районе Страшен развернулись жестокие бои революционных войск против румынских интервентов. В ходе этих боев революционные войска разгромили румынские части, взяв тысячу пленных¹³¹.

7 января войска Фронтотдела вступили в упорный бой с румынскими частями, насчитывавшими более 10 тыс. человек, недалеко от Кишинева, у станции Гидигич. С обеих сторон насчитывалось много убитых и раненых. В результате решительного удара революционных войск утром румынские войска были отброшены от Кишинева по направлению к Страшенам. 200 румынских солдат были взяты в плен.

¹²⁵ Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 45, л. 4.

¹²⁶ «Одесские новости», от 9 января 1918 г.

¹²⁷ «Голос революции», от 14 января 1918 г.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. 2214, оп. 1, д. 390, л. 18.

¹²⁹ «Фатул-Цэрий», от 11 января 1918 г.

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 2214, оп. 1, д. 390, л. 51.

¹³¹ «Одесские новости», от 9 января 1918 г.

Одновременно развернулась борьба в районе Ганчешт и Корнешт. В Корнештах было разоружено четыре эшелона румынских солдат. Там же был задержан и расстрелян солдатами один из подручных командующего румынским фронтом генерал Некрасов¹³². Однако румынским войскам удалось оттеснить революционные отряды и занять Ганчешты, Карпинены, Леово, Кагул, Вулканешты и другие населенные пункты. Над Молдавией нависла серьезная угроза.

Учитывая создавшуюся обстановку, Румчерод отдал следующий приказ советским войскам: «Во избежание того, чтобы народ не заподозрил вас в участии в анархии, царящей в Бессарабии, и в погромах, мы предлагаем всем советским революционным частям на территории Бессарабии приступить к организации революционных комитетов, которые должны будут работать в тесном контакте с сельскими и волостными Советами и помогать им ликвидировать беспорядки. Это необходимо сделать потому, что черносотенная буржуазия Бессарабии старается втянуть вас во всякие темные истории, дабы облить нашу революцию грязью... Ее представители, восседающие в Сфатул-Цэрий, не желают даже, чтобы революционные войска находились на территории Бессарабии. Они решили изгнать нас, ибо боятся, что мы не позволим задушить революционный пыл молдавских крестьян. Мы не позволим палачам обижать местное бессарабское население, отцы и дети которых вместе с нами голодали и гнили в сырых окопах. Мы должны защищать этот забитый народ и помочь ему окончательно взять то, что ему принадлежит. Ведь палачи Бессарабии решили ввести в Бессарабию румынские и трансильванские войска, дабы с помощью их восстановить формы правления, подобные тем, какие существовали в николаевские времена. Во имя революции, во имя святости социализма призываем к защите местного населения»¹³³.

Это воззвание оказало большое революционизирующее влияние на трудящиеся массы Молдавии: в то время как «национальные комиссары» и Сфатул-Цэрий проводили политику национальной розни и разобщения народов, Румчерод призывал всех революционных солдат к поддержке трудящихся масс Молдавии, к совместным усилиям в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Одновременно Румчерод направил правительству Румынии ноту протеста, требовавшую немедленного прекращения со стороны Румынии агрессивных действий на территории Российской республики.

«Захват румынскими войсками пограничных территорий Российской Федеративной республики,—говорилось в ноте,—а также нападение на войска Российской Федеративной республики без разрыва дипломатических отношений с центральным российским правительством... Румчерод считает вероломным нарушением международного права, тем более, что это делает союзное правительство по отношению к той армии, которая в течение трех лет проливала свою кровь совместно с румынским народом... ЦИК требует от румынского правительства немедленного вывода всех войск из пределов Российской Федеративной республики, а также требует, чтобы русским армиям румынского фронта был предоставлен беспрепятственный выход в полном вооружении и со всем имуществом из пределов Румынии... В случае неисполнения настоящего требования ЦИК заявляет, что вся ответственность за дальнейшие события ляжет исключительно на румынское правительство»¹³⁴.

¹³² «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», от 9 января 1918 г.; «Одесские новости», от 9 января 1918 г.

¹³³ «Одесские новости», от 9 января 1918 г.

¹³⁴ «Одесские новости», от 11 января 1918 г.

Однако румынское правительство не вняло этому предостережению и продолжало интервенцию. Открытое военное нападение румынская военщина сочетала с касажением в Молдавии шпионских гнезд, ведущих контрреволюционную пропаганду и диверсионную работу. Всю шпионскую и диверсионную работу в Молдавии возглавляли румынский консул и так называемая «Интернациональная комиссия», состоявшая из членов румынской и части французской миссии, находившихся в Кишиневе.

Узнав об этом, Фронтотдел арестовал членов «Интернациональной комиссии», румынского консула и 14 румынских офицеров. С 8 по 10 января 1918 г. было арестовано в разных местах Молдавии еще девять шпионов¹³⁵.

Одновременно Фронтотдел развернул против оккупантов активные действия. 10 января революционные войска изгнали румын из г. Рени, разоружили роту оккупантов в Болграде и 400 солдат в местечке Курчи. В тот же день VI революционная армия разгромила войска захватчиков в Вулканештах и освободила Леово, Кагул, Болград. В Вулканештах были взяты в плен румынские генералы. Революционный армейский комитет VI армии предъявил ультиматум румынскому правительству, в котором потребовал очистить занятую румынскими войсками советскую территорию¹³⁶.

По приказу Фронтотдела против румынских захватчиков выступили части 17-го корпуса, расположенные по линии железной дороги Аккерман — Злоти; корпусу было поручено овладеть станцией Злоти и деревней Карбуна, где находилось 800 румынских солдат, а затем обезоружить румынские войска в районе Бендер. Фронтотдел приказал революционным частям систематически поддерживать связь со штабом войск Кишиневского района¹³⁷.

Против революционных мероприятий Фронтотдела выступили иностранные консульства США, Франции, Сербии и др. 11 января они направили Румчероду специальную ноту, в которой открыто защищали румынскую агрессию, пытаясь изобразить ее как... желание охранять румынское имущество, находившееся на территории Молдавии. Открытую вооруженную борьбу, которую вели румынские захватчики, они лицемерно объявили «печальным недоразумением».

В своем ответе Румчерод на основании точных фактов вскрыл всю лживость и несостоятельность этой ноты. «Румынское правительство, — писал Румчерод, — ввело на территорию Российской Федеративной республики не мелкие румынские отряды для охраны румынских государственных магазинов, а целые дивизии, которые заняли ряд пунктов на территории Республики и вступили в бой с нашими войсками в различных пунктах, а именно: на ст. Кишинев, в двух верстах от города Кишинева, на ст. Страшены, Колораш, Унгены, Кагул, Болград, Вулканешты, Леово, Романовка и т. д. В настоящее время румынские войска в составе крупных боевых единиц и артиллерии наступают широким фронтом на Кишинев и Бендеры».

Румчерод сделал все возможное, чтобы урегулировать конфликт мирным путем, обратившись к консулам союзных держав с просьбой образовать комиссию с участием представителя Румчерода, которая должна была немедленно выехать в Яссы и потребовать от находившегося там

¹³⁵ «Одесские новости», от 11 января 1918 г.

¹³⁶ «Одесские новости», от 12 января 1918 г.; «Голос революции», от 14 января 1918 г.

¹³⁷ ЦГВИА, ф. 2214, оп. 1, д. 390, л. 33.

румынского правительства немедленного осуществления требования Румчорода о выводе румынских войск с территории Бессарабии¹³⁸.

Ответом на это предложение было начатое 12 января королевским румынским командованием общее наступление крупными силами с целью захвата Кишинева и других важных стратегических пунктов.

Фронтотдел в своем донесении Румчороду следующим образом характеризовал сложившуюся обстановку и принятые им меры: «Положение серьезное. Румыны полукольцом в 25—50 верстах от дорог Бендеры — Кишинев и Унгены — Кишинев. Румыны у Страшен со слабым тылом. Под влиянием агитации Сфатул-Цэрия Молдавский комитет потребовал ухода фронтового отдела, выступающего против румын. Отколовшиеся крестьяне¹³⁹ решили не допустить румын на свою территорию. На уступку Сфатул-Цэрий не идет. Думаем ликвидировать сегодня-завтра Сфатул-Цэрий и директорат. Надеемся, что нам удастся с ним справиться»¹⁴⁰.

Фронтотдел развернул энергичную работу по борьбе с румынскими захватчиками и молдавскими националистами. В Кишиневе стали создаваться дружины самообороны из рабочих и крестьян¹⁴¹, формировались отряды из революционных войск фронта. Для оперативного руководства военными действиями против румынских интервентов Фронтотдел выделил из своей среды специальную боевую пятерку¹⁴².

Вместе с трудящимися массами Молдавии и солдатами Румынского фронта на борьбу против боярской Румынии поднялись революционные солдаты румынской армии. Они создали в Одессе свой военно-революционный комитет, который начал формировать революционные отряды румынских солдат для борьбы со «своим собственным» контрреволюционным правительством¹⁴³. Румынский военно-революционный комитет установил тесную связь с Румчородом. Один из его представителей был введен в состав Румчорода с правом решающего голоса, т. е. на правах члена ЦИК. Вслед за этим в Одессе было создано революционное румынское правительство, ставившее своей целью прекращение военных действий с Советской Россией, свержение революционным путем румынской монархии и установление в Румынии Советской власти¹⁴⁴.

В целях оказания помощи Румынскому военно-революционному комитету Румчород разрешил ему формирование революционных батальонов и отпустил деньги на их содержание. В короткое время были созданы румынские революционные отряды в Одессе, Килии (300 человек) и Измаиле (500 человек). Эти отряды сражались совместно с русскими революционными войсками против румынской королевской армии¹⁴⁵.

Румынский военно-революционный комитет развернул также агитационную работу среди оккупационных румынских войск, призывая их повернуть оружие против собственного захватнического правительства. В одном из своих воззваний к оккупационной румынской армии военно-революционный комитет писал:

«Солдаты!

Не позволяйте себя толкать на преступления и не соглашайтесь быть соучастниками этих беззаконий. Не направляйте ваше оружие против

¹³⁸ «Голос революции», от 14 января 1918 г.

¹³⁹ Отколовшаяся крестьянская фракция Сфатул-Цэрия выступила против введения румынских оккупационных войск в Бессарабию.

¹⁴⁰ «Одесские новости», от 13 января 1918 г.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² «Сфатул-Цэрий», от 14 января 1918 г.

¹⁴³ «Одесский листок», от 13 января 1918 г.

¹⁴⁴ «Известия Одесского Совета», от 25 января 1918 г.

¹⁴⁵ Там же.

русской революции. Не поднимайтесь против бессарабских крестьян. Не посягайте на их дома и землю. Они не хотят румынских мироедов... Гоните мироедов! Не становитесь их защитниками. Не поддерживайте тех, которые загнали в могилу сотни тысяч людей, наших отцов и матерей, братьев и сестер и наших товарищей, не поддерживайте тех, которые загубили нашу страну!

Вы — надежда и будущее Румынии. Весь народ ждет от вас избавления. Порвите со слепым подчинением, с рабским прошлым. Сила в ваших руках. Арестовывайте и обезоруживайте ваших палачей. Хватайте зловредных генералов и офицеров. Гоните в шею пришельца короля Фердинанда Гогенцоллерна, Братиану, Таке-Ионеску и всех предателей и устанавливайте румынскую республику...»¹⁴⁶.

Таким образом, на совместную борьбу в защиту Советской республики выступили против общего врага трудящиеся массы Молдавии, русские солдаты Румынского фронта и революционные румынские отряды, в то время как внутренняя контрреволюция в лице молдавских националистов, эсеров и меньшевиков целиком и полностью поддерживала румынских захватчиков.

Так называемый Молдавский комитет, являвшийся штабом контрреволюционного национализма, нанес Фронтотделу предательский удар в спину, потребовав в момент самой напряженной борьбы с румынскими захватчиками ухода его из Кишинева¹⁴⁷. Выполнить это требование означало прекратить сопротивление и добровольно отдать Молдавию румынским захватчикам.

По такому же пути пошел и эсеров-меньшевистский Кишиневский Совет, сложив свои полномочия и добровольно передав всю полноту власти контрреволюционному Сфатул-Цэрию¹⁴⁸. Пользуясь поддержкой этих контрреволюционных сил, румынские войска захватили 13 января Кишинев и стали продвигаться к Бендерам.

Одновременно с этим между Румчеродом и Украинской радой развернулась ожесточенная борьба за власть в Одессе. В первой половине января Румчерод разработал план захвата основных объектов города — телефонной станции и железнодорожной станции Одесса — Застава и расстановки своих вооруженных сил¹⁴⁹. Для руководства вооруженной борьбой при Румчероде был создан боевой штаб — Военно-революционный комитет.

Комиссар Центральной рады Поплавко решил парализовать силы революции. 10 января 1918 г. он отдал приказ о расформировании революционных частей, находившихся в Одессе. В ответ на это Румчерод 12 января отдал приказ, в котором подчеркивалось, что действия Поплавко, «как направленные к дезорганизации верных Советскому правительству войск, незаконны и преступны и исполнению не подлежат». «Центральный исполнительный комитет, — говорилось далее, — приказывает революционным войскам Одесской области впредь до распоряжения оставаться на своих местах и организованным протестом против расформирования частей дать дружный отпор проискам контрреволюции»¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Цитирую с любезного разрешения автора по неопубликованной рукописи румынского историка академика Роллера «Восстание Румынского флота в декабре 1917 — апреле 1918 г. и революционная борьба румынских матросов в защиту Октябрьской революции».

¹⁴⁷ «Одесский листок», от 13 января 1918 г.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же, от 2 февраля 1918 г.

¹⁵⁰ «Голос пролетария», от 13 января 1918 г.

В ночь с 13 на 14 января под руководством Румчерода и Военно-революционного комитета отряды Красной гвардии, состоявшие из рабочих и матросов, начали занимать важнейшие объекты города: почту, телеграф, ж.-д. станцию и т. д. В результате решительных действий 14 января Румчерод стал полным хозяином города ¹⁵¹.

В тот же день военно-революционный комитет Румчерода выпустил следующее воззвание:

«Всем рабочим, солдатам, матросам, крестьянам и всему трудовому населению.

Товарищи! Власть в Одессе перешла к Советам рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов. Буржуазная Киевская рада под могучим натиском революционных рабочих, солдат и матросов отныне перестала висеть над нашим городом тяжелым гнетом своим. Солнце рабоче-крестьянской революции взошло и на нашем небе. В этот торжественный час победы революционного народа прежде всего необходимы порядок и спокойствие. Всякие самочинные, неорганизованные выступления, нарушающие революционный порядок, не должны иметь места в условиях Советской власти. Жизнь, свобода и спокойствие граждан должны быть охраняемы всей мощью революционной власти! Всякие попытки темных контрреволюционных сил использовать тревожный момент ради своих гнусных целей должны быть беспощадно подавляемы в корне.

Товарищи!

Революционный комитет, захвативший власть в городе с согласия ЦИК Румчерода, просит вас помочь ему в дни решительной борьбы за рабочее и крестьянское дело, когда темные силы реакционеров всего мира объединяются для удушения тех, потом и кровью которых они живут. Только в вас, товарищи солдаты, матросы, рабочие и крестьяне, наша сила и опора. Встаньте же дружно на защиту рабочей и крестьянской революции!» ¹⁵².

Однако контрреволюционные силы Рады не были разгромлены. Опираясь на 10 тысяч хорошо вооруженных гайдамаков, Рада решила совершить контрреволюционный переворот. В тот же день, 14 января, она предъявила Румчероду ультиматум, потребовав от него передать ей всю полноту власти и освободить занятые революционными войсками объекты. В случае отказа Рада угрожала открыть вооруженную борьбу.

Румчерод и Военно-революционный комитет отвергли ультиматум, заявив, что власти они не сдадут и готовы защищать ее с оружием в руках. 15 января Рада начала открытые военные действия. В течение двух дней, 15 и 16 января, шел непрерывный бой между силами Рады и Военно-революционного комитета ¹⁵³. В ночь на 17 января Красная гвардия одержала полную победу. Рада капитулировала. В Одессе была установлена Советская власть. В боях за Одессу участвовали 30 тыс. рабочих, моряки революционных кораблей «Алмаз», «Синоп» и солдаты одесского гарнизона ¹⁵⁴. Таким образом, одесские рабочие, революционные матросы и солдаты под руководством большевистского Румчерода и его боевого штаба — Военно-революционного комитета одержали победу.

Вслед за этим Румчерод начал наводить в городе революционный порядок и формировать новые революционные отряды для борьбы с ру-

¹⁵¹ «Голос революции», от 14 января 1918 г.

¹⁵² «Голос пролетария», от 14 января 1918 г.

¹⁵³ «Правда», от 1 февраля 1918 г.

¹⁵⁴ «Известия Одесского Совета», от 18 января 1918 г.; Одесский музей обороны, отд. I, д. 9.

мынскими оккупантами. В помощь молдавскому народу Румчерод направил в Аккерман несколько вооруженных отрядов.

Заняв Бендеры, румынские войска стали продвигаться за Днестр. Создалась непосредственная угроза Одессе. В связи с этим Румчерод объявил всеобщую мобилизацию. Все отряды Румчерода были сведены в Особую армию Одесского округа. Штаб армии разместился на станции Одесса-главная¹⁵⁵.

В исключительно трудных условиях Румчерод удерживал власть в Одессе и ряде мест 2-го Южного района до начала наступления немецких войск на Украину, т. е. примерно до середины марта 1918 г. Одна из основных трудностей состояла в том, что 2-й Южный район был блокирован контрреволюционными войсками Украинской рады, Румынского фронта и боярской Румынии, что лишало Румчерод возможности установить регулярную связь с Советским правительством. Вторая трудность, вытекавшая из первой, была финансовая. У Румчерода не было денег для содержания армии. В связи с этим Одесский комитет и Румчерод обратились лично к В. И. Ленину с просьбой присылки денег. В ответ Совнарком вынес специальное решение об отправке в Одессу 13 080 тыс. рублей¹⁵⁶.

Вскоре в Одессе было образовано так называемое областное правительство, получившее название Одесского Совнаркома¹⁵⁷, председателем которого был назначен Старостин. Председателем Румчерода попрежнему оставался Юдовский. Фактически Румчерод и Совнарком занимались одним и тем же делом — организацией борьбы с контрреволюционными силами.

Несмотря на все трудности, Румчерод до последних дней своего пребывания в Одессе продолжал борьбу за упрочение и расширение Советской власти на территории 2-го Южного района. В начале марта Румчерод и Одесский Совнарком создали отряд особого назначения, в задачу которого входили ликвидация контрреволюционных сил на местах, установление и восстановление власти Советов, формирование вооруженных сил для борьбы с интервентами и белогвардейцами, обеспечение армии фуражом и продовольствием.

После срыва брестских переговоров Троцким началось наступление австро-немецких войск. К этому времени Бессарабия была уже оккупирована румынскими захватчиками, а австро-немецкие войска находились на подступах к Одессе. Молодое Советское государство, занятое смертельной борьбой с немецкими войсками, подходившими к Петрограду, не могло оказать вооруженную помощь югу России. Пользуясь этим, немецкие войска 13 марта заняли Одессу. Румчерод был вынужден эвакуироваться в Николаев¹⁵⁸.

Потеря всякой связи со 2-м Южным районом заставила ЦИК Румчерода 20 марта поставить на своем заседании вопрос о целесообразности дальнейшего его существования. В ходе прений большинство участников заседания высказалось за сохранение Румчерода, но с сокращением состава ЦИК. Последний был сокращен до 40 человек (20 большевиков, 18 левых эсеров, 1 меньшевик-интернационалист и 1 анархист)¹⁵⁹. 24 марта Румчерод переехал в Ростов-на-Дону, а 11 апреля — в Ейск¹⁶⁰.

¹⁵⁵ «Летопись революции», 1922, № 1, стр. 180.

¹⁵⁶ «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», ст 11 января 1918 г.

¹⁵⁷ «Летопись революции», 1922, № 1, стр. 180.

¹⁵⁸ Одесский обл. партархив, ф. 2, оп. 2—4, д. 45, л. 29.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, л. 30.

Ликвидация Румынского фронта, отсутствие представителей Черноморского флота в Румчереде, полный отрыв последнего от района своей деятельности, а также изменение количественного состава ЦИК, сделанное без решения съезда, в корне изменило круг функций и структуру Румчереда. В связи с этим произошли качественные организационные изменения. Для оперативного руководства было выделено бюро, а с 19 апреля Румчород стал называться Временным ЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Одесской области¹⁶¹. Основная задача Временного ЦИК сводилась к посылке людей на оккупированную интервентами территорию для распространения там политической литературы и организации на местах боевых отрядов. Однако выполнить эти задачи Румчород оказался не в состоянии. Сделавшись беженской организацией, он уже стал по существу бесполезен. Исходя из этого, председатель ВЦИК Я. М. Свердлов предложил распустить Временный ЦИК Румчереда как организацию, утратившую практическую необходимость. Выполняя это указание, Временный ЦИК Румчереда создал ликвидационную комиссию и в мае 1918 г. прекратил свое существование¹⁶².

В постановлении Ликвидационной комиссии об упразднении Временного ЦИК Румчереда отмечалось:

«1. Что существование беженских организаций в силу политических условий на юге России, обусловленных контрреволюционным выступлением Центральной Рады и австро-немецких войск, задавивших все ячейки Советской власти в области, не только не приносят никакой пользы Советской власти в ее борьбе с контрреволюцией, а, наоборот, наносит значительный вред, вытекающий из самого существа и характера работы подобных организаций.

2. Что Временный Центральный исполнительный комитет Одесской области (бывший Румчород), являясь одной из беженских организаций, продолжающих свое существование, определенно не выполнил и в дальнейшем не сможет выполнить возложенных на него пленумом задач.

3. Что даже суженная самим Временным Центральным исполнительным комитетом задача восстановления Советской власти в области до созыва конференции представителей советских организаций оккупированной области оказалась также невыполнимой для Временного Центрального исполнительного комитета.

4. Что издаваемая литература остается на складах за невозможностью наладить транспорт и вообще какую-либо связь с оккупированной областью»¹⁶³.

* * *

Таким образом, историю Румчереда можно разделить на три периода. Первый период приходится на время с 10 мая по 10 декабря 1917 г. Второй период охватывает промежуток времени с 10 декабря 1917 г. по 13 марта 1918 г. Третий период — ликвидационный — длится с середины марта до мая 1918 г.

Мы рассмотрели деятельность Румчереда на протяжении первых двух периодов его существования. В течение первого периода, т. е. до II съезда, Румчород был эсеро-меньшевистским и проводил контрреволюционную соглашательскую политику. Во второй период Румчород, руководимый

¹⁶¹ Там же, лл. 30, 31, 32, 228.

¹⁶² Там же, лл. 30, 32, 228. Акт Ликвидационной комиссии датирован маем 1918 г. без указания числа и скреплен печатью Румчереда.

¹⁶³ Там же, лл. 31—32.

большевиками, развернул борьбу за установление Советской власти во 2-м Южном районе и на Румынском фронте, организовал вооруженный отпор румынским оккупантам и войскам Украинской рады, преодолевал сопротивление молдавских буржуазных националистов.

Несмотря на допущенные ошибки, большевистский Румчерод нанес ряд сильных ударов внутренней и внешней контрреволюции на юге страны и тем самым оказал существенную помощь молодой Советской республике в ее борьбе с многочисленными врагами, пытавшимися всеми силами и средствами задушить первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Этим и определяется место Румчерода в истории установления Советской власти в нашей стране.

Г. Н. ГОЛИКОВ, Ю. С. ТОКАРЕВ

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС 1917 г.

Период от Февральской буржуазно-демократической революции до Великой Октябрьской социалистической революции был периодом быстрого нарастания общенационального кризиса в России.

«Социалистическая революция, — писал В. И. Ленин, — не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии»¹.

Одной из таких битв, явившейся первым этапом в развитии общенационального кризиса, приведшего к Великой Октябрьской социалистической революции, был апрельский кризис 1917 г. Кризис протекал в сложной и своеобразной политической обстановке, основную черту которой составляло двоевластие, создавшееся в стране в результате победы Февральской революции. Анализируя положение, сложившееся в России после свержения царизма, В. И. Ленин в исторических «Апрельских тезисах» писал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»².

Исходя из соотношения классовых сил, выразившегося в двоевластии, В. И. Ленин в этих тезисах выдвинул положение о реальной возможности осуществления социалистической революции мирным путем, через завоевание большевиками большинства в Советах. Именно это положение, как известно, легло в основу деятельности большевистской партии до июльских событий 1917 г., приведших к новой расстановке классовых сил, при которой переход к социалистической революции мирным путем уже оказался невозможным.

Значение апрельского кризиса 1917 г. состояло в том, что это был первый кризис власти, имевший место после Февральской революции. За ним последовали июньский и июльский кризисы. Характерной особенностью этих кризисов власти, указывал В. И. Ленин, было то, что «по форме движение в течение всех этих трех кризисов было демонстрацией. Противоправительственная демонстрация — таково было бы, формально, наиболее точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 133.

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 152.

Главной причиной, породившей эти кризисы, было глубочайшее противоречие между империалистической буржуазией, с одной стороны, и рабочим классом, солдатскими и крестьянскими массами — с другой, по коренным вопросам войны, мира и революции. Логикой событий вопрос о войне стал основным. Решение ряда других важнейших вопросов революции находилось в прямой зависимости от того или иного решения вопроса о войне и мире.

Для того чтобы правильно представить себе ход и итоги апрельского кризиса, необходимо хотя бы в самых общих чертах воспроизвести картину расстановки классовых сил в стране, сложившейся после Февральской революции.

Став у власти, русская буржуазия стремилась использовать ее в своих классовых интересах, коренным образом противоречивших интересам народа. В области внутренней политики она добивалась упрочения своего политического господства, установления режима контрреволюционной диктатуры, а в аграрном вопросе, являвшемся основным вопросом буржуазно-демократической революции в России, решительно выступала за сохранение помещичьего землевладения.

В области внешней политики основная задача Временного правительства состояла в продолжении «войны до победного конца» вместе с «доблестными союзниками»⁴, т. е. в продолжении грабительской, захватнической войны на основе тайных договоров, заключенных царизмом с союзниками.

Однако в условиях двоевластия, являвшегося главной специфической особенностью, своеобразием развития второй русской революции, Временное правительство, реальная власть которого зависела от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на деле выполнявшего роль всероссийского центра Советов, не могло в рассматриваемый период проводить свою внутреннюю и внешнюю политику открыто, было вынуждено лавировать, маскироваться, выдавать ее за политику, отвечающую интересам народа. В частности, по вопросу о войне Временное правительство опубликовало обращение, получившее название декларации от 27 марта, в котором, правда, в весьма туманных и запутанных выражениях, но все же говорилось о стремлении добиваться справедливого «прочного мира на основе самоопределения народов»⁵. Иначе говоря, Временное правительство находилось в таком положении, что было вынуждено действовать не столько путем насилия, сколько путем прямого обмана масс.

Примером такого обмана могут служить агитация по поводу освободительного характера войны после свержения царизма, так называемого «займа свободы», клеветническая кампания буржуазной и черносотенной прессы против большевиков и рабочих с обвинением первых в том, что они являются «агентами Германии», а вторых — что они умышленно срывают работу на оборону, вводя 8-часовой рабочий день, думают только о своих интересах, не заботясь о положении солдат. В неудачах на фронте она обвиняла тех же большевиков, революционные солдатские комитеты и т. п. Цель всей этой демагогии заключалась в том, чтобы натравить мелкобуржуазные и прежде всего солдатские массы на рабочий класс и его авангард — Коммунистическую партию и таким образом предотвратить создание единого фронта народных сил в интересах дальнейшего развития революции.

⁴ «Вестник Временного правительства», № 2(47), от 7 марта 1917 г.

⁵ Там же, № 18(64), от 28 марта 1917 г.

На другом полюсе стоял пролетариат, добивавшийся диаметрально противоположных целей — уничтожения социального и национального гнета, выхода из империалистической войны, установления власти Советов.

Программные требования и цели рабочего класса с исключительной глубиной и ясностью были сформулированы в «Апрельских тезисах» В. И. Ленина и решениях апрельской конференции РСДРП(б).

Однако на пути осуществления ленинского плана социалистической революции стояли огромные трудности. Как известно, в силу ряда причин значительная часть рабочего класса в рассматриваемое время шла еще за лозунгами соглашательских партий — меньшевиков и эсеров.

Что касается мелкобуржуазных масс, составлявших огромное большинство населения страны, то они в подавляющей своей части шли за соглашателями. В результате последние имели большинство почти во всех Советах, в том числе и в Петроградском Совете.

Доверие народа к соглашателям нашло самое характерное и, пожалуй, главное выражение в так называемом «революционном оборончестве», т. е. в вере в то, что война после падения самодержавия перестала для России носить империалистический характер, что, наоборот, она приобрела характер революционный, ведется в силу необходимости защищать отечество и завоеванные свободы от реакционных Германской и Австро-Венгерской монархий.

В. И. Ленин определял «революционное оборончество» следующим образом: «Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России почти все народнические партии (народные социалисты, трудовики, социалисты-революционеры) и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков (ОК, Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя, по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения мелкой буржуазии, мелких хозяев, зажиточных крестьян, которые подобно капиталистам извлекают прибыли из насилия над слабыми народами, — а с другой стороны, является результатом обмана народных масс капиталистами, не публикующими тайных договоров и отделяющимися посулами и красноречием».

Очень широкие массы «революционных оборонцев» необходимо признать добросовестными, т. е. *действительно* не желающими аннексий, захватов, насилия над слабыми народами, *действительно* стремящимися к демократическому, не насильническому миру между *всеми* воюющими странами. Это необходимо признать потому, что классовое положение пролетариев и полупролетариев города и деревни (т. е. людей, живущих целиком или отчасти продажей своей рабочей силы капиталистам) делает эти классы незаинтересованными в прибыли капиталистов»⁶.

Несмотря на то, что народ, измученный войной, жаждал скорейшего ее прекращения, о чем свидетельствовали братание солдат на фронте, тысячи писем, резолюций, митингов и собраний рабочих, крестьян и солдат и т. п., подавляющее большинство рабочих, солдат и крестьян принадлежало к «добросовестным оборонцам».

В наиболее яркой форме «революционное оборончество» проявлялось в крестьянской среде. Крестьяне, находившиеся под сильным влиянием эсеров, считали войну против австро-германской коалиции справедливой, оборонительной войной и, с нетерпением ожидая мира, в то же самое время признавали ее необходимость. Для крестьянства была характерна наивная вера в «миролюбие» Временного правительства, надежда на то, что правительство сумеет в скором времени заключить справедливый мир.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 133—134.

Позиция крестьянства по вопросу о войне и мире разделялась также подавляющим большинством солдат на фронте и в тылу, которые представляли тех же крестьян, переодетых в солдатские шинели. Однако их тяга к миру проявлялась в гораздо более острой форме, чем у крестьян. Неимоверные страдания и лишения, причиняемые солдатам длящейся три года войной, ежечасная угроза смерти, постоянный недостаток в пище, одежде, оружии, изнурительное сидение в сырых и холодных окопах — все это, естественно, до крайних пределов обостряло их нежелание воевать.

Серьезные уступки «революционному оборончеству» допускались и со стороны рабочего класса. Значительная часть рабочих, придерживаясь в целом интернационалистических позиций, шла на первых порах на поводу у эсеров и меньшевиков, развивавших агитацию в духе типичного социал-пацифизма. Правильно понимая, что война между Россией и австро-германской коалицией является с обеих сторон войной империалистической, ведущейся в интересах капиталистов, сознавая, что для ликвидации войны необходимы революционные выступления пролетариата воюющих стран, многие рабочие в то же время ошибочно полагали, что возможно добиться прекращения войны путем давления народов на свои капиталистические правительства. В этом состояло главное оборонческое заблуждение большей части рабочего класса в первые месяцы после Февральской революции. «Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, — писал в апреле 1917 г. В. И. Ленин, — захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество*. Именно оно — злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»⁷.

Широкое распространение идей «революционного оборончества» стало возможным только потому, что его усиленно культивировали соглашательские партии — эсеры и меньшевики. Лидеры этих партий, в частности руководители Петроградского Совета, твердили не искушенным в политике массам, что война ведется для защиты демократических завоеваний. Признавая на словах необходимость скорейшего заключения мира, они доказывали, что его можно добиться путем «давления демократии на правительство». Под «давлением демократии» Временное правительство должно сделать заявление об «отказе от аннексий и контрибуций» и «вынудить» к тому же правительства союзных стран. Эсеры и меньшевики в силу своей мелкобуржуазной природы не понимали и не хотели понимать, что подобные заявления, если они и будут сделаны, окажутся на деле пустой демагогической фразой, ибо существующие правительства, в том числе и Временное правительство, будучи империалистическими, не могли отказаться от аннексий. Условия будущего мира они предполагали выработать на конференции социалистов воюющих стран. Эсеры и меньшевики доказывали, что мир не может быть достигнут без решительного выступления народов стран австро-германской коалиции против своих правительств. Однако по отношению к Временному правительству, также империалистическому, они подобного лозунга не выставляли.

В наиболее законченном виде отношение соглашательских партий к вопросу войны и мира было выражено в выпущенном Петроградским Советом воззвании от 14 марта 1917 г. «К народам всего мира».

Воззвание представляло собой характерное для мелкобуржуазной демократии эклектическое соединение классовопротиворечивых точек зрения, было полно внутренних противоречий. С одной стороны, в нем говорилось,

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 44.

что «наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» и что «российская демократия... будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов и... призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира», но, с другой стороны, заявлялось: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой»⁸.

В целом воззвание не шло дальше общих пацифистских призывов и в деле мобилизации масс на революционную борьбу за окончание империалистической войны сыграло отрицательную роль.

Таким образом, большевики могли завоевать большинство на свою сторону, только преодолев «революционное оборончество», путем изоляции соглашательских партий меньшевиков и эсеров. Только на этом пути большевики могли создать политическую армию социалистической революции, которой у них не было сразу после победы Февральской революции. Апрельский кризис, поводом к которому послужила известная нота Милюкова от 18 апреля, явился поэтому одним из важнейших этапов в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Большевики создавали политическую армию социалистической революции в ходе классовых битв с апреля по октябрь 1917 г., ковали союз рабочего класса с беднейшим крестьянством как решающую силу победоносной социалистической революции.

I

18 апреля по старому стилю, в день празднования 1 мая, когда по улицам Петрограда и других городов страны двигались многотысячные колонны демонстрантов, требовавших скорейшего заключения мира, министр иностранных дел Милюков направил правительствам союзных стран ноту, излагавшую задачи внешней политики Временного правительства. Формально нота Милюкова являлась лишь препроводительным отношением к декларации Временного правительства от 27 марта, фактически же она имела характер самостоятельного внешнеполитического документа. В отличие от декларации, где, с одной стороны, вопрос о целях войны был сформулирован в нарочито туманных и расплывчатых выражениях, а с другой — эти цели маскировались демагогическими фразами о «стремлениях» правительства к «миру без аннексий и контрибуций», нота Милюкова открыто заявляла о необходимости доведения войны «до победного конца». «...Заявления Временного правительства, — говорилось в ней, — разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря общей ответственности всех и каждого»⁹.

Таким образом, нота Милюкова открыто провозгласила намерение Временного правительства продолжать империалистический курс во внешней политике, официально заявляла о верности Временного правительства союзным договорам, заключенным еще царским правительством.

⁸ «Правда», № 9, от 15 марта 1917 г.

⁹ «Вестник Временного правительства», № 35(81), от 20 апреля 1917 г.

Чем объяснить, что Временное правительство, отлично зная о подлинном отношении к войне народа, включая и солдат, пошло на риск открытого заявления о своем намерении продолжать захватническую войну?

Непосредственной причиной, вызвавшей ноту Милюкова, было давление со стороны Антанты и США, которых не устраивали неопределенные формулировки декларации от 27 марта, а потому потребовавших ясного и недвусмысленного заявления со стороны Временного правительства в духе указанной ноты. Последнее также понимало, что рано или поздно оно будет вынуждено открыто заявить о своих действительных внешнеполитических устремлениях. В силу этого нота приобретала для Временного правительства значение пробного шара с целью выяснить прочность его положения, обусловленную поддержкой Петроградского и других Советов рабочих и солдатских депутатов. Расчет на успех задуманного маневра строился именно на соглашательской политике Совета, на готовности его эсеро-меньшевистских руководителей идти на сделки с империалистической буржуазией. Бурные события, последовавшие за нотой 20—21 апреля, показали, что русская буржуазия в лице своего правительства сделала огромный политический промах, свидетельствовавший о том, что она не имела такого опыта политического надувательства, которым обладала буржуазия западноевропейских стран.

У эсеро-меньшевистского Исполнительного комитета Петроградского Совета нота Милюкова, содержание которой ему стало известно еще вечером 19 апреля, вызвала полное замешательство. Поскольку свое официальное отношение к войне эсеры и меньшевики выразили в «Обращении к народам всего мира» от 14 марта, выдержанном в социал-пацифистском духе, они были вынуждены выступить с осуждением ноты, чтобы не дискредитировать себя в глазах масс. С другой стороны, соглашатели смертельно боялись действительно революционной политики и готовы были пойти на принципиальные уступки империалистической буржуазии.

Это нашло выражение в поведении эсеро-меньшевистских лидеров на заседании Исполнительного комитета Совета, начавшегося сразу же по получении текста правительственной ноты вечером 19 апреля и окончившегося около 4 часов ночи. Выступавшие один за другим Церетели, Гоц, Скобелев, Чернов и другие видные представители эсеро-меньшевистского лагеря в той или иной форме порицали ноту, указывали на ее «противоречие» с декларацией Временного правительства от 27 марта, требовали «заставить» правительство отказаться от политики захватов и т. п. Но результатом всех этих разглагольствований было то, что никакого конкретного решения вынесено не было и обсуждение вопроса было перенесено на следующий день¹⁰.

Та же растерянность царила и в эсеро-меньшевистской печати. Орган эсеров «Дело народа» разразился жалобами на «удар в спину», нанесенный демократии из «тайников мильюковской дипломатии в день майского праздника», и вынужден был признать, что нота Милюкова фактически «аннулирует» декларацию Временного правительства от 27 марта¹¹. В том же духе писала и меньшевистская «Новая жизнь», выразившая уверенность в том, что «Совет рабочих и солдатских депутатов не замедлит принять самые энергичные меры к немедленному обезвреживанию г. Мильюкова»¹².

¹⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 34, лл. 1—6.

¹¹ «Дело народа», № 28, от 20 апреля 1917 г.

¹² «Новая жизнь», № 2, от 20 апреля 1917 г.

Что касается правой прессы, включая и кадетскую «Речь», то она, разумеется, полностью поддержала и одобрила шаг Милюкова, доказывая «жизненную необходимость» ноты для упрочения начал «равенства и справедливости» на международной арене¹³.

Достойную отповедь истерическим выкрикам эсеров-меньшевистской прессы, пытавшейся доказать, что во всем виноват только один Милюков, дал В. И. Ленин в статье «С иконами против пушек, с фразами против капитала», появившейся на следующий день в «Правде». «Акт» правительства об отказе от аннексий, — писал В. И. Ленин, — был пустяковиннейшей дипломатической отпиской, которая темного мужика могла обмануть, но вождей мелкобуржуазных партий с.-д. и с.-р., писателей «Новой Жизни» и «Дела Народа» она могла «смутить» лишь при желании их быть обманутыми. Что за пустые фразы, будто «поборнику интересов международного капитала не место в рядах правительства демократической России!» Как не стыдно образованным людям писать подобный вздор?

Все Временное правительство есть правительство класса капиталистов. Дело в классе, а не в лицах. Нападать на Милюкова лично, требовать, прямо или косвенно, его смещения — пустая комедия, ибо *никакая* смена лиц ничего изменить не в состоянии, пока не сменились *классы*, стоящие у власти¹⁴.

Свое отношение к ноте Милюкова Коммунистическая партия выразила в специальной резолюции, принятой Центральным Комитетом на своем экстренном заседании утром 20 апреля.

Резолюция расценивала ноту как документ: 1) разоблачающий империалистический характер Временного правительства, по рукам и ногам связанного с англо-французским и русским капиталом; 2) показывающий, что все обещания Временного правительства о мире являются обманом; 3) подтверждающий, что Временное правительство не может отказаться от аннексий независимо от личного его состава, так как оно представляет интересы банкового капитала, кровно заинтересованного в аннексиях, и 4) разоблачающий политику соглашательских партий, поддерживающих иллюзии о возможности «исправления» правительства соответствующими «мерами воздействия»¹⁵.

Поэтому, указывал ЦК, любые изменения состава данного правительства, будь то отставка Милюкова, отзыв Керенского и т. п., неизбежно сведутся к подмене классовой борьбы соревнованием клик и личной перетасовкой и будут худшим подражанием приемам буржуазного парламентаризма. «Единственным спасением для массы мелкобуржуазного населения, колеблющегося между капиталистами и рабочим классом, — говорилось в резолюции, — является безусловный переход этой массы на сторону революционного пролетариата, который один только способен на деле разорвать путы финансового капитала и аннексионистской политики. Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно-демократическим миром»¹⁶.

¹³ «Речь», № 91, от 20 апреля 1917 г.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 167—168.

¹⁵ См. там же, стр. 155.

¹⁶ Там же, стр. 155—156.

Идеи этой резолюции легли в основу принятого в тот же день ЦК, ПК и редакцией «Правды» текста «Воззвания к солдатам всех воюющих стран»¹⁷.

Вслед за партиями свое отношение к ноте Милюкова выразили рабочие Петрограда и солдаты петроградского гарнизона. Рабочие и солдаты являлись такими оборонцами, которые выступали против аннексий, поэтому, узнав о ноте, они «были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они *почувствовали* — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обмануты»¹⁸.

Свой протест и негодование солдаты петроградского гарнизона решили выразить в виде вооруженной демонстрации.

Первым вышел на улицу запасный батальон Финляндского гвардейского полка. Из опубликованного в газетах 23 апреля официального сообщения об обстоятельствах выступления батальона видно, что устройство демонстрации было решено на соединенном собрании батальонного и ротных комитетов утром 20 апреля. Собрание постановило, чтобы в демонстрации участвовал весь батальон вместе с офицерами. На улицу решено было выйти с оружием. Целью демонстрации было «выразить протест против выступления министра иностранных дел Милюкова с нотой к союзным державам, которая в корне противоречит воззванию Временного правительства к народам мира от 27 марта» и «немедленно поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов в его ясном определении позиции к войне»¹⁹.

Батальонному и ротным комитетам не потребовалось и часа времени для того, чтобы провести свое решение в жизнь. Солдаты с величайшей готовностью согласились участвовать в демонстрации протеста. Эта готовность усилилась еще больше после взволнованного выступления одного из инициаторов демонстрации солдата Ф. Линде. С плакатами «Долой Милюкова!» и др. батальон направился в полном составе к Мариинскому дворцу, где находилась резиденция Временного правительства.

Вслед за финляндцами выступили солдаты запасного батальона Кексгольмского гвардейского полка, 3-го стрелкового и 180-го запасного пехотного полков, Московского гвардейского полка, матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, отдельные маршевые роты и др.²⁰

Вся эта солдатская масса, насчитывавшая в общей сложности около 25 тыс. человек, заполнила площадь перед Мариинским дворцом. Через некоторое время туда же прибыл запасный батальон Павловского гвардейского полка с плакатами: «Долой захватную политику Милюкова!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!», «Требуем вскрытия тайных соглашений!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!» и др.

Демонстрация превратилась в митинг. Перед собравшимися один за другим выступили ораторы разных политических направлений как из солдат, так и из невоенных, привлеченных на площадь солдатской демонстрацией. Неизменную поддержку солдат встречали те ораторы, которые расценивали ноту как документ, разоблачавший завоевательные, грабительские стремления Временного правительства²¹. Однако подлинная сущность совершившегося осталась для солдат еще во многом непонятой. Отношение их к ноте выразилось в требовании: «Долой Милюкова!», ко-

¹⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 157—159.

¹⁸ Там же, стр. 176.

¹⁹ ЦГАВМФ, ф. 18, оп. 1, д. 140, л. 412.

²⁰ «Правда», № 38, от 22 апреля 1917 г.; ЦГАВМФ, ф. 18, оп. 1, д. 140, л. 412; ф. 15, оп. 1, д. 588, л. 32.

²¹ «Правда», № 38, от 22 апреля 1917 г.

торое, по определению В. И. Ленина, являлось «противоречивым, несознательным, ни к чему неспособным повести...»²².

Наиболее яркое выражение это требование нашло в принятой тут же на площади резолюции солдат Финляндского и 180-го запасного полков, гласившей: «Ознакомившись с нотой Милюкова о целях войны, выражая свое негодование по поводу столь беззастенчивого выступления, явно противоречащего обращению Совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира и декларации самого Временного правительства, мы требуем немедленной отставки Милюкова»²³.

Солдаты не расходились до 5 часов. Атмосфера накалялась, стали появляться лозунги «Долой Временное правительство!». Лишь вмешательство Исполнительного комитета Петроградского Совета, пославшего на Марининскую площадь своих представителей с целью «успокоить» солдат и не допустить их вооруженного выступления против правительства, привело к мирному окончанию демонстрации. Авторитет Совета был велик, и хотя солдаты остались явно неудовлетворенными выступлениями членов делегации — меньшевика Скобелева и эсера Гоца (явившихся на площадь вместе с командующим Петроградским военным округом генералом Корниловым), все же послушались их увещаний не устраивать никаких выступлений до решения Совета и направились в свои казармы²⁴.

Наряду с вооруженной демонстрацией почти во всех частях петроградского гарнизона прошли бурные митинги и собрания, на которых также выносились резолюции с требованием отставки Милюкова, а иногда и всего Временного правительства.

Так, в резолюции собрания солдат 15-й роты 1-го пулеметного полка говорилось: «Выразить Временному правительству недоверие; выразить полную солидарность Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддерживать его силой оружия по первому его призыву»²⁵.

Солдатский комитет запасного электротехнического батальона от имени 7 тыс. солдат батальона постановил: «...Обратиться к Совету рабочих и солдатских депутатов с просьбой потребовать от Временного правительства, чтобы из состава правительства были исключены министры: иностранных дел г. Милюков и военный министр Гучков». Резолюция заканчивалась словами: «Клятвенно заверяем Совет рабочих и солдатских депутатов, что по первому зову Совета мы выйдем с оружием в руках ему на помощь»²⁶.

Подобного рода резолюции были приняты также и в других частях.

Оценивая политическое значение выступления солдат Петрограда, В. И. Ленин писал: «...Широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелкобуржуазная, колебнулась *прочь от капиталистов на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе *решить все*, и создало кризис»²⁷.

Рабочие демонстрации начались 20 апреля во второй половине дня.

В отличие от солдат рабочие в своем большинстве гораздо глубже и правильнее оценили ноту Милюкова, поддерживая лозунги большевиков. Лишь очень немногие выставили требование «Долой Милюкова!». Большинство рабочих вышло на улицу с лозунгом: «Вся власть Советам!».

²² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 184.

²³ «Солдатская правда», № 8, от 27 апреля 1917 г.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 18, оп. 1, д. 140, л. 412.

²⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 74, д. 10, л. 20.

²⁶ «Правда», № 44, от 29 апреля 1917 г.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 184.

Демонстрацию начали рабочие фабрик и заводов Васильевского острова, где уже с утра 20 апреля царило сильное возбуждение. Рабочие Трубочного завода, заводов «Сименс и Гальске», Кабельного, «Сименс-Шуккерт», Гвоздильного и др. в количестве нескольких тысяч человек с плакатами «Вся власть Советам!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!» и др., с пением «Интернационала» двинулись к Таврическому дворцу, где помещался Совет рабочих и солдатских депутатов. На грандиозном митинге была принята резолюция, требовавшая смещения Временного правительства и передачи всей власти в стране Советам. После митинга демонстранты с площади Таврического дворца двинулись к Мариинскому дворцу, чтобы вручить резолюцию Исполкому Совета, заседавшего в это время вместе с Временным правительством²⁸.

После 6 часов вечера, по окончании работы, на улицу вышли рабочие и других районов с плакатами: «Мир без аннексий и контрибуций!», «Вся власть Советам!» и т. п. С пением революционных песен рабочие направились к Таврическому дворцу, чтобы довести до сведения Совета свое требование о переходе власти к Советам. Часть рабочих отправилась на Мариинскую площадь с тем, чтобы выразить свой протест непосредственно Временному правительству²⁹.

Рабочие демонстрации не прекращались до позднего вечера. Демонстранты заполнили заводские окраины Петрограда, часть их двинулась в центр — на Невский проспект, Мариинскую и Дворцовую площади. Поздно ночью вышли на демонстрацию рабочие Путиловского завода. Около 11 часов на заводе был созван митинг, на котором выступили большевистские ораторы. После митинга путиловцы, построившись в колонны, направились к заводским воротам, которые оказались закрытыми. Охрана отказалась выпустить рабочих, ссылаясь на запрещение администрации. Лишь после вмешательства заводского комитета ворота были открыты, и рабочие вышли на улицу. Ввиду позднего времени демонстрация ограничилась тем, что рабочие, пройдя с пением революционных песен около завода, разошлись по домам³⁰.

Одновременно с демонстрациями на фабриках и заводах проходили митинги протеста, на которых рабочие после выступления большевистских агитаторов принимали резолюции с требованиями передачи всей власти в стране Советам.

На экстренном митинге рабочих завода «Русский Рено» была принята резолюция, в которой говорилось: «...Обсудив данный политический момент, вызванный нотой Временного правительства, признающей империалистическую политику, требуем самым категорическим образом немедленной передачи власти Временным правительством Совету рабочих и солдатских депутатов и заявляем, что такую власть будем поддерживать всеми силами»³¹. Того же требовала резолюция собрания рабочих Василеостровского трамвайного парка³². Подобные же резолюции выносились на собраниях рабочих многих других предприятий Петрограда.

Вместе с тем известная часть рабочих поддержала авантюристический лозунг «Долой Временное правительство!», выдвинутый группой Багдатьяна из Петроградского комитета РСДРП(б). Под таким лозунгом прошла, например, демонстрация рабочих Гвоздильного завода и завода «Сименс-

²⁸ «Солдатская правда», № 5, от 23 апреля 1917 г.

²⁹ «Новая жизнь», № 3, от 21 апреля 1917 г.

³⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 101, оп. 1, д. 15, л. 35.

³¹ «Правда», № 43, от 28 апреля 1917 г.

³² «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 49, от 25 апреля 1917 г.

Шуккерт»³³. Требование немедленного насильственного смещения или даже ареста Временного правительства выдвигалось также частью рабочих других заводов Петрограда.

Центральный комитет большевистской партии в принятой 22 апреля резолюции решительно осудил бланкистскую вылазку Багдатьяна и его группы. «Лозунг: «Долой Временное правительство», — говорилось, в резолюции, — потому не верен сейчас, что без прочного (т. е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера.

Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полу-пролетариев, когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки»³⁴.

Следует отметить, что, несмотря на известную популярность лозунга «Долой Временное правительство!», основная масса питерских рабочих разобралась в политической обстановке и в вопросе об отношении к Временному правительству твердо придерживалась большевистских лозунгов, выражавших курс партии на мирное развитие революции.

Рабочие и солдатские демонстрации вызвали контрвыступления буржуазии, вылившиеся в форму манифестаций доверия Временному правительству и поддержки его внешнеполитического курса. Организатором этих манифестаций выступила кадетская партия, сплотившая вокруг себя в дни апрельского кризиса буржуазию, контрреволюционно настроенную часть офицерства, студенчества, интеллигенции и т. п. Всю грязь и клевету на большевистскую партию, распространявшуюся черносотенной и буржуазной прессой, кадетские манифестанты вынесли на улицу. В рядах буржуазных демонстрантов наряду с лозунгами «Да здравствует Временное правительство!», «Да здравствует Милюков!» пестрели плакаты: «Долой Ленина!» и т. п.

На всех перекрестках кадетские ораторы поносили большевиков, обвиняя их в «пораженчестве», «развале армии», «пособничестве» германскому империализму, «анархии».

Организованные шествия и митинги буржуазии начались сразу же после выступления солдат петроградского гарнизона. После того как солдаты покинули Мариинскую площадь, часть находившейся там «публики с Невского» устроила митинг доверия Временному правительству. Вскоре к ним присоединились и другие группы буржуазии, которые явились на площадь с лозунгами: «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!» и т. п. Перед собравшимися выступили члены Временного правительства — министры Шингарев и Некрасов и обер-прокурор синода Львов. Все они призывали оказать поддержку Временному правительству, клялись «стоять на страже и поддержать в стране спокойствие и порядок до созыва Учредительного собрания». В заключение выступил Милюков, оправдывавший издание ноты «святостью наших обязанностей перед союзниками». После речей министров буржуазные манифестанты направились к посольству союзных держав, демонстрируя этим свою верность «союзническому долгу». Итальянский посол вышел на балкон и приветствовал собравшихся³⁵.

Манифестанты заполнили также Дворцовую площадь. Как сообщала «Правда», «участники этой манифестации вели себя вызывающе, истери-

³³ «Солдатская правда», № 5, от 23 апреля 1917 г.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 181—182.

³⁵ «Дело народа», № 29, от 21 апреля 1917 г.; «Новая жизнь», № 3, от 21 апреля 1917 г.

чески кричали «Долой Ленина!» и под конец сделали попытки арестовать инакомыслящих при содействии услужливой буржуазной милиции»³⁶.

Митинги буржуазии состоялись на Знаменской площади, у здания Министерства иностранных дел и в других местах центральной части города. «Буржуазия, — писал В. И. Ленин, — захватывает Невский — «Миллюковский» по выражению одной газеты — проспект и соседние части богатого Питера. Питера капиталистов и чиновников. Манифестируют офицеры, студенты, «средние классы» за Временное правительство, из лозунгов часто попадаетесь надпись на знаменах «долой Ленина»»³⁷.

Положение, созданное бурными событиями 20 апреля, было таково, что, по выражению В. И. Ленина, «страна была на волосок от гражданской войны»³⁸, причем реальная сила была не у буржуазии, а у рабочих и солдат. В этой обстановке «всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны»³⁹.

Стремительно разрастающийся кризис логикой событий выдвигал перед Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов вопрос о власти. В обстановке, когда рабочие требовали перехода всей власти Советам, а солдаты готовы были поддержать действия Совета силой оружия, Петроградский Совет при желании мог взять в свои руки всю полноту власти, не встретив какого-либо серьезного сопротивления. Иначе говоря, пути разрешения кризиса власти целиком зависели от меньшевиков и эсеров, обладавших большинством в Совете. Ходом событий они были вынуждены решать этот вопрос.

Каково же было это решение?

Уже 20 апреля вопрос о кризисе стал предметом обсуждения Совета. Первоначально он обсуждался Исполнительным комитетом Совета. Во время обсуждения пришло известие, что правительство намерено подать в отставку. Это был маневр: зная трусливую, колеблющуюся природу эсеров-меньшевиков, буржуазные политики, сидевшие во Временном правительстве, решили залугать их перспективой своего ухода, понимая, что больше всего на свете соглашательские руководители Исполкома боятся взять власть в свои руки и, следовательно, приложат все усилия к тому, чтобы обеспечить правительству свою поддержку. И действительно, приняв угрозу ухода правительства в отставку за чистую монету, Исполком спешно принялся обсуждать вопрос о том, как ее предотвратить. После длинных споров большинством против шести было постановлено поставить на обсуждение пленума Совета предложение о посылке к Временному правительству делегации Исполкома для ведения переговоров. Тут же были определены полномочия делегации: ей предлагалось потребовать от правительства отмены миллюковской ноты, официально подтверждения того, что важные политические акты будут впредь приниматься им только по согласованию с Советом, чистки министерств с целью освобождения их от реакционных элементов и создания при Совете министров специального политического комитета. Право принимать в ходе переговоров окончательные решения от лица Совета делегации предоставлено не было⁴⁰. Получение от Временного правительства «гарантий», по мысли эсеров-меньшевистских

³⁶ «Правда», № 38, от 22 апреля 1917 г.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 184.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 200.

³⁹ Там же, стр. 212.

⁴⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 25, лл. 4—6.

руководителей Совета, дало бы им возможность, с одной стороны, успокоить массы, с другой — спасти правительство от краха.

Одновременно Исполнительный комитет принял меры к прекращению демонстраций протеста. На Мариинскую площадь к собравшимся солдатам была послана специальная делегация, о которой уже упоминалось выше. Для предупреждения дальнейших солдатских выступлений Исполком направил командирам частей гарнизона соответствующие предписания. Так, например, командир запасного батальона Гренадерского гвардейского полка получил следующую телефонограмму: «Сегодня имели место самостоятельные выступления некоторых частей с демонстрациями. Во избежание дезорганизации Исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов просит никаких выступлений воинских частей не допускать без прямого письменного разрешения Исполнительного комитета»⁴¹.

Около 7 часов вечера в переполненном зале Морского корпуса председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Чхеидзе открыл общее собрание членов Совета, сообщив (после информации о деятельности Исполкома за 19 и 20 апреля), что Исполком решил с 9 часов вечера устроить совместное заседание с Временным правительством.

Вслед за Чхеидзе выступили представители партийных фракций.

Представитель фракции трудовиков усматривал выход из создавшегося положения в образовании коалиционного министерства.

Выступивший от имени фракции эсеров Чернов призвал к спокойствию и терпеливому ожиданию исхода предстоящих переговоров Исполкома с Временным правительством. Он выразил свое «возмущение» нотой, предлагая заявить по этому поводу «резкий протест» правительству и потребовать от него «возвращения» к своей прежней политике, сформулированной в декларации от 27 марта. В случае же отказа правительства взять ноту обратно Чернов требовал создания «нового» правительства, разумея, вероятно, под этим образование коалиционного министерства.

В этом же духе высказались и другие представители эсеров-меньшевистского большинства Совета. Все они, в противоречии со своими же собственными пышными заявлениями о «силе революционной демократии», о необходимости кончить войну «миром без аннексий и контрибуций» и т. п., подстегиваемые паническим страхом перед возможностью взятия власти Советами, стояли за соглашение с правительством капиталистов.

Только одни большевики предлагали действительно революционный, отвечающий интересам трудящихся масс выход из создавшегося положения — переход власти к Советам. «Сейчас... не брать власть — ошибка», — заявили большевистские депутаты Совета, резко критиковавшие тактику Исполкома⁴².

Большинством голосов Совет одобрил предложение Чхеидзе о том, чтобы «не принимать никаких решений по поводу ноты Милюкова от 18 апреля впредь до окончательного выяснения Исполнительным комитетом положения вещей при личном обмене мнений с Советом министров»⁴³. Вслед за этим члены делегации Исполкома направились в Мариинский дворец.

⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 18, оп. 1, д. 140, л. 413.

⁴² ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 73, д. 25, лл. 1—3.

⁴³ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 46, от 21 апреля 1917 г.

Совещание правительства с Исполкомом началось в 10 часов вечера. Сначала выступали министры. Чтобы заставить делегацию Совета проявить максимум уступчивости, они обрисовали создавшееся положение в самых мрачных красках, запугивая ее надвигающимися на страну «ужасами анархии».

Затем слово взяли члены делегации Чхеидзе и Церетели. Первый настаивал на отмене ноты. Второй требовал обратиться к союзникам с новой нотой. Однако после заявления Милюкова о том, что новая нота встретит со стороны союзников «самый решительный отпор», Чхеидзе и Церетели капитулировали. Выступив вторично, они от имени Исполкома заявили, что факты, с которыми их ознакомило правительство, заставляют их пойти ему навстречу: уход правительства в создавшихся условиях недопустим, и они поэтому требуют «разъяснения» ноты. Таким образом, делегация отказалась даже от таких требований, которые были выработаны на дневном заседании Исполкома. Совещание закончилось поздней ночью. После дальнейшего обмена мнениями было решено, что правительство текст разъяснения к ноте пришлет в Исполком на следующий день, 21 апреля⁴⁴.

На другой день эсеро-меньшевистская пресса освещала события 20 апреля с позиций, занятых их лидерами в Совете. Передовая «Новой жизни» начиналась с грозного заявления: «Правительству, намеренно бросившему страну во власть войны, без конца ставящему на карту дело русской свободы, — демократия доверять не может. Такой политики она не поддержит и не потерпит». Однако это заявление заканчивалось жалким трусливым выводом: «Отказываясь терпеть далее внешнюю политику Временного правительства, мы полагаем, что это еще совершенно не предвещает необходимости перехода власти в руки представителей другого класса. Радикальный перелом в международной политике России неизбежен. Но он может быть достигнут и «коррективами» в личном составе Временного правительства»⁴⁵.

Орган Организационного комитета меньшевиков (ОК) «Рабочая газета» также не жалела красок для «обличения» Временного правительства, призывая Совет «к решительным действиям»⁴⁶. Что разумелось под этими «решительными действиями», хорошо показало совещание в Мариинском дворце.

«Дело народа» встало на путь слезливого уговаривания правительства. «Мы надеемся, — писала газета, — что великий конфликт разрешится в интересах революционной России и всемирного социализма. Мы хотим верить, что Временное правительство поймет, какую оно берет ответственность на себя, отказывая трудовым массам в их праве нести в захлебывающийся кровью мир завет братства и любви»⁴⁷.

Буржуазная пресса, разумеется, встала на защиту Временного правительства и его политики. В опубликованном в «Речи» воззвании кадетской партии говорилось: «Не верьте тем, кто говорит, что Временное правительство или министр иностранных дел ведут захватную политику... Все, кто стоит за Россию и ее свободу, должны сплотиться вокруг Временного правительства и поддерживать его!»⁴⁸.

Положение дел, создавшееся событиями 20 апреля, было обсуждено ЦК большевиков на заседании 21 апреля. В принятой резолюции прежде всего подчеркивалась необходимость разъяснения массам всей лживости

⁴⁴ «Дело народа», № 30, от 22 апреля 1917 г.

⁴⁵ «Новая жизнь», № 3, от 21 апреля 1917 г.

⁴⁶ «Рабочая газета», № 36, от 21 апреля 1917 г.

⁴⁷ «Дело народа», № 29, от 21 апреля 1917 г.

⁴⁸ «Речь», № 92, от 21 апреля 1917 г.

буржуазной пропаганды, провокационно утверждавшей, будто большевики стремятся развязать гражданскую войну и стоят за сепаратный мир с Германией. В настоящий момент, когда «капиталисты и их правительство не могут и не смеют применять насилия над массами,— говорилось в резолюции,— пока масса солдат и рабочих свободно выражает свою волю, свободно выбирает и смещает *все* власти,— *в такой момент* наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне...»⁴⁹ Что же касается сепаратного мира, то партия «*против переговоров с капиталистами, ... за переговоры и братание с революционными рабочими и солдатами всех стран*»⁵⁰. Для выяснения отношений населения Петрограда к ноте Милюкова, а также к партиям и правительству резолюция предлагала устроить народное голосование. Агитаторы партии должны были призывать массы только к мирным дискуссиям, демонстрациям и митингам с непременным сохранением революционного порядка и дисциплины. Резолюция вскрыла весь вред, наносимый народу соглашательской, капитулянтской политикой эсеров и меньшевиков в связи с кризисом. «Политику теперешнего большинства вождей Совета рабочих и солдатских депутатов, партий народников и меньшевиков,— говорилось в ней,— мы считаем глубоко ошибочной, ибо доверие к Временному правительству, попытки примирения с ним, торговля из-за поправок и т. п. означали бы на деле размножение пустых бумажек, пустую оттяжку, а кроме того эта политика грозит расхождением между волей Совета раб. и солд. деп. и волей большинства революционных солдат на фронте и в Питере и большинства рабочих»⁵¹. Резолюция призвала рабочих переизбирать своих депутатов и посылать в Советы «только таких людей, которые будут стойко проводить вполне определенное мнение, согласное с действительной волей большинства»⁵².

В тот же день, 21 апреля, большевистские агитаторы, вооруженные этой резолюцией, направились на фабрики, заводы и в воинские части, и их разъяснительная работа оказала влияние на политическую направленность выступлений масс 21 апреля, которые по своей силе и размаху значительно превзошли выступления 20 апреля.

Уличные выступления 20—21 апреля В. И. Ленин оценивал как «взрыв революции и контрреволюции *вместе*», как «резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных»⁵³. Эта оценка особенно характерна для событий 21 апреля, когда на улицу вышли только рабочие и буржуазные элементы, причем дело дошло до прямых столкновений между ними. Солдатские массы больше на улицу не выходили.

Основной причиной последнего было прямое запрещение Исполнительного комитета Петроградского Совета воинским частям устраивать какие-либо выступления без его санкции. Утром 21 апреля Исполком разослал телефонограммы командирам и комитетам всех воинских частей Петрограда, предписывавшие не выходить из казарм до тех пор, пока не будет получен соответствующий официальный документ за подписями членов Исполкома и с его печатью⁵⁴. Помимо этого, Исполком направил циркулярную телефонограмму Советам рабочих и солдатских депутатов

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 172.

⁵⁰ Там же, стр. 173.

⁵¹ Там же, стр. 173—174.

⁵² Там же, стр. 174.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 152.

⁵⁴ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.

и солдатским комитетам воинских частей Кронштадта, Царского Села, Ораниенбаума, Красного Села, Гатчины, Петергофа, Павловска, Стрельны, Лигова, Сергиева и Сестрорецка с требованием «не отправлять в Петроград воинских частей и отрядов без прямого письменного приглашения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»⁵⁵. Не ограничиваясь этим, Исполком направил в воинские части, расположенные в пригородах, специальных делегатов, которые должны были удерживать солдатские массы от выступлений. О задачах, поставленных Исполкомом этим делегатам, можно судить по предписанию, которое было дано делегату, направленному в Царское Село. Ему предлагалось «принимать непосредственно всевозможные распоряжения... в целях водворения спокойствия в гарнизоне и в других экстренных случаях»⁵⁶.

Показательно, что Исполком стремился использовать с этой целью не только Советы и солдатские комитеты, но и юнкеров. Так, в предписании Исполкома комитету Ораниенбаумской стрелковой школы говорилось: «Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов просит принять все меры к поддержанию полного спокойствия в ораниенбаумском гарнизоне; ни одна воинская часть не должна направляться в Петроград без прямого распоряжения со стороны Исполнительного комитета»⁵⁷.

Меры, принятые Исполнительным комитетом, возымели свое действие, поскольку солдатские массы в то время полностью доверяли Петроградскому Совету и беспрекословно выполняли его распоряжения. Однако, хотя солдаты не вышли на улицу, до их полного успокоения было далеко. На митингах и собраниях, проходивших в частях и подразделениях, солдаты продолжали бурно выражать свой протест по поводу ноты, требовали отказа Временного правительства от захватнической внешней политики. Так, общее собрание матросов 2-го Балтийского флотского экипажа в своей резолюции требовало от Временного правительства: «1) отставки министров Милюкова и Гучкова; 2) отказа от ноты 18-го сего апреля к союзным правительствам; 3) предъявления союзным правительствам требования присоединиться к воззванию Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 марта сего года и начать переговоры в случае, если противники согласятся на наши требования; 4) опубликования тайных договоров с союзными правительствами». В заключении говорилось, что матросы готовы эти требования поддержать организованной силой, «объединившись вокруг Совета солдатских и рабочих депутатов»⁵⁸.

Солдаты команды службы связи запасного батальона Измайловского гвардейского полка в принятой резолюции заявили: «Мы твердо помним, что мы должны считаться с Временным правительством только до тех пор, пока оно идет заодно с Советом. И мы требуем, чтобы Временное правительство изменило свою политику захватов и всецело стояло на страже интересов народа. Если же оно не откажется от своей завоевательной политики, то в защиту своих прав мы встанем с оружием в руках»⁵⁹.

Такого рода резолюции были приняты большинством воинских частей петроградского гарнизона, а некоторые части, которых, правда, пока было еще очень немного, в оценке событий целиком исходили из большевистской позиции. Так, на общем митинге солдат 148-го Каспийского пехотно-

⁵⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 47, от 22 апреля 1917 г.

⁵⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 221, л. 129.

⁵⁷ Там же, л. 127.

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 933, оп. 4, д. 182, л. 19.

⁵⁹ «Правда», № 40, от 25 апреля 1917 г.

го полка, 3-го запасного пехотного полка и артиллерийского дивизиона 1-й запасной автомобильной роты была принята резолюция, в которой говорилось: «Обсудив ноту Временного правительства, в которой оно еще раз особенно ясно доказало свою контрреволюционность, постановили: этот противонародный шаг Временного правительства должен быть последним. Совет рабочих и солдатских депутатов должен взять власть в свои собственные руки, определив для этого возможно более короткий срок. Только в этом выход из того болота контрреволюции и империалистической войны, в которую неуклонно вело и ведет народы России, вопреки своим обещаниям, Временное правительство»⁶⁰.

Уличные демонстрации 21 апреля начали рабочие Выборгской стороны. До 12 часов дня предприятия Выборгского района работали по-обычному, но во время обеденного перерыва после проведенных большевистскими агитаторами митингов и собраний рабочие большинства заводов решили устроить общерайонную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!». Передовая колонна составила из рабочих заводов Пузырева, «Струк» и «Экваль». В спешном порядке был изготовлен общий для всех трех заводов плакат с надписью: «Долой Временное правительство! Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», и рабочие двинулись к центру города на Невский проспект. В голове колонны, насчитывавшей около тысячи человек, шла заводская милиция с винтовками и повязками на рукавах, причем оружие ею было взято единственно для защиты знамен. Пройдя по Сампсониевскому мосту на Петроградскую сторону, а затем Троицким мостом, Марсовым полем и Садовой улицей, колонна около 4 часов дня оказалась на Невском. Около Казанского собора ей преградила путь толпа, состоявшая из офицеров, юнкеров, студентов, воспитанников кадетского корпуса и т. п., которая несла плакат с надписью «Да здравствует Временное правительство!» И здесь произошло первое после Февральской революции вооруженное столкновение рабочих и буржуазии, в результате которого на стороне рабочих оказалось несколько жертв.

Все дошедшие до нас показания очевидцев убедительно доказывают, что нападение было произведено контрреволюционными элементами, что рабочие приложили все усилия к тому, чтобы не допустить столкновений, проявив замечательную выдержку и дисциплинированность.

Такие показания дал, например, следователю по особо важным делам корреспондент «Правды». Из этих показаний с абсолютной очевидностью явствовало, что на демонстрацию рабочих напала группа, состоявшая из офицеров, юнкеров и переодетых в солдатскую форму лиц, которая явно стремилась к провокации⁶¹. Аналогичные показания дал участник демонстрации рабочий завода Пузырева, также подробно описавший картину нападения на рабочую демонстрацию⁶². Приведенные обоими свидетелями факты были подтверждены третьим свидетелем — рабочим завода «Струк», также участвовавшим в демонстрации⁶³. Факт нападения на рабочих со стороны контрреволюционных групп констатировала большевистская печать. Более того, даже эсеровские и меньшевистские газеты вынуждены были признать это.

Замысел буржуазии, вдохновлявшийся кадетами, был ясен. При помощи провокации, мобилизовав для этого и прямо подкупив всякого рода черносотенные контрреволюционные элементы, кадетская партия стремилась

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2631, лл. 118—119.

⁶² Там же, л. 29.

⁶³ Там же, л. 109.

создать у широких слоев населения, прежде всего у мелкой буржуазии, а также у солдат, впечатление о том, что рабочие намеревались устроить вооруженное восстание, и тем самым натравить эти слои на рабочих, что дало бы ей возможность начать разгром рабочего класса и большевистской партии.

Характерным в этом отношении является факт использования кадетами небольшого числа солдат-фронтовиков для нападения на демонстрации рабочих 21 апреля с тем, чтобы создать у широкой публики впечатление о том, что фронт выступает в качестве «защитника» Временного правительства. Как свидетельствовала печать, отдельных солдат завербовали для этой цели путем подкупа, спаивания и т. п. Более того, многие из этих «солдат» оказывались просто-напросто переодетыми в солдатскую форму гражданскими лицами, не имевшими никакого отношения к фронту и предъявлявшими, когда их заставляли, вместо воинского удостоверения паспорт, которого у солдата не могло быть⁶⁴.

Вслед за колонной рабочих заводов Пузырева, «Струк» и «Экваль» на Невском проспекте появилась следующая колонна демонстрантов Выборгского района, состоявшая из рабочих заводов «Парвиайнен», «Торшилл», «Барановский» и др.⁶⁵ И снова наемники буржуазии совершили нападение на рабочую демонстрацию.

«Правда» описывала это нападение следующим образом: «Мирная манифестация Выборгского района с плакатом «Долой Временное правительство. Да здравствует С. р. и с. д.» шла по Невскому проспекту с пением «Марсельезы». В ней было много рабочих, между прочим и с завода Лесснер, и женщин. На углу Садовой улицы из вагона проходившего трамвая какой-то субъект в форме офицера направил в толпу, проходившую под этим флагом, револьвер. Милиционеры Выборгской стороны, шедшие с этой же манифестацией, взяли винтовки на прицел, но не стреляли. В это время с панели от «Вечернего времени» отделились несколько человек в солдатских формах и произвели выстрелы по рабочей манифестации»⁶⁶.

Рабочие завода «Новый Лесснер» вышли на улицы города, имея в голове колонны отряд заводской милиции, вооруженный винтовками⁶⁷. Перед началом демонстрации был устроен митинг, на котором была принята резолюция, где говорилось, что рабочие присоединяются к резолюции ЦК РСДРП(б) от 20 апреля. Кроме того, резолюция требовала немедленного заключения царя в Петропавловскую крепость, предлагала Петроградскому Совету объявить себя временным революционным правительством, настаивала на немедленном опубликовании тайных договоров с союзниками. Резолюция предлагала также начать бойкот всей буржуазной печати, включая и меньшевистское «Единство»⁶⁸.

Демонстрации рабочих Выборгской стороны продолжались до позднего вечера.

В Нарвско-Петергофском районе к 3 часам дня на площади перед Путиловским заводом и во дворе завода «Треугольник» собрались многочисленные митинги рабочих, на которых обсуждался вопрос о предстоящем выступлении на улицу.

Около 5 часов рабочие «Треугольника» двинулись к путиловцам, чтобы вместе с ними решить вопрос о выступлении. После бурных речей «за»

⁶⁴ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.

⁶⁵ «Солдатская правда», № 18, от 9 мая 1917 г.

⁶⁶ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.

⁶⁷ «Солдатская правда», № 5, от 23 апреля 1917 г.

⁶⁸ ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2632, л. 36

и «против» было вынесено решение ждать до 6 часов вечера — до момента, когда должно было поступить сообщение о положении дел от Петроградского Совета. Однако сообщение не приходило, а между тем на митинг прибывали один за другим очевидцы нападения буржуазных манифестантов на демонстрацию рабочих Выборгской стороны, вызвав своими рассказами крайнее возмущение собравшихся. Возмущение рабочих достигло предела, когда им было зачитано воззвание кадетской партии, призывавшее к устройству демонстраций доверия Временному правительству. Снова был поставлен вопрос об устройстве антиправительственной демонстрации, и на этот раз подавляющее большинство высказалось за немедленное выступление.

Колонны демонстрантов Нарвско-Петергофского района с плакатами «Долой Временное правительство!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!» и др. двинулись на Невский, имея в голове вооруженный отряд рабочей милиции, охранявший знамена. На Невском проспекте колонна повстречалась с демонстрацией рабочих Галерного острова, Выборгской стороны и других районов, двигавшейся от Морского корпуса, где заседал Совет, через Невский на Петроградскую сторону, к ЦК и Петроградскому комитету РСДРП (б). Во главе колонны, насчитывавшей до 15 тыс. человек, шел сводный отряд Красной гвардии, вооруженный винтовками. Демонстранты несли плакаты с надписями: «Да здравствует социализм!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!». Встретившиеся колонны обменялись приветствиями, и колонна Нарвско-Петергофского района, направлявшаяся ранее в сторону Адмиралтейства, повернула обратно, присоединившись к общему шествию. Проходя по Невскому проспекту, демонстранты были встречены собравшейся там буржуазной публикой, которая стала осыпать их злыми выкриками. Рабочие отвечали им: «Долой буржуазную травлю!», «Да здравствует товарищ Ленин!». Когда же большая часть демонстрантов свернула на Садовую улицу, буржуазная толпа напала на оставшихся, раздались выстрелы, направленные в рабочих⁶⁹.

Очевидцы и на этот раз свидетельствовали, что демонстрация рабочих носила совершенно мирный характер, а провокационное вооруженное нападение на нее было совершено со стороны буржуазной толпы. Об этом дали подробные показания следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда студент Института путей сообщения и еще один очевидец⁷⁰. Столь же подробно сообщал об этом в своем письме в газету «Дело народа» один из участников демонстраций⁷¹. Другой очевидец написал специальное письмо в газету «Новая жизнь»⁷². Факт стрельбы в рабочих устанавливал также подробный рапорт милиционера 1-го Спаского подрайона, составленный по поводу убийства во время демонстрации одного из рабочих фабрики Копылова⁷³.

Точно такое же нападение и на том же самом месте было произведено кадетско-черносотенными элементами и на организованную большевиками демонстрацию рабочих Петроградского и 2-го Городского районов. Демонстранты в количестве 10—12 тыс. человек с пением революционных

⁶⁹ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.; «Дело народа», № 32, от 25 апреля 1917 г.; «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 49, от 25 апреля 1917 г.; ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2632, лл. 117—118.

⁷⁰ ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2632, лл. 117—118, 137.

⁷¹ «Дело народа», № 32, от 25 апреля 1917 г.

⁷² «Новая жизнь», № 5, от 23 апреля 1917 г.

⁷³ ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2632, л. 24.

песен и возгласами: «Всю власть Совету рабочих и солдатских депутатов!» направлялись через Невский проспект к Троицкому мосту. На углу Невского и Садовой им преградила путь сомкнутая цепь из юнкеров и студентов. Однако значительной части рабочих удалось прорваться на Садовую улицу. Тогда эта толпа набросилась на не успевшую уйти с Невского часть рабочих, пытаясь вырвать знамя 2-го Городского района. Около знамени завязалась борьба. Раздались выстрелы по рабочим. Стреляли городские милиционеры и юнкера. Демонстрация была рассеяна, но 2—3 тыс. человек все же направились дальше к Троицкому мосту⁷⁴.

Нападению со стороны буржуазии подверглась также мирная демонстрация рабочих Рождественского и 1-го Городского районов, но на этот раз жертв не было.

Четырехтысячная колонна рабочих Русско-Балтийского и Оптичского заводов, Невской ниточной мануфактуры и других предприятий Рождественского района около 6 часов вечера направилась с Новгородской улицы к Николаевскому морскому корпусу, где заседал Петроградский Совет. Оружия у демонстрантов не было. На Знаменской площади демонстранты встретились с 10-тысячной колонной 1-го Городского района, в которой находились рабочие и работницы «Новой бумагопрядильни», табачной фабрики «Колобов и Бобров», типографий «Копейка» и «Гершуни», «Общества точечных изделий». Обе колонны несли знамена и плакаты с надписями: «Всю власть Совету рабочих и солдатских депутатов!», «Долой империализм!», «Да здравствует социализм!», «Полное доверие Совету рабочих и солдатских депутатов!» и т. п. Здесь им преградили дорогу грузовые автомобили, наполненные офицерами, вольноопределяющимися, студентами, гимназистами и прочей кадетской публикой.

Кадетские манифестанты, державшие плакаты с надписями: «Да здравствует Временное правительство!» и «Долой Ленина!», потребовали у рабочих удаления рабочей милиции. Не желая ввязываться в вооруженное столкновение, рабочие подчинились. Однако это не охладило воинственного пыла контрреволюционеров. Вместе с подоспевшими «военными» и другими защитниками Временного правительства они накинудились на рабочих Рождественского района (большинство которых составляли женщины), пытаясь отобрать у них знамена. Демонстрантов сдвигали со всех сторон, мяти конями, избивали. Знамена были отобраны и разорваны в клочья. На Невском рабочим вновь пришлось столкнуться с отрядами буржуазии, шедшими под флагами: «Полное доверие Временному правительству!», «Да здравствует Миллюков!» и т. п. Буржуазные манифестанты и публика с Невского кинулись уничтожать оставшиеся у рабочих знамена, осыпая их ударами. С большим трудом демонстрация рабочих удалось пройти через Невский проспект и достигнуть здания Морского корпуса, где состоялся грандиозный митинг протеста⁷⁵.

К исходу вечера 21 апреля продемонстрировали под лозунгом протеста против империалистической политики Временного правительства рабочие всех районов Петрограда.

Активное участие в противоправительственных демонстрациях приняли также и рабочие пригородов Петрограда.

Вечером 21 апреля широкий Каменноостровский проспект заполнили рабочие промышленных предприятий Новой деревни, шедшие под лозунгами: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Долой

⁷⁴ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.; «Солдатская правда», № 5, от 23 апреля 1917 г.

⁷⁵ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 47 и 48, от 22 и 23 апреля 1917 г.

Временное правительство!» и т. п. Демонстрация была столь многочисленна, что на время пришлось остановить трамвайное и пешеходное движение ⁷⁶. На Невском проспекте демонстрировали также рабочие Колпина, прибывшие в Петроград вместе со своей заводской милицией ⁷⁷.

Одновременно с демонстрациями в течение всего дня проходили собрания и митинги на фабриках и заводах столицы, на которых влияние большевиков было преобладающим. Принятые резолюции почти дословно воспроизводили лозунги, выдвинутые в резолюциях ЦК РСДРП(б) от 20 и 21 апреля.

Таковы были резолюции собраний рабочих заводов «Новый Айваз», «Экваль», «Старый Лесснер», кожевенного завода Парамонова и др. ⁷⁸ Основная мысль этих резолюций сводилась к требованию перехода всей власти в руки Петроградского Совета ⁷⁹.

Что же касается буржуазных манифестаций, то центром их формирования был клуб кадетской партии на Французской набережной.

Около 4 часов дня процессия направилась к Мариинскому дворцу. Впереди колонны ехал автомобиль с водруженным на нем плакатом «Да здравствует Временное правительство!». В автомобиле находились члены Центрального комитета кадетской партии, во время остановок выступавшие с речами перед публикой. Позади ехал еще один автомобиль, с которого сбрасывались в публику листовки кадетской партии с призывом устраивать демонстрации доверия Временному правительству. На Невском и Морской улице к процессии присоединились новые толпы, так что когда шествие достигло Мариинской площади, оно представляло собой большую коллекцию «котелков и шляпок» ⁸⁰. Здесь был устроен митинг, который принял резолюцию доверия Временному правительству ⁸¹. По предложению членов кадетского ЦК было решено отправить делегацию к Временному правительству, которая вручила бы ему принятую резолюцию и приветствовала от имени собравшихся. В состав делегации были избраны представители «союзных демократий» — два французских офицера, которых манифестанты несли на руках во время прохождения процессии по Морской улице. Однако министров во дворце не оказалось. Узнав, что они заседают на квартире Гучкова, толпа двинулась туда и после того, как ее приветствовали Милюков и Гучков, направилась к Министерству иностранных дел с намерением продемонстрировать свое одобрение ноте Милюкова ⁸².

Буржуазные манифестанты заполнили также Невский проспект и другие центральные улицы Петрограда. Вот как описывала эти манифестации «Правда». «Демонстрации начались в центре города сторонниками Временного правительства. Сначала они были очень очень незначительны. Много учащихся средних учебных заведений, барышень и представителей «чистого общества» — завсегдадаев Невского. Плакаты «Да здравствует Временное правительство», «Да здравствует П. Н. Милюков» и пр. Разбрасывались и расклеивались прокламации от имени партии «Народной свободы», призывавшие к манифестациям с выражением доверия Временному правительству... На некоторых плакатах были надписи «Долой Ленина», «Арестовать Ленина» и пр. Имя Ленина раздавалось во всех

⁷⁶ «Дело народа», № 30, от 22 апреля 1917 г.

⁷⁷ ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2632, л. 118.

⁷⁸ «Правда», № 41 и 43, от 26 и 28 апреля 1917 г.

⁷⁹ «Солдатская правда», № 6, от 25 апреля 1917 г.

⁸⁰ «Речь», № 93, от 22 апреля 1917 г.

⁸¹ «Вестник Временного правительства», № 38(84), от 23 апреля 1917 г.

⁸² «Речь», № 93, от 22 апреля 1917 г.

падажах по Невскому проспекту. Слышались даже призывы идти немедленно к Мариинскому дворцу и требовать от Временного правительства указа об аресте Ленина, того самого Ленина, которого столько раз арестовывало и ссылало правительство Николая Кровавого. На Ленина сыпались гнусная ложь и клевета. Искжая его взгляды, его выставляли как мишень для нападков. Удобнее и безопаснее клеветать на одного человека, чем на выборных рабочих и солдат»⁸³.

Пытаясь придать своим манифестациями внушительный вид, выдать их за выражение «широкого общественного мнения», кадеты прибегли к пышному внешнему оформлению своих процессий, в частности, они мобилизовали для этого большое количество грузовых и легковых автомобилей.

Первые автомобили, наполненные кадетско-черносотенной публикой, появились около 4 часов дня на Невском проспекте. К 7 часам вечера число их значительно возросло. Почти сплошной лентой они двигались по Невскому, украшенные плакатами: «Доверие Временному правительству!», «Арестовать Ленина!» и т. п. С автомобилями сыпались листовки, во время остановок сидевшие в них кадетские ораторы выступали с речами⁸⁴.

Автомобили использовались кадетами и для прямых провокаций. Так, один из свидетелей показывал, что из автомобиля, наполненного сторонниками Временного правительства, стреляли по проезжавшему мимо автомобилю, в котором находились милиционеры завода «Вулкан»⁸⁵.

На том же Каменноостровском проспекте был задержан рабочими и солдатами другой такой же автомобиль, откуда была открыта провокационная стрельба в народ⁸⁶.

Характерной чертой буржуазных выступлений были демонстрации «верности союзническому долгу», которые устраивались перед зданиями соответствующих посольств. К манифестировавшей перед зданием английского посольства толпе вышел на балкон посол Бьюкенен и, грубо попирая международное право, запрещающее дипломатическим представителям вмешательство во внутренние дела иностранных государств, произнес речь, в которой призывал к поддержке Временного правительства, являвшегося, по его словам, «искренним защитником народных интересов». Большой митинг буржуазных манифестантов состоялся также у здания итальянского посольства⁸⁷.

Кадетской партией был организован также ряд митингов и собраний, на которых принимались резолюции доверия Временному правительству и одобрения его внешнеполитического курса.

Телеграмму с выражением доверия Временному правительству, требованием доведения войны «до победного конца» и сохранения верности союзникам послал Центральный военно-промышленный комитет⁸⁸.

Лабазники при Калашниковской хлебной бирже в телеграмме на имя председателя Совета министров князя Львова заявили правительству о том, что они выражают «полное доверие всем его действиям... в полной уверенности, что оно укрепит и удержит свободу России и благополучно закончит великую войну»⁸⁹.

⁸³ «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.

⁸⁴ «Солдатская правда», № 5, от 23 апреля 1917 г.; «Новая жизнь», № 4, от 22 апреля 1917 г.

⁸⁵ «Дело народа», № 32, от 25 апреля 1917 г.

⁸⁶ «Правда», № 40, от 25 апреля 1917 г.; ГИАЛО, ф. 487, оп. 1, д. 2631, л. 52.

⁸⁷ «Новая жизнь», № 4, от 22 апреля 1917 г.; ЦГАВМФ, ф. 92, оп. 1, д. 129, л. 48.

⁸⁸ «Речь», № 93, от 22 апреля 1917 г.

⁸⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 163, л. 2.

Резолюции с выражением полного доверия Временному правительству были приняты также общим собранием петроградских фуражных торговцев⁹⁰, митингом чиновников Министерства путей сообщения⁹¹ и другими собраниями и митингами буржуазии и ее сторонников.

В тесной связи с этими манифестациями и собраниями имела место неудачная попытка со стороны контрреволюционного генералитета подавить революционные выступления масс вооруженной силой. Так, по слову с кадетским ЦК и Военным министерством командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов сразу же после провокационного нападения кадетско-черносотенных элементов на демонстрацию рабочих Выборгского района приказал направить на Дворцовую площадь две батареи из Михайловского артиллерийского училища. Такие же приказы были посланы им и некоторым другим воинским частям.

Однако солдаты и офицеры училища отказались выполнить приказ командующего. На собрании было решено послать делегацию в Совет, чтобы выяснить обстоятельства издания этого провокационного приказа. Исполнительный комитет Совета, узнав о приказах Корнилова, предложил ему немедленно отменить их. Кроме того, в воинские части были направлены члены Исполкома для содействия возвращению войск в казармы. Корнилов не решился противодействовать Совету и подчинился его решению⁹².

Среди рабочих и солдат приказ Корнилова вызвал глубокое возмущение. Так, Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов в специальной резолюции потребовал от Исполнительного комитета Петроградского Совета назначить следственную комиссию для расследования действий Корнилова, одновременно приветствуя Михайловское артиллерийское училище за то, что оно не подчинилось приказу о подавлении революционных рабочих и солдат⁹³.

Немедленного расследования потребовали также большевистские организации, в частности «Правда»⁹⁴.

Однако эти требования не были выполнены. Соглашательские руководители Исполкома Петроградского Совета, не желая обострять отношений с Временным правительством, дело о корниловском приказе замяли.

События 21 апреля в Петрограде, ознаменовавшиеся прямыми столкновениями классово-враждебных сил — пролетариата и буржуазии, сделали положение Временного правительства еще более шатким. И если оно удержалось у власти, то только благодаря соглашательской политике меньшевистско-эсеровских Советов. В последующие дни лидеры Исполкома Петроградского Совета прилагали еще большие усилия для того, чтобы ликвидировать кризис на базе соглашения с Временным правительством.

Необходимо, однако, отличать позицию эсеров и меньшевиков в дни апрельского кризиса от их позиции во время июльского кризиса. В первом случае В. И. Ленин расценивал их политику как н е й т р а л ь н у ю, означавшую, что меньшевики и эсеры, не поддерживая открыто политику Временного правительства, в то же время не становились на сторону революционных сил, прежде всего пролетариата, тогда как в июльские дни они

⁹⁰ Там же, д. 142, л. 137.

⁹¹ Там же, д. 163, л. 5.

⁹² «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.; «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 50, от 26 апреля 1917 г.; ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 35, лл. 1—2, 6—7.

⁹³ ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 2, л. 3.

⁹⁴ «Правда», № 40, от 25 апреля 1917 г.

заняли открыто контрреволюционную позицию. Важно подчеркнуть, что прямой переход соглашательских партий на сторону контрреволюции во время июльского приказа был обусловлен именно их «н е й т р а л и з м о м» в бурные дни 20—21 апреля. «...Партии эсеров и меньшевиков, — писал В. И. Ленин, — нейтральные 20—21 апреля, запутались с тех пор в своей зависимости от контрреволюционных кадетов (через коалиционное министерство и чрез политику наступления) и оказались поэтому 3 и 4-го июля на стороне контрреволюции»⁹⁵.

Прежде всего лидеры Петроградского Совета сосредоточили свое внимание на «успокоении» враждующих сил, на восстановлении *status quo*, существовавшего до кризиса.

В полдень 21 апреля членам Бюро Исполнительного комитета Совета, заседавшим с самого утра, стало известно, что на Выборгской стороне организуется противоправительственная демонстрация. Бюро решило направить Либеря, Станкевича и Войтинского с заданием не допустить демонстрации, а если это не удастся, то придать выступлению рабочих такое политическое направление, которое не расходилось бы с позицией, занятой Советом. Было решено направить уполномоченных Исполкома и в другие районы столицы с тем, чтобы они через районные Советы рабочих и солдатских депутатов удержали массы от активных выступлений против Временного правительства⁹⁶.

Во второй половине дня состоялось заседание всего состава Исполнительного комитета. Первым обсуждался вопрос о созыве на 22 апреля совещания представителей районных Советов рабочих и солдатских депутатов и воинских частей с членами Бюро Исполкома для обсуждения текущих событий и координации действий. Большевиками было внесено предложение пригласить на совещание не только членов Бюро, но и всех желающих членов Исполкома, ибо в противном случае большевики фактически не имели бы возможности войти в состав делегации от Совета. Это предложение было принято.

Вслед за этим поступило внеочередное сообщение о кровавом столкновении на Невском проспекте. Исполком направил туда делегацию в составе Чхеидзе, Скобелева и др. Было решено срочно сдать в набор воззвание к населению, проект которого был предложен меньшевиком Скобелевым. В этом обращении, опубликованном на следующий день в петроградских газетах и отдельными выпусками, рабочие и солдаты призывались к спокойствию и порядку в ожидании, пока Совет «найдет пути осуществления их воли». Рабочим предлагалось не устраивать вооруженных демонстраций, солдатам — не выходить с оружием в руках без особого распоряжения Исполнительного комитета, отданного на форменном бланке Совета с печатью и подписями не менее чем двух из семи членов Исполкома (Чхеидзе, Скобелева, Бинасика, Филипповского, Скалова, Гольдмана и Богданова)⁹⁷. Были также направлены соответствующие телеграммы всем Советам и солдатским комитетам, а также воинским частям. Специальная телефонограмма с просьбой прислать представителей «для взаимного осведомления относительно текущего момента и координации действий» была направлена также в Москву и исполнительным комитетам местных Советов рабочих и солдатских депутатов⁹⁸.

⁹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 195.

⁹⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 78, лл. 1—3.

⁹⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 1175, оп. 2, д. 23, л. 1.

⁹⁸ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 47, от 22 апреля 1917 г.

Затем в Исполком поступило новое внеочередное заявление о вызове генералом Корниловым войск на Дворцовую площадь. Исполком сразу же принял меры для отзыва войск, устраняя на этот раз «опасность справа». Представителю Совета Чхеидзе было поручено вести переговоры с Корниловым по вопросу о возвращении войск в казармы. Помимо этого, к войскам направили членов Исполкома с предписанием не допустить выполнения приказа Корнилова. Для постоянной связи с воинскими частями гарнизона был тут же организован штаб из указанных выше членов Исполкома⁹⁹.

Покончив с вопросами по части «успокоения», Исполком приступил к обсуждению поступившего к нему «разъяснения» Временного правительства относительно ноты Милюкова. В разъяснении указывалось, что нота «была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, причем текст ее принят единогласно», и что «нота эта, говоря о решительной победе над врагом, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта...». «Под упоминаемыми в ноте «санкциями» и «гарантиями» прочного мира, — говорилось далее, — Временное правительство подразумевало ограничение вооружений, международный трибунал и пр.». В заключение указывалось, что текст данного разъяснения будет передан министром иностранных дел послам союзных держав¹⁰⁰.

Эсеро-меньшевистские руководители Совета сочли «разъяснение» правительства вполне удовлетворительным и достаточным. Большинством 34 против 19 (большевики и меньшевики-интернационалисты) «инцидент» с нотой был признан «исчерпанным». Таким образом, эсеры и меньшевики «пошли на компромисс, сдав целиком все свои позиции, удовлетворившись пустейшими, чисто словесными, оговорочками капиталистов»¹⁰¹. В качестве руководства на будущее Исполкомом в этом же постановлении было признано необходимым «принять немедленно решительные меры к усилению своего контроля над деятельностью Временного правительства и в первую очередь над деятельностью Министерства иностранных дел». Было также заявлено, что «без предварительного осведомления Исполкома не должен издаваться ни один крупный политический акт», и «состав дипломатического представительства России за границей должен быть радикально изменен»¹⁰².

Смысл этого постановления с замечательной глубиной и ясностью раскрывается в следующих словах В. И. Ленина: «Контроль без власти есть пустейшая фраза... Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это непонятно широкой массе мелкобуржуазного блока, надо иметь терпение разъяснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду. А если я заслоняю это основное условие контролем, я говорю неправду и играю в руку капиталистам и империалистам. — «Пожалуйста, ты меня контролируй, а я буду иметь пушки. Будь сыт контролем», — говорят они. Они знают, что отказать народу сейчас нельзя. Без власти контроль — мелкобуржуазная фраза, тормозящая ход и развитие русской революции»¹⁰³.

Вечером 21 апреля состоялось общее собрание членов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором должен был окончательно решиться вопрос о ликвидации кризиса власти. Собрание было на-

⁹⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 35, лл. 1—2.

¹⁰⁰ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 47, от 22 апреля 1917 г.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 181.

¹⁰² ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 35, л. 1.

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 201.

значено на 6 часов вечера, но уже к 5 часам большая часть депутатов была в сборе и с напряженным вниманием ждала исхода заседания Исполнительного комитета, обсуждавшего в это время «разъяснение» правительства. В 7 часов 20 минут вечера появились члены Исполкома, и речью Чхеидзе собрание Совета было открыто. Доклад был сделан Церетели, изложившим ход событий за день и результаты обсуждения в Исполкоме правительственного «разъяснения».

Затем на обсуждение была поставлена резолюция, выработанная фракциями эсеров и меньшевиков, основное положение которой было сформулировано следующим образом: «Новое разъяснение Временного правительства, опубликованное во всеобщее сведение и сообщенное министром иностранных дел послам союзных держав, кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии, и тот факт, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов, должен быть признан крупным завоеванием демократии»¹⁰⁴. Иначе говоря, меньшевики и эсеры предлагали Совету санкционировать решение Исполкома о признании «инцидента исчерпанным».

Резолюция вызвала бурные прения. Эсеры и меньшевики безоговорочно защищали ее. Большевики были категорически против нее, доказывая, что единственным путем для окончания войны демократическим, ненасильственным миром является передача всей власти в стране в руки Советов. Однако эсеро-меньшевистское большинство Совета обеспечило принятие своей по существу капитулянтской резолюции. Все поправки были отвергнуты. Тотчас же по принятии резолюции Исполком передал всем Советам, армейским и флотским комитетам циркулярную телефонограмму, в которой говорилось: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, обсудив дополнительное разъяснение Временного правительства к ноте союзным державам, подавляющим большинством голосов признал это разъяснение удовлетворяющим Совет. В связи с этим Совет признал необходимым оказывать правительству поддержку на прежних основаниях»¹⁰⁵.

Последним пунктом повестки дня был вопрос о прекращении уличных демонстраций. «Для предотвращения смуты, грозящей делу революции», говорилось в принятом решении, Совет единогласно постановил:

«1. В течение двух дней воспрещаются всякие уличные митинги и манифестации.

2. Предателем и изменником делу революции объявляется каждый, кто будет звать в эти дни к вооруженным демонстрациям или производить выстрелы, хотя бы в воздух.

3. Случаи стрельбы, имевшие место 21 апреля, должны подвергнуться самому тщательному расследованию при участии Исполнительного комитета С. р. и с. д.»¹⁰⁶.

Постановление Петроградского Совета о ликвидации «инцидента» и о дальнейшей поддержке Временного правительства имело решающее значение для ликвидации первого кризиса власти. Как только резолюция Совета от 21 апреля была опубликована, мелкобуржуазные массы снова пошли за эсеро-меньшевистскими партиями. Мелкая буржуазия вновь поддалась обману со стороны эсеров и меньшевиков и поверила, что рево-

¹⁰⁴ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 47, от 22 апреля 1917 г.

¹⁰⁵ ЦГАВМФ, ф. 92, оп. 1, д. 278, л. 41.

¹⁰⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 1175, оп. 2, д. 23, л. 4.

люционная демократия действительно одержала «крупную победу», «заставив» Временное правительство «отказаться» от завоевательных целей и поставив его под свой «контроль». «Мелкобуржуазная масса, — говорилось в резолюции ЦК РСДРП(б) от 22 апреля, — колебнулась сначала от капиталистов, возмущенная ими, к рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими «доверие» к капиталистам и «соглашательство» с ними»¹⁰⁷.

Что же касается петроградских рабочих, то большинство из них не поддавалось на новый эсеро-меньшевистский обман. Это убедительно показали прошедшие в последних числах апреля митинги и собрания на фабриках и заводах, на которых принимались, как правило, большевистские решения.

Так, рабочие Русско-Балтийского вагонного завода на общем собрании, состоявшемся 22 апреля, приняли следующую резолюцию: «Обсудив отношение С. р. и с. д. к Временному правительству, мы находим, что единственным правительством, выражающим волю народа, может быть только правительство Совета р. и с. д. Мы выражаем полное доверие Совету р. и с. д. и вместе с тем мы считаем необходимым немедленно переизбрать тех представителей Совета раб. и солд. деп., которые не выражают волю большинства избирателей»¹⁰⁸.

Такой же характер носила резолюция рабочих Сестрорецкого оружейного завода. «Всекие колебания со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов, — говорилось в ней, — только укрепляют политику буржуазных захватов чужих земель и войну без конца... Требуем перехода всей власти к Совету рабочих и солдатских депутатов. Мы верим, что Совет рабочих и солдатских депутатов при поддержке всего организованного рабочего класса, крестьянства и солдат сумеет справиться с задачами, выдвинутыми жизнью»¹⁰⁹.

2500 рабочих завода «Старый Парвияйнен», собравшись 26 апреля на митинг, приняли резолюцию, которая также требовала перехода всей власти к Советам¹¹⁰.

Аналогичные резолюции принимались рабочими и других фабрик и заводов Петрограда.

Питерские пролетарии проявили высокую революционную сознательность и дисциплинированность. По призыву большевистской партии они после принятия решения Петроградского Совета о запрещении демонстраций больше не выходили на улицы. Этот призыв был обусловлен тем, что после решения Совета, в результате которого мелкобуржуазные массы и прежде всего солдаты вновь пошли за эсерами и меньшевиками, дальнейшие уличные выступления рабочих могли иметь опасные для дела революции последствия, ибо тогда рабочий класс неизбежно противопоставил бы себя мелкобуржуазным массам и Советам, поддерживавшим в своем подавляющем большинстве Петроградский Совет и через него Временное правительство. Вот почему в указанной выше резолюции ЦК РСДРП(б) от 22 апреля говорилось: «Постановление Петрогр. Совета р. и с. деп. от 21 апреля о воспрещении всяких уличных митингов и манифестаций в течение двух дней должно быть безусловно соблюдено всеми членами нашей партии. ЦК еще вчера распространил с утра и сегодня напечатал в «Правде» резолюцию о том, что «в такой момент бессмысленна и дика всякая мысль о гражданской войне», что демонстра-

¹⁰⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 181.

¹⁰⁸ «Правда», № 43, от 28 апреля 1917 г.

¹⁰⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 4648, оп. 1, д. 1, л. 50.

¹¹⁰ «Правда», № 44, от 29 апреля 1917 г.

ции должны быть только мирные и что ответственность за насилие падет на Временное правительство и его сторонников. Поэтому наша партия все вышеназванное постановление Совета С. и Р. Д. (в особенности против вооруженных демонстраций и выстрелов в воздух) считает совершенно правильным и подлежащим *безусловному выполнению*»¹¹¹.

Вместе с тем Центральный Комитет ориентировал партию на дальнейшую борьбу за завоевание большинства народа на свою сторону путем упорной разъяснительной работы. В своей тактике партия исходила из понимания того, что глубочайшее противоречие между интересами масс, жаждавших скорейшего мира, и интересами империалистической буржуазии не снято и не может быть снято с повестки дня вплоть до победы социалистической революции, что «причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно»¹¹².

Дальнейшие события полностью доказали правильность этого предвидения.

II

Апрельский кризис отнюдь не ограничился пределами одной лишь столицы. Петроградские события 20—21 апреля вызвали мощный отклик во всей стране, придав тем самым апрельскому кризису общенациональное значение. Петроград в данном случае сыграл роль революционного центра, положившего начало движению протеста по всей стране.

Наиболее бурно после Петрограда апрельские события развернулись в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве, где движение в дни кризиса по своему размаху и глубине мало чем уступало выступлениям в столице.

Как только рабочим и солдатам Москвы стало известно о ноте Милюкова, они сразу же выразили свой протест массовыми демонстрациями.

Наибольшей силой отличалось выступление солдат 55-го запасного пехотного полка совместно с рабочими Замоскворецкого района. Вопрос об организации демонстрации был решен на общем собрании ротных комитетов. 22 апреля в 3 часа дня полк с плакатами «Единение солдат и рабочих!», «Долой Временное правительство!» и т. п. под звуки оркестра двинулся по Серпуховке и Пятницкой на Тверскую, к зданию, где заседали Московские Советы рабочих и солдатских депутатов. Вслед за ним двигалась многотысячная процессия рабочих заводов и фабрик Замоскворечья. Перед домом Совета был устроен грандиозный митинг протеста¹¹³. К центру города двигались также густые стройные колонны солдат и рабочих других районов города, неся знамена: «Да здравствует мир и братство народов!», «Война войне!», «Долой Милюкова и Временное правительство!» и др. На Театральной и Воскресенской площадях состоялись большие митинги, на которых ораторы требовали передачи власти Советам.

В ответ на выступления рабочих и солдат буржуазия устроила свои манифестации в защиту Временного правительства. Кое-где эти манифестации пришли в столкновения с рабочими демонстрациями. Буржуазные манифестанты делали попытки отнять у рабочих знамена и плакаты, причем в этом им помогала городская милиция. Однако до вооруженных столкновений дело не дошло¹¹⁴.

¹¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 182.

¹¹² Там же, стр. 181.

¹¹³ «Социал-демократ», № 38, от 23 апреля 1917 г.; «Правда», № 39, от 23 апреля 1917 г.

¹¹⁴ «Правда», № 45, от 30 апреля 1917 г.

Одновременно проходили митинги и собрания на заводах, фабриках и в воинских частях. На рабочих митингах преобладающим влиянием пользовались большевики. В принятых резолюциях рабочие, как правило, требовали передачи власти Советам.

Так, например, собрание рабочих завода Михельсона вынесло резолюцию, в которой говорилось: «Временное правительство является выразителем империалистической буржуазии и, будучи зависимо от французского, английского, американского финансового капитала, не желает и не может выразить волю революционной демократии и не стремится кончить войну на основании самоопределения народов, — поэтому мы находим единственным выходом из создавшегося положения — стремление пролетариата и революционного крестьянства к переходу власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹¹⁵.

Недоверие Временному правительству выразили в своих резолюциях рабочие завода «Демент» и Замоскворецкого трамвайного парка¹¹⁶.

Что же касается позиции Московских Советов рабочих и солдатских депутатов, то она полностью совпадала с позицией Петроградского Совета, поскольку и в них преобладали эсеры и меньшевики. Заключительная резолюция Московских Советов, принятая на объединенном заседании 22 апреля, по своему содержанию ничем не отличалась от резолюции Петроградского Совета от 21 апреля. Резолюция, признав правительство «неудовлетворяющим, объявила в связи с этим «конфликт с Временным правительством ликвидированным»¹¹⁷.

В прямой связи с выступлениями в Москве проходило движение массового протеста во всей центрально-промышленной области.

Бурно протестовали руководимые большевиками рабочие Иваново-Вознесенского района. Так, Совет рабочих депутатов села Тейкова Шуйского уезда принял резолюцию, в которой наряду с выраженным протестом и недоверием Временному правительству говорилось: «Только взявши при поддержке большинства народа всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами в лице Советов рабочих депутатов создаст новое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно может быстро прекратить войну истинно демократическим миром»¹¹⁸.

Резолюции протеста выносили рабочие и солдаты Твери, Ярославля, Тулы и других городов. Негодование рабочих и солдатских масс было так велико, что в некоторых местах с протестом против ноты Милюкова были вынуждены выступить даже соглашательские Советы. Так, Ярославский Совет рабочих и солдатских депутатов принял 22 апреля резолюцию, в которой заявил, что он «считает необходимым протестовать самым решительным образом против всяких действий Временного правительства, идущих в разрез с требованиями революционной демократии, и будет поддерживать всеми имеющимися в его распоряжении средствами борьбу против таких действий»¹¹⁹. Аналогичные резолюции были приняты также Тульским Советом рабочих и солдатских депутатов¹²⁰, соединенным совещанием исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и кре-

¹¹⁵ «Социал-демократ», № 43, от 29 апреля 1917 г.

¹¹⁶ «Социал-демократ», № 37 и 45, от 22 апреля и 2 мая 1917 г.

¹¹⁷ «Социал-демократ», № 38, от 23 апреля 1917 г.

¹¹⁸ См. «1917 год в Иваново-Вознесенском районе», Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 80.

¹¹⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 7, д. 36, л. 33.

¹²⁰ Там же, л. 29.

стьянских депутатов Твери и губернии ¹²¹, Подольским Советом рабочих и солдатских депутатов и др. ¹²²

Глубокое возмущение нотой Милюкова высказала также значительная часть крестьянской массы, испытывавшая на себе все тяготы и лишения войны. В ряде мест трудящееся крестьянство в этом вопросе пошло за большевиками. Так, состоявшееся 23 апреля 7-тысячное собрание крестьян Каменской волости Калужской губернии, обсудив текущий момент, признало необходимым:

«1) Смещение Временного правительства, служащего только тормозом революционного дела, и передать власть в руки Сов. раб. и солд. депутатов.

2) С. р. и с. д., опираясь на революционный пролетариат, должен положить конец этой войне, принесшей выгоды только капиталистам и помещикам и ослабляющей революционные силы народа...» ¹²³

Массовое движение протеста захватило и южные районы страны — Украину, Донскую область и Северный Кавказ. Здесь, как и в центрально-промышленной области, многие Советы рабочих и солдатских депутатов, несмотря на преобладание в них эсеров и меньшевиков, вынуждены были под прямым давлением революционных масс выступить с порицанием миллюковской ноты.

Так, например, резко осудил попытку Временного правительства продолжать войну в угоду империалистической буржуазии и потребовал опубликования тайных договоров Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов ¹²⁴.

Исполнительный комитет Краматорского Совета рабочих и солдатских депутатов в телеграмме Петроградскому Совету выразил уверенность в том, что последний «найдет выход из создавшегося положения и выведет страну из кровавого тупика, к которому пришла буржуазная власть» ¹²⁵.

Подобные резолюции были вынесены и многими другими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также собраниями рабочих, крестьян и солдат. Но массы в своем большинстве еще продолжали верить меньшевикам и эсерам, считая, что Петроградский Совет способен обеспечить им справедливый демократический мир. Так, например, солдатский митинг в Екатеринославе направил Петроградскому Совету следующую телеграмму: «Собрание солдат-артиллеристов екатеринославского гарнизона в количестве нескольких тысяч человек шлет свой революционный привет истинному представителю армии и народа — Совету рабочих и солдатских депутатов — и заявляет о своей готовности всеми средствами поддерживать Петроградский Совет в его борьбе за мир без аннексий и контрибуций на основах самоопределения национальностей» ¹²⁶.

Особенно бурный характер имели выступления солдат и трудящихся в северо-западных и западных губерниях страны, что в известной степени объяснялось прифронтовым положением этих губерний, наличием в них крупных гарнизонов солдат, которые наиболее остро чувствовали тяготы войны.

Внушительная демонстрация солдат, организованная по решению городского солдатского комитета, состоялась в Выборге. В своем заседании

¹²¹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 7, д. 36, л. 63.

¹²² Там же, л. 23.

¹²³ «Правда», № 48, от 4 мая 1917 г.

¹²⁴ «Правда», № 41, от 26 апреля 1917 г.

¹²⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 155, л. 59.

¹²⁶ Там же, л. 1.

21 апреля комитет по поводу ноты вынес резолюцию, в которой заявлял, что он «самым решительным образом протестует против ноты», считает необходимым «поставить в известность об этом Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и в знак решительного протеста устроить демонстрацию»¹²⁷. 22 апреля к 10 часам утра к городской площади стали стекаться войска под командой офицеров. Главным лозунгом демонстрантов было: «Долой Временное правительство!». На площади состоялся грандиозный митинг, с автомобилями выступали ораторы большевистской и других партий. Митинг продолжался до 12 часов, после чего под звуки «Марсельезы» полки разошлись по казармам¹²⁸.

В Гельсингфорсе местный Совет депутатов армии, флота и рабочих под давлением масс принял 21 апреля резолюцию, в которой говорилось: «Находя, что настало время для ухода империалистического Временного правительства, не исполняющего волю народа, заявляем, что никакие уступки подобному Временному правительству недопустимы, что Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих ждет по этому вопросу только решения Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов, обещая в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства»¹²⁹. На основании этой резолюции Исполнительный комитет Совета в тот же день направил Петроградскому Совету телеграмму, заверявшую, что революционный Гельсингфорс «всей своей вооруженной мощью будет поддерживать все революционные выступления Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов и готов по первому его указанию свергнуть Временное правительство»¹³⁰.

В Юрьеве (Тарту) 21 апреля состоялось гарнизонное собрание представителей всех многочисленных воинских частей, которое подавляющим большинством голосов высказалось за «немедленный переход всей полноты власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов»¹³¹. 23 апреля, после того как в Юрьеве стала известна резолюция Петроградского Совета от 21 апреля, на общегородском собрании рабочих, солдат и других граждан было решено подчиниться постановлению Петроградского Совета, но в то же время считать, что «последнее слово об отношении к Временному правительству может быть сказано только всем русским трудовым народом в лице его представителей», и поэтому настаивать на созыве всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов¹³².

В том же духе реагировал на ноту правительства Ревель. В городе повсеместно происходили митинги и собрания рабочих, солдат и матросов, которые требовали смещения Временного правительства и передачи власти Советам. На состоявшемся 21 апреля собрании рабочих судостроительного завода Северо-Западного акционерного общества было постановлено «в самой категорической форме требовать от Совета рабочих и солдатских депутатов взять в свои руки власть для действительной защиты завоеваний свободы и прав народа, так как собрание совершенно не верит Временному правительству, продолжающему упорно вести политику завоеваний свергнутого царя»¹³³. Собрание солдат 4-го полка артиллерии

¹²⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 162, лл. 12—13.

¹²⁸ «Дело народа», № 31, от 23 апреля 1917 г.

¹²⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 142, л. 134.

¹³⁰ Там же, л. 133.

¹³¹ «Правда», № 43, от 28 апреля 1917 г.

¹³² ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 142, л. 146.

¹³³ «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», № 34, от 25 апреля 1917 г.

морской крепости Петра Великого направило Петроградскому Совету телеграмму с резким протестом против выраженного в ноте правительства стремления продолжать грабительскую войну¹³⁴. В создавшейся обстановке Ревельский Совет рабочих и воинских депутатов вынужден был в своей резолюции от 22 апреля потребовать смещения Временного правительства, заявив, что «стремлением всей демократии должна быть передача всей государственной власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов»¹³⁵.

В г. Пернове 23 апреля состоялось собрание делегатов всех расположенных в нем воинских частей, которое расценило ноту от 18 апреля «не соответствующей стремлениям демократии и умаляющей значение обращения Совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира...»¹³⁶.

Под влиянием апрельских событий часть крестьян также начинала воспринимать политику большевистской партии как политику, единственно отвечающую их интересам. Так, например, крестьяне Ружинской волости Витебской губернии на созванном 22 апреля сходе заявили: «Временное правительство не стоит на страже интересов рабочего и крестьянского люда, а представляет грабительские интересы буржуев и помещиков, а потому считает единственным и действительным правительством Петроградский С. р. и с. д.»¹³⁷. Собрание батраков Лубанской волости Лифляндской губернии расценило ноту Временного правительства как «циничный вызов, брошенный рабочему классу и армии, борющимся за мир», и потребовало «передачи государственной власти в руки рабочих, солдатских и батрацких депутатов»¹³⁸.

Движение протеста против ноты Милюкова охватило также Урал и Поволжье. Резкий протест правительству выразило чрезвычайное собрание Самарских Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, заявивших о своей готовности поддержать все противоправительственные выступления Петроградского Совета. Аналогичное решение приняли Нижегородские Советы солдатских, крестьянских и рабочих депутатов¹³⁹.

Златоустовский Совет рабочих и солдатских депутатов квалифицировал ноту как «попытку к повороту в сторону подтверждения договоров, основой которых является политика захватов, политика, противоречащая требованиям революционной демократии, стремящейся к ликвидации войны без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов»¹⁴⁰.

Аналогичный протест выразил Белебеевский Совет рабочих и солдатских депутатов, к решению которого присоединился и митинг солдат 152-го запасного пехотного полка, расположенного в Белебее¹⁴¹.

Миньярский Совет рабочих депутатов в телеграмме, адресованной Петроградскому Совету, требовал «отказа от ноты и издания новой ноты», логически вытекающей из ноты 28 марта «о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций»¹⁴². Подобное требование выдвинул и Совет рабочих депутатов Устькатынского завода¹⁴³.

¹³⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 210, л. 3.

¹³⁵ «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», № 36, от 27 апреля 1917 г.

¹³⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 163, л. 43.

¹³⁷ «Правда», № 43, от 28 апреля 1917 г.

¹³⁸ «Правда», № 45, от 30 апреля 1917 г.

¹³⁹ «Правда», № 41, от 26 апреля 1917 г.

¹⁴⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 166, л. 35.

¹⁴¹ Там же, д. 146, лл. 37—38, 165.

¹⁴² Там же, д. 155, л. 19.

¹⁴³ Там же, д. 163, л. 57.

Однако этот массовый протест в большинстве случаев не выходил за рамки «добросовестного оборончества». В массах еще были живы эсеро-меньшевистские иллюзии о возможности заставить правительство отказаться от захватнической политики, поставить его под контроль демократии и т. п. Тем не менее политическое значение этих протестов нельзя недооценивать — это был существенный шаг по пути освобождения от наивной доверчивости к Временному правительству, характерной для масс в первые дни революции.

К общенародному движению протеста присоединилась и Сибирь.

В Иркутске на заседании бюро Советов рабочих и солдатских депутатов Восточной Сибири была принята резолюция, в которой заявлялось, что «нота была правильно учтена революционной демократией как стремление правительства выйти из-под ее контроля и в международной политике возвратиться к прежним захватным планам рухнувшего строя»¹⁴⁴. Резолюцию поддерживали широкие массы населения, а также солдаты даурского гарнизона¹⁴⁵, солдатский комитет города Александровска¹⁴⁶, Исполнительный комитет Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов и др.¹⁴⁷

Новониколаевский Совет рабочих и солдатских депутатов под давлением революционных масс потребовал, чтобы Временное правительство немедленно предъявило Петроградскому Совету всю дипломатическую переписку для последующего ее обнародования¹⁴⁸. К этому требованию присоединился и Бийский Совет рабочих и военных депутатов¹⁴⁹.

В Якутске 23 апреля состоялось общегородское народное собрание, которое приветствовало открытое выступление петроградских рабочих и солдат и заявило о своей солидарности с ними¹⁵⁰.

В тот же день в Енисейске собрались на общегородской митинг рабочие, солдаты и другие граждане, вынесшие резолюцию, осуждавшую «противонародное правительство» и обещающую поддерживать Петроградский Совет «до последней капли крови»¹⁵¹.

Крестьяне Манзурской волости Иркутской губернии на сходе уполномоченных приняли наказ, в котором заявили: «Мы солидарны с протестом Совета рабочих и солдатских депутатов, рабочих и войсковых частей Петрограда, протестовавших против заявления министра иностранных дел Милюкова по вопросу контроля и укрепления Дарданелл Россией и ноты от 18 апреля правительствам союзных нам государств, в которой умышленно затемнялся вопрос о целях войны и условиях будущего мира»¹⁵².

Исключительно бурно реагировал на апрельские события фронт. Передовая часть солдат в своем отношении к ноте встала на большевистскую позицию, требуя смещения Временного правительства и передачи всей власти Советам. Однако основная масса солдат не изжила еще полностью иллюзий относительно возможности окончания войны путем «давления» на правительство. «Выражая глубокое возмущение нотой от 18 апреля, требуя отставки Милюкова и Гучкова, многие солдаты в то же самое время наивно надеялись, что революционная демократия сумеет заставить правительство отказаться от аннексий.

¹⁴⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 162, л. 24.

¹⁴⁵ Там же, л. 67.

¹⁴⁶ Там же, л. 66.

¹⁴⁷ Там же, д. 163, лл. 39—41.

¹⁴⁸ Там же, д. 146, л. 174.

¹⁴⁹ Там же, д. 236, л. 79.

¹⁵⁰ Там же, д. 146, л. 158.

¹⁵¹ Там же, д. 161, лл. 145—148.

¹⁵² Там же, д. 17, л. 3.

Так, полковой комитет 3-го Финляндского пехотного полка направил Петроградскому Совету телеграмму следующего содержания: «Общее собрание всех выборных полкового комитета, глубоко возмущенное нотой министра иностранных дел Милюкова..., постановило: 1) Протестуем против министра иностранных дел, а также против Временного правительства. Победный конец войны преследует буржуазные империалистические интересы воюющих стран. 2) Протестуем также против обывательских манифестаций, которые не имеют ничего общего с демократической мыслью и которые служат провокаторам для контрреволюции»¹⁵³.

Подобную же резолюцию вынес на своем экстренном заседании 23 апреля комитет солдатских депутатов 16-го гренадерского Мингрельского полка¹⁵⁴.

Митинг солдат 436-го Новоладожского полка в своей резолюции заявил, что полк «протестует против... действий Временного правительства, выражает ему свое негодование и считает себя свободным от присяги Временному правительству»¹⁵⁵.

Солдатский комитет 131-го пехотного Тираспольского полка на общем собрании постановил: «Выразить протест Временному правительству и просить Совет рабочих и солдатских депутатов настоятельно требовать пересмотра союзных договоров»¹⁵⁶.

Полковой комитет 30-го пехотного Полтавского полка в принятой им резолюции заявил, что он «всецело стоит на стороне Совета солдатских и рабочих депутатов» и присоединяется к его требованию обратиться непосредственно к союзникам, предлагая им тоже отказаться от аннексий и контрибуций¹⁵⁷.

Группа солдат Карпатской армии в своем письме Петроградскому Совету высказывала от имени всех солдат армии страстное желание справедливого мира, заявляя, что «армия Карпатская вся в одно теперь стоит: что нам не нужно никаких завоеваний, никаких захватов. Армия от наступления, поверьте нам, отказывается...»¹⁵⁸.

Ротный комитет команды связи 189-й пехотной дивизии направил Петроградскому Совету письмо следующего содержания: «От глубины всей наболевшей души благодарим С. р. и с. д., что он вывел нас из заблуждения, в которое мы были поставлены лозунгом «войны до победного конца» и который мы никак не могли разгадать до событий 20 апреля в Петрограде. Наши требования: немедленное прекращение войны без аннексий и контрибуций... Товарищи, просим вас, смотрите хорошенько за всем, что делает Временное правительство. Они ведь, капиталисты, не будут только наши интересы отстаивать, а свои не забудут... Пускай делают то, что угодно народу, рабочему и крестьянскому»¹⁵⁹.

Известная часть солдатской массы решительно перешла на большевистские позиции. Так, митинг солдат 436-го Новоладожского пехотного полка в принятой резолюции заявил: «Протестуем против лиц, называющих себя социалистами, а на деле стоящих за продолжение кровавой братоубийственной бойни с целью захвата чужих земель. Таких лиц считаем, как выразивших удовлетворение объяснением Вр. правительства по поводу

¹⁵³ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 163, лл. 58—59.

¹⁵⁴ «Правда», № 52, от 9 мая 1917 г.

¹⁵⁵ «Правда», № 42, от 27 апреля 1917 г.

¹⁵⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 163, л. 1.

¹⁵⁷ Там же, д. 227, л. 220.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же, д. 256, лл. 227—228.

¹⁶⁰ «Правда», № 42, от 27 апреля 1917 г.

ноты, посланной союзникам, изменниками и предателями общему народному делу»¹⁶⁰.

В письме, адресованном Петроградскому Совету, один из солдат 6-й роты Тихвинского пехотного полка сообщал: «Я пишу от имени всех солдат действующей армии, с которыми вел разговоры. Мнения солдат одинаковы. Теперь спешу написать вам их требования, а именно: просить вас — Совет солдатских и рабочих депутатов — о том, чтобы вы, как наши товарищи — избранные, не соглашались бы с буржуазией. и Временным правительством на их требования и выработанные законы. Вы обязаны власть взять в свои руки и делать только то, что будет приятно и хорошо народу, и ничуть не соглашаться с Временным правительством, которое состоит из помещиков и капиталистов, защищающих свои интересы»¹⁶¹.

Аналогичного характера постановления, резолюции, письма и т. п. тысячами писались и принимались солдатскими комитетами, собраниями и митингами в воинских частях, отдельными группами солдат. Такая реакция безусловно таила реальную угрозу для дальнейшего существования Временного правительства.

В то время как многомиллионные массы рабочих, солдат и трудового крестьянства выражали свой протест Временному правительству, органы местного самоуправления, земства, военно-промышленные комитеты, различного рода союзы и т. п. оказали прямую поддержку Временному правительству, требуя его единовластия и доведения войны до «решительной победы».

Так, буржуазный митинг Рогожского района Москвы направил Временному правительству телеграмму, в которой говорилось: «Вся власть должна принадлежать Временному правительству, и только правительство должно распоряжаться военной мощью нашей доблестной армии»¹⁶². Общественный комитет города Белополья в телеграмме на имя Петроградского Совета заявлял: «Находя действия Временного правительства правильными..., просим Совет по возможности содействовать Временному правительству в его благотворной работе и не допускать заведомо неблагонамеренных безответственных лиц и партии подрывать авторитет правительства. Войну необходимо довести до решительной победы над врагом»¹⁶³.

Подобного рода телеграммы были получены Временным правительством и Петроградским Советом от комитета Сергиевского офицерского артиллерийского училища в Одессе, отделений союза инженеров и техников в Оренбурге и Воронеже, Переяславского уездного комитета союза земских служащих, общего собрания почтово-телеграфных служащих Саратова, союза служащих Слуцкого земства, совета общественных организаций Чернигова, комитета служащих управления Юго-Западных железных дорог, собрания торговцев и промышленников Надеждинского завода, общего собрания служащих станции Смородино, собрания торговцев Переяславля др.¹⁶⁴.

Соглашательская политика Петроградского Совета решила исход кризиса в пользу буржуазии, спасла Временное правительство от верного краха. Вслед за столичным Советом и через него высказались за поддержку правительства многие местные Советы и собрания солдат и крестьян.

¹⁶¹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 263, л. 205.

¹⁶² Там же, д. 159, л. 116.

¹⁶³ Там же, д. 146, л. 209.

¹⁶⁴ Там же, д. 142, л. 216; д. 146, лл. 163, 199; д. 161, лл. 144, 182, 200; д. 162, лл. 22—23, 46; д. 163, л. 6; д. 166, лл. 5—70.

Так, Ольховский районный Совет рабочих депутатов в телеграмме Петроградскому Совету заявлял: «С радостью узнали, что волнения по поводу ноты Временного правительства союзным державам улеглись, и соглашение между Советами рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством состоялось. Разъяснение Временного правительства вполне нас удовлетворило. Мы признали правильным поддерживать Временное правительство...»¹⁶⁵.

Лужский уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на общем собрании постановил: «Присоединиться к резолюции общего собрания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и поддерживать Временное правительство до тех пор, пока оно будет исполнять принятые им на себя перед народом обязательства»¹⁶⁶.

Общее собрание Двинского Совета рабочих и солдатских депутатов направило Петроградскому Совету телеграмму, в которой заявило, что Совет «с радостью приветствует достигнутое соглашение»¹⁶⁷.

Телеграммы подобного же содержания были получены Петроградским Советом от Великолуцкого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Советов рабочих и солдатских депутатов Оренбурга, Смоленска, Сум, Никополя, Бахмута, Пскова, Рыбинска, Аккермана, Юрьевского завода, Советов рабочих депутатов кольчугинских заводов, рудников Ауэрбаха и многих других¹⁶⁸.

Вслед за Советами решения в форме резолюций, постановлений, наказов и т. п. тысячами и десятками тысяч стали приниматься на массовых митингах и собраниях. Так, например, двухтысячный митинг рабочих, солдат и других граждан Асхабада принял следующую резолюцию: «Обсудив сведения, сообщенные Петроградским телеграфным агентством о событиях, имевших место в Петрограде в связи с последней нотой Временного правительства союзным державам, доверяя всецело Исполнительному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, находим возможным и призываем к дальнейшей поддержке Временного правительства, поскольку оно будет идти в своей политике в согласии с организованной демократией»¹⁶⁹.

Совет рабочих и служащих проволоочно-гвоздильного завода в Орше на заседании от 24 апреля принял резолюцию, которая приветствовала в лице Исполкома Петроградского Совета «победу русской демократии в ликвидации конфликта, связанного с нотой от 18 апреля»¹⁷⁰.

Съезд представителей армии и тыла Северного фронта с участием делегатов от рабочих и крестьянских организаций в телеграмме, направленной Петроградскому Совету, заявлял, что депутаты съезда «выражают удовлетворение по поводу принятия Временным правительством требований демократии, которое выразилось в его последнем акте от 21 апреля»¹⁷¹.

Подобного рода примеров можно привести еще много, и это подтверждает тот основной факт, что большинство народа находилось еще в плену оборонческих настроений, а поэтому поддерживало соглашательскую политику Петроградского Совета и его эсеров-меньшевистских руководителей.

¹⁶⁵ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, 163, л. 9.

¹⁶⁶ Там же, д. 164, лл. 12—13.

¹⁶⁷ Там же, д. 163, л. 9.

¹⁶⁸ Там же, оп. 7, д. 36, лл. 32, 40; оп. 9, д. 142, л. 214; д. 159, л. 16; д. 159, л. 106; д. 161, л. 154; д. 163, л. 50; д. 164, лл. 1—2; д. 162, л. 51; д. 166, л. 58, д. 166, л. 66.

¹⁶⁹ Там же, д. 162, лл. 53—54.

¹⁷⁰ Там же, д. 163, л. 26.

¹⁷¹ Там же, д. 163, л. 30.

III

Непосредственным политическим результатом апрельского кризиса было создание 5 мая 1917 г. первого коалиционного правительства, в которое, наряду с представителями буржуазно-помещичьих партий кадетов и октябристов вошли представители «социалистических» партий — меньшевики и эсеры.

Апрельский кризис создал такое положение в стране, которое сделало невозможным для буржуазии проведение контрреволюционной внутренней и империалистической внешней политики при помощи правительства, состоявшего, если не считать «социалиста» Керенского, из открытых ставленников буржуазии и помещиков. Несмотря на то, что массы, идя за Петроградским Советом, все еще оказывали доверие Временному правительству, вождям буржуазии стало ясно, что в результате апрельских событий это правительство, особенно ее военный министр и министр иностранных дел — Гучков и Милюков — в глазах этих масс оказалось полностью скомпрометированным, что оно потеряло их доверие. Это означало, что любая попытка Временного правительства предпринять в дальнейшем какой-нибудь крупный антинародный акт в области внутренней или внешней политики, подобный тому, какой оно осуществило 18 апреля, неизбежно приведет его к гибели, так как вторично меньшевикам и эсерам не удастся заставить народ поверить в «миролюбие» и «демократизм» правительства помещиков и капиталистов, в возможность эффективного «контроля» и «давления» на него со стороны Петроградского Совета. Иначе говоря, буржуазия не могла уже держаться у власти и проводить свою политику, не укрепив положения Временного правительства путем включения в него представителей Советов, которым верили широкие народные массы.

Так возникла идея коалиционного правительства — политический трюк, уже издавна и иногда весьма успешно в случае необходимости практиковавшийся западноевропейской буржуазией.

Разоблачая сущность предпринятого русской буржуазией маневра, В. И. Ленин в статье, озаглавленной «Уроки революции», писал: «Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессилиения рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», т. е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство... «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием»¹⁷².

Свое намерение создать коалиционное министерство Временное правительство выразило в официальном заявлении, опубликованном 26 апреля. «Правительство, — говорилось в заявлении, — с особой настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали

¹⁷² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 212.

прямого и непосредственного участия в управлении государством»¹⁷³. Одновременно с этим заявлением в тот же день председателем совета министров князем Львовым были направлены письма на имя председателя Петроградского Совета Чхеидзе и председателя Государственной думы Родзянко, в которых сообщалось о желании правительства пополнить свой состав представителями Петроградского Совета¹⁷⁴.

В эсери-меньшевистском лагере идея создания коалиционного правительства была встречена в целом сочувственно. Правда, не без некоторых колебаний, эсеры и меньшевики дали согласие послать своих представителей из состава Петроградского Совета в правительство. Это решение, означавшее на деле новое предательство интересов народа, они оправдывали «исключительной сложностью обстановки», «сложностью и ответственностью задач, стоящих перед правительством на данном этапе» и другими подобными аргументами.

Наиболее легко согласились на создание коалиционного правительства эсеры. На состоявшемся 26 апреля заседании фракции эсеров Петроградского Совета большинством голосов было решено послать в состав правительства представителей фракции. На следующий день в газете «Дело народа» была опубликована редакционная статья лидера эсеров В. Чернова, в которой необходимость создания коалиционного министерства оправдывалась интересами «скорейшего окончания войны». «Коалиционное правительство, — уверял Чернов, — будет правительством пересмотра вопроса о «целях войны», правительством, расчищающим дорогу к общеевропейскому миру на основах права от засоряющих его пережитков «стяжательных» appetитов»¹⁷⁵.

С гораздо большими колебаниями на создание коалиционного правительства пошли меньшевики, понимая, что, входя в состав кабинета, они идут на риск потери своего влияния в рабочем классе. Поэтому 25 апреля Организационный комитет меньшевистской партии высказался против создания коалиционного правительства¹⁷⁶. Однако влиятельная меньшевистская газета «Новая жизнь» выступила против этого решения. «Демократизация внешней политики, — писала она, — вполне возможная для группы, ныне стоящей у власти, быть может, действительно находится вне возможных достижений П. Н. Милюкова, главы российского империализма и вдохновителя декабрьской мирной платформы союзников. Частичное обновление или усиление кабинета за счет деятелей, способных неуклонно проводить волю демократии в вопросах внешней политики, надо признать единственным путем к разрешению нашего политического кризиса»¹⁷⁷. Таким образом, меньшевистский орган уверял массы в том, что Временное правительство даже в своем теперешнем составе способно и готово проводить внешнюю политику, отвечающую интересам народа, за исключением лишь одного Милюкова. Столь беспринципное, продажное по своему существу заявление могли сделать лишь политики, желающие быть обманутыми и обманывать народ. Дело кончилось тем, что Организационный комитет пересмотрел свое решение, согласившись на вхождение меньшевиков в состав правительства.

Решение центральных органов партий меньшевиков и эсеров было поддержано их местными организациями и большинством местных Советов.

¹⁷³ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 26, от 26 апреля 1917 г.

¹⁷⁴ «Дело народа», № 34, от 27 апреля 1917 г.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ «Рабочая газета», № 43, от 29 апреля 1917 г.

¹⁷⁷ «Новая жизнь», № 7, от 26 апреля 1917 г.

Так, в резолюции Мариупольского Совета рабочих и солдатских депутатов от 3 мая говорилось: «Ввиду переживаемого страшно тяжелого момента, для предупреждения дальнейшей анархии и собирания революционных сил необходимо создание коалиционного министерства с представителями социалистических партий и от Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и коалиционное министерство должно немедленно добиваться установления международного мира без аннексий и контрибуций на основах самоопределения наций»¹⁷⁸.

Новозыбковский Совет рабочих и солдатских депутатов в телеграмме на имя Петроградского Совета заявлял, что «трудовой демократии нельзя более уstraняться от ответственного участия в управлении государством»¹⁷⁹.

Аналогичные постановления были приняты Сумским и Полтавским Советами рабочих и солдатских депутатов, Советом солдатских депутатов Проскурова и многими другими местными Советами¹⁸⁰.

Вслед за Советами идею создания коалиционного правительства одобрило большинство крестьян и солдат, не испытывавших еще на себе «прелестей» коалиционного правительства. Будучи неискушенными в политике, они поверили в то, что путем создания коалиционного кабинета можно действительно добиться справедливого мира и других народных чаяний, поскольку теперь «контроль» демократии над правительством будет реальным и действенным. Типичной в этом отношении была резолюция собрания членов солдатского комитета 9-го особого пехотного полка, в которой говорилось: «Для более действительного контроля над действиями Временного правительства в состав его должны войти представители от социалистических народных партий»¹⁸¹.

Из всех политических партий России только одна партия — большевистская — выступала последовательным противником создания коалиционного правительства. Вопрос этот обсуждался на Всероссийской Апрельской конференции РСДРП(б), которая 29 апреля приняла специальную резолюцию по данному вопросу. Отметив, что «все страны, втянутые в войну, в том числе Россия, с чрезвычайной быстротой приближаются к неслыханной катастрофе», резолюция далее указывала: «В этом критическом положении для правительства капиталистов одним из выходов, хотя бы на самое короткое время, представляется вовлечение вождей Совета, т. е. вождей партии народников (Чернов, Пешехонов и пр.) и меньшевиков (Чхеидзе, Церетели и пр.), путем включения их в министерство, в еще более активную поддержку империалистической войны»¹⁸².

Указав далее, что широкие народные массы, особенно солдаты, начинают разочаровываться во Временном правительстве, но еще питают иллюзии, будто созданием коалиции можно исправить дело, резолюция усиленно подчеркивала, что именно поэтому «всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну..., станет соучастником империалистической политики капиталистов»¹⁸³.

«Партия пролетариата, — говорилось далее, — на основании всего этого высказывается самым решительным образом против посылки Со-

¹⁷⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 168, лл. 99—100.

¹⁷⁹ Там же, д. 166, л. 47.

¹⁸⁰ Там же, лл. 58—59; д. 168, лл. 1, 9 и др.

¹⁸¹ Там же, д. 149, л. 72.

¹⁸² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 344.

¹⁸³ Там же, стр. 345.

ветами рабочих и солдатских депутатов своих представителей в коалиционное министерство»¹⁸⁴.

Позиция большевистской партии по вопросу о коалиции нашла горячую поддержку у передовой части рабочего класса, крестьян и солдат. И на этот раз движение протеста против создания коалиционного правительства начали питерские пролетарии. Десятки тысяч рабочих промышленных предприятий столицы на своих собраниях и митингах гневно клеймили намерение эсеров и меньшевиков вступить в состав буржуазного империалистического правительства.

Характерной в этом отношении была вынесенная собранием рабочих Военно-подковного завода резолюция, в которой позиция соглашателей расценивалась следующим образом: «Только революционная Российская социал-демократическая рабочая партия имеет правильную программу и правильно понимает задачи революции. Остальные партии — соц.-революционеры, меньшевики и т. д. не являются выразителями интересов городского и сельского пролетариата, так как предлагают верить буржуазии и советуют все вопросы отложить до Учредительного собрания. Поэтому мы, присоединяясь к решениям Всероссийской конференции РСДРП (большевиков), считаем вредным для дела революции вступление членов С. р. и с. д. в ряды буржуазного Временного правительства, так как такие члены явятся только ширмой для политики Милюкова и им подобных. Вся власть Сов. раб. депутатов!»¹⁸⁵.

В резолюции, принятой общим собранием рабочих завода «Старый Парвайнен», говорилось: «Протестуем против предполагающегося вхождения социалистов в буржуазное коалиционное министерство и считаем единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов»¹⁸⁶.

Рабочие ниточной мануфактуры Чешера заявили в своей резолюции, что они находят «вступление социалистических элементов в коалиционное министерство вредным для пролетариата и крестьянства, ибо участие в нем затушует нашу классовую политику и усилит лагерь буржуазии в перенесении части ответственности, вытекающей из внешней и внутренней буржуазной политики, на пролетариат»¹⁸⁷.

Такого же характера резолюции были приняты собранием рабочих завода Пузырева и многих других петроградских предприятий¹⁸⁸.

Протест против намерения эсеров и меньшевиков войти в состав правительства выразили и московские рабочие. Так, отражая настроения передовой части рабочих, Тушино-Гучковский районный Совет рабочих и солдатских депутатов в своей резолюции заявил: «При настоящих условиях Советы рабочих и солдатских депутатов ни в коем случае не должны принимать участия в создании коалиционного министерства. Создание коалиционного министерства есть шаг контрреволюционный, что вполне доказала Западная Европа. Мы протестуем против какого бы то ни было сотрудничества с буржуазией. Пролетариат и революционная армия будут идти испытанным революционным путем и подготавливать почву для диктатуры пролетариата и революционной армии»¹⁸⁹.

На большевистскую точку зрения по вопросу о коалиции стала значительная часть рабочих ряда городов Урала, Сибири, Поволжья, Юга и др.

¹⁸⁴ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 345.

¹⁸⁵ «Правда», № 49, от 5 мая 1917 г.

¹⁸⁶ «Правда», № 44, от 29 апреля 1917 г.

¹⁸⁷ «Правда», № 47, от 2 мая 1917 г.

¹⁸⁸ «Правда», № 49, от 5 мая 1917 г.

¹⁸⁹ «Социал-демократ», № 55, от 14 мая 1917 г.

В движении протеста приняла также активное участие часть армии и флота. Так, команда крейсера «Россия» 27 апреля приняла резолюцию, которая просила Петроградский Совет «принять все меры к скорейшему удалению Временного правительства от всех дел правления страной и взять власть в свои руки. Мы протестуем, — говорилось далее, — против образования коалиционного министерства и требуем, в свою очередь, немедленного созыва Учредительного собрания»¹⁹⁰.

Подготовка к образованию коалиционного министерства ускорила отставку Гучкова, который 30 апреля приказом по армии и флоту сложил с себя обязанности военного и морского министра¹⁹¹.

По всей вероятности, эта отставка была вызвана (помимо крайней непопулярности Гучкова в армии как сторонника «решительных мер» и «укрепления дисциплины и порядка» на фронте) стремлением буржуазии запугать эсеров и меньшевиков перспективой ухода всего состава правительства и тем самым покончить с их колебаниями в вопросе о вхождении в правительство.

Эта попытка, как отмечалось, увенчалась успехом: опасаясь углубления правительственного кризиса, Петроградский Совет дал согласие на вступление своих представителей в правительство. Решение об этом было принято 1 мая 1917 г. на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета.

Заседание открылось выступлением Керенского, который явился туда в качестве представителя от правительства. Обрисовав в крайне мрачных тонах финансовое, продовольственное и военное положение страны, Керенский доказывал, что надвигающуюся национальную катастрофу можно избежать лишь на путях создания коалиционного правительства, включением в него «представителей демократии». Керенского поддержал меньшевик Церетели, еще недавно считавшийся противником коалиции.

По окончании прений был объявлен перерыв для совещаний фракций. Обе фракции большинства — эсеров и меньшевиков — высказались за создание коалиционного правительства, что собственно и решило вопрос. В 12-м часу ночи заседание Исполкома возобновилось, и вопрос был поставлен на голосование. За создание коалиции голосовали 44 члена Исполкома, против — 19, двое воздержались. Затем был снова объявлен перерыв для подготовки фракциями условий, на которых члены Совета входят в состав правительства. Выработанный проект, который должен был лечь в основу соглашения Исполкома с правительством, был выдержан в обычном для соглашателей духе громкой и пустой «революционной» фразы, сулящей народу исполнение его чаяний.

В области внешней политики условия предусматривали «деятельную внешнюю политику, открыто ставящую своей целью скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов, в частности, подготовку переговоров с союзниками в целях пересмотра соглашений на основе декларации Временного правительства от 27 марта». Мероприятия, намеченные по внутренней политике, предусматривали демократизацию армии, борьбу с хозяйственной разрухой, «всестороннюю защиту труда», укрепление демократического самоуправления, скорейший созыв Учредительного собрания и т. д. Представители Исполкома, посылаемые в правительство, обязывались ответственностью и отчетом перед Исполкомом Совета¹⁹².

¹⁹⁰ «Солдатская правда», № 15, от 5 мая 1917 г.

¹⁹¹ «Вестник Временного правительства», № 45(91), от 2 мая 1917 г.

¹⁹² «Новая жизнь», № 12, от 2 мая 1917 г.

С незначительными поправками условия были приняты Исполкомом. Вслед за этим была избрана комиссия в составе Чхеидзе, Церетели, Богданова, Авксентьева, Пешехонова, Дана, Гоца, Войтинского, Станкевича и Брамсона, которой поручалось вести переговоры с правительством на основе указанных условий.

Только члены Исполкома большевики вместе с примкнувшими к ним меньшевиками-интернационалистами и несколькими эсерами решительно выступили против затяжного эсерово-меньшевистским большинством сговора с буржуазией, внеся по этому поводу специальное заявление. «Спасение народов России, — говорилось в нем, — может быть обеспечено лишь рядом революционных мер во внутренней и внешней политике, которые бы прямо порвали с охраной прибылей русских капиталистов и помещиков и империализмом «союзных» стран. Эти меры могли бы быть решительно и искренно проведены в жизнь лишь при переходе всей власти к Советам р. и с. д. Коалиционное министерство, в котором влияние демократии и пролетариата будет подавляемо влиянием империалистической буржуазии, не удовлетворяет этому условию, и потому мы, меньшинство Совета, высказываясь против вступления делегатов Совета в министерство, просим приобщить это заявление к протоколу заседания»¹⁹³.

2 мая вопрос о коалиции обсуждался на общем собрании членов Петроградского Совета. Большинством голосов была принята резолюция, одобрявшая в принципе вступление членов Исполкома в состав правительства. После этого начались непосредственные переговоры Исполнительного комитета с Временным правительством, которые длились со 2-го по 5 мая.

2 мая состоялось первое совместное заседание Временного правительства с комиссией Исполнительного комитета и представителями Временного комитета Государственной думы. Ознакомившись с условиями, выработанными Исполкомом, правительство признало их в целом приемлемыми, за исключением пункта о внешней политике, который оно сочло слишком радикальным. Затем правительство выставило встречное требование о предоставлении ему полноты власти в армии и полномочий по борьбе с «анархией». В конечном итоге обе стороны договорились, что 3 мая правительство направит в Совет официальную декларацию с изложением основных задач своей деятельности¹⁹⁴.

Утром 3 мая Исполком получил официальное извещение правительства о его согласии на создание коалиционного министерства на основе программы, выработанной эсерами и меньшевиками. Около 3 часов дня в Исполком поступила правительственная декларация. Комиссия, выделенная для переговоров, обсудила ее и внесла некоторые поправки¹⁹⁵. Затем комиссия отправилась в Мариинский дворец для нового совещания с правительством, имея наказ «до обсуждения в [Исполнительном] [комитете] не давать правительству окончательного ответа ни по существу, ни о кандидатах»¹⁹⁶.

Совещание, обсуждавшее декларацию, затянулось до 3 часов ночи. Князь Львов от имени правительства пригрозил уходом всего кабинета в отставку, если Петроградский Совет официально не заявит о своем полном доверии правительству. В 11 часов вечера декларация с некоторыми редакционными поправками была, наконец, принята, а к 3 часам но-

¹⁹³ «Дело народа», № 39, от 3 мая 1917 г.

¹⁹⁴ «Речь», № 102, от 3 мая 1917 г.

¹⁹⁵ «Дело народа», № 40, от 4 мая 1917 г.

¹⁹⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 43, л. 1.

чи была достигнута договоренность также по вопросу о персональном распределении министерских портфелей. Согласно этой договоренности пост министра земледелия занял Чернов, министром труда становился Скобелев, военным и морским — Керенский, министром иностранных дел — Терещенко (Милюковым, который после своей ноты стал ненавистен народу, кадетам пришлось пожертвовать, хотя в начале переговоров они настаивали на оставлении его министром иностранных дел или предоставлении ему другого министерского поста)¹⁹⁷. Главой правительства оставался кн. Г. Е. Львов.

4 мая итоги совещания обсуждались на заседании Исполкома. 29 голосами против одного (большевики в голосовании не участвовали) был одобрен проект условий вхождения представителей Совета в правительство, выработанный комиссией, и 30 голосами против одного при 10 воздержавшихся были утверждены поправки комиссии к правительственной декларации. Заслушав сообщение о том, что Всероссийский съезд крестьянских делегатов желает участвовать в переговорах с правительством и с этой целью направляет делегацию в Мариинский дворец, Исполком постановил принять сообщение к сведению, отметив, что это «не меняет ни характера, ни существа наших переговоров»¹⁹⁸.

В тот же день в Таврическом дворце состоялось так называемое частное совещание членов Государственной думы по вопросу о создании коалиционного правительства. В принятой резолюции, одобрявшей идею коалиции, говорилось: «Совещание членов Гос. думы обращается к Временному правительству в момент его пересоздания с настоятельным напоминанием, что в основу внешней политики в вопросе войны и мира должны быть положены попрежнему начала безусловной и стойкой верности нашим союзникам, ибо с этой верностью неразрывно связаны и жизненные интересы России и ее честь»¹⁹⁹. Этот документ весьма красноречиво говорит о том, какие действительные цели преследовала буржуазия, идя на создание коалиционного правительства.

В ночь с 4-го на 5 мая между Временным правительством и комиссией Исполкома была достигнута полная договоренность по всем вопросам, связанным с формированием нового кабинета, о чем было официально объявлено правительством 5 мая²⁰⁰. Одновременно Исполнительный комитет 36 голосами против 12 при четырех воздержавшихся одобрил декларацию нового правительства и 27 голосами против пяти — список кандидатов в министры²⁰¹. 6 мая в газетах была опубликована декларация «обновленного» правительства²⁰², после чего коалиция капиталистов с «перебежчиками социализма» стала фактом. Декларация мало чем отличалась от выработанных фракциями эсеров и меньшевиков условий и служила для капиталистов неплохой ширмой, за которой «новый» кабинет мог продолжать свою прежнюю империалистическую, контрреволюционную политику.

Большинство местных Советов одобрило вхождение эсеров и меньшевиков в правительство, поскольку это получило одобрение Петроградского Совета. Телеграммы с одобрением коалиции поступили в адрес Петроградского Совета от Черниговского, Ростово-Нахичеванского, Роменского, Уфимского, Двинского, Рославльского, Островского, Ке-

¹⁹⁷ «Новая жизнь», № 14, от 4 мая 1917 г.; «Речь», № 103, от 4 мая 1917 г.

¹⁹⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 44, лл. 1—2.

¹⁹⁹ «Вестник Временного правительства», № 48(94), от 5 мая 1917 г.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 45, л. 1.

²⁰² «Вестник Временного правительства», № 49(95), от 6 мая 1917 г.

меровского и Тамбовского Советов рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов Острецовской вол. Костромской губ., Ново-георгиевского Совета рабочих депутатов, солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов Бобруйска, гарнизонного Совета солдатских депутатов Рославля и др.²⁰³

Вслед за Советами создание коалиционного министерства одобрила бо́льшая часть мелкобуржуазной и солдатской массы. Так, например, общее собрание представителей воинских частей омского гарнизона постановило «приветствовать решение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительного комитета вступить в настоящий момент в состав Временного правительства, тем самым превращая его в революционное правительство демократии»²⁰⁴.

Аналогичные постановления были приняты собранием крестьян с. Лиственичного Иркутской губ., митингом солдат 1-го Заамурского железнодорожного батальона, съездом крестьянских выборщиков Тамбовской губ., собранием крестьян Качалаевской вол. Пензенской губ., собранием солдат ревельского гарнизона, собранием членов солдатских комитетов Выборгского гарнизона, полковым комитетом Ветлужского пехотного полка, собранием граждан станции Кушевской на Кубани, крестьянским сходом Поддубинской вол. Тверской губ. и многими другими собраниями и митингами во всех концах страны²⁰⁵.

Только революционный пролетариат и та часть мелкобуржуазной и полупролетарской массы, главным образом солдат действующей армии, которую большевики сумели к этому времени отвоевать у соглашателей, резко осудили создание коалиционного правительства, выразив твердую решимость продолжать борьбу за передачу всей власти Советам.

В Петрограде с протестом против вступления меньшевиков и эсеров в состав правительства выступили рабочие большинства фабрик и заводов. Типичной в этом отношении была резолюция собрания рабочих завода «Новый Парвизайнен», в которой говорилось: «Заслушав доклад представителей из Сов. р. и с. деп. о вошедших социалистах в коалиционное министерство, признаем, что это вхождение является сотрудничеством между представителями трудящихся и буржуазии... Мы, рабочие, признаем вхождение социалистов в коалиционное министерство ошибкою и считаем для ликвидации «кризиса власти» необходимым взятие всей власти в руки Сов. раб., солд. и крест. деп.»²⁰⁶. Такие же резолюции приняли рабочие Путиловского завода, фабрики «Невка», завода Щетинина и др.

С резким протестом против образования коалиционного правительства выступили также рабочие Москвы. Так, общее собрание рабочих телефонного завода заявило: «Убедившись, что использованный буржуазией в борьбе за власть трудовой, разоренный войною русский народ еще и дальше вводится в заблуждение кадетскими идеологами и оппортунистическими партиями, мы протестуем против коалиционных министерств и требуем немедленного перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов»²⁰⁷.

Против создания коалиции протестовали и многие солдаты на фронте. В тысячах и десятках тысяч писем, на многочисленных митингах и собраниях они, начав понимать на примере апрельских событий истинную цену

²⁰³ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 166, л. 143; д. 167, лл. 67, 94, 102; д. 168, лл. 16, 23, 30, 31, 46, 55—56, 98, 122; д. 170, л. 89.

²⁰⁴ Там же, д. 236, л. 136.

²⁰⁵ Там же, д. 170, л. 47; д. 168, лл. 21, 21, 28, 54, 77, 96, 116, 117—119; д. 210, л. 7.

²⁰⁶ «Правда», № 64, от 24 мая 1917 г.

²⁰⁷ «Социал-демократ», № 56, от 16 мая 1917 г.

обещаний правительства, выражали недоверие коалиционному министерству.

Так, солдаты команды связи Севского пехотного полка в телеграмме, адресованной Петроградскому Совету, требовали: «Ввиду создающегося критического и решающего положения страны..., доверить полностью власть Советам рабочих и солдатских депутатов»²⁰⁸. Подобных примеров можно привести много.

Тем не менее коалиция не только стала свершившимся фактом, но и получила поддержку основной части мелкой буржуазии, составлявшей большинство населения страны.

Однако, как показали дальнейшие события, эта поддержка оказалась недолгой и непрочной, поскольку коалиция только на самое короткое время могла притупить остроту неудержимо назревавшего общенационального политического кризиса в стране, в том числе и кризиса власти. Более того, создание коалиционного министерства в конечном итоге привело к углублению кризиса, ибо жизнь неумолимо показывала народу, что «кризис так глубок, так широко разветвлен, так всемирно-велик, так тесно связан с капиталом, что классовая борьба против капитала неизбежно должна принять форму политического господства пролетариата и полупролетариев. Иначе выхода нет»²⁰⁹.

Антинародная политика коалиционного правительства гигантски ускорила разоблачение меньшевиков и эсеров в глазах народа.

Убеждаясь на собственном опыте в том, что, несмотря на вхождение представителей «революционной демократии» в правительство, положение с войной, землей, рабочим контролем и другими коренными чаяниями народа остается неизменным, массы стали решительно переходить на сторону большевиков. «Коалиционное министерство, — писал В. И. Ленин, — означает такой «опыт», который всему народу поможет с особенной быстротой *изжить* иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами»²¹⁰.

Создание коалиционного правительства не изменило и не могло изменить ни классовой природы, ни политики Временного правительства, которое продолжало вести страну по пути войны, разрухи, голода, прямой дорогой к неминуемой национальной катастрофе.

Путь к спасению лежал через социалистическую революцию.

²⁰⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, л. 168, л. 105.

²⁰⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 324.

²¹⁰ Там же, стр. 327.

К. Н. ТАРНОВСКИЙ

КОМИТЕТ
ПО ДЕЛАМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

*К вопросу о формировании государственно-монополистического
капитализма в России в годы первой мировой войны*

Вопрос о государственно-монополистическом капитализме в России в годы первой мировой войны в советской исторической науке разработан еще недостаточно. Если не считать небольшой книги Я. Рудого, вышедшей 30 лет назад и отнюдь не носящей исследовательского характера¹, мы до сих пор не имеем специальных работ по этому вопросу². В результате в тех немногих случаях, когда проблема государственно-монополистического капитализма затрагивается в литературе, это делается, как правило, с большой осторожностью и со многими оговорками, а некоторые авторы подвергают сомнению даже само наличие государственно-монополистического капитализма в России в годы войны³.

Это тем более странно, что всесторонний теоретический анализ сущности и характера государственно-монополистического капитализма, данный В. И. Лениным в его знаменитых работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?», построен именно на материале России и непосредственно связан с перспективами победы социалистической революции в нашей стране.

В настоящей статье взаимоотношения государственного аппарата с капиталистическими монополиями в годы первой мировой войны рассматриваются на примере черной металлургии. Выбор объекта исследования не случаен и определяется, во-первых, значением, которое имеет металлургия для всего народного хозяйства вообще и для развертывания военного производства в частности; во-вторых, существованием в годы войны специального правительственного органа по ее регулированию, каким был Комитет по делам металлургической промышленности при Особом совещании по обороне государства (общепринятое сокра-

¹ Я. Рудой. Государственный капитализм в России во время империалистической войны, Л., 1925. «Естественный экономический рост капитализма,— читаем в этой работе,— еще не поставил (в России.— К. Т.) в порядок дня систему государственного капитализма как экономическую проблему».

² Вышедшая недавно книга И. Кузьмина «Государственно-монополистический капитализм» (Госполитиздат, 1955) построена в основном на современном материале, и о российском государственно-монополистическом капитализме в ней говорится вскользь.

³ «В царской России,— категорически утверждает Г. Д. Бакулев в недавно вышедшей работе,— она (организация военного хозяйства.— К. Т.) не поднялась до уровня государственно-монополистического капитализма» — «Черная металлургия Юга России», М., 1953, стр. 224.

щенное наименование «Металлургический комитет») ⁴; в-третьих, наличием в металлургической промышленности двух монополистических объединений, различных по своему удельному весу и влиянию — «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» («Продамета») и акционерного общества «Кровля»; наконец, в-четвертых, состоянием источниковедческой базы для разработки данного вопроса.

О последней следует сказать несколько слов. Главным источником фактических сведений является архивный фонд Металлургического комитета. Он хорошо сохранился и подробно описан. Изучение его облегчается наличием полного комплекта журналов и, что особенно важно подчеркнуть, стенографических записей целого ряда заседаний Комитета. Насколько нам известно, это — единственный случай стенографирования заседаний правительственных учреждений.

Главное затруднение в работе над фондом Металлургического комитета состоит в том, что он разорван на две части. Одна часть хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА), а другая — в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ). В последнем, в частности, нами обнаружен полный комплект подлинных журналов (в ЦГВИА — только копии и далеко не все) и стенограммы заседаний Металлургического комитета (в ЦГВИА их нет вовсе) ⁵.

I

Правящие круги царской России не понимали специфики ведения и обеспечения машинной войны, ход которой теснейшим образом связан с работой и состоянием тыла. Вступив в войну с твердой уверенностью в том, что она будет кратковременной, военные и другие ведомства царской России свои главные расчеты строили на материальном обеспечении военных действий за счет запасов мирного времени. Никаких планов привлечения частной промышленности к выполнению военных заказов не существовало. Такая установка в соединении с общей экономической отсталостью определила полную неподготовленность России к войне. Уже к исходу 1914 г. запасы мирного времени были полностью израсходованы, а война еще только начиналась.

Наступление немецкой армии весной — летом 1915 г., вскрывшее всю глубину кризиса вооружения русской армии, ускорило вызревание революционной ситуации в стране ⁶. В этих условиях буржуазия решила

⁴ В ведении Металлургического комитета находились также вопросы руководства цветной металлургией России и обеспечение предприятий цветными металлами заграничного происхождения. В данной статье этих вопросов мы касаться не будем.

⁵ Журналы заседаний Комитета по делам металлургической промышленности широко используются ниже, и этим объясняется порядок оформления сносок. В них указывается сокращенное наименование журналов Комитета (ЖМК), номер, дата заседания и вопрос повестки дня. Приводим распределение журналов Комитета по единицам хранения: ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 3, ЖМК, № 1—119 (январь — декабрь 1916 г.); д. 6, ЖМК, № 1—7 (январь — февраль 1917 г.). ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 2, ЖМК, № 33—44 (март 1916 г.); д. 9, ЖМК, № 24—30 (февраль 1916 г.), 60—78 (апрель — май 1916 г.); д. 143, ЖМК, № 1—22 (январь — февраль 1916 г.), 45—59 (апрель 1916 г.), 79—103 (июнь — июль 1916 г.). Журналы невелики по размерам, и принятый нами порядок оформления сносок не затрудняет нахождения нужного места. При цитировании стенограмм заседаний Металлургического комитета (сокращенное наименование — СМК), ввиду значительных размеров стенографических записей, сохранен обычный порядок ссылок на архивные источники: наименование архива, фонд, описание, дело, лист.

⁶ См. статью В. И. Ленина «Поражение России и революционный кризис» (Соч., т. 21, стр. 345—349).

⁶ Исторические записки, т. 57

использовать растерянность правительства и растущее недовольство народных масс для того, чтобы добиться от царизма ряда уступок, конечной целью которых должно было стать завершение эволюции самодержавия в буржуазную монархию. Конкретно требования буржуазии сводились: в области экономической — к мобилизации промышленности и регулированию различных отраслей народного хозяйства при помощи военно-промышленных комитетов, в политической области — к созданию так называемого «правительства доверия».

Однако самодержавие было против усиления влияния буржуазии на политику правительства и предприняло ряд мер по закреплению за собой руководства военно-экономической мобилизацией тыла и боевым снабжением армии. В мае 1915 г. было создано Особое совещание по усилению артиллерийского снабжения действующей армии, а затем (в августе 1915 г.) — четыре правительственных органа по регулированию различных отраслей народного хозяйства во главе с «Особым совещанием для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства» (общепринятое сокращенное название — Особое совещание по обороне).

Создание Особого совещания по обороне явилось определенным маневром правительства, при помощи которого из рук буржуазии была вырвана инициатива в деле мобилизации промышленности: на долю «общественных организаций», военно-промышленных комитетов прежде всего, теперь остались одни лишь посреднические функции. В то же время создание Особого совещания по обороне было также довольно серьезной уступкой буржуазии, которая через своих представителей в особых совещаниях могла принимать теперь активное участие в руководстве делом военно-экономической мобилизации тыла и боевого снабжения армии ⁷.

С образованием Особого совещания по обороне начинается сплошное привлечение металлообрабатывающей промышленности к работе на нужды войны, в первую очередь — к изготовлению артиллерийских снарядов. В связи с этим в огромной степени возрос казенный спрос на металл. Металлургические заводы Юга и Урала в короткое время были буквально завалены заказами ведомств на различные сорта железа, в особенности на снарядную заготовку. «Если предположить, — отмечал синдикат «Продамента» в специальной «Заметке о положении металлургической промышленности юга России», — что заводы заняты исключительно выполнением казенных заказов, то вся производительность их будет поглощена таковыми в течение приблизительно 4 месяцев» ⁸.

Между тем вследствие изменения в военные годы общих условий производства (прежде всего — резкого ухудшения работы железнодорожного транспорта ⁹ и призыва в армию кадровых рабочих), а также в результате потери металлургических заводов Царства Польского ¹⁰ производство черного металла по сравнению с 1913 г. к концу 1915 г. снизилось: по выплавке чугуна — на 57,8 млн. пуд., по выпуску болванок — на

⁷ См./об этом: А. Л. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11.

⁸ Архив Артиллерийского исторического музея в Ленинграде (ААИМ), ф. 87, оп. 1, д. 175, л. 4 об.

⁹ См. подробнее об этом: А. Л. Сидоров. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. — «Исторические записки», т. 26.

¹⁰ До войны металлургические заводы Царства Польского производили свыше 9% общего количества чугуна, более 12% полупродукта и около 11% сортового железа и стали.

12,6 млн. пуд., по производству проката — на 47,12 млн. пуд.¹¹. Это самым отрицательным образом отразилось на ходе работ металлообрабатывающих предприятий центра и северо-запада. Например, Московскому металлургическому заводу (б. Гужон) при ежемесячной потребности в 238 тыс. пуд. чугуна было доставлено в сентябре 1915 г. только 13 400 пуд. (3,9% потребности), а в октябре — 18 490 пуд. (7,8%)¹². Не лучше было положение и на других металлообрабатывающих предприятиях центрального района.

«Начиная с мая текущего года, — докладывал председатель Московского заводского совещания генерал Чердынцев военному министру, — нормальное питание московской промышленности топливом и сырыми материалами стало нарушаться, а с начала осени регулярная, рассчитанная на планомерную деятельность заводов, доставка этих материалов с мест их законтрактования сделалась чисто случайной, а затем почти совершенно прекратилась... Вопрос этот в настоящий момент принимает уже угрожающий, катастрофический характер, вследствие прекращения работ не только отдельных цехов, но и целых заводов». Результатом такого положения, делал вывод Чердынцев, «будет в скором времени полная остановка работ в Московском районе на государственную оборону: голод в топливе и чугуне вызовет в конце концов голод снарядный и прочих орудий обороны, изготовляемых из стали, остановки заводов вызовут беспорядки рабочих, и дело, налаживаемое с таким трудом, не принесет ожидаемых результатов»¹³.

В условиях общей нехватки металла и расстройств железнодорожного транспорта учет и правильное распределение черных металлов, планирование этого распределения приобретали особую важную роль. Необходимость создания специального учреждения, которое занималось бы этими вопросами, стала настоятельной.

Прежде всего это почувствовали заводчики и фабриканты Московского промышленного района. 1 августа 1915 г. вопрос о положении стального рынка России рассматривался на заседании снарядной секции Московского военно-промышленного комитета. «Выработка стали в настоящем внушает полную неуверенность в возможность широкого развития снарядного дела, — говорилось в телеграмме секции Центральному военно-промышленному комитету. — Увеличение выработки за счет сокращения других потребностей военно-морского и путейского ведомств безусловно недопустимо. Остается одно — увеличение производительности металлургических заводов, для чего необходимо обеспечить их в первую очередь вполне квалифицированным рабочим персоналом, топливом и вагонами. Желательно создание особого органа по распределению между заводами заказов на сталь соответственно их оборудованию»¹⁴.

Это был первый документ, в котором говорилось о необходимости создания специального органа для руководства металлургической промышленностью. Основные задачи этого органа, как видим, в нем обозначены достаточно определенно. Что же касается организации и структуры намечавшегося учреждения, то эти вопросы авторам телеграммы были еще не ясны.

Гораздо определеннее о задачах и организации специального учрежде-

¹¹ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, Пг., 1920, стр. 13, 14. В 1913 г. всеми металлургическими предприятиями России было произведено: чугуна — 283,4 млн. пуд., болванки — 263,9 млн. пуд., проката 246,6 млн. пуд.

¹² ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 51, л. 1.

¹³ Там же, оп. 1, д. 30, лл. 111—112.

¹⁴ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, св. 6, д. 75, л. 29.

ния для руководства металлургической промышленностью говорится в записке Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района «К вопросу о снабжении металлами», направленной в Центральный военно-промышленный комитет в конце августа 1915 г. Московские промышленники поставили перед Центральным военно-промышленным комитетом три вопроса: «1) Не представится ли возможным при посредстве чинов правительственного надзора... выяснить периодически на ближайшее время — какое количество, каких сортов металла приходится или должно быть произведено на каждом заводе и для каких нужд; 2) не представится ли возможным урегулировать общий выпуск металлов в соответствии с первоочередными нуждами обороны и другими срочными потребностями момента и 3) если эти сведения будут собраны в Центральном комитете, то принять меры к установлению порядка очереди снабжения сталью, чугуном и железом металлообрабатывающих заводов, сообразно выпуску того или иного сорта или профиля металла и потребности». При признании целесообразности перечисленных мер, Общество предлагало организовать «постоянное совещание представителей заводов и правительственных ведомств при Центральном военно-промышленном комитете для общего наблюдения и регулирования выпуска металлов». Рекомендовалось также «достигнуть содействия» Особого совещания по обороне, поскольку ему «принадлежит решающая власть в вопросах установления сроков заготовки металлов для нужд государственной обороны»¹⁵.

Речь, следовательно, шла о создании при Центральном военно-промышленном комитете полуправительственного органа, в распоряжении которого находился бы весь металл, производившийся в стране, для распределения его между металлообрабатывающими предприятиями. Цель проекта состояла в том, чтобы установить господствующее положение металлообрабатывающей промышленности на металлическом рынке, поставив под контроль ее представителей все производство и распределение металлов в стране.

Однако ко времени поступления записки московских заводчиков в Центральный военно-промышленный комитет там уже организовался Металлургический отдел в составе секций металлургических заводов Юга и Урала¹⁶. 17 августа председателем бюро Металлургического отдела был избран Н. С. Авдаков, а его членами — руководители «Продаметы» П. Г. Дарси, В. А. Введенский, П. А. Тикстон и председатель Совета съездов горнопромышленников Урала Н. Н. Кутлер¹⁷. Именно при Металлургическом отделе Центрального военно-промышленного комитета во второй половине августа 1915 г. было учреждено Бюро по распределению металлов, в задачу которого входило: выяснение потребности в металлах заводов, выполняющих военные заказы; выяснение производительности металлургических предприятий, а также выработка мер по увеличению их производительности; наконец, содействие планомерному распределению заказов на металлы казенных и частных металлообрабатывающих предприятий.

Сообщив 22 августа 1915 г. председателю Особого совещания по обороне военному министру генералу Поливанову о задачах вновь созданного учреждения и его составе (председатель — Н. Н. Кутлер; члены — Ю. И. Бутлеров, Н. Ф. фон Дитмар, В. В. Жуковский, П. А. Тикстон;

¹⁵ ААИМ, ф. 87, оп. 1, д. 249, лл. 1 об.— 2.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 20, л. 43 об. Отчет о деятельности металлургического отдела ЦВПК на заседании Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне 27 ноября 1915 г.

¹⁷ «Известия ЦВПК», № 2, от 29 августа 1915 г.

заведующий делами — И. Б. Гливиц), председатель Центрального военно-промышленного комитета просил министра оказывать ему всяческое содействие¹⁸.

Так начало функционировать Бюро по распределению металлов — зачаток будущего Комитета по делам металлургической промышленности при Особом совещании по обороне. Как и проектировавшееся Обществом заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района «Постоянное совещание», Бюро намеревалось взять в свои руки распределение всего производимого в стране металла с тем, чтобы не только частная промышленность, но и казенные заводы получали чугун и железо исключительно при его помощи. Но во главе всего этого дела оказались представители металлургической промышленности, в частности руководители «Продаметы». Это определило и судьбу проекта Общества. 26 августа записка последнего рассматривалась на заседании Бюро по распределению металлов, постановившем принять проект «к сведению»¹⁹. Больше Центральный военно-промышленный комитет и его отделы к этому вопросу не возвращались; Бюро же начало действовать.

Прежде всего ему нужно было установить потребность и возможное производство черного металла на 1916 г. На эту работу ушел весь сентябрь и часть октября 1915 г., и в итоге был построен примерный баланс металла²⁰. Результаты ее для многих оказались неожиданными: получалось, что потребности ведомств, промышленности и частного рынка в металле в переводе на чугун составляют около 230 млн. пуд. в год, а производство его в 1916 г. предполагалось только в размере около 230 млн. пуд. Баланс, следовательно, сводился буквально в обрез, без наличия даже минимального резерва металла, при условии, что потребность в металле не возрастет, а производство его не сократится. Таким образом, вопрос об экономном и целесообразном распределении имевшегося металла приобретал исключительно важное значение. Это и должно было стать очередной задачей Бюро, но с первых же шагов оно потерпело полную неудачу, обусловленную двумя весьма существенными причинами: политикой «Продаметы» и позицией ведомств по отношению к Бюро.

Руководители «Продаметы» вошли в состав Металлургического отдела Центрального военно-промышленного комитета в начале августа 1915 г., т. е. тогда, когда роль военно-промышленных комитетов в общей системе органов, ведавших организацией производства предметов вооружения на частных предприятиях страны, еще не определилась. Судя по декларациям и заявлениям лидеров комитетов весной — летом 1915 г., они претендовали на безраздельное руководство всем делом военно-экономической мобилизации тыла страны. Поэтому руководители «Продаметы» закрепили свои позиции в Центральном военно-промышленном комитете, возглавив его Металлургический отдел и согласившись на учреждение при нем Бюро по распределению металлов. Однако к осени того же года им стало ясно, что с созданием четырех Особых совещаний претензии военно-промышленных комитетов оказались совершенно беспочвенными, а Особое совещание по

¹⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 1, л. 1. Соответствующее распоряжение было сделано: 26 августа 1915 г. управляющий делами Особого совещания по обороне генерал Бабилов разослал во все ведомства письмо о предоставлении в Бюро сведений о необходимых металлах и об оказании ему всяческой помощи (там же, л. 3).

¹⁹ «Известия ЦВПК», № 9, от 22 сентября 1915 г.

²⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 20, л. 45—45 об. Отчет о деятельности ЦВПК на заседании Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне; ЦГВИА, ф. 13251, оп. 20, д. 2, л. 10 и сл. Доклад Бюро по распределению металлов «О мерах к увеличению выплавки чугуна на южных заводах»; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, стр. 25.

обороне, при всем бюрократизме и косности государственного аппарата, является гораздо более действенным органом с определенной реальной властью, проводившим иногда важные хозяйственные решения. В силу этого Бюро перестало интересоваться «Продамету»: теперь нужно было закрепиться в органах Особого совещания, чтобы максимально использовать правительственный аппарат в своих интересах. Вот почему в начале октября 1915 г., как раз в тот момент, когда Бюро, закончив подготовительную работу, намеревалось перейти к распределению металла между казенными и частными заводами для выполнения заказов ведомств, управление «Продаметы» обратилось к военному министру с предложением о назначении особого уполномоченного «для ближайшего наблюдения за металлургической промышленностью» с тем, чтобы эта последняя «была выделена в нечто самостоятельное». Только при этом условии, подчеркивала «Продамета», возможны обеспечение перерабатывающих заводов железом и сталью и рациональное направление работ металлургических заводов. В случае назначения такого уполномоченного «Продамета» «от имени и по уполномочию» своих контрагентов сообщала, что «заводы почтут своим священным долгом оказать уполномоченному свое содействие», и обзывалась «предоставить в распоряжение уполномоченного всю свою строительную и налаженную долгими годами организацию». Эта организация, т. е. аппарат управления «Продаметы», при помощи своих отделений сможет в кратчайший срок представлять данные, необходимые для выяснения потребностей металлообрабатывающих заводов, с одной стороны, и для установления производительности металлургических заводов — с другой. Таким образом, «уполномоченное лицо сразу же, с первого дня вступления на трудный и ответственный пост», получило бы в свое распоряжение «большой и регулярно действующий аппарат, который несомненно окажет неocenимые услуги делу обороны родины»²¹.

Таким был план «Продаметы». Понятно, как отнесся синдикат к попытке Бюро Центрального военно-промышленного комитета приступить к распределению металлов. Для металлургических предприятий Бюро попросту не существовало. Бойкот «Продаметы» сделал его бессильной, ненужной организацией.

Такова была одна причина краха Бюро. Другая заключалась в полном пренебрежении к нему со стороны ведомств-заказчиков. Последние поделились с ним приблизительными наметками относительно своих потребностей в металле (что и позволило Бюро составить приблизительный баланс металла на 1916 г.), но дальше этого не пошли: при помощи Бюро ведомства не разместили ни одного заказа на металлургических предприятиях, предпочитая иметь дело с непосредственными хозяевами — монополиями и владельцами крупных предприятий. Например, уполномоченный Главного артиллерийского управления по изготовлению снарядов по французскому образцу генерал Ванков лишь за август — ноябрь 1915 г. (время действия Бюро по распределению металлов) получил от «Продаметы», согласно заключенным с нею договорам, по ценам, исключительно выгодным для синдиката, около 1370 тыс. пуд. стали в квадратных и круглых заготовках, не считая специальных сортов металла для различных мелких частей снарядов²².

Совершенно очевидно, что, поскольку ведомства — главные потребители изделий металлургической промышленности — предпочитали обходиться без услуг Бюро, деятельность последнего не могла быть успешной.

²¹ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 20, д. 7, лл. 1—4.

²² «История организации уполномоченного ГАУ по изготовлению снарядов по французскому образцу генерал-майора С. Н. Ванкова», М., 1918, прилож. 6 и 7.

«В общем следует признать,— констатировалось в докладе Центрального военно-промышленного комитета Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне в ноябре 1915 г.,—что при современном напряженном положении металлического рынка и появлении новых, незнакомых с ним, потребителей металла деятельность Бюро полезна. Но оно с успехом может осуществлять лишь посреднические задачи, для урегулирования же распределения металла в собственном смысле, т. е. для общей регламентации этого дела, Бюро является, как подсказал опыт, недостаточно авторитетным учреждением. Для этой цели нужен орган иного типа, обладающий всей полнотой необходимой для того власти»²³.

В соответствии с этим выводом, 8 ноября 1915 г. председатель Центрального военно-промышленного комитета обратился к военному министру с проектом учреждения при Особом совещании по обороне Металлического комитета. Опыт показал, говорилось в объяснительной записке к проекту, что учреждение чисто общественного типа, каким является Бюро по распределению металлов при Центральном военно-промышленном комитете, не может содействовать упорядочению состояния металлического рынка в России, которое авторами записки характеризовалось как «анархическое. У него нет никакой власти. Власть имеется у Особого совещания по обороне, однако последнее и без того обременено массой дел и поэтому лишено возможности сосредоточить свое внимание на вопросах чисто технических и коммерческих, которыми прежде всего и занимаются общественные организации. Отсюда следует, что наиболее целесообразным выходом из положения было бы учреждение для руководства металлургической промышленностью смешанного органа правительственно-общественного типа, в состав которого были бы включены представители ведомств, с одной стороны, и представители общественных организаций (Центральный военно-промышленный комитет, союзы земств и городов) — с другой. «Участие первого элемента даст возможность снабдить проектируемый орган необходимою властью, участие второго обеспечит согласованность действий этого органа с потребностями промышленности и откроет ей способы сорганизоваться в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями». Ввиду этого не следует упразднять Бюро по распределению металлов,—оно могло бы взять на себя всю подготовительную работу, а «Комитет давал бы лишь окончательную санкцию решениям бюро и придавал бы им необходимый для точного их исполнения авторитет»²⁴.

Именно исходя из этих посылок и был составлен проект Положения о Металлическом комитете при Особом совещании по обороне²⁵. Он учреждался «для объединения мер, направленных к удовлетворению потребности заводов в металлах для нужд обороны и для других нужд государства, имеющих значение для обороны», и с этой целью должен был устанавливать потребность в металлах, определять производительность казенных и частных заводов, а «в необходимых случаях» — оказывать содействие «правильному распределению металлов между предприятиями». В связи с этим Комитету предоставлялось устанавливать (или изменять) очередность изготовления заказов, освобождать предприятия от исполнения заказов с освобождением от неустоек, воспрещать или сокращать выпуск металлов на частный рынок, выяснять высшие предельные цены на металлы. В Комитет должны были войти три представителя от ведомств морского, торговли и промышленности и путей сообщения — по назначе-

²³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 4, д. 20, л. 47.

²⁴ Там же, оп. 1, д. 30, лл. 107 об.—108.

²⁵ Там же, д. 30, лл. 104—105 об.

нию соответствующих министров и 12 представителей «общественности» (4 — от Земского и Городского союзов, по два от каждого, 4 — от Центрального военно-промышленного комитета и 4 — от Совета съездов представителей промышленности и торговли) — по избранию соответствующих организаций. Председатель назначался военным министром. Как видим, представители «общественности» получали в Комитете, согласно этому проекту, тройной перевес голосов над представителями ведомств, т. е. становились в нем хозяевами положения, так как тот же проект предусматривал, что решения Комитета должны были приниматься простым большинством. Правда, в проекте имелась оговорка, что в случае несогласия председателя с мнением большинства Комитета вопрос поступает на окончательное решение председателя Особого совещания по обороне, но эта оговорка, разумеется, не меняла указанного положения.

Центральный военно-промышленный комитет постарался согласовать свой проект с компетенцией и практикой Особого совещания по обороне. Поскольку к этому времени в составе Особого совещания по обороне была учреждена реквизиционная комиссия, проект предусматривал, что при необходимости реквизиции металлов Комитет обращается за содействием к военному министру — председателю Особого совещания по обороне. Решения Комитета на местах предполагалось проводить через соответствующих уполномоченных председателя Особого совещания по обороне (они же — председатели местных филиалов Особого совещания — заводских совещаний). Комитету в рамках его компетенции предоставлялось право объединения деятельности районных уполномоченных. В особых случаях, с утверждения председателя Особого совещания по обороне, Комитет мог назначать на места собственных представителей. Наконец, в проекте предусматривалось, что Бюро по распределению металлов должно оказывать Металлическому комитету свое содействие.

16 декабря 1915 г. доклад подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне, куда был направлен на предварительное рассмотрение проект Центрального военно-промышленного комитета, был заслушан и одобрен на заседании Совещания, а на другой день, 17 декабря, «Правила о порядке действий уполномоченного по делам металлургической промышленности и о состоящем при нем Комитете» были утверждены Поливановым²⁶. Что же касается предложения «Продаметы» о выделении особого уполномоченного по руководству металлургической промышленностью, который в своей деятельности опирался бы на аппарат синдиката, то оно так и не было поставлено на обсуждение Особого совещания.

Сравнение проекта Центрального военно-промышленного комитета с «Правилами» от 17 декабря показывает, что существенному изменению подвергся лишь пункт о составе Комитета: было значительно увеличено представительство ведомств (помимо представителей от военного и морского министерств «в том числе, какое будет назначено министрами», в Комитет должны были войти два представителя Министерства торговли и промышленности и по одному от министерств финансов и путей сообщения), а число представителей буржуазии уменьшилось с 12 до 7. По количеству же представленных организаций буржуазное крыло Комитета расширилось: помимо представителей Центрального военно-промышленного комитета, союзов земств и городов и Совета съездов представителей промышленности и торговли, в Комитет вошли в качестве членов также представители от Совета съездов горнопромышленников Урала и Совета

²⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 244, лл. 3—4.

съездов представителей горнопромышленников юга России. Таким образом, расширяя буржуазное представительство за счет двух последних организаций, Особое совещание по обороне учитывало прежде всего интересы той отрасли промышленности, «регулированием» которой Комитет должен был заняться. «Продамета» немедленно воспользовалась этим: ее представители вошли в Комитет в качестве представителей Центрального военно-промышленного комитета (Гливиц), Совета съездов представителей промышленности и торговли (Томашевский) и, конечно, от Совета съездов горнопромышленников юга России (Эрдели и управляющий делами синдиката Тикстон). Иными словами, «Продамета» заняла половину всего буржуазного представительства Комитета.

Представители синдиката сразу же захватили инициативу в Комитете и стали проводить свою линию настойчиво и твердо: не прошло и месяца с начала работы Metallургического комитета, как член Комитета от Земского союза А. Г. Хрушев должен был констатировать в докладе представителям Земского и Городского союзов в заводских совещаниях, что «по положению преобладающее значение в Комитете должно было бы принадлежать представителям ведомств. В действительности же получилось, что представители промышленности оказались в Комитете гораздо активней, чем представители ведомств и общественных организаций, и многие постановления в Комитете проходят под сильным влиянием представителей промышленности»²⁷.

Но Комитет в собственном смысле слова не являлся непрерывно действующим учреждением; он собирался лишь периодически для коллегиального решения и обсуждения главных вопросов. Для выполнения же всей текущей работы по сбору материалов, подготовке решений, проведению их в жизнь и т. д. нужно было иметь постоянно работающий аппарат как при Комитете, так и на местах.

«Идея учреждения Комитета по делам металлургической промышленности,—писал генерал Мышлаевский управляющему делами Особого совещания по обороне генерал-лейтенанту Бабинову 30 декабря 1915 г.,—вытекала из необходимости снабдить определенными полномочиями... Бюро по распределению металлов при Центральном военно-промышленном комитете, располагающее необходимым помещением, определенным штатом служащих и установившимся делопроизводством. Поэтому не воспользоваться этою, готовою уже организацией было бы непрактичным, так как этим путем Комитет может сразу перейти к исполнительной работе, что в интересах дела представляется очень ценным»²⁸. Возражений на это предложение не последовало, и 4 января 1916 г. передача всего делопроизводства Бюро по распределению металлов Комитету по делам металлургической промышленности была оформлена специальным протоколом²⁹. 10 января штаты управления Комитета в составе пяти делопроизводств и канцелярии во главе с управляющим делами были утверждены Поливановым³⁰.

²⁷ «Известия Главного комитета по снабжению армии», 1916, № 13, ч. 2, стр. 53. Совещание представителей Всероссийских Земского и Городского союзов в заводских совещаниях 31 января — 2 февраля 1916 г.

²⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 5, л. 12—12 об.

²⁹ Там же, л. 37—37 об.

³⁰ Там же, л. 34—34 об., 1-е делопроизводство (четыре сотрудника) должно было вести сталью и железом, 2-е (четыре сотрудника) — желью, чугуном, железным ломом, 3-е (пять сотрудников) — красными и белыми металлами, 4-е (пять сотрудников) — вопросами перевозок и топлива, 5-е — статистическое; штаты канцелярии Комитета были утверждены в количестве 15 сотрудников. Всего в управлении было 40 человек, включая председателя Комитета и управляющего делами.

Что касается органов Metallургического комитета на местах, то ими стали заводские совещания — местные филиалы Особого совещания по обороне: в соответствии с правилами о порядке действий уполномоченного по делам metallургической промышленности на первом же заседании Комитета было решено, что Комитет имеет право давать заводским совещаниям «руководящие указания по предметам своего ведения»³¹. Тем самым в вопросах вмешательства в заводскую жизнь Комитет мог использовать права председателей заводских совещаний.

В конце декабря 1915 г. уполномоченным по делам metallургической промышленности председателя Особого совещания по обороне (он же — председатель Metallургического комитета) был назначен А. З. Мышлаевский, «достойнейший, — по его собственному выражению, — генерал, но ни черта не понимающий в metallургии»³². 30 декабря 1915 г. Мышлаевский сообщил Бабикову, что управление Комитета открыло свои действия, а 10 января 1916 г. состоялось его первое заседание.

* * *

В начале 1916 г. задача проведения целой серии мероприятий по регулированию metallургической промышленности стала настоятельно необходимой. Несмотря на то, что первые месяцы 1916 г. дали некоторый прирост выплавки чугуна по сравнению с соответствующим периодом 1915 г.³³, мощности metallургических заводов, в частности, из-за несвоевременной и недостаточной доставки сырья и топлива, использовались далеко не полностью. Весной 1916 г. в южном районе из 61 доменных печей бездействовало 16 с общей производительностью 5645 тыс. пуд., причем семь из них стояли из-за недостатка сырья; на Урале из 92 домен стояли 25 с общей производительностью в 1700 тыс. пуд., из них 20 стояли из-за отсутствия сырья; в Центральном районе все пять бездействовавших доменных печей не работали из-за неподвоза кокса³⁴.

В то же время требования на металл для исполнения военных заказов, по сравнению со второй половиной 1915 г., значительно возросли. Если в октябре 1915 г., по данным Бюро по распределению металлов, производительность metallургических заводов покрывала, хотя и в обрез, нужды на металл для выполнения военных заказов, то подсчеты Metallургического комитета, сделанные в марте 1916 г., вскрыли значительный дефицит металла. В переводе на чугун требования ведомств на черный металл с поставкой в 1916 г. (т. е. на девять месяцев 1916 г. — с апреля по декабрь) достигли 241 270 тыс. пуд., причем в эту цифру не вошли возможные запросы фронта, машиностроения, металл для строительных нужд земств и городов и т. д. в размере приблизительно 40—50 млн. пуд. Вероятный дефицит в чугуне, по подсчетам Metallургического комитета в апреле 1916 г., определялся на девять месяцев 1916 г. в размере 60—70 млн. пуд., т. е. около 7 млн. пуд. в месяц³⁵. Вскоре, по уточнении неко-

³¹ ЖМК, № 1, от 10 января 1916 г.

³² ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 7, л. 2. СМК, от 11 марта 1917 г. Выступление Мышлаевского

³³ В первые три месяца 1916 г. было выплавлено чугуна на 396 тыс. пудов больше, чем в соответствующий период 1915 г., полупродукта было заготовлено на 4727 тыс. пудов и продукта — на 6242 тыс. пудов больше (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1326, л. 3).

³⁴ Данные об общем количестве доменных печей по районам см. «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, стр. 16. Сведения о бездействовавших доменных печах см. ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 155, лл. 154—158.

³⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 9, л. 116—116 об. Письмо управляющего делами Metallургического комитета Бутлерова ген. Бабикову от 16 апреля 1916 г.

торых данных, размер ежемесячного дефицита в черном металле был определен уже в 9 млн. пуд.³⁶ Отныне уже нельзя было рассчитывать на то, что военные заказы могут быть выполнены за счет сокращения заказов частного рынка, и без того до предела урезанного в своих потребностях. На очередь выдвигалась задача отбора ведомственных заказов, выделения из них самых необходимых с точки зрения нужд фронта. Но именно в этом деле роль Комитета была незначительной: ведомства или их контрагенты продолжали заказывать металлы обычным порядком — через металлургические синдикаты, последние распределяли заказы между предприятиями, а установлением очередности исполнения заказов ведали заводские совещания, утверждавшие программы прокатки, и совещания приемщиков на заводах, следившие за исполнением этой программы. Что же касается Комитета по делам металлургической промышленности, то он лишь в некоторых случаях вмешивался в деятельность заводских совещаний и синдикатов, предписывая первым ускорить выполнение того или иного заказа, вторым — принять и разместить заказ между металлургическими предприятиями; на просьбы о размещении заказов, обращенные к нему непосредственно, он отвечал неизменным отказом. Но по мере увеличения казенных заказов ведомства все настойчивее требовали заказов на металлы. Дело дошло до специального рассмотрения вопроса о снабжении заводов металлами сначала на заседании подготовительной комиссии по общим вопросам Особого совещания по обороне затем и в самом Совещании. В ходе обсуждения, основываясь на пункте «г» ст. 6. Положения о Комитете, согласно которому Комитет должен был оказывать «содействие в необходимых случаях правильному распределению металлов между предприятиями, работающими для нужд обороны», представители ведомств обвиняли комитет в том, что он не выполняет своих прямых обязанностей, отказываясь распределять тот или иной заказ по металлургическим заводам. Поясняя позицию Комитета, его председатель Мышлаевский заявил на заседании подготовительной комиссии: «1) Взяв в свои руки указываемую задачу, Комитет должен был бы обслуживать все ведомства по всем заказам, что совершенно невозможно при имеющихся у него силах и средствах, 2) задача эта заставила бы Комитет держать на постоянном строгом учете весь ход заказов на всех металлургических заводах и 3) Комитет принужден был бы являться посредником в отношении цен, это совершенно уже выходит за пределы поставленных ему целей»³⁷. Мышлаевский, следовательно, не отрицал в принципе необходимости вмешательства в работу ведомств и металлургических предприятий со стороны Комитета, но отказывался от этой задачи, ссылаясь на трудности ее выполнения.

Обстоятельства, однако, оказались таковы, что указанная политика «невмешательства» Комитета не могла далее продолжаться.

К весне 1916 г. стало ясно, что заводские совещания не только не внесли необходимой планомерности в дело размещения и исполнения ведомственных заказов на металлургических предприятиях, но, наоборот, безнадежно запутали все дело.

Южная металлургия, представлявшая собой единый хозяйственный

³⁶ См. Справку члена Металлургического комитета от Земского союза А. Глаголева в Главный комитет Земского и Городского союзов от 16 мая 1916 г., в которой подробно изложены итоги заседаний Металлургического комитета от 12 и 13 мая (ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 155, лл. 154—158).

³⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 2, д. 9. Журнал заседания подготовительной по общим вопросам комиссии при Особом совещании по обороне государства, № 56, от 21 марта 1916 г. Пояснения Мышлаевского — на л. 302.

организм, оказалась разделенной между четырьмя заводскими совещаниями — Одесским, Екатеринославским, Харьковским и Ростовским ³⁸.

Это распределение было произведено совершенно искусственно, без всякого учета исторически сложившихся связей между предприятиями. Как известно, в металлургической промышленности Юга накануне войны шел процесс горизонтальной концентрации, т. е. слияния однородных предприятий. В частности, в 1911 г. Донецко-Юрьевское общество присоединило к себе Царицынский завод Урало-Волжского металлургического общества, двумя годами позже Таганрогское металлургическое общество купило и пустило в ход Керченский завод. Кроме того, южные заводы были связаны между собой взаимными обязательствами по уступке и переуступке друг другу права на выполнение заказов и широко пользовались им ³⁹. И то и другое было не только выгодно заводчикам, но и экономически целесообразно, так как вело к некоторой специализации предприятий и более рациональному использованию заводского оборудования. Но все это ни в малейшей мере не интересовало творцов «экономического районирования». Росчерком пера Керченский завод был пристегнут к Одесскому совещанию, хотя Таганрогский завод опекался Ростовским заводским совещанием, и прошло полгода, прежде чем Керченский завод был снова «воссоединен» с Таганрогским в рамках Ростовского заводского совещания ⁴⁰. То же повторилось и с предприятиями Донецко-Юрьевского общества: Юрьевский завод оказался в ведении генерала Певцова (Екатеринославское заводское совещание), а Царицынский — у генерала Фуфаевского (Ростовское заводское совещание). В результате Металлургическому комитету пришлось доказывать Певцову, что решение совещания приемщиков, постановившего «прекратить отправку чугуна с Донецкого завода на Царицынский», неправильно ⁴¹.

Если четыре заводских совещания не могли договориться между собой при решении общих для металлургических предприятий Юга вопросов, то они тем более не смогли справиться с более кропотливым и сложным делом по размещению и установлению очередности исполнения ведомственных заказов между заводами. Каждое заводское совещание действовало по принципу: «своя рубашка ближе к телу». «Некоторые частные петроградские заводы, — рассказывал один из членов Екатеринославского совещания, — обратились к Заводскому совещанию с просьбой оказать им содействие по отправке необходимого для них сырья. Председатель поставил вопрос, стоит ли отрывать это сырье от наших заводов. Мы решили этот вопрос отрицательно. Но из Питера идет большое давление, хотя мы и настаиваем на своей точке зрения» ⁴².

³⁸ Приводим распределение металлургических заводов по заводским совещаниям. В Одесском и Харьковском районах было по одному заводу (Керченский и Краматорский), в Ростовском — четыре (Сулинский, Таганрогский, Царицынский и Макеевский), остальные 13 заводов находились в ведении Екатеринославского заводского совещания. На долю этих последних приходилось до 76% выплавки чугуна на Юге, свыше 66% производства железа и стали, почти 70% проката (ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 23, лл. 32—34).

³⁹ См. ГИАМО, ф. 498, оп. 1, св. 234, д. 789, лл. 27—42; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 1348, лл. 1—17. Особые условия, включенные в договоры с контрагентами.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 18, лл. 21—23 об., 45—45 об., 51—51 об., 78, 100—104. Ходатайство о передаче Керченского завода Ростовскому заводскому совещанию было возбуждено в марте 1916 г., а удовлетворено лишь в октябре.

⁴¹ ЖМК, № 65, от 2 мая 1916 г. Восьмой пункт повестки дня.

⁴² «Известия Главного комитета по снабжению армии», 1916, № 13, ч. 2, стр. 112. Совещание представителей Всероссийских земского и городского союзов в заводских совещаниях. Доклад В. Г. Воронина 1 февраля 1916 г.

Далее деятели местных заводских совещаний мало считались с директивами Комитета по делам металлургической промышленности об ускорении выполнения того или иного заказа, и заказчикам приходилось обходиться собственными силами. Так, Одесское заводское совещание, констатируя почти полную невозможность получения металлов с металлургических заводов, постановило командировать в Екатеринослав своего представителя «для поддержания интересов Одесского района при установлении очередей исполнения заказов на металлургических заводах»⁴³. С той же целью послали в Екатеринослав своего уполномоченного объединенные заводы Коломна-Сормово и др. Все эти представители убеждали, доказывали, требовали, словом, пользуясь выражением Мышлаевского, «брали за жабры».

В конце концов стало очевидно, что регулирование деятельности южных металлургических заводов и распределение ведомственных заказов с помощью четырех заводских совещаний не обеспечивают самого элементарного порядка в распределении и выполнении заказов ведомств. В связи с этим в начале 1916 г. Екатеринославское заводское совещание при поддержке директоров металлургических предприятий поставило перед Металлургическим комитетом и Особым совещанием по обороне вопрос о целесообразности объединения руководства всей южной металлургией в одном Екатеринославском заводском совещании⁴⁴ и, ввиду «больших затруднений» в определении «срочности и важности заказов», — о необходимости сосредоточения этого дела в специальном органе, например в Комитете по делам металлургической промышленности⁴⁵.

Силой вещей на очередь дня выдвигалась задача изменения взаимоотношений Комитета по делам металлургической промышленности с заводскими совещаниями на местах, превращения Комитета в полновластный действенный орган, который мог бы давать указания об очередности исполнения заказов, передаче их с завода на завод, не считаясь с сообщениями заводских совещаний.

Однако, чтобы достичь этого, нужно было не только устранить разногласия в работе заводских совещаний, но и внести какой-то порядок, согласованность и пропорциональность в выдаче заказов ведомствами, добиться того, чтобы и в этих вопросах голос Комитета стал решающим.

Еще в конце января 1916 г. Комитет пытался выяснить, «сколько пудов рельсов могут дать заводы на февраль и, быть может, на март за исполнением заказов Военного и Морского ведомств, а также за оставлением некоторой свободной производительности для разных срочных нужд», и в зависимости от этого, «дать заводам определенные задания»⁴⁶. Однако Министерство путей сообщения решило этот вопрос в обход Металлургического комитета. Оно добилось учреждения «Особой междоветственной комиссии по вопросу об увеличении производства предметов

⁴³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 166, лл. 45—46. Краткий журнал заседания Одесского заводского совещания, 1916 г., № 9.

⁴⁴ 19 декабря 1915 г. этот вопрос рассматривался на съезде директоров металлургических заводов при Екатеринославском заводском совещании, который постановил ходатайствовать о включении в Екатеринославский район всех металлургических предприятий Юга. 22 декабря к этому заключению пришло и Екатеринославское заводское совещание, вновь подтвердив его 21 февраля 1916 г. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 23, лл. 32—34; д. 157, лл. 36—36 об.; д. 158, л. 31 об.).

⁴⁵ ЖМК, № 37, от 13 марта 1916. Сообщение председателя Екатеринославского заводского совещания.

⁴⁶ ЖМК, № 13, от 31 января 1916 г.

верхнего строения пути» под председательством управляющего делами Особого совещания по обороне генерала Бабикова. Эта комиссия, опираясь на данные о производительности рельсопрокатных заводов, сообщенные ей Министерством путей сообщения, произвела между предприятиями разверстку заказов на рельсы, скрепления и т. д. без особой оглядки на то, какие заказы уже исполняются этими предприятиями. Все это было утверждено председателем Особого совещания, а на заводские совещания была возложена ответственность за исполнение этой программы⁴⁷.

По проложенной Министерством путей сообщения дорожке двинулись и нефтепромышленники. «Взятый за жабры», Бабиков спешно телеграфировал председателям Екатеринославского, Ростовского и Харьковского заводских совещаний о необходимости прокатки листового и сортового железа «в ближайшие два месяца по 500 000 пуд. в месяц по заказам Бакинских и Грозненских нефтяных промыслов, с исполнением этих заказов предпочтительно перед заказами МПС»⁴⁸.

В эту «планомерную» деятельность периодически врываются фронтовые учреждения и организации со своими заказами, снабженными надписями: «изготовить спешно», «в первую очередь», «крайне нужны», «экстренно требуется» и т. п.⁴⁹ Эти учреждения действовали не только помимо Metallургического комитета, но нередко и помимо заводских совещаний, обращаясь прямо на заводы.

Так, в целях устранения ведомственной неразберихи на очередь дня выдвигалась задача изменения взаимоотношений между Комитетом и центральными заказывающими учреждениями. Иными словами, встал вопрос о коренной реорганизации Комитета в интересах более планомерной организации работы металлургической промышленности для удовлетворения потребности страны в металле. Конкретно это означало, во-первых, усиление учетно-распределительного аппарата Metallургического комитета и, во-вторых, расширение его полномочий. К рассмотрению этих вопросов мы и переходим.

II

При решении вопроса относительно усиления учетно-распределительного аппарата Комитет опирался на практику заводских совещаний и на собственный опыт.

Из 11 заводских совещаний, действовавших к началу 1916 г., нас сейчас интересуют практика тех, которые были непосредственно связаны с основными металлургическими центрами страны — Югом и Уралом. Уральский металлургический район находился в ведении одного, Уральского, заводского совещания, что же касается четырех заводских совещаний Юга, то здесь интерес для нас представляют Екатеринославское и Ростовское, объединявшие первое — 13, второе — 5 крупнейших металлургических предприятий; практика Одесского и Харьковского совещаний, имевших каждое по одному металлургическому заводу, непоказательна.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 21, лл. 162—169 об. Журналы заседаний Междуведомственной комиссии 10, 11 и 13 марта 1916 г.; Постановление председателя Особого совещания по обороне (там же, лл. 122—124). Поскольку эта программа оказалась в конечном счете нереальной, ее цифровые показатели мы здесь не анализируем.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 157, л. 30. Подчеркнуто нами. — К. Т.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 28, лл. 172 об.—174 об. Справка Земгора от 16 мая 1916 г., раздел «Металлургический вопрос в Ростовском н/Д зав. сов.».

Переломным моментом в деятельности Уральского заводского совещания явилось решение Metallургического комитета о передаче для исполнения уральскими предприятиями всех заказов на железо, поступивших на заводы Юга с Урала, Сибири и Средней Азии.

Распределение этих заказов по заводам было поручено Уральскому заводскому совещанию⁵⁰.

Первой реакцией Уральского совещания на это решение было паническое постановление от 14 марта 1916 г., в котором говорилось, что «распределение на уральских заводах заказов на 750 тыс. пудов разного железа является для заводского совещания работой, непосильной по существующему составу его работников», в связи с чем оно «находит необходимым привлечь к этому делу, как единственную организацию этого района, Совет съездов горнопромышленников Урала»; составленный Советом по этому вопросу доклад мог быть рассмотрен в заводском совещании и с соответствующим заключением представлен Metallургическому комитету. Одновременно Совещание просило своего председателя П. И. Егорова, находившегося в то время в Петрограде, выяснить вопрос, должно ли это распределение быть добровольным или принудительным, а также по каким ценам следует размещать переданные на Урал заказы⁵¹.

Надо полагать, что указания Мышлаевского носили довольно категорический характер: Егоров немедленно примчался в Екатеринбург и, во исполнение решения Комитета, провел несколько заседаний заводского совещания с участием представителей заводов Урала и заказчиков Сибири и Средней Азии (30 марта, 16—21 апреля 1916 г.). Об этих совещаниях нам известно из трех источников. 29 апреля подробный доклад о них был представлен правлению акционерного общества Белорецких заводов участником совещания Канненбергом⁵², 6 мая о них доложил Metallургическому комитету заместитель председателя Сибирского заводского совещания полковник Бургардт, также принимавший участие в заседаниях в Екатеринбурге⁵³, и, наконец, довольно подробный отчет об этих заседаниях содержится в справке Главного комитета по снабжению армии от 16 мая 1916 г., содержащей обзор деятельности нескольких заводских совещаний (в том числе и Уральского) за апрель 1916 г.⁵⁴

На первое заседание Уральского заводского совещания Егоров пригласил представителей предприятий, которые имели при себе данные о запасах готового металла на заводах. Однако эти данные оказались краткими и неразработанными. Сведения, имевшиеся у Егорова, также не позволяли судить о том, что необходимо заказчикам. Поэтому никаких результатов первое заседание не принесло, и решено было вызвать в Екатеринбург самих заказчиков, чтобы совместно с представителями заводов уточнить необходимые данные и затем заняться распределением заказов. Заседания были прерваны и смогли начаться вновь только через две недели. Когда все нужные лица прибыли в Екатеринбург, решено было для ускорения работы разделить на две группы — заводчиков и потребителей, в числе которых были представители казенных заводов, железных дорог и Сибирского военно-технического управления. В задачу первой группы входило выяснение наличности железа и выработка примерной программы прокатки на ближайшие шесть месяцев. Группа потребителей

⁵⁰ См. ЖМК, № 17 и 36, от 6 февраля и 12 марта 1916 г.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 123, лл. 720 об.—722. Журнал заводского совещания Уральского района от 14 марта 1916 г.

⁵² ГИАМО, ф. 291, оп. 1, св. 9, д. 34, лл. 132—140.

⁵³ ЖМК, № 67, от 6 мая 1916 г. Второй пункт повестки дня.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 28, лл. 172—174.

должна была выяснить и подсчитать первоочередную потребность в железе различных видов.

«При работе обеих групп, — сообщал Канненберг, — сейчас же выяснилось самое главное затруднение: неимение систематизированного статистического материала как наличности, так и потребности железа. Отсутствие бюро или организации вроде «Продамета» и «Кровли» сейчас же сказалось. Работа совещания затянулась на несколько дней, так как пришлось секретарям заняться механическим подсчетом цифр». Канненбергу вторит справка Главного комитета по снабжению армии: «Полное отсутствие на Урале текущей статистики производства, отсутствие сведений об имеющихся запасах и неиспользованной производительности заводов поставило заводское совещание в очень затруднительное положение. Отсутствие на Урале такой организации, как «Продамет», охватывающего производство южных заводов, имеющего, как предприятие синдикатного характера, свои отрицательные стороны, но располагающего в то же время, как и «Кровля» в области листового железа, полной осведомленностью о производительности и аппаратом по распределению заказов, сказалось особенно ярко». В результате к полученным итоговым данным не было особого доверия ни у заводчиков, ни у заказчиков. «Все представленные заводчиками программы, — замечает Канненберг, — очень проблематичны, так как уверенности в том, что все это удастся осуществить, нет абсолютно ни у кого».

В этом заключалась первая причина неудачного исхода Екатеринбургского совещания. Вторая сводилась к тому, что Егоров ничего определенного не мог сказать о величине предельных цен, к разработке которых, что хорошо было известно заводчикам, уже приступил Metallургический комитет. Все это привело к тому, что когда состоялось заключительное заседание Совещания (19 апреля), на котором сошлись вместе и заводчики и заказчики, чтобы окончательно столкнуться с делами на металлы, особых результатов не было достигнуто. Не имея уверенности в реальности представленных сведений, с одной стороны, не зная, каковы будут цены на ближайшие шесть месяцев — с другой, заводчики под разными предлогами отказались от заключения долговременных сделок, и договориться удалось лишь по незначительной части заявок, представленных заказчиками. «Весь съезд носил скорее характер частных бесед или биржевого собрания, — с раздражением констатировал полковник Бургардт, — результаты работ съезда следует признать совершенно неудовлетворительными». Что же касается замечания Егорова о том, что он «имеет вполне определенные директивы заставить уральские заводы исполнить те заказы первой очереди и необходимости для обороны, которые возможно исполнить на Урале по условиям техники» и что «если добровольного согласия на это заводов не состоится», то он сделает это «принудительно, пользуясь предоставленными ему полномочиями», то, по сообщению Канненберга, выступивший от имени заводчиков Б. А. Рулев заявил, что необходимо «указать Metallургическому комитету в Петрограде на ненормальность и нежелательность такого нажима на заводы и предвзятого к ним отношения», так как заводы работают «и без того, так сказать, на совесть». А посему пусть лучше Комитет обратит внимание на ненормальность общего положения заводов Урала: на состояние перевозок, нехватку рабочих рук и т. д. В результате на итоговое заседание часть представителей заводов просто не явилась, и имевшийся кворум, по удовлетворении некоторых заявок, постановил, как сообщает Канненберг, что «остальным размещением, принимая во внимание данные наличности и сортаменты, должно заняться заводское совещание».

Зато все заводчики дружно явились на совещание, созванное уполномоченным Совета съездов уральских горнопромышленников В. И. Европеусом, специально прибывшим из Петрограда в Екатеринбург в начале апреля 1916 г. Совещание касалось, как сообщал тот же Канненберг, «немедленного учреждения в Екатеринбурге бюро Совета съездов уральских горнопромышленников..., неимение которого так особенно ощутительно было на наших совещаниях».

К сожалению, Канненберг (а только он один присутствовал на совещании у Европеуса из трех указанных авторов) сообщает об этой итоговой части работы уральских заводчиков чрезвычайно мало. Он пишет лишь о том, что заводчики согласились с необходимостью немедленного учреждения бюро, выделили для этого дела 10 тыс. руб. и установили порядок разверстки этой суммы между предприятиями («пропорционально рабочей плате, уплачиваемой ежегодно округом»). Однако замечание Канненберга в начале письма, как и цитированное выше место из справки Земгора о том, что Уралу не хватает организации типа «Продаметы», не оставляет сомнений в том, что речь шла именно о создании подобной организации.

Обратимся теперь к рассмотрению практики заводских совещаний Юга — Ростовского и Екатеринославского.

Отличие Южного металлургического района от Урала заключалось прежде всего в том, что массовый наплыв казенных заказов на металл сюда начался гораздо раньше, чем на Урал. Второе отличие состояло в наличии у металлургической промышленности Юга сильной синдикатской организации — «Продаметы» с ее разветвленным, опытным и слаженным учетно-распределительным аппаратом. Поэтому то, чем занимались уральские промышленники в апреле 1916 г., для заводчиков Юга было уже пройденным этапом: аппарат по распределению заказов в Екатеринославском и Ростовском заводских совещаниях сложился уже в конце 1915 г.

В ноябре 1915 г., в связи с ходатайством Управления железных дорог содействовать ускорению выполнения одного из заказов, Екатеринославское заводское совещание постановило: «Ввиду значительных поступлений от разных ведомств ходатайств об оказании содействия к выполнению заводами их заказов и отсутствия у заводского совещания данных, которыми можно было бы руководствоваться при суждении срочности одного заказа перед другим, избрать из членов совещания комиссию, которой поручить собрать материалы и все данные об имеющихся на заводах военных заказах, считая в числе их заказы морского ведомства, военного и путей сообщения; предоставить этой комиссии право приглашать в заседания ее с правом совещательного голоса лиц, обладающих опытом своим и знанием дела содействовать ее работе. А в случае надобности созвать совещание из директоров заводов, работающих на оборону»⁵⁵. Повидимому, такие совещания созывались несколько раз: мы помним, что на одном из них было вынесено пожелание об объединении всех южных металлургических заводов при Екатеринославском совещании. Сохранился также «Журнал заседания директоров южнорусских заводов по вопросу о распределении заказов» (декабрь 1915 г.)⁵⁶. Интерес этого заседания состоит в том, что на нем, помимо директоров предприятий, присутствовал также управляющий екатеринославской конторой «Продаметы» инженер Подгаецкий. Благодаря его участию было определено, какое количество желе-

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16; д. 157, л. 12 об. Журнал заседания Екатеринославского заводского совещания, № 10, от 2 ноября 1915 г.

⁵⁶ Там же, л. 30.

за следует передать для исполнения предприятиям Ростовского заводского совещания. «Продамета» выступала здесь, таким образом, в роли связующего звена между двумя заводскими совещаниями.

В начале 1916 г. при Екатеринославском и Ростовском совещаниях создаются постоянные металлургические комиссии. О комиссии Ростовского заводского совещания нам известно больше, чем о комиссии Екатеринославского совещания. Она работала под председательством заместителя председателя совещания в составе представителей заводов, фабричной инспекции, железных дорог, местного военно-промышленного комитета и «Продаметы» и рассматривала заводские проекты программ работ на предстоящий месяц. «Указанная выше комиссия,— читаем в «Обзоре деятельности заводского совещания Ростовского на Дону района»,— пересматривает все заказы, поставленные в программу работ, и утверждает только те, которые подтверждены подлинными удостоверениями...; остальные заказы выбрасываются из программы и заменяются другими, более спешными. Заказы, не имеющие близкого отношения к обороне, вовсе не исполняются». Заседания комиссии в таких случаях длились пять дней при работе по 10 часов в день. Кроме того, эта же комиссия «собирается еженедельно и подготавливает материалы, тем облегчая работу заводов при составлении проекта программы работ на месяц»⁵⁷. В последнем случае в работе участвовали лишь пять человек, в частности заместитель председателя заводского совещания В. А. Реми и управляющий ростовской конторой «Продаметы» К. В. Эйсмонт⁵⁸.

Протоколов или журналов металлургических комиссий Екатеринославского и Ростовского заводских совещаний мы не обнаружили. Но о роли «Продаметы» в распределении заказов между предприятиями Юга довольно определенное заявление сделал председатель Екатеринославского заводского совещания генерал Певцов на заседании Металлургического комитета. Считая, очевидно, участие членов заводского совещания в металлургической комиссии формальным и необязательным, он заявил, что «вопрос о распределении заказов между заводами желательно поручить о-ву «Продамета», несколько изменив принятый ю-вом порядок», и добавил при этом, что «желательно также объединить регулировку цен обществом»⁵⁹.

Таким образом, то, что в апреле 1916 г. заводское совещание Уральского района еще только намеревалось исполнить — привлечь к распределению заказов частную организацию уральских заводчиков, — на Юге уже стало фактом. И если уполномоченный председателя Особого совещания на Урале сожалел о том, что он в своей работе не может опереться на организацию типа «Продаметы», то южные уполномоченные свои трудности в распределении заказов объясняли недостаточным использованием аппарата «Продаметы»: Екатеринославское и Ростовское заводские совещания в своей работе опирались лишь на ее местные конторы, т. е. на часть аппарата синдиката. Обратим внимание также на предложение Певцова относительно передачи в ведение синдиката вопроса о регулировке цен: как мы видели, неясность этого вопроса во многом определила неудачный исход уральских совещаний в апреле 1916 г.; очевидно, этот вопрос был большим и для заводских совещаний юга России.

Итак, опыт заводских совещаний, исполнителей директив Металлургического комитета на местах, к весне 1916 г. говорил о необходимости пол-

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 152, лл. 73—76.

⁵⁸ Там же, л. 12—12 об. Выписка из протокола Ростовского заводского совещания от 6 марта 1916 г.

⁵⁹ ЖМК, № 37, от 13 марта 1916 г. Второй пункт повестки дня.

нее использовать учетно-распределительный аппарат монополистических организаций для размещения заказов между предприятиями и, как обязательное условие этого использования, решить вопрос о ценах на казенные заказы.

Посмотрим теперь, что говорил на этот счет собственный опыт Metallургического комитета.

Открывая совещание уральских заводчиков, о котором было рассказано выше, уполномоченный председателя Особого совещания по обороне Егоров, говоря о заказах, которые предстояло распределить, заявил, что, поскольку «в Петрограде образован уже комитет по нормировке кровельного железа», последнее «изъято из предметов обсуждения»⁶⁰. История этого учреждения хорошо прослеживается по журналам Metallургического комитета.

Развертывание военного производства происходило за счет все большего сокращения выпуска предметов гражданского спроса, в частности в metallургической промышленности — за счет сокращения производства кровельного железа. Особенно значительно сократился выпуск кровельного железа на заводах Юга. Если накануне войны здесь его выпускалось свыше 5 млн. пуд., то в 1916 г., по сведениям Metallургического комитета, выпуск южного кровельного железа упал более чем вдвое — отсюда рассчитывали получить не более 2 млн. пуд. Значительно сократился выпуск кровельного железа и на уральских заводах — с 14,6 млн. пуд. до 8 млн. пуд. В целом же по стране, по сравнению с довоенным временем, производство кровельного железа должно было сократиться в 1916 г. с 22,9 млн. пуд. до 10 млн. пуд.⁶¹ Поскольку этим количеством невозможно было удовлетворить все нужды страны, Комитет по делам metallургической промышленности пришел к выводу, что свободное исполнение заказов на кровельное железо не может быть допущено. В связи с этим было постановлено, что, начиная с 15 апреля 1916 г. кровельное железо для военных нужд должно отпускаться только с разрешения заводских совещаний. Что же касается обеспечения потребностей населения, то, по мнению Комитета, было бы целесообразно, чтобы нужное количество кровельного железа закупало и распределяло Министерство земледелия⁶².

Однако провести принятые решения в жизнь оказалось, по выражению Мышлаевского, «сложным делом». Поэтому постановление о выдаче кровельного железа только по удостоверениям Комитета вскоре было отменено и выдачу удостоверений решено было поручить «какому-либо министерству или ведомству»; за собой же Комитет оставил сбор сведений о наличии железа и его ориентировочное распределение⁶³. Но охотников на возню с удостоверениями не нашлось и среди ведомств. Провалилось и намерение организовать снабжение населения кровельным железом при содействии Министерства земледелия. Не исчезал только ведомственный спрос: оказалось, что на одни лишь военные нужды в 1916 г. нужно было заготовить 10 млн. пуд. кровельного железа, т. е. почти всю ожидаемую продукцию.

И вот тогда на заседание Metallургического комитета был приглашен представитель акционерного общества «Кровля». Он любезно разъяснил

⁶⁰ ГИАМО, ф. 291, оп. 1, св. 9, д. 34, л. 133.

⁶¹ Данные по производству кровельного железа накануне войны — см. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, стр. 308; ожидаемое производство кровельного железа в 1916 г. см. ЖМК, № 33, от 6 марта 1916 г. Первый пункт повестки дня.

⁶² ЖМК, № 33, от 6 марта 1916 г. Первый пункт повестки дня.

⁶³ ЖМК, № 42, от 21 марта 1916 г. Четвертый пункт повестки дня.

Комитету, что недели через две начнется сплав изготовленного на Урале кровельного железа и что «если упустить это время, то будут нарушены интересы потребителей для нужд обороны, и все наличное железо попадет на частный рынок». На вопросы членов Комитета представитель «Кровли» ответил, что представляемое им общество «железа для спекуляции не отпускает, для частного рынка отпускает лишь незначительное количество», однако все дело в том, что «Кровля» объединяет только шесть заводов, причем один из них, Кыштымский, не работает, а потому общество располагает всего лишь половиной вырабатываемого на Урале кровельного железа. Но время еще есть: ««Кровля», — продолжал представитель синдиката, — может сосредоточить у себя все сведения о производстве, запасах и т. п. и взять на себя выдачу удостоверений. Для сего «Кровля» предлагает созвать представителей всех заводов кровельного железа, привести их к объединению и продавать железо из одного места»; дело лишь за ценой, которую Комитет установит для железа, приобретаемого на военные нужды.

Металлургический комитет с радостью ухватился за эти предложения и наметил ряд организационных мер по объединению уральских заводов, производивших кровельное железо. Что касается цены, то до определения комиссией Metallургического комитета ее должен был установить при участии представителей заводов председатель Совета съездов горнопромышленников Урала Н. Н. Кутлер. Иными словами, уральским предпринимателям была предоставлена возможность с а м и м установить подходящую цену⁶⁴.

Через пять дней, с удовлетворением выслушав сообщение Кутлера о том, что заводы, изготавливавшие кровельное железо, согласились присоединиться к «Кровле»⁶⁵ и что, следовательно, «вопрос о кровельном железе можно бы считать налаженным», Комитет постановил, что с 15 апреля 1916 г. отпуск кровельного железа допускается не иначе, как с разрешения Комитета, и что вся «подготовительная и исполнительная работа по рассмотрению заказов на уральское кровельное железо и по выдаче, с разрешения Комитета, соответствующих удостоверений на право выпуска кровельного железа» поручена «Кровле»; только заводы, не желавшие прибегать к посредничеству «Кровли», должны были представлять необходимые сведения и получать разрешение непосредственно от Комитета⁶⁶.

5 мая 1916 г. работа, которую собственными силами не смог выполнить Metallургический комитет, была закончена. Мышлаевский говорил на заседании Комитета: «У нас есть теперь ведомость совершенно подробная по каждому заводу о том, что дано на оборону и что — в свободных остатках. Приносим благодарность о-ву «Кровля», которое бесконечно нам помогло»⁶⁷. Таким образом, Комитету оставалось лишь дать руководящие указания «Кровле» о том, как поступить с железом, свободным от заказов и находящимся на заводских складах. С этой задачей Комитет справился успешно⁶⁸, а «Кровля» выполнила эти указания в точности, полностью

⁶⁴ ЖМК, № 47, от 30 марта, 1916. Второй вопрос повестки дня.

⁶⁵ Кроме шести предприятий, уже входивших в «Кровлю», к ней присоединились заводы Абамелек-Лазарева, Лысьвенский, Камский, Белорецкий, Сысертский и Юго-Камский. Остался открытым вопрос о пяти предприятиях: Симском, Богословском, Шайтанском, кн. Львова и Ревденском заводах. «Кровля», следовательно, не только вернула почти всех своих контрагентов, потерянных в предвоенные годы в результате конкурентной борьбы с «Продаметой», но и приобрела новых участников.

⁶⁶ ЖМК, № 51, от 6 апреля 1916. Третий пункт повестки дня.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. л. 481 об.; СМК, от 5 мая 1916 г.

⁶⁸ ЖМК, № 66, от 5 мая 1916 г. Первый вопрос повестки дня.

подчинившись Комитету. Отсюда, конечно, следует, что распоряжениям «Кровли» охотно подчинились и заводы, выпускавшие кровельное железо, и все это как будто вполне добровольно. Однако к причинам этой добровольности весьма интересно приглядеться.

Как-то раз на заседании Комитета «представитель металлургии» вскользь заметил, что «характер самого распределения нас не касается», и добавил, что для заводов в конечном счете важно, чтобы, во-первых, задания заводам находились в соответствии с их производительностью, во-вторых, соответствовали оборудованию предприятий, ну и, конечно, приносили «достаточную» коммерческую прибыль⁶⁹. Применительно к разбираемому нами случаю выполнение двух первых условий обеспечивалось тем, что распределение заказов на кровельное железо находилось в руках организации, в течение ряда лет занимавшейся этим делом. Что же касается третьего условия, то выполнение его зависело от Металлургического комитета, поскольку кровельное железо должно было распределяться согласно его указаниям.

Установлением цены на кровельное железо Металлургический комитет занимался на том же заседании, на котором давались руководящие указания «Кровле» о ее функциях по упорядочению рынка кровельного железа. Вот соответствующее место из журнала заседаний Комитета: «По вопросу о цене комиссия (под председательством Кутлера. — К. Т.) высказалась за желательность установления на ближайший срок цен, кои имеют быть сообщены О-вом «Кровля» не позднее 6 апреля (т. е. обществу было предложено с а м о м у назвать подходящую цену. — К. Т.). Н. Н. Кутлер докладывает, что за основную цену принята Общ. «Кровля» цена 4 р. 5 к. за пуд франко-завод. Представитель земств Глаголев и Главного артиллерийского управления ген.-майор Грум-Гржимайло находят эту цену чрезвычайно высокой⁷⁰. Член Комитета Тикстон указывает, что вопрос о ценах металлов выясняется комиссией проф. Байкова; до выяснения цен этой комиссией следует принять эту цену, заявленную «Кровлей», лишь как временную предельную цену. К этому мнению присоединяются председатель, представители министерств торговли и финансов, приняв к сведению заявление представителей Общ. «Кровля», что назначенная цена не выше установленной с января с. г.»⁷¹. (На самом деле, по сведениям биржевых комитетов, средняя цена на кровельное железо в январе 1916 г. была равна 3 р. 75 к. с колебаниями от 3 р. 50 к. до 4 руб.)⁷². В итоге Комитет в качестве основной цены на кровельное железо (без приплат) утвердил 4 р. 5 к. за пуд локо-завод (т. е. без включения стоимости погрузки и провоза). Остается добавить, что при обсуждении предельных цен на кровельное железо, которое состоялось тремя неделями позже, комиссия проф. Байкова предложила понизить цену на кровельное железо до 3 р. 90 к. за пуд локо-завод. Однако «ввиду того, что цены на кровельное железо объявлены так недавно», Мышлаевский предложил оставить их без изменения. На том и порешили⁷³.

Таков был первый опыт сотрудничества Металлургического комитета с одной из монополистических организаций — уральским синдикатом

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 10, л. 119.

⁷⁰ В авторитетности этой оценки сомневаться не приходится. Напомним, что земства еще до войны долго, но безуспешно боролись против повышения цен на кровельное железо. Для этой цели накануне войны был даже создан специальный «Железный союз земств». Подробнее об этом см. П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, стр. 319—320.

⁷¹ ЖМК, № 51, от 6 апреля 1916 г. Пятый вопрос повестки дня.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1326, л. 10.

⁷³ ЖМК, № 61, от 25 апреля 1916 г.

«Кровля». Он полностью согласовывался, во-первых, с выводом заводских совещаний о том, что в интересах упорядочения размещения заказов на металлы необходимо всемерно использовать учетно-распределительный аппарат монополий металлургической промышленности. Он убедительно свидетельствовал, во-вторых, что для того, чтобы заставить этот аппарат выполнять указания Металлургического комитета, необходимо решить вопрос о высоте предельных цен на металлы в интересах монополистических организаций металлургической промышленности. Не случайно, что именно в апреле 1916 г. Комитет вплотную приступил к вопросу о выяснении предельных цен на изделия металлургической промышленности.

Вопрос об установлении обязательных цен на металлы со всей определенностью был поставлен представителями металлообрабатывающей промышленности, с одной стороны, и Государственным контролером — с другой, в начале 1916 г. С начала войны и по январь 1916 г. «Продамета» повышала цены пять раз, и на заседании Особого совещания по обороне отмечалось, что металлургические заводы, ожидая повышения цен, неохотно берут долгосрочные заказы.

Еще более неохотно металлургические предприятия исполняли старые заказы, цены на которые, в свое время достаточно высокие, казались теперь просто мизерными. В некоторых случаях заводчики шли на нарушение договора, платили обусловленные контрактом неустойки и затем с лихвой возвращали их, заключив новый договор с тем же контрагентом, но уже по другим, гораздо более высоким ценам⁷⁴. В связи с этим владельцы металлообрабатывающих предприятий возбуждали ходатайства о необходимости приостановления стремительного роста цен на металл путем назначения пусть несколько повышенной, но зато твердой цены⁷⁵.

Чрезвычайно быстрый рост цен не мог не тревожить Министерство финансов и Госконтроль. С начала войны и по 1 января 1916 г. на расходы Военного министерства «по военным обстоятельствам» было ассигновано около 11 млрд. руб. В 1916 г. эти расходы продолжали увеличиваться и в апреле уже превышали 30 млн. руб. в день. Указав, что, помимо роста вооруженных сил, «одной из причин значительного увеличения военных расходов является непомерное и все прогрессирующее вздорожание изделий для военного снаряжения», в основе которого «несомненно лежит также в известной мере и нездоровая спекуляция на усиленном спросе предметов обороны», государственный контролер, в предвидении финансового краха, ставил перед Советом министров вопрос о необходимости установления твердых цен на материалы и изделия⁷⁶.

Таким образом, в вопросе об установлении твердых цен на металлы сталкивались противоречивые интересы казны, как заказчика, и частной промышленности, причем в пределах последней интересы владельцев металлообрабатывающих и металлургических предприятий, первые из которых были потребителями, а вторые — продавцами металла, тоже не совпадали. Мышлаевский имел все основания относить этот вопрос к числу «деликатных»: решить его так, чтобы удовлетворенными остались все три «заинтересованные» стороны, было, действительно, трудно. Вот почему, приняв «в принципе» на одном из первых своих заседаний в январе 1916 г.

⁷⁴ См. А. В. Венедиктов. Война, рост цен и старые контракты, Пг., 1917, стр. 2—5.

⁷⁵ ГИАМО, ф. 498, оп. 1, св. 94, д. 1040, л. 81 об. Докладная записка Гужона ген. Ванкову от 13 января 1916 г.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 957, лл. 1—6. Представление Государственного контролера Н. Покровского в Совет министров от 14 мая 1916 г. № 118 «О мерах против повсеместного и неизменно-прогрессирующего удорожания основных элементов фабрично-заводского производства, обслуживающих нужды государственной обороны».

предложение Мышлаевского о том, чтобы вопрос о ценах на металл «был взят в ведение Комитета»⁷⁷, последний вплотную занялся этим вопросом лишь четыре месяца спустя — в апреле 1916 г., т. е. после установления описанных выше взаимоотношений с «Кровлей».

Однако это время не прошло даром. Практика отношений ведомств-заказчиков с заводами подсказала Комитету, в каком направлении следует идти, чтобы с успехом решить головоломку с твердыми ценами. В апреле 1916 г. на заключение Metallургического комитета поступил спор Путиловского завода (к этому времени уже секвестрованного и находившегося в ведении Главного артиллерийского управления) с Юзовским заводом Новороссийского общества по вопросу о поставке чугуна с соблюдением условий ранее заключенных договоров. В ответе Главному артиллерийскому управлению Комитет сообщил, что в рассмотрение договорных отношений сторон он входить не может, поскольку, кроме стороны правовой, здесь есть еще и сторона экономическая. «Ввиду сего, — советовал Комитет, — вопрос этот может быть легче разрешен, если войти в рассмотрение его со стороны цен; последний способ, как известно Комитету, успешно применяется в подобного рода делах Морского министерства»⁷⁸. Иными словами, Комитет совершенно недвусмысленно советовал Главному артиллерийскому управлению повысить цену на чугун по сравнению с указанной в старом контракте и тем самым положить конец препирательству. Был ли принят этот совет, — неизвестно, но самому Комитету он пришелся по вкусу. Когда через неделю разбирался аналогичный же случай, где спорщиками сторонами были Московский металлический завод Гужона и Тамбовское металлургическое общество, Мышлаевский сформулировал свое решение быстро и четко. «Завод, который имеет деньги, — заявил он на заседании Комитета, — поступает так: заключает новый договор и покупает новый чугун, едет в Главное артиллерийское управление и говорит: вот такого рода обстоятельства, вот все документы, повысьте мне цену, — и ему цену повышают; всякий порядочный завод сделает так, но для этого надо, чтобы в кармане этого завода были деньги»⁷⁹. Последовало энергичное решение Комитета: «Снести с Московским металлическим заводом, а также с Московским заводским совещанием, указав последнему на необходимость обратить внимание на деятельность Московского металлического завода»⁸⁰. Зарабатывай сам и не мешай зарабатывать другим — так можно кратко сформулировать суть этого решения Комитета по делу о споре Гужона с Тамбовским металлургическим обществом.

Таким образом, вопрос о старых казенных заказах разрешался весьма просто: необходимые «издержки» ведомства брали на себя. Но тем самым легко разрешался и более общий вопрос о высших предельных ценах на металлы.

Для выяснения высших предельных цен на черные металлы Комитетом была создана специальная комиссия. «Во избежание всяких нареканий» Комитет решил, чтобы председателем комиссии было лицо, «не принадлежащее к промышленникам». Им стал крупный русский ученый-металлург проф. А. А. Байков⁸¹. Для членов комиссии подобного ограничения не

⁷⁷ ЖМК, № 9, от 24 января 1916 г.

⁷⁸ ЖМК, № 53, от 12 апреля 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 417; СМК, от 20 апреля 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

⁸⁰ ЖМК, № 58, от 20 апреля 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

⁸¹ О жизни и деятельности А. А. Байкова см. работу А. С. Тумарева «Александр Александрович Байков — выдающийся металлург и химик», М., 1954.

требовалось, и в нее вошли два представителя от «Продаметы» (управляющий делами Тикстон — непосредственно от синдиката и Томашевский как представитель Центрального военно-промышленного комитета), два представителя от заводов Урала (формально один из них вошел в комиссию в качестве члена совещательной конторы железозаводчиков) и представитель Земгора. Комиссии поручалось в трехнедельный срок установить цены, определить время, на которое они сохраняют силу, по чьей инициативе они могут быть изменены и каким образом придать этим ценам характер обязательных «при условии, однако, добровольного признания заводчиками этой обязательности уровня цен»⁸². Позднее Мышлаевский расшифровал смысл этой установки. «Решено было, — говорил он на заседании Комитета от 5 мая 1916 г., — поступить таким образом: определить себестоимость главных элементов производства черного металла на металлургических заводах, получив от них анкетным способом данные, базироваться при этом исчислении и на тех цифрах, которые существуют в настоящее время на рынке»⁸³. Комитет, между прочим, признал необходимым при выработке этих цен принимать во внимание, «что цены эти должны быть коммерческие и промышленно приемлемыми, они должны предостерегать от чрезмерного вздутия цен, но отнюдь не должны быть скупы и при нынешней дороговизне, при нынешних случайностях производства, при нынешних трениях, [иначе] металлургическая промышленность может сократиться. Поэтому интересы промышленности должны быть тоже приняты во внимание»⁸⁴.

Из изложенного совершенно очевидно, что Комитет имел в виду отнюдь не борьбу с дороговизной, о необходимости которой декларировали Государственный контроль и Особое совещание по обороне, а, наоборот, закрепление, санкционирование тех чрезвычайно высоких цен на металлургическом рынке, которые сложились в результате ажиотажа и спекуляции к середине 1916 г.

Чтобы не оставлять на этот счет никаких сомнений, Комитет в лице Мышлаевского дал комиссии Байкова указание иметь в виду поступившие в Комитет через посредство «Продаметы» «здоровые рыночные цены, которые жизненны»⁸⁵.

Окончив работу, комиссия представила свои соображения Комитету, и 24 апреля 1916 г. последний приступил к рассмотрению вопроса об установлении предельных цен на черные металлы. «Комиссией... был разослан 14 заводам запрос о себестоимости, — докладывал на этом заседании А. А. Байков. — На основании полученных от частных заводов данных комиссия сделала свои заключения и пришла к выводу, что наиболее правильно исходить из цифры цеховой себестоимости производства, исключая общие расходы по заводам и прибыль. Выяснилось, что общие и накладные расходы составляют цифру от 20 до 40% цеховой себестоимости, поэтому комиссия установила такой метод: считая прибыль в 10%, максимум надбавки к цеховой себестоимости будет 50%; для определения продажных цен комиссия установила коэффициенты (множители): 1,45 для заводов, находящихся в менее благоприятных

⁸² ЖМК, № 45, от 27 марта 1916. Подчеркнуто нами. — К. Т.

⁸³ Ниже Мышлаевский уточнил эту мысль: предельные цены должны быть выработаны, «исходя из... принципа — из себестоимости и из рыночных цен» (ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 486 об.; СМК, от 5 мая 1916 г.).

⁸⁴ Там же, л. 486 об. — 487.

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 487; СМК, от 5 мая 1916 г. Выступление Мышлаевского, посвященное истории вопроса об установлении предельных цен.

условиях, и 1,35—1,30 для заводов в более благоприятных условиях». К последним комиссия отнесла все предприятия юга России; заводы Урала и Центра составили первую группу. Полученные таким образом цены комиссия и представила на рассмотрение и утверждение Комитета⁸⁶.

Как видно, в смысле максимального ограждения интересов металлопромышленников вопрос был подготовлен основательно. Сочувственное отношение к интересам промышленников при проведении этого, по выражению Мышлаевского, «опасного и рискованного опыта»⁸⁷ было проявлено и со стороны представителей ведомств, поэтому обсуждение данных, представленных комиссией Байкова, в Комитете прошло быстро и гладко. Обратимся прямо к анализу результатов работы комиссии Байкова и Металлургического комитета (табл. 1).

Простое сопоставление цен «Продаметы», действовавших с конца января по апрель 1916 г., с ценами, установленными Металлургическим комитетом, свидетельствует о том, что синдикат, опираясь на авторитет правительственного органа, провел в апреле очередное повышение продажных цен на черный металл — шестое по счету за время войны⁸⁸. Чтобы судить о том, насколько вследствие этого увеличились цены в апреле 1916 г. по сравнению с январем, напомним, что до установления продажных цен Металлургическим комитетом «Продамета» исчисляла цену франко-станция назначения, т. е. в основную цену изделий металлургических заводов Юга включалась средняя стоимость провоза металла до обрабатывающих предприятий, равная примерно 20 коп. на пуд металла⁸⁹. Комитет же устанавливал цену франко-вагон (т. е. с погрузкой в вагон) до ближайшей к заводам станции или пристани отправления. Таким образом, для сравнения продажной цены «Продаметы» с ценами, установленными Комитетом, первую нужно уменьшить на среднюю стоимость провоза, т. е. на 20 коп. Тогда получится, что по балкам и швеллерам Комитет назначил цену на 24,5% выше действовавших в то время продаметских цен (2 р. 80 к. вместо 2 р. 25 к.), по листовому и универсальному железу — на 11,6% (2 р. 90 к. против 2 р. 60 к.) и лишь по сортовому железу оставил цену без изменения. Что же касается цен на снарядную заготовку, ставшую к середине 1916 г. главным продуктом металлургических предприятий Юга и Урала, то здесь, очевидно, для заводов Юга Комитет пошел на еще гораздо большее увеличение цены, уравняв ее с ценами уральских предприятий, хотя по другим изделиям цены Комитета для южных заводов, как правило, были несколько ниже уральских.

Уже одно это сопоставление действовавших в то время цен «Продаметы», которые, конечно, совсем не были скромными, с ценами Комитета достаточно ясно говорит о том, что представляли собой эти последние. Но это сопоставление еще не раскрывает действительного размера прибылей, которые стали получать металлургические предприятия, перейдя на цены Комитета. Чтобы определить это, нужно иметь исходные данные и прежде всего знать себестоимость производства металла на предприятиях.

Несмотря на то, что заводчики тщательно скрывали свои истинные калькуляции от посторонних (к числу таких посторонних относились и представители правительства, а в годы войны — председатель и члены

⁸⁶ ЖМК, № 60, от 24 апреля 1916 г.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 487; СМК, от 5 мая 1916 г.

⁸⁸ Синдикат повышал цены: 8 октября 1914 г., 20 февраля 1915 г., 23 июля 1915 г., 3 декабря 1915 г. и 25 января 1916 г. (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1326, л. 15).

⁸⁹ ЖМК, № 60 и 61, от 24 и 25 апреля 1916 г. Выступления управляющего делами «Продаметы» Тикстона при обсуждении цен снарядных заготовок и сортового железа.

Таблица 1

Определение предельных цен на черный металл в комиссии А. А. Байкова и на заседаниях Metallургического комитета (март—апрель 1916 г.), в рублях за пуд*

№ п/п	Изделия	Цены комиссии Байкова			Цена, установленная Metallургическим комитетом	Основные цены „Продамты“	
		цеховая себестоимость, со-общенная заводами	коэффици-цент	про-дажная цена		в 1-й поло-вине 1914 г.	на 25 января 1916 г.
1	<i>Чугун передельный**</i>						
	Для заводов Юга	0,86	1,45	1,29	1,25	—	—
	„ „ Урала	0,91	1,45	1,37	1,35	—	—
	„ „ Центрального р-на			1,37	1,35	—	—
2	<i>Слитки (литая болванка) рыночные</i>						
	Для заводов Юга	1,25	1,35	1,69	{бессем. 1,55 мартен 1,65	—	—
	„ „ Урала	1,30	1,35	1,75	{бессем. 1,65 мартен 1,75	—	—
3	<i>Слитки (литая болванка) снарядные</i>						
	Для заводов Юга	1,45	1,35	1,95	1,95	—	—
	„ „ Урала	1,96			1,95	—	—
4	<i>Заготовка рыночная</i>						
	Для заводов Юга	бессем. 1,32 мартен 1,50	1,45	2,15	{бессем. 2,00 мартен 2,10	—	—
	„ „ Урала	1,80	1,35	2,40	{бессем. 2,20 мартен 2,30	—	—
5	<i>Заготовка снарядная</i>						
	3" квадратная	В сред-					
	Для заводов Юга	нем 2,83	1,45	4,10	3,90	—	—
	„ „ Урала	2,0	1,45	3,00	3,90	—	—
	3" круглая для заводов Юга и Урала						
	а) для штампования	—	—	—	4,00	—	—
	б) „ сверления	—	—	—	4,25	—	—
	Свыше 3" и до 6" включительно, для заводов Юга и Урала	—	—	—	4,30	—	—
6	<i>Сортовое железо и легкие рельсы (основные цены)***</i>						
	Для заводов Юга	1,83	1,35	2,47	2,30	1,53	2,50
	„ „ Урала	2,06	1,35	2,78	2,80	—	—
	„ „ Центрального р-на	—	—	—	2,80****	—	—

* Сведения в графах 3, 4, 5 по № 1—5—ЖМК, № 60, от 24 апреля 1916 г. по № 6—8—ЖМК, № 61 от 25 апреля 1916 г.; по № 9—ЖМК, № 75, от 20 мая 1916 г. по № 10—ЖМК, № 76, от 23 мая 1916 г. Сведения в графе 6 — там же, а также ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 2, л. 191 об.—192; ф. 12642, оп. 3 д. 469, л. 4. Сведения в № 7—8—ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1326, л. 15—15 об.

** Цены литейного чугуна определены путем прибавки к ценам передельного чугуна в размере: для литейного № 1—5 коп., для литейного № 0 и гемотита—10 коп. на пуд (ЖМК, № 60).

*** Приплаты за качество, длину, профиль и т. д. присчитываются к основным ценам согласно прейскуранту Комитета.

**** Для металлургических заводов, расположенных в Петрограде и Москве, основная цена на железо и сталь—3 руб. за пуд.

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Изделия	Цены комиссии Байкова			Цена, установленная Металлургическим комитетом	Основные цены „Продаметы“	
		себестоимость, со- общенная заводами	коэффи- циент	про- дажная цена		в 1-й по- лови- не 1914 г.	на 25 января 1916 г.
7	<i>Кровельное железо (основная цена)****</i>						
	Для заводов Юга	—	—	—	3,40	—	—
	„ „ Урала	2,90	1,35	3,91	4,05	—	—
	„ „ Центрального р-на	—	—	—	3,90	—	—
8	<i>Балки и швеллера</i>						
	Для заводов Юга	1,62	1,35	2,20	2,80	1,45	2,45
	„ „ Урала	—	—	—	2,80	—	—
9	<i>Листовое и универсальное железо и сталь (основная цена)*****</i>						
	Для заводов Юга	2,16	1,35	2,91	2,90	1,70	2,80
	„ „ Урала	—	—	—	3,50	—	—
	„ „ Центрального р-на	—	—	—	3,50	—	—
10	<i>Катаная проволока</i>						
	Для заводов Юга	Сведений не имеется			3,00	—	—
	„ „ Урала				3,60	—	—
	„ „ Центрального р-на				3,60	—	—

**** Приплаты за качество, длину, профиль и т. д. присчитываются к основным ценам, согласно преysкуранту Комитета.

местных заводских совещаний⁹⁰, отдельные сведения по интересующему нас вопросу все же высказывали из сейфов заводууправлений и становились объектами сравнений и подсчетов. Единственный пока из подобного рода документов нам удалось обнаружить в делах Metallургического комитета. Это — частное секретное письмо председателя заводского совещания Екатеринославского района генерала Певцова военному министру Шувалову от 30 апреля 1916 г. относительно определения себестоимости изделий metallургических заводов юга России. В письме Певцов оперирует данными себестоимости чугуна, стали, снарядной заготовки, рельсов, проволоки и сортового железа на Брянском и Днепровском заводах в ноябре 1915 г.⁹¹ Данные, приведенные в этом документе, заслуживают самого тщательного рассмотрения.

⁹⁰ 10 января 1916 г. председатель Екатеринославского заводского совещания ген. Певцов доносил рапортом ген. Лукомскому, что директор завода Гартмана отказался выдать представителю заводского совещания торговые книги для выяснения себестоимости некоторых изделий. Директор заявил при этом, что «сведения эти составляют коммерческую тайну и что правление заводов Гартмана в Петрограде не разрешило ему передавать эти тайны кому бы то ни было, хотя бы и председателю районного совещания» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 23, л. 40).

⁹¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 126, лл. 72—73, 77—78 об.

Прежде всего встает вопрос о том, насколько достоверны сведения Певцова. В начале письма он говорит, что предписание об определении себестоимости изделий металлургических заводов было получено заводским совещанием в декабре 1915 г. и совещание решило начать свою работу с выяснения цен на продукцию двух крупных заводов — Брянского (Александровский завод Брянского общества) и Днепровского (Южно-Русского Днепровского металлургического общества). Однако каким путем были получены данные с этих двух заводов, Певцов не пишет. Нет об этом сведений и в журналах Екатеринославского заводского совещания⁹².

Вопрос о достоверности сведений Певцова так и остался бы открытым, если бы не свидетельство одного источника, в точности которого сомневаться не приходится. В 1921—1922 гг. 10 металлургических заводов юга России были обследованы комиссией по разработке плана восстановления тяжелой индустрии юга России, созданной в марте 1921 г. при Центральном правлении тяжелой индустрии юга России. Обширные материалы с результатами работ комиссии были тогда же опубликованы⁹³. В них отражено главным образом состояние технического оборудования южных металлургических заводов, но наряду с этим в материалах имеется первоклассный, почерпнутый из заводских архивов материал, характеризующий условия производства на заводах юга до начала мировой войны. Есть, в частности, данные о себестоимости передельного чугуна и материалов⁹⁴. Для девяти предприятий сведения даны за 1913/14 операционный год, но для Екатеринославского трубопрокатного завода (б. Шодуар) данные о себестоимости чугуна и материалов приведены за 1915 г. — именно в этом году были пущены в ход вновь отстроенные здесь доменные печи. По условиям снабжения Екатеринославского завода исходными материалами для выплавки чугуна он примыкал к группе предприятий, расположенных в районе Криворожского железорудного месторождения, в которую входили также Днепровский и Александровский заводы⁹⁵. По технической оснащенности доменного производства Екатеринославский завод также существенно не отличался от Днепровского и Александровского заводов. Следовательно, не должны существенно отличаться и данные о себестоимости передельного чугуна в 1915 г. на Александровском, Днепровском и Екатеринославском заводах (в 1913 г., например, себестоимость одного пуда чугуна на Днепровском и Александровском заводах различалась лишь на 5 коп.). И вот данные комиссии показывают, что себестоимость одного пуда чугуна на Екатеринославском заводе в 1915 г. составляла 59,27 коп. Почти такую же себестоимость приводит и Певцов на ноябрь 1915 г. для Днепровского и Брянского заводов (60 коп.). К сожалению, в материалах комиссии нет сведений о себестоимости других видов изделий южных металлургических заводов. Но совпадение себе-

⁹² В одном из них (№ 28 от 11 февраля 1916 г.) говорится о письме Металлургического комитета от 2 февраля 1916 г. с просьбой сообщить о собранном материале по вопросу об установлении предельных цен. Совещание постановило ответить, что вопрос о себестоимости изделий выясняется «на ближайшем заводе Брянского о-ва» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 158).

⁹³ «Металлургические заводы юга России», УСНХ, Харьков, 1923.

⁹⁴ Там же, стр. 77.

⁹⁵ Все заводы Юга по условиям снабжения исходными материалами для металлургического производства принято делить на три группы: к первой относились заводы, расположенные по соседству с криворожской рудой, вторую составляли предприятия, расположенные в пределах Донецкого бассейна, в третью входили заводы, работающие на керченской руде. Подробнее об этом см. в нашей статье «Из истории синдиката Продамета». Ученые записки кафедры истории СССР МГУ, вып. 167, М., 1954, стр. 197—198. Там же литература вопроса.

стоимости чугуна, исходного продукта для дальнейших стадий металлургического производства, позволяет с доверием относиться и к остальным данным Певцова. Обратимся к их рассмотрению.

Приведя данные о себестоимости в ноябре 1915 г., Певцов пишет, что, поскольку цены на сырье к апрелю 1916 г. успели измениться, приведенную расценку нельзя считать точной: стоимость руды, кокса, угля и флюсов возросла примерно на 20—30%; поднялась за это время и заработная плата рабочих, но не более чем на 20%. Поэтому подсчет величины прибыли в апреле — мае 1916 г. Певцов ведет следующим методом: к себестоимости в ноябре 1915 г. он прибавляет накладные расходы, составлявшие для Днепровского завода 22%, а для Брянского — 28% от себестоимости изделия, полученный итог вычитает из цены, установленной Комитетом по делам металлургической промышленности, а затем уменьшает полученную таким образом прибыль на 20%, т. е. на столько, на сколько возросли, по его данным, расходы на сырье и заработную плату с ноября 1915 г. по апрель 1916 г. В результате получается прибыль на пуд изготовленных изделий. Отчисление на погашение основного капитала, поскольку оно «служит увеличением состояния предприятий», Певцов не учитывает.

По поводу порядка этих подсчетов, не оспаривая метода Певцова, нужно сделать одно замечание. Оно касается величины заводских накладных расходов, за счет которых для получения заводской себестоимости Певцов увеличивает цеховую себестоимость на 25% (мы видели выше, что и комиссия проф. Байкова отводила на эти расходы от 20 до 40% цеховой себестоимости). Это, конечно, очень много. По данным комиссии по разработке плана восстановления тяжелой индустрии юга России, в 1915 г. на Екатеринославском трубопрокатном заводе отчисления на общие расходы составляли 2,98 коп. с пуда чугуна и не превышали таким образом 5—6% его цеховой себестоимости. Отсюда следует, что для выведения величины прибыли на пуд производства завода в 1916 г. нужно увеличить величину себестоимости на 25% (5% накладных расходов плюс 20% на изменение стоимости исходных материалов⁹⁶) и полученный результат вычесть из цены, установленной Комитетом по делам металлургической промышленности.

Обратимся к этим подсчетам:

а) **Снарядная заготовка из мартеновской стали.** Ее себестоимость, по данным Певцова, равнялась 1,06 руб. за пуд на обоих заводах. Цена же Металлургического комитета составляла 3 р. 90 к. за пуд. Прибыль металлургических предприятий на пуд снарядной заготовки получается в результате следующего арифметического действия: $390 - (106 + 106 \times 0,25) = 390 - 132 = 258$ коп.

б) **Штампованные стаканы для снарядов.** Себестоимость одного пуда стаканов на Днепровском заводе составляла 2 р. 98 к. Цена, уплачиваемая ведомствами за один стакан, по сведениям Певцова (Комитет не занимался ее определением), равнялась 4 р. 50 к. Из одного пуда заготовки получалось два штампованных стакана. Таким образом, за пуд стаканов завод получал от ведомств 9 руб. Следовательно, прибыль завода на пуд штампованных стаканов составляла: $900 - (298 + 298 \times 0,25) = 527$ коп.

Себестоимость штампованных снарядов Брянского завода в ноябре 1915 г. Певцов считает непоказательной: в это время на нем еще не было

⁹⁶ Мы не можем из-за отсутствия данных проверить, насколько изменилась цена на исходные продукты для выплавки чугуна с ноября 1915 г. по апрель 1916 г., и берем поэтому цифру, указанную Певцовым (20%).

налажено массовое производство, и себестоимость одного пуда стакана выразилась в 4 р. 68 к. Но даже и в этом случае завод получал прибыли на пуд производства в 315 коп.

в) **Проволока.** Ее себестоимость на Брянском заводе выражалась в сумме 1 р. 35 к., на Днепровском — в 1 р. 03 к. за пуд. Цена Metallургического комитета для заводов Юга равнялась 3 руб. за пуд. Величина прибыли на пуд производства для Брянского завода была 131 коп., для Днепровского — 171 коп. за пуд.

Сводя все изложенное вместе и отнеся величину прибыли предприятия к заводской себестоимости, получаем:

Таблица 2

Прибыль металлургических предприятий при изготовлении военных заказов по ценам Metallургического комитета

Изделия	Продажная цена для заводов Юга (в коп. за пуд)	Заводская себестоимость в апреле 1916 г.* (в коп. за пуд)		Прибыль на пуд производства (в коп. за пуд)		Прибыль, %	
		Брянский	Днепровский	Брянский	Днепровский	Брянский	Днепровский
Снарядная заготовка	390	132	132	258	258	195,5	195,5
Штампованные стаканы**	900	585	373	315	527	53,8	141,3
Проволока	300	169	129	131	171	77,5	132,5

* Цеховая себестоимость плюс 5% накладных расходов плюс 20% на повышение стоимости материалов за пуд.

** Из-за отсутствия массового производства данные по Брянскому заводу не показательны.

Иными словами, каждый рубль затрат заводу управлений на изготовление военных заказов, окупившись полностью, приносил прибыли: Брянскому обществу — от 77 коп. до 1 р. 95 к. и Южно-Русскому Днепровскому металлургическому обществу — от 1 р. 32 к. до 1 р. 95 к. за пуд.

Чтобы сделать эти данные еще более наглядными, сравним прибыль заводов на пуд изделий в годы войны с подобными же данными довоенного времени. На XXVII съезде горнопромышленников юга России председатель правления товарищества Московского металлического завода Гужон огласил величину прибыли на пуд общего производства шести крупнейших предприятий Юга, получавших правительственные заказы на рельсы. Тогда его сообщение произвело целую сенсацию. Вот эти данные: на каждый пуд общего производства эти заводы получили прибыли: Днепровский завод — 10 коп., Таганрогский — 12 коп., Брянский — 32 коп.⁹⁷ Следовательно, в военные годы эти прибыли возросли в 10, 15 и более раз.

Таковы некоторые данные, характеризующие размеры прибылей южных металлургических предприятий при выполнении казенных заказов.

К сожалению, в нашем распоряжении нет подобных данных относительно доходов уральских горнопромышленников. Однако отдельные данные позволяют думать, что доходы уральских промышленников были во всяком случае не ниже доходов их южных коллег. Приведем один факт.

Вскоре после Февральской революции рабочие Узянского завода вы-

⁹⁷ Труды XXVII съезда горнопромышленников юга России, т. III, Харьков, 1903, стр. 177—178.

кинули вон некоего Жеребина. В письме Мещерскому (директору-распорядителю акционерного общества Белорецких заводов, в которое входило данное предприятие) этот Жеребин следующим образом объясняет свалившуюся на него беду: «Правление всегда от меня требовало всяческой экономии, и я действительно доводил узьянский чугун до 30 коп., так что даже правление отмечало, что такого дешевого чугуна наверно нет на всем Урале. Эта же экономия сделала то, что я не заслужил популярности среди рабочих»⁹⁸.

Итак, в 30 коп. обходился Белорецкому обществу пуд чугуна Узьянского завода в начале 1917 г., т. е. тогда, когда предприниматели до хрипоты кричали о «непомерных требованиях рабочих», о невыгодности, убыточности производства и т. д. Если даже допустить, что себестоимость чугуна в 1916 г. также составляла 30 коп. за пуд, а продавался этот пуд по правительственной расценке за 1 р. 35 к., то прибыль на пуд чугуна Узьянского завода составляла 1 р. 05 к., или 350%. Такому барышу позавидовал бы любой южный завод.

Но и это не все. Как известно, основная цена на металл, устанавливавшаяся «Продаметой» и «Кровлей», не являлась окончательной продажной ценой, а составляла лишь часть последней: к основной цене присчитывались многочисленные приплаты за срочность, длину, качество, профиль и т. д., составлявшие, как правило, значительную часть основной цены и являвшиеся не чем иным, как скрытой формой повышения цены на металл⁹⁹. В 1912—1913 гг., например, при выполнении большого заказа на железо и сталь для Харьковского паровозостроительного завода почти половина окончательной цены, назначенной «Продаметой», состояла из различных приплат¹⁰⁰. Аналогичное положение с приплатами к основной цене наблюдалось и в «Кровле». Отсюда ясно, что вопрос о приплатах как часть вопроса о продажной цене представлял и для монополистических организаций и для потребителей металлов немалый интерес. Поэтому, как только Тикстон в ходе обсуждения предельных цен на металл упомянул с тсм, что в связи с новыми сортами металла появились и новые приплаты, член Комитета от Союза земств Глаголев сразу же насторожился: «Новые приплаты военного времени? Их надо обсудить»¹⁰¹. Комитет, в принципе согласившись с тем, что приплаты к основным ценам следует присчитывать по таблицам «Продаметы» и «Кровли», постановил «пересмотреть их, приняв во внимание изменения в ценах последнего времени, членам Комитета А. Я. Глаголеву, П. А. Тикстону, А. Н. Митинскому»¹⁰².

И комиссия «пересмотрела». «Нам неуместно ссылаться на прејскуранты «Кровли» и «Продаметы», — говорил Мышлаевский спустя несколько дней на заседании Комитета. — Не разрешит ли Комитет маленькую контрфакцию и присвоение у автора: «Приплаты за качество металла согласно прилагаемой ведомости», и самым тщательным образом перепечатаем то, что в данную минуту существует в прејскурантах обществ Кровли и Продаметы». «Мы попросим проф. Байкова, — продолжал он, — нанять за определенную сумму денег добросовестного и опытного техника, чтобы он эти прејскуранты переработал сообразно нашим потребностям, а на себя взял труд

⁹⁸ ГИАМО, ф. 291, оп. 1, св. 24, д. 238, л. 7 об.

⁹⁹ А. Л. Цукерник. Из истории монополизации железного рынка в России. — «Исторические записки», т. 42, стр. 181.

¹⁰⁰ Там же. Ниже автор приводит еще несколько подобных примеров.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 392; СМК, от 25 апреля 1916 г.

¹⁰² ЖМК, № 61, от 25 апреля 1916 г.

главного редактора, а я проведу пожарным способом печатание... Считать этот вопрос законченным и больше в Комитет не вносить»¹⁰³.

Впрочем, в официальном документе — журнале заседания Комитета, который рассылался и кое-кем читался, приведенное решение было сформулировано не с такой подкупающей прямоотой и определенностью. «Поручить проф. Байкову, — говорилось в журнале, — взять на себя труд переработки таблиц приплат о-в «Продамета» и «Кровля» и издание новых таблиц приплат»¹⁰⁴.

«Продамету» и «Кровлю», однако, дипломатические формулировки отнюдь не вводили в заблуждение. В середине июля 1916 г. Самаро-Златоустовская и Московско-Курская железные дороги через своего представителя в Металлургическом комитете Сендау обратились с жалобой на то, что они получили от общества «Кровля» железо не в том количестве и не того развеса, которые были заявлены, а самое главное — по цене на 85 коп. выше установленной Комитетом (вместо 4 р. 05 к. «Кровля» запросила 4 р. 90 к. за пуд). Для выяснения этого вопроса Комитет постановил вызвать управляющего делами «Кровли»¹⁰⁵. Однако через несколько дней Сендау уже высказывал сожаление по поводу имевшего место «недоразумения»: оказалось, что Управление железных дорог получило от Комитета ведомость приплат «всего 5—6 дней тому назад» и еще не успело разослать ее железным дорогам¹⁰⁶. Таким образом, за счет приплат «Кровля» повысила продажную цену кровельного железа еще на 21%.

Комитету, наконец, предстояло выяснить и решить вопрос о том, на какой срок действительны установленные цены и по чьей инициативе они могут быть изменены. «Деловой» подход председателя позволил в два счета покончить и с этим вопросом. Чтобы знать, когда цены перестанут быть «жизненными», заявил Мышлаевский, надо следить за ними, а это лучше всего могут сделать сами монополистические организации и предприятия. Поэтому, продолжал Мышлаевский, «мы написали в правление общества «Медь» о том, чтобы оно само следило за ценами на Лондонской бирже и нас уведомляло, и таким образом будем просить и других — Продамету и т. д., мы будем цены пересматривать, потому что все со временем дорожает: мы регулируем промышленность»¹⁰⁷.

Итак, всю работу по выяснению предельных цен на металлы Комитет провел «при высокой степени благожелательном содействии» монополий металлургической промышленности. Теперь он вдобавок призывал их к такому же «благожелательному содействию» и в вопросе о своевременном пересмотре цен. И, разумеется, указанные организации не оставили без должного внимания этот призыв. 1 мая 1916 г. Комитет обсуждал проект циркуляра о ценах на черные металлы. «Представители металлургии» особое внимание обратили на следующие две формулировки одного из пунктов циркуляра. Согласно первой, цены по сделкам на металлы «определяются по указанному в договорах времени фактического исполнения этих сделок». Второй вариант гласил, что цены должны определяться «по времени фактического исполнения этих сделок». Логика обязывает: в интересах «бесперебойной работы на оборону» Комитет принял вторую фор-

¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 489 об.; СМК, от 5 мая 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁰⁴ ЖМК, № 66, от 5 мая 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁰⁵ ЖМК, № 97, от 15 июля 1916 г.

¹⁰⁶ ЖМК, № 100, от 25 июля 1916 г.

¹⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 385 об.; СМК, от 27 апреля 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

мулировку. После этого «представители металлургии» любезно согласились и с дополнением представителя Министерства финансов, предложившего включить в циркуляр упоминание о том, что «ценами необходимо руководствоваться как на и в ы с ш и м и предельными»¹⁰⁸.

Рассмотрение вопроса о высоте предельных цен, выясненных Металлургическим комитетом, закончим проведением высказываний трех лиц, причастных к делу.

«Цены, которые мы назначили на чугун, — говорил Мышлаевский на заседании Комитета, — цены безусловно здоровые, они даже очень высокие для чугуна... Эти цены скорее покровительственного характера и не могут повлиять на производство чугуна»¹⁰⁹. Когда представитель Земгора в Комитете Глаголев внес предложение о премировании хорошо работающих чугуноплавильных заводов, против этого высказался даже Арандаренко, которого уже никак нельзя заподозрить в отсутствии внимания к интересам металлостроителей. «Мне кажется, — заявил он, — что в настоящее время цены на чугун и все железные изделия находятся на такой высоте, что они являются сами достаточными и премиями для каждого предприятия»¹¹⁰. «Что касается цен на принятые заказы и вообще на заводские изделия, — докладывал Гужон на одном из собраний пайщиков товарищества Московского металлического завода, — то надобно заметить, что цены эти таковы, что должны не только покрыть в течение одного-двух лет все затраты на новые оборудования и постройки, но позволяют надеяться и на достаточную коммерческую прибыль»¹¹¹.

Первое высказывание принадлежит агенту правительства в Металлургическом комитете, второе — лицу, тесно связанному с интересами металлургической промышленности, третье — представителю передельного и металлообрабатывающего предприятия Центрального промышленного района. Представлены, таким образом, все три заинтересованные стороны, необходимость примирения противоположных интересов которых в вопросе об установлении предельных цен на металлы заставляла Мышлаевского относить его к «вопросам деликатного свойства». Проблема, однако, была решена, и приведенные высказывания являются, таким образом, оценкой сделанного.

III

В конце июня 1916 г. Мышлаевский, говоря об итогах работы Металлургического комитета по определению предельных цен на металлы, с удовлетворением подчеркнул, что эти цены «приветствовали именно производители, и Продамета немедленно перечислила все старые контракты и сказала, что иначе... она не продает»¹¹². «Продамета», следовательно, «подчинилась», и в смысле цен рынок был «урегулирован». Теперь предстояло урегулировать его в смысле правильного, с точки зрения Комитета, распределения металла между потребителями. Попытка сделать это с помощью специальных удостоверений на право отпуска металлов с заводов (правила о порядке выдачи этих удостоверений были утверждены

¹⁰⁸ ЖМК, № 64, от 1 мая 1916 г. Третий вопрос повестки дня. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 490, СМК, от 5 мая 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 390 об.; СМК, от 25 апреля 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹¹¹ ГИАМО, ф. 498, оп. 1, св. 230, д. 976а, л. 86.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 238; СМК, от 23 июня 1916 г.

председателем Особого совещания по обороне 10 июня 1916 г.¹¹³) не принесла существенных результатов: заказов, снабженных удостоверениями, оказалось гораздо больше, чем имелось металла для их исполнения¹¹⁴. Вопрос о централизованном размещении заказов, таким образом, не снимался с повестки дня, не снимался, следовательно, и вопрос о создании соответствующего учетно-распределительного аппарата.

В конце июня 1916 г. Мышлаевский при полном одобрении членов Комитета изложил, каким способом, на его взгляд, можно достигнуть этого. «В одном из следующих заседаний, — заявил он как об уже решенном деле, — мы поговорим о том, чтобы нашей канцелярией была Продамета, по другим металлам, [как] по кровельному железу, — Кровля. Мы объединим статистические материалы, которые там есть, и привлечем силы. Оплачивать своих служащих они будут сами, но работать для нас будут... Это все будет доложено председателю Особого совещания, чтобы не было разговоров о том, что мы вступили в соглашение с какими-то синдикатами»¹¹⁵.

Это заявление Мышлаевского является итогом длительного обсуждения вопроса о роли и месте синдикатов в условиях войны, происшедшего как на заседаниях Metallургического комитета, так и за его пределами.

Еще в апреле 1916 г. «Известия Московского военно-промышленного комитета» сообщили, что на заседании Комитета затрагивался вопрос относительно привлечения к его работе синдикатов металлургической промышленности, поскольку, как показал опыт с уральским синдикатом «Кровля», «без существования этих организаций дело учета и правильного распределения металлов в настоящее время организовать было бы чрезвычайно затруднительно». Исходя из этого, «в настоящее время представителями Центрального военно-промышленного комитета, в целях урегулирования дела распределения сортового железа, выдвигается на очередь предложение о более полном и целесообразном использовании всех учреждений, как центральных, так и местных, входящих в состав синдиката «Продамета»»¹¹⁶.

Таким образом, уже в апреле 1916 г., т. е. тогда же, когда решался вопрос о включении в Комитет аппарата «Кровли», говорилось и о не-

¹¹³ Согласно этим правилам, металлургические заводы могли отпускать металл только по предъявлении подлинного удостоверения о том, что данный заказ «предназначен для исполнения предметов на оборону». Право выдачи удостоверений было предоставлено ограниченному кругу учреждений и лиц — ведомствам, их уполномоченным и приемщикам металлообрабатывающих предприятий. В целях предотвращения спекуляции правила предусматривали, что отправка изготовленного металла с завода должна производиться только в именной адрес получателя, указанного в удостоверении (ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 3, л. 153—153 об. Представление Мышлаевского в Особое совещание по обороне «О новом порядке выдачи удостоверений на право получения металла» 25 мая 1916 г.; ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 244, л. 56. Правила о выдаче удостоверений на право отпуска металлов). До утверждения военным министром правила были одобрены Особым совещанием по обороне (ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 124 об. Журнал Особого совещания по обороне (в дальнейшем: ЖОСО), № 77, от 4 июня 1916 г.).

¹¹⁴ По сортовому железу, например, общее количество неисполненных казенных заказов, не считая заказов частных лиц, к середине июля 1916 г. возросло до 47 893 000 пуд. против 33 138 000 пуд. на 1 апреля того же года. «При среднем месячном отпуске приблизительно в 2 700 000 пудов, — комментировало эти цифры управление «Продаметы», — заводы загружены на многие месяцы вперед и поэтому, естественно, отказываются от принятия новых заказов, исполнить которые, при корректном отношении к ранее принятым обязательствам, они смогут только через 12—15 месяцев» (ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 622, л. 151. Письмо «Продаметы» в Metallургический комитет 26 июля 1916 г.).

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 233; СМК, от 23 июня 1916 г.

¹¹⁶ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 19—20, стр. 163.

обходимости такого же использования аппарата «Продаметы». Но лишь через два месяца этот вопрос был решен в положительном смысле. Произошло это по двум причинам. Во-первых, «Продамета» значительно превосходила «Кровлю» по силе и влиянию на металлургический рынок. В распоряжении «Кровли» находились производство и распределение кровельного железа — металла преимущественно рыночного спроса, и предприятия, исполнявшие военные заказы, нуждались в нем в последнюю очередь. «Продамета» же распоряжалась всеми основными видами металла и прежде всего теми, которые были необходимы для исполнения военных заказов. Металлообрабатывающая промышленность, следовательно, в отношении получения необходимых для нее исходных материалов находилась в прямой зависимости от «Продаметы». Во-вторых, вопрос о привлечении «Продаметы» в Комитет по делам металлургической промышленности был поставлен одновременно с вопросом о расширении компетенции и полномочий Комитета: в середине мая 1916 г. Особое совещание по обороне, по докладу Мышлаевского, поручило Комитету разработать проект нового положения о Комитете и внести его на рассмотрение совещания ¹¹⁷.

Связь между двумя этими вопросами была самая прямая. «Дело сводится к тому, — докладывал управляющий делами Комитета Бутлеров при обсуждении вопроса об использовании учетно-распределительного аппарата «Продаметы», — что Комитет своими штатами и организацией не может справиться с делом и пользуется любезными услугами о-ва «Продамета» и его статистическим бюро. Это еще более будет необходимо теперь, при расширении прав председателя Комитета» ¹¹⁸.

Следовательно, расширение полномочий Комитета по делам металлургической промышленности означало вместе с тем и усиление влияния синдиката. В связи с этим не случайным было то, что предложение о включении аппарата «Продаметы» в Комитет исходило от Центрального военно-промышленного комитета, в Металлургическом отделе которого прочно сидели руководители синдиката. Не случайно также, что против этого проекта энергично выступила группа владельцев металлообрабатывающих предприятий Центрального района, объединявшаяся вокруг Московского военно-промышленного комитета.

На состоявшемся в Москве в мае 1916 г. съезде представителей областных и местных военно-промышленных комитетов в заводских совещаниях было отмечено, «что деятелями металлургической промышленности не исчерпываются все средства для поднятия производства металла и что, в частности, недостаток металла в значительной степени является результатом деятельности общества «Продамета», которое, опираясь на высокие цены, не столько стремится к увеличению производства, а, наоборот, к его сокращению». В связи с этим московский съезд решил, что в целях установления действительного контроля над металлургическими предприятиями необходимо наделить властью не председателя Комитета по делам металлургической промышленности, а председателя Екатеринбургского заводского совещания, сведя, таким образом, роль Комитета Мышлаевского к нулю ¹¹⁹.

¹¹⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 94 об. ЖОСО, № 71, от 14 мая 1916 г., а также письмо Бабикова Мышлаевскому от 18 мая 1916 г. о решениях Особого совещания на заседании 14 мая (ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 2, л. 170—170 об.).

¹¹⁸ ЖМК, № 95, от 7 июля 1916 г. Третий вопрос повестки дня.

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, лл. 36—40 об. Журнал 7-го заседания Металлургического отдела ЦВПК от 25 мая 1916 г., а также «Известия Центрального военно-промышленного комитета», № 108, от 14 июня 1916 г. (Журнал заседания опубликован со значительными пропусками).

13 мая 1916 г. на заседании бюро Metallургического отдела Центрального военно-промышленного комитета был заслушан доклад Г. В. Мерцалова о решениях московского съезда. Бюро признало, что объединение надзора за деятельностью металлургических заводов юга России действительно необходимо, но оно «не может быть возложено на одно какое-либо из заводских совещаний..., а должно быть сосредоточено в Комитете по делам металлургической промышленности». Именно здесь, по мнению бюро, должны были концентрироваться все военные заказы, на основании которых производится разверстка металла между ведомствами, а они уже «самостоятельно выдают заказы разным заводам в пределах отпущенного им количества металла»; наблюдение за исполнением разверстки на металлургических заводах должно быть возложено на «уполномоченного комитета по делам металлургической промышленности, который устанавливает очередность исполнения заказов... по соглашению с директорами соответствующих заводов»¹²⁰.

Наметились, таким образом, две исключаящие друг друга точки зрения, отражавшие интересы двух группировок российской империалистической буржуазии. Столкновение между обеими сторонами стало неизбежным. Оно произошло на седьмом заседании Metallургического отдела Центрального военно-промышленного комитета 25 мая 1916 г. Московские промышленники командировали на это заседание лучших своих представителей; весь цвет «Продаметы» также явился на заседание: схватка могла оказаться серьезной. Надо отдать справедливость председателю Metallургического отдела члену Совета «Продаметы» В. А. Введенскому: он умело дирижировал, и представители «обвиняемой» стороны, т. е. «Продаметы», сразу перешли в наступление. «Я не собирался идти сюда, чтобы выслушивать мнение работников тыла о положении металлургической промышленности, — начал свою речь представитель «Продаметы» Эрдели. — Теоретические рассуждения меня не интересуют, надо заниматься вопросом по существу». Да, продолжал он, производство металла сокращается, цены непрерывно растут, но причем тут «Продамета»? Отрегулируйте вопрос с подвозом топлива и сырых материалов, и заводы начнут работать «в полной мере своей производительности», а цены сразу же понизятся. Что же касается контроля над заводами, которые «якобы умышленно сокращают свое производство для поднятия цен, то для этой цели собирались три комиссии (на юге России), которые нашли, что заводы принимали все меры, от них зависящие, для поддержания производства на прежней высоте». Выступивший затем Тикстон добавил, что нужно учитывать также огромное количество заказов на южных предприятиях, а должного порядка в их распределении нет. Так, например, несмотря на существование «высшего органа — Комитета по делам металлургической промышленности, — собрались представители ведомств и установили свою программу прокатки рельсов, которая нарушает все принятые ранее расчеты, отменив даже предписание Ставки верховного главнокомандующего». На «несогласованность действий власти и на необходимость сосредоточения ее в Комитете по делам металлургической промышленности» указал также и Кутлер, добавив, что над «Продаметой», которая должна играть «подсобную роль» в деятельности Комитета, «должен быть установлен длительный контроль». «Установление контроля над

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 20, д. 4, л. 16—16 об. Журнал 10-го заседания Бюро Metallургического отдела ЦВПК от 13 мая 1916 г. Обратим внимание на то, что все участники этого заседания, кроме Мерцалова, были прямо связаны с «Продаметой»: председательствовал Введенский, присутствовали Дарси, Норпе, Руммель.

«Продаметой», — ответил Тикстон, — не внесет изменения, так как фактически она давно под контролем (!) Metallургического комитета в отношении цен, сроков поставки и проч.». Однако с первой частью выступления Кутлера Тикстон вполне солидаризировался: «Весь вопрос только в предоставлении власти председателю Комитета по делам металлургической промышленности». Молчавший до сих пор представитель московских промышленников, он же заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета Коновалов, приведя несколько «иллюстраций» «к существующему многовластию», обратил внимание на «противоречия в резолюциях московского съезда представителей военно-промышленных комитетов в заводских совещаниях, постановившего о желательности предоставления власти одному из заводских совещаний, и металлургического отдела Центрального комитета, склонившегося к мысли предоставить такую власть Metallургическому комитету». Налицо, следовательно, «несогласованность действий». Не происходит ли это оттого, спрашивал Коновалов, что в составе Metallургического отдела слишком мало представителей «общественных организаций»? В. А. Веденский попробовал закончить прения, указав, что «совещание, повидимому, единогласно пришло к заключению о необходимости наделения властью председателя Комитета по делам металлургической промышленности и подчинения ему на местах соответствующих уполномоченных, исполняющих только его директивы».

Только тут вступили представители Московского военно-промышленного комитета. В. Н. Переверзев, попросив слова в порядке ведения, заявил, что этот вопрос не должен баллотироваться, так как «московский съезд решил его в смысле необходимости наделения властью не председателя Комитета по делам металлургической промышленности, а председателя Екатеринбургского заводского совещания. Эта московская резолюция должна быть обязательной и не подлежит голосованию». Коновалов, однако, возразил, что «московское постановление не должно носить характер чего-то обязательного и неизменного», и Веденский вновь поставил на голосование вопрос, «какую точку зрения необходимо отстаивать представителям Центрального комитета в Комитете по делам металлургической промышленности: московского ли съезда или Metallургического отдела?»

Приводим заключительные строчки журнала Metallургического отдела: «В. Н. Переверзев в виде протеста против такого голосования совместно с другими представителями Московского военно-промышленного комитета оставляет зал заседания. Ввиду этого голосование не состоялось и председатель объявил заседание закрытым»¹²¹.

Уже такой исход совещания был большим успехом «Продаметы». Не теряя времени, она решила закрепить и развить его. На следующий же день, 26 мая 1916 г., состоялось заседание специальной комиссии при Центральном военно-промышленном комитете с участием представителей областных комитетов. Последние были, очевидно, приглашены для того, чтобы выбить из рук московских промышленников их главный козырь — ссылку на представительный характер московского съезда, на основании чего они и настаивали на обязательности его решений. «Компетенция Metallургического комитета, — гласил 1-й пункт постановления этой комиссии, — должна быть расширена в смысле придания обязательности его распределениям заказов на все заводы, как объединенные «Продаметой»,

¹²¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 40, лл. 36—40; «Известия ЦВПК», № 108, от 14 июня 1916 г.

так и находящиеся на Урале и в других местах». Таким образом, отменялось решение московского съезда о желательности наделения дополнительными полномочиями председателя Екатеринославского заводского совещания. «Производительность всех предприятий железнодорожной промышленности,— читаем далее,— не входящих в «Продамету», должна быть взята на учет Metallургическим комитетом. Желательно создание для этих предприятий аналогичной «Продамете» в смысле осведомленности организации... Деятельность «Продаметы» должна быть координирована с расширенной компетенцией Metallургического комитета... Эта организация и «Продамета» разрабатывают программы распределения заказов по заводам, и эти распределения представляют Metallургическому комитету, который, утвердив их, передает к исполнению на заводы с обязательной для них силой». «Распределения Metallургического комитета», т. е. «Продаметы» и создаваемой по ее типу организации, «не должны отменяться или видоизменяться усмотрениями заводских совещаний и совещаний приемщиков»¹²².

27 мая 1916 г. это постановление без всяких изменений было утверждено на заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета. Точка зрения «Продаметы» одержала верх, постановления московского съезда военно-промышленных комитетов отменялись с соблюдением всех «демократических принципов», и представители Центрального военно-промышленного комитета в Комитете по делам metallургической промышленности Эрдели и Томашевский (они же «по совпадению» и представители «Продаметы») могли теперь без всяких оговорок настаивать, во-первых, на расширении полномочий Metallургического комитета, во-вторых, на выходе metallургических предприятий из-под опеки заводских совещаний, в-третьих, на включении управления синдиката в Metallургический комитет с предоставлением ему права разработки программ распределения заказов по заводам. Мы скоро увидим, как выполнили представители Центрального военно-промышленного комитета в Metallургическом комитете данные им директивы.

Не менее оживленно дебатировались вопросы относительно включения аппарата «Продаметы» в Metallургический комитет и наделении председателя последнего более широкими полномочиями и в кругах Земского и Городского союзов. В нашем распоряжении имеется проект протокола петроградского совещания Земгора от 4 июня 1916 г., на котором обсуждались именно эти два вопроса¹²³. Открывая прения, председательствовавший Н. В. Некрасов подчеркнул, что к этим вопросам уже «неоднократно приходилось подходить в прежних заседаниях». Мы можем заключить, следовательно, что заседание 4 июня 1916 г. носило итоговый характер и окончательно уточнило позицию представителей Земгора в отношении Metallургического комитета.

По вопросу о роли синдикатов в Metallургическом комитете выступил член Комитета А. Г. Хрущев. «Продамета», заявил он, «крупная организационная сила», оказавшая «большую услугу государству» прежде всего в деле размещения заказов. («Если бы сами стали распределять заказы,— выразил эту же мысль Каннегисер,— то заблудились бы и не получили бы продуктов и через год»). Поэтому «при данной военной конъюнктуре, если бы не было Продаметы, то ее надо бы создать». Однако, продолжал Хрущев, «нельзя закрывать глаза на обратную сторону взаимоотношений между Продаметой и Metallургиче-

¹²² ЦГВИА, ф. 13251, оп. 20, д. 13, л. 7.

¹²³ ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 28, лл. 209 об.— 213.

ским комитетом. Последний может оказаться в положении человека, который кричит, что поймал медведя, в то время как медведь держит его в своих лапах. Напор промышленников силен и очень настойчив». Отсюда важность вопроса о наделении дополнительными полномочиями председателя Metallургического комитета: он «возьмет все дело в свои руки, и Продамета станет только его канцелярией». «Нужно пользоваться военной конъюнктурой, тогда мы можем вплотную подойти к синдикатам и захватить их. В настоящее время Metallургический комитет и его агенты вторгаются не только в установление цен, но и в распределение производства между заводами. При таких условиях обсуждение вопроса о вреде синдикатов носит исторический характер».

Выступавший затем Н. Н. Львов, солидаризировавшись с Хрущевым в оценке роли «Продаметы» и подчеркнув в связи с этим, что он «не видит в настоящее время ни интереса борьбы с Продаметой, ни возможных форм ее», осветил несколько с другой стороны вопрос о том, почему Земский и Городской союзы заинтересованы в усилении полномочий председателя Metallургического комитета. «Недостаток организации Metallургического комитета, — заявил он, — сводится главным образом к отсутствию у него необходимой самостоятельности по отношению к отдельным ведомствам. Ведомства захватывают что только могут, в особенности Министерство путей сообщения. Это сильнее всего отразилось на деятельности Союзов и военно-промышленных комитетов, за которыми не стоит никакое ведомство. Задача Metallургического комитета — сладить с ведомствами и удовлетворить потребности Союзов и других общественных организаций». Следовательно, резюмировал Львов, «для Союзов важно, с одной стороны, чтобы [было] усилено значение Metallургического комитета, который должен быть поставлен над ведомствами, а с другой стороны, — чтобы в самом Комитете было усилено представительство Союзов».

На дальнейшем ходе обсуждения мы останавливаться не будем. Отметим лишь, что к вопросу о наделении председателя Metallургического комитета большими полномочиями после выступления Львова никто уже больше не возвращался: вопрос был ясен. Что касается использования аппарата «Продаметы» Metallургическим комитетом, то несколько недоброжелательных замечаний, сделанных в адрес синдиката, потонули в репликах в духе выступления Хрущева. И когда Некрасов поставил на голосование вопрос о допустимости использования Metallургическим комитетом организации «Продаметы» для регулирования производства, то из 18 присутствовавших на заседании лишь трое голосовали против и один воздержался от голосования.

Итак, буржуазное крыло Комитета по делам металлургической промышленности, представленное «Продаметой» и делегатами от Земского и Городского союзов, преследуя различные конечные цели, держались одного мнения при решении двух основных вопросов, связанных с реорганизацией Комитета: и те и другие стояли за расширение полномочий председателя Metallургического комитета, и те и другие стояли за привлечение к работам Комитета учетно-распределительного аппарата «Продаметы».

Остается рассмотреть позицию ведомств. Первый вопрос — относительно расширения полномочий председателя Комитета, после того как он был положительно решен Особым совещанием по обороне и его председателем, уже не являлся для них дискуссионным. Что же касается включения аппарата «Продаметы» в состав Metallургического комитета, то к весне 1916 г., не говоря уже о самом Мышлаевском, «Продамета» имела в этом вопросе сильного сторонника среди ведомств в лице Морского министерства. Учитывая реальное соотношение сил на металличе-

ском рынке, это министерство раньше других отказалось от установившейся в мирное время практики заготовления металлов и все дело размещения заказов между металлургическими предприятиями целиком передало на усмотрение «Продаметы»¹²⁴. Опыт этот, по всей вероятности, показался министерству успешным. Во всяком случае, оно постаралось закрепить свое содружество с синдикатом. Когда в начале июня 1916 г. на заседании Металлургического комитета обсуждался вопрос о порядке передачи ведомствами заказов заводам, возбужденный заводскими совещаниями в связи с тем, что многие заказы ведомств идут через посредников, представитель Морского министерства указал, что им этот вопрос уже разрешен, «и в отношении заказов на железо... издается циркуляр об устранении посредников и о даче заказов через о-во «Продамета»»¹²⁵.

Итак, к середине 1916 г. необходимость реорганизации Металлургического комитета в смысле расширения полномочий этого органа, с одной стороны, и усиления учетно-распределительного аппарата Комитета за счет включения в его состав металлургических синдикатов — с другой, была признана неотложной и ведомствами. Нам остается рассмотреть историю этой реорганизации.

19 мая 1916 г. Мышлаевский сообщил Комитету решение Особого совещания о необходимости расширить полномочия Комитета и поставил вопрос, в каком направлении проводить это расширение: «в смысле ли расширения полномочий председателя, или самого комитета»? Комитет единогласно высказался за расширение прав председателя, и для разработки проекта нового Положения, по указанию Мышлаевского, была выделена комиссия в составе фон Дитмара, Кутлера, Митинского и Тикстона. Уже на следующий день проект комиссии был готов и рассматривался на заседании Комитета¹²⁶. По проекту комиссии, лицо, на которое возлагалось обеспечение потребностей в металлах заводов, работающих «на оборону» и «другие нужды государства, связанные с обороной», должно было именоваться «Главный начальник снабжения металлами». Объясняя мотивы учреждения такого поста, Мышлаевский заявил следующее: «При наших административных порядках и при наших бюрократических взаимоотношениях необходимо, чтобы назначение этого лица последовало бы соответственным порядком, т. е. чтобы назначение исходило не от председателя Особого совещания, а, как и все другие, — по высочайшему приказу и по приказу Правительствующего сената»; тем самым Главный начальник будет независим от министерств и ведомств. Для закрепления этого положения комиссия, во-первых, считала нужным указать, что Главный начальник может участвовать — лично или через своих представителей — в работе особых совещаний по топливу, перевозкам и продовольствию на правах члена, а, во-вторых, внесла в свой проект специальное указание о том, что Главному начальнику предоставляется право окончательного установления, утверждения и распределения общей потребности в металлах. «До сих пор, — пояснял Мышлаевский, — мы распределяли, но нас никто не слушал, Техническое управление, Министерство путей сообщения нас знать не хотели; а теперь, когда этот пункт будет, когда это право будет дано председателю, то работа Комитета

¹²⁴ Уже в апреле 1916 г. управляющий делами «Продаметы» Тикстон ходатайствовал перед Металлургическим комитетом об освобождении от призыва на военную службу семи служащих «Продаметы», которые «распределяют заказы для Морского ведомства», т. к. «без них дело будет совершенно дезорганизовано» (ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 359 об.; СМК, от 25 апреля 1916 г.).

¹²⁵ ЖМК, № 83, от 9 июня 1916 г.

¹²⁶ ЖМК, № 75, от 20 мая 1916 г.; ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, лл. 433—435. СМК, от 20 мая 1916 г.; ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 244, лл. 35—39.

приобретет через мою персону обязательство». «Этим не предполагается, — поспешил тут же уточнить Тикстон как член комиссии, — что председатель будет вмешиваться в заводскую жизнь, весь вопрос в окончательном утверждении программы распределения».

Таким образом, одно из основных положений проекта состояло в идее полной централизации распределения металлов, осуществленной Metallургическим комитетом.

Вторая идея проекта заключалась в полной централизации управления металлургическими предприятиями. Metallургические и передельные заводы изымались из ведения заводских совещаний и передавались в ведение Главного начальника, который на местах имеет своих районных уполномоченных и представителей на отдельных заводах. Предусматривалось право Главного начальника на пересмотр портфелей заказов предприятий, на установление очередности исполнения заказов и их передаче с одних заводов на другие, на ограничение или приостановление производства отдельных видов металлов и т. д. Особым пунктом устанавливалось право Главного начальника выяснять и устанавливать предельные цены на металлы «для руководства при даче заказов».

Наконец, третья идея проекта заключалась в установлении принципа единоначалия взамен принципа коллегиальности в работе Metallургического комитета. Все права и полномочия, о которых шла речь выше, присваивались только Главному начальнику снабжения, а Комитет становился лишь совещательным органом при нем.

Нетрудно видеть, чью точку зрения выражал этот проект. Для этого достаточно сравнить его с приведенными выше выдержками из журналов Бюро Центрального военно-промышленного комитета и его металлургического отдела. «Продамета» настойчиво проводила свой план, отбивая при помощи Центрального военно-промышленного комитета всякие нападки на него прежде всего со стороны московских промышленников. Директивы Центрального военно-промышленного комитета своим представителям в Metallургическом комитете, данные 27 мая 1916 г., являлись по сути дела лишь регистрацией сделанного: за день до этого, 26 мая, проект Комитета по делам металлургической промышленности, т. е. проект «Продаметы», был представлен Мышлаевским на рассмотрение Особого совещания по обороне.

Совещание признало, что «в основном принципе проект Положения согласован с суждениями предшествующих заседаний», хотя и нуждается в некоторых изменениях. Поскольку закон об Особом совещании упоминает об уполномоченных председателя Совещания, следовало бы изменить наименование лица, «поставленного во главе металлургического дела». Далее, «сообразно с общим строем ведомственной иерархии» права по распределению металлов между ведомствами «могут быть присвоены лишь председателю Особого совещания, который в свою очередь сможет делегировать их от себя другому лицу»; поскольку же этих прав председатель Особого совещания не имеет, они должны быть испрошены «в порядке всеподданнейшего доклада». Проект был передан в подготовительную комиссию по общим вопросам «для пересмотра в связи с изложенными суждениями»¹²⁷.

В подготовительной комиссии по общим вопросам проект Metallургического комитета обсуждался на трех заседаниях — 6, 8 и 9 июня 1916 г.¹²⁸ В результате наименование «Главный начальник снабжений

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 120 об.; ЖОСО, № 76, от 1 июня 1916 г.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 2, д. 10, лл. 121—130; оп. 15, д. 3, лл. 220—223. Журналы.

металлами» было изменено на «Главный уполномоченный по снабжению металлами»; был решен отрицательно вопрос о введении Главного уполномоченного на правах члена в остальные особые совещания; не возражая против предоставления Главному уполномоченному права устанавливать предельные цены на металлы, комиссия обратила внимание на то, что предварительно это право необходимо «испросить в законодательном порядке» для председателя Особого совещания по обороне.

В этом виде почти без изменений «Положение о Главном уполномоченном по снабжению металлами и о состоящих в его ведении лицах и учреждениях» было 15 июня 1916 г. одобрено Особым совещанием по обороне¹²⁹ и 6 августа утверждено военным министром.

Одновременно в самом Комитете заканчивалась работа по расширению учетно-распределительного аппарата. В связи с намеченной централизацией дела управления металлургической промышленностью и распределения металлов на очередь встал вопрос об установлении взаимоотношений с «Продамстой» в том же плане, как уже было сделано с «Кровлей». Заручившись полным согласием со стороны Тикстона, Мышлаевский 7 июля 1916 г. вынес этот вопрос на рассмотрение Комитета, который единодушно признал «желательным использовать статистический отдел общества «Продамета» для своих целей» и в связи с этим постановил возбудить ходатайство об освобождении служащих Общества от призыва на военную службу^{129а}. Несколько позднее такое же соглашение было установлено и с Совстом съездов горнопромышленников Урала, который, как уже указывалось, создал в апреле 1916 г. специальное статистическое бюро в Екатеринбурге. Словом, вскоре после одобрения Особым совещанием по обороне проекта Положения о Главном уполномоченном по снабжению металлами Комитет включил в свой аппарат все имевшиеся металлургические синдикаты¹³⁰.

Таким образом, работа по реорганизации Металлургического комитета, начатая в мае 1916 г., была завершена, и Комитет был готов перейти к централизованному распределению заказов на металлы.

* * *

В конце июля 1916 г., в самый разгар работы по реорганизации Металлургического комитета, Мышлаевский предложил «установить как принцип, что весь металл, находящийся в свободном обращении, производящийся на заводах, находится в единственном распоряжении правительства... Без нашей санкции, без нашего разрешения, без нашей организации никто не имеет права выпустить ни одного фунта..., только тогда, — заявил Мышлаевский, — я убежден, потребность в металле будет удовлетворена»¹³¹.

подготовительной комиссии по общим вопросам Особого совещания по обороне, № 73, 74 и 75.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175. л. 137 об. ЖОСО, № 80, от 15 июня 1916 г.

^{129а} ЖМК, № 95, от 7 июля 1916 г. Третий пункт повестки дня.

¹³⁰ За исключением акционерного общества «Проволока»: размещением заказов на проволоку занимались Главное военно-техническое управление и Центральный военно-промышленный комитет.

¹³¹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 139. СМК от 21 июля 1916 г. Комитет постановил: «Признать в принципе необходимым, чтобы все свободные запасы металла находящиеся как налицо, так и вновь производимые, в смысле расходования находились на учете и под контролем государства» (ЖМК, № 99, от 21 июля 1916 г. Первый пункт повестки дня).

Реализацией этого предложения явился план обязательной разверстки металлов между ведомствами, одобренный в принципе председателем Особого совещания по обороне в конце июля 1916 г., на каппе утверждения положения о Главном уполномоченном по снабжению металлами¹³². По этому плану предполагалось распоряжением Главного уполномоченного выделять каждому ведомству и «общественной организации» определенную долю общего производства металла, в пределах которой ведомства составляют перечень заказов для металлургических заводов, сообщая потребителям металла, на каком заводе выполняется их заказ. Последние в свою очередь сообщают заводам технические условия исполнения данного заказа, после чего на заводах составляется месячная программа прокатки, утверждаемая районными уполномоченными по металлу. «Для более совершенного использования производительных средств» районные уполномоченные могли перемещать заказы с одного завода на другой, следя за тем, чтобы ведомственные нормы металла не были нарушены, и оповещая о сделанных перемещениях ведомства и получателя металла¹³³.

Таким образом, новый порядок распределения металлов делал ведомства и «общественные организации» единственными заказчиками изделий металлургических заводов в пределах отведенной им доли общего производства металлов в стране. Тем самым перед каждым из них вставала задача, над разрешением которой столько бился в свое время Комитет по делам металлургической промышленности (вспомним опыт по распределению кровельного железа): организовать учет и следить за размещением заказов на металлургических предприятиях. Однако к выполнению этой задачи ведомства были подготовлены в еще меньшей степени, чем Металлургический комитет в первые месяцы своей работы. «Я должен доложить, — вспоминал впоследствии Мышлаевский, — что когда началось распределение металлов по ведомствам, то за исключением Морского министерства, в котором дело это оказалось организованным, все оказались невинными в этой области»¹³⁴.

Но Морское министерство, как указывалось выше, еще в апреле 1916 г. поручило распределение своих заказов «Продамете». Посмотрим, как решили этот вопрос остальные ведомства.

В сентябре 1916 г. работа по разверстке металла между ведомствами была завершена (мы вернемся к этому вопросу при рассмотрении количественной стороны дела) и заводы получили «твердые цифры», в пределах которых должны были укладываться заказы ведомств на металлы. Все, казалось, шло к благополучному завершению, и ведомствам оставалось только дать металлургическим заводам указания о том, какие сорта металла и в каком количестве необходимо прокатать в октябре и каким металлообрабатывающим предприятиям их отправить. Оказалось, однако, что главные трудности еще только начинались.

Скоро стало ясно, что «хозяева» распределения, ведомства, запутались в заказах точно так же, как запутались в них в свое время заводские совещания и сам Комитет по металлургической промышленности. Потребовалось относительно немного времени для того, чтобы ведомства на собственном опыте пришли к тому же выводу, к которому Металлургический комитет пришел летом. «Может быть, — говорил на одном из засе-

¹³² ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 84. СМК от 28 июля 1916 г. Выступление Мышлаевского.

¹³³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 9, лл. 2—3 об. Инструкция о порядке распределения заказов на металлургических заводах.

¹³⁴ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 7, л. 8. СМК, от 11 марта 1917 г.

даний Комитета представитель Министерства путей сообщения Красновидов, — лучше всего сделать так, как предлагал П. А. [Тикстон] в разговоре со мной: не нужно такого детального распределения по заводам, дайте распределение по районам — по Министерству путей сообщения, по южному району, например, столько-то, и пусть Продамета сама распределяет эту потребность между отдельными заводами» с тем, «чтобы это распределение было обязательным... на основании тех полномочий, которые имеете вы, ваше высокопревосходительство».

В ответ на это заявление последовал весьма характерный обмен репликами между Мышлаевским, Тикстоном и Красновидовым. «Я все время говорю Министерству путей сообщения, — заявил первый, — хотите действовать через Продамету — действуйте. Павел Андреевич, я просил?». Тикстон: «Так точно». Мышлавский: «Войдите в мое положение, ведь я не могу Министерству путей сообщения написать — действуйте через Продамету, размещайте заказы через Продамету, меня сейчас же ущемят, что я в альянсе, в брачном союзе с Продаметой». — «Я думаю, — ответил на это Красновидов, — что только общие указания сделать нужно, а там мы уже столкнемся сами с Продаметой...». В ответ Мышлаевский заметил, что с одним ведомством всегда столкнуться можно, «а то ведь их двадцать четыре», — и тут же получил дополнительное утешение из уст представителя Главного артиллерийского управления — другого крупнейшего потребителя металла. «В настоящее время, — заявил представитель этого ведомства, полковник Потулов, — мы на три месяца разработали программу для снарядной заготовки и дали это в Продамету»¹³⁵.

И ведомства «столковались». 23 декабря 1916 г. «Продамета» обратилась с ходатайством в Главное артиллерийское управление, Морское министерство и Министерство путей сообщения об отсрочке по воинской повинности нескольким служащим общества, которых оно «считает незаменимыми», и с уходом которых общество будет «лишено возможности исполнять функции, возложенные на него военным ведомством по приему, размещению и распределению заказов на металлы в связи с существующим в настоящее время порядком работ на металлургических заводах». Представляя это заявление «Продаметы» в Генеральный штаб, начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский считал необходимым указать, что «вследствие установления с сентября месяца сего года порядка снабжения ведомств черными металлами, в ГАУ начали поступать от его контрагентов требования на металл, не распределенный в зависимости от его сортамента по соответствующим металлургическим заводам. Не имея в составе чинов Управления соответствующих специалистов, оно вместе с другими ведомствами было поставлено в весьма затруднительное положение, из которого вышло только благодаря согласию общества «Продамета» взять эту работу на себя». «Если лица, — продолжал Маниковский, — выполняющие в обществе «Продамета» указанные работы, будут призваны в войска, то, несомненно, это в значительной степени отразится на успешном распределении в «Продамете» заказов Военного министерства вообще и заказов ГАУ в частности, и вполне возможно, как это указывает о-во «Продамета» в своем заявлении, что вслед за этим оно будет фактически лишено возможности эти работы производить, а ГАУ вместе с прочими управлениями Военного министерства станет перед теми же затруднениями, перед которыми оно уже стояло в октябре и

¹³⁵ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 78—78 об. СМК, от 23 декабря 1916 г.

ноябре месяце с. г.». На основании этих соображений Маниковский считал «безусловно необходимым сохранение для Продаметы упоминаемых лиц» и просил распоряжения предоставить им отсрочку от призыва в армию ¹³⁶.

Так «Продамета» стала «рабочей канцелярией» ведомств по размещению казенных заказов на металлы.

Естественно возникает вопрос: на каких условиях «Продамета» взяла на себя эту функцию? В нашем распоряжении имеются данные, чтобы ответить на этот вопрос.

К октябрю—ноябрю 1916 г., как раз тогда, когда ведомства вынуждены были обратиться к «Продамете» за содействием в деле учета и размещения своих заказов, относятся докладные записки «Продаметы», адресованные ряду ведомств по вопросу о цене исполнения старых заказов. «Беспрерывное вздорожание за время войны цен на сырье, топливо и рабочие руки, — писала, например, «Продамета» в Главное артиллерийское управление 18/19 ноября 1916 г., — а также значительное повышение общих накладных расходов тяжело отражается на себестоимости изделий заводского производства и ставит металлургические заводы в безвыходное положение при исполнении прежде неисполненных частью или полностью заказов на сортовое и фасонное железо, балки и швеллера и листовое и широкополосное железо, принятых в то время, когда условия производства были совершенно иные». Приведя несколько примеров цен на заказы, принятые осенью 1915 г. и неисполненные до конца 1916 г., и сравнив их с продажными ценами Комитета по делам металлургической промышленности, установленными летом 1916 г. «на основании точных подсчетов себестоимости производства», «Продамета», подчеркнув, что «с тех пор себестоимость производства еще более возросла», приходила к выводу, что «необходимость повышения цен по прежним заказам должна быть признана неотложной, дабы заводы имели возможность исполнять заказы при теперешних обстоятельствах». Ввиду этого «Продамета» просила Главное артиллерийское управление предписать «подведомственным учреждениям и лицам рассчитываться с Обществом для продажи изделий русских металлургических заводов по всем старым договорам и неисполненным донныне частью или полностью заказам... по тем основным ценам локо станция отправления, которые были выяснены Комитетом по делам металлургической промышленности» ¹³⁷. Таково было первое условие, выдвинутое «Продаметой» в ходе переговоров с ведомствами в обмен на ее помощь в деле учета и распределения казенных заказов на изделия металлургических заводов.

Но если в вопросах цен по старым заказам «Продамете» было выгодно ссылаться на авторитет Металлургического комитета, «компетентного в этом деле учреждения» ¹³⁸, то в отношении цен на новые заказы она, чувствуя себя хозяином положения, действовала без какой-либо оглядки на решения Комитета — впрочем, и в данном случае на вполне «законных» основаниях.

Во-первых, Металлургический комитет имел право лишь выяснять, а не устанавливать предельные цены на металлы и сам не раз подчеркивал это положение, отвечая на жалобы потребителей металлов, что «выясненные Комитетом цены не обязательны для заводов» ¹³⁹. Мы

¹³⁶ ЦГВИА, ф. 504, оп. 38, д. 183, лл. 86—87. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹³⁷ Там же, лл. 49—50 об. Письмо «Продаметы» в ГАУ от 18/19 ноября 1916 г.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЖМК, № 91, от 27 июня 1916 г. Семнадцатый пункт повестки дня.

помним, во-вторых, что, выясняя цены «для соображения при даче заказов», Комитет исходил не только из себестоимости производства, но и из рыночных цен, и сам предложил синдикатам следить за тем, чтобы установленные цены не слишком отклонялись от цен на «свободном» рынке. Легко себе представить, как росли цены на рынке, когда металла не хватало даже для исполнения самых неотложных военных заказов. «Ведь сейчас металл все равно, что драгоценный камень», — заметил как-то раз Мышлаевский на заседании Metallургического комитета¹⁴⁰. В этих условиях цены на частном рынке должны были быть и всегда были выше цен, устанавливавшихся Metallургическим комитетом для заказов ведомств, и это обстоятельство позволяло metallургическим синдикатам «обоснованно» требовать дальнейшего повышения «твердых цен» по выполнению казенных поставок. Понятно, что при повышении последних рыночные цены должны были немедленно увеличиться, ибо по «твердым» ценам можно было продать весь металл. В свою очередь это опять-таки создавало повод для новых ходатайств о повышении цен по поставке металла ведомствам. Таков был несложный механизм организации под покровительство государства грандиозных спекулятивных операций, в основе которого лежали сохранение двух рынков — государственного и частного — и принцип исчисления «твердых цен» с ориентировкой на рыночные цены. «Продамета» не только тщательно следила за соотношением цен, выясненных Комитетом, и цен на рынке¹⁴¹, но и проваливала все попытки со стороны правительства (впрочем, не очень настойчивые) установить какой-либо контроль над частной торговлей металлами, несмотря на ее же заявления о том, что «железа не хватает на удовлетворение самых необходимых казенных нужд»¹⁴², что «перепись складов — громоздкая и бесполезная бумажная работа», ибо железа там немного, и т. д.¹⁴³

Нетрудно предвидеть, что ведомства, убедившись в необходимости для них «Продаметы» в деле организации распределения заказов, поскольку они не были способны самостоятельно справиться с этим делом, пошли на дальнейшие уступки синдикату.

По вопросу об оплате исполнения старых заказов «Продамета» обратилась не только в Главное артиллерийское управление, но и в другие ведомства, в частности в Главное военно-техническое управление. Но

¹⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 200. СМК, от 3 ноября 1916 г.

¹⁴¹ «В настоящее время, — сообщалось на заседании Metallургического комитета уже в середине августа 1916 г., — цена для Юга признается заводчиками недостаточной, контрактов по этой цене не заключают» (ЖМК, № 108, от 16 августа 1916 г. Первый пункт повестки дня).

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 42. СМК, от 11 августа 1916 г. Выступление Тикстона.

¹⁴³ ЖМК, № 109, от 18 августа 1916 г. Первый пункт повестки дня. Выступление Тикстона. Вопрос об установлении контроля над частной торговлей обсуждался на заседаниях Metallургического комитета 11 и 18 августа 1916 г. в связи с постановлением созданного в начале 1916 г. Особого совещания министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла под председательством председателя Совета министров (в литературе иногда именуется совещанием пяти министров) о необходимости «выработать соответствующие предположения о принятии на учет и под ближайший контроль правительственной власти всю торговлю и распределение металлов в империи» (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 3295, л. 63 об., Свод постановлений Совещания по заседанию 23 июля 1916 г.). Представители «Продаметы» выступали против какого-либо контроля. «В нынешних условиях, — заявил Гливиц, — контроль над торговлей явился бы катастрофой для всего населения и поощрением спекуляции: увеличение риска только повысило бы цены. О закрытии частной торговли речи быть не может» (ЖМК, № 119, от 11 августа 1916 г.). В результате никаких рекомендаций по этому вопросу Комитет не вынес.

если ГАУ решило этот вопрос самостоятельно, то ГВТУ передало записку «Продаметы» на заключение Комитета по делам металлургической промышленности.

Этот вопрос рассматривался в Комитете на заседании от 24 декабря 1916 г. Одним из первых выступил инженер А. А. Вольский, сообщивший, что недавно этот же вопрос обсуждался в Юридическом отделе Центрального военно-промышленного комитета, который пришел к выводу, что никаких оснований для повышения расценок по старым заказам не имеется. Поддерживая это решение, Вольский говорил: «Я понимаю, что, конечно, никто не может работать себе в убыток, но всему же должен быть предел... Правда, установлены разные цены в 1 р. 90 к. и 2 р. 70 к., но ведь «Продамета» есть то общество, которое объединяет все южные заводы, все эти цены идут в общий котел. На одном обществе получает такую прибыль, какую хочет, а на другом получает прибыль, гораздо большую, чем следует. Одним словом, общий котел получается такой, что южные заводы несомненно получают колоссальную прибыль»¹⁴⁴.

Вольского поддержал представитель Госконтроля Головкин, указавший, что «нынешнее ходатайство возбуждено, повидимому, для того, чтобы получить почву для скачка вперед в 1917 г.». Так же, как и Вольский, Головкин высказывался за отклонение ходатайства «Продаметы»¹⁴⁵.

Однако представители ведомств в Металлургическом комитете дружно выступили в защиту своей «рабочей канцелярии». «Я полагаю, — заявил представитель Морского министерства Швецов, — что в настоящее время совершенно не приходится говорить о расценках, потому что металла все равно ни по какой цене мы не получим в достаточном количестве... Вообще же металлургический механизм настолько сложен, количество трений между его отдельными частями настолько велико, что так или иначе смазать его отдельные части, чтоб дело шло более или менее нормально, необходимо, и мне кажется, что именно повышение цен и явится той смазкой, благодаря которой мы будем получать так или иначе больше металла. В интересах морского ведомства, — закончил Швецов, — придется поддержать повышение расценок по более или менее справедливой цене»¹⁴⁶.

Выступление Швецова, несмотря на его откровенный цинизм, оказалось убедительнее других. Большинство голосов Комитет нашел ходатайство «Продаметы» «заслуживающим уважения»¹⁴⁷.

Вопрос был решен, и «Продамета» сообщила своим конторам, что «заказы вышеуказанных клиентов (управлений казенных и частных железных дорог, военных учреждений и предприятий, работающих на военное ведомство. — К. Т.) на все сорта металла, включенные в наш нормальный сортамент, просим принимать и размещать между заводами обычным порядком, причем в заказах и подтверждениях следует оговаривать, что при исполнении заказа цена будет посчитана за поставленное количество такая, какая будет существовать в момент отправки, но клиенту предоставля-

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 19. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁴⁵ ЖМК, № 119, от 24 декабря 1916 г.

¹⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 28. СМК, от 24 декабря 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁴⁷ ЖМК, № 119, от 24 декабря 1916 г. Постановление по второму пункту повестки дня.

ется право отказаться от исполнения заказа, если он считает нашу цену для себя слишком высокой»¹⁴⁸.

Остается добавить, что предостережение Головкина о том, что, подтягивая цены старых заказов до уровня «твердых» цен, установленных Комитетом по делам металлургической промышленности весной — летом 1916 г., «Продамета» тем самым подготавливала почву для скачка вперед в 1917 г., — оказалось верным. Комиссия проф. Байкова снова села за работу, и 20 февраля 1917 г. официальные цены на изделия металлургических заводов Юга и Урала были повышены по сравнению с ценами марта 1916 г. от 17 до 40% для заводов Юга и от 9 до 65% для заводов Урала и центра¹⁴⁹.

IV

Нам остается рассмотреть деятельность Металлургического комитета по обеспечению военных потребностей страны металлом.

Начало правительственного «регулирования» различных отраслей народного хозяйства дореволюционной России относится к тому времени, когда кризис вооружения русской армии достиг предельной высоты. Различные регулирующие органы, в том числе и Комитет по делам металлургической промышленности, и были как раз созданы для ликвидации этого кризиса. Необходимость их появления вытекала в конечном счете из несоответствия между уровнем производительных сил страны и теми требованиями, которые предъявила война к работе тыла вообще, металлургической промышленности в частности. Устранить это несоответствие можно было лишь двумя путями: всемерным развитием производства черного металла (увеличение производительности существующих заводов, строительство новых) и одновременно наиболее целесообразным распределением имевшегося металла в интересах фронта и бесперебойной работы тыла. Этими двумя задачами и должна была, собственно, определяться деятельность Комитета по делам металлургической промышленности.

Однако вплоть до конца 1916 г. первая группа мероприятий вообще выпала из поля зрения Комитета. Правда, в мае 1916 г. он подробно ознакомился с состоянием металлургической промышленности Сибири, представленной Петровским, Николаевским, Абаканским и Гурьевским железодобывающими заводами¹⁵⁰. Будучи по своему техническому уровню еще более отсталыми, чем уральские заводы, эти предприятия после открытия движения по Сибирской железнодорожной магистрали не выдержали конкуренции с заводами Юга и Урала и были закрыты. Однако в условиях все возрастающего спроса на металл пуск в ход этих предприятий был целесообразен. Сибирские металлообрабатывающие заведения

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 508, оп. 38, л. 183, л. 72. Циркуляционное письмо «Продаметы» № 4/605 от 25 декабря 1916 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, л. 469, л. 4. Таблицы цен на металл, принятые комиссией проф. Байкова в заседании 20 февраля 1917 г. Как видно из записки представителя Земгора в Металлургическом комитете в Главный комитет по снабжению армии от 21 февраля 1917 г. (там же, л. 5—5 об.), уральские заводчики заявили протест против установленной цены, считая ее низкой, и решили подать особое мнение с соответствующей мотивировкой министру торговли и промышленности, в ведение которого перешло установление предельных цен. Судьбу этого особого мнения нам установить не удалось.

¹⁵⁰ ЖМК, № 67, от 5 мая 1916 г. Второй пункт повестки дня. Доклад зам. председателя Сибирского заводского совещания Бургардта о металлургических заводах Сибири; ЖМК, № 68, от 9 мая 1916 г. Первый пункт повестки дня. О положении металлургической промышленности Сибири.

могли получить до 600 тыс. пуд. чугуна в год¹⁵¹. В связи с этим Metallургический комитет наметил некоторые меры по облегчению пуска в ход сибирских железоделательных заводов, но дальше этого дело не пошло, и заводы продолжали бездействовать.

Других попыток расширения металлургической базы России в годы войны Комитет не предпринимал. Больше того, когда стало известно намерение некоторых ведомств (Главного артиллерийского управления, Министерства путей сообщения) построить казенные металлургические заводы, Комитет обратился к председателю Особого совещания по обороне с просьбой указать ведомствам, чтобы они в таких случаях запрашивали Комитет на предмет того, как отразится требование на металл для постройки новых заводов на общем расходе металла в стране, и лишь после заключения Комитета входили бы с соответствующими ходатайствами в Особое совещание по обороне¹⁵². Дело, разумеется, было не в заботах о направлении всего металла на нужды фронта: когда Мышлаевский попытался ограничить право заводчиков расходовать металл для своих потребностей, его коллеги по Комитету твердо заявили, что «Металлургический комитет существует для металлургических заводов и не может принять ни одного постановления, стесняющего в какой-либо мере производительность металлургических заводов»¹⁵³. Следовательно, одно дело — казенное строительство, другое — расширение частных предприятий. Как известно, несмотря на консервацию и недогрузку имевшегося оборудования, металлургические предприятия Юга довольно интенсивно накапливали производственные мощности для послевоенного периода (в 1916 г. в постройке находились пять новых доменных и пять мартеновских печей¹⁵⁴). Но собственники металлургических заводов не желали появления новых конкурентов в виде казенных предприятий — этим и было продиктовано приведенное выше обращение Metallургического комитета в Особое совещание по обороне.

Итак, за все время существования Комитета им ничего не было сделано для расширения металлургической базы России за счет строительства новых или пуска в ход бездействовавших предприятий. Ничего не было сделано в 1916 г. и для увеличения производительности существовавших заводов. При наличии серьезных трудностей в доставке на заводы сырья и топлива Комитету следовало бы именно на эту сторону дела обратить особое внимание, и еще в мае 1916 г. Мышлаевский сам признал необходимость составления своего рода «мобилизационного расписания потребления сырья» в целях планомерной, по графику, доставки его металлургическим заводам¹⁵⁵. Но осуществить эту меру Комитет попытался лишь в конце 1916 — начале 1917 г. Ниже мы покажем, что из этого получилось.

Таким образом, все мероприятия Комитета по устранению несоответствия между уровнем развития металлургической промышленности и требованиями военного времени свелись собственно к наиболее целесообразному, с точки зрения Комитета, распределению имеющегося металла. Достигнуть же этого можно было лишь путем направления металла исключительно «на нужды обороны», т. е., в понимании членов Комитета, на нужды фронта в самом непосредственном смысле этого слова, за счет вся-

¹⁵¹ Н. В. Г у т о в с к и й. Железодельательная промышленность Сибири, Томск, 1916, стр. 5.

¹⁵² ЖМК, № 86, от 16 июня 1916 г. Первый пункт повестки дня.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Г. Д. Ба ку л е в. Указ. соч., стр. 169.

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 446; СМК, от 13 мая 1916 г.

ческого сокращения отпуска металла для транспорта, машиностроения, различных отраслей горной промышленности и т. д. Именно для этого вводились удостоверения на право отпуска металла, учреждались совещания ведомственных приемщиков на заводах, была, наконец, установлена централизованная разверстка металла между ведомствами. Но самым действенным средством для переключения металлургических предприятий на изготовление определенных сортов металла являлись цены, т. е. прибыль. Для заводчиков это было самым убедительным, точнее, единственным доказательством необходимости производства именно данных сортов железа и стали, а куда они предназначались — «для обороны» или на какие-либо другие нужды, было уже делом третьестепенным. Так случилось, например, с рельсами¹⁵⁶. Несмотря на то, что затруднения с перевозками возрастали из месяца в месяц, что правления металлургических предприятий постоянно говорили о трудностях в перевозках, что «в целях удовлетворения насущной потребности в путевом укладочном материале» Министерство путей сообщения решило произвести «временную разборку пути некоторых построенных в последнее время железнодорожных линий»¹⁵⁷, что, наконец, нормы производства рельсов на заводах были выработаны особой комиссией и утверждены председателем Особого совещания по обороне, — несмотря на все это, заводы отказывались от прокатки рельсов, предпочитая им снарядную заготовку, «ибо, — как без обиняков выразился представитель Демидовских заводов на заседании Металлургического комитета, — всем ясно, что в настоящее время катать рельсы для заводов нежелательно и все стараются уйти от этого»¹⁵⁸.

Перейдем теперь к рассмотрению итогов работы металлургической промышленности России в смысле изменения (под влиянием военного спроса) характера проката железоделательных заводов.

По данным третьего выпуска «Народного хозяйства в 1916 г.», в 1916 г., по сравнению с 1913 г., производство строительного железа снизилось с 41,3 до 15,7 млн. пуд., производство железа железнодорожного спроса сократилось с 41 до 27,5 млн. пуд., а производство цементной стали (в эту рубрику с 1915 г. включалась шрапнельная и снарядная сталь), наоборот, резко возросло — с 2,7 млн. пуд. в 1913 г. до 24,6 млн. пуд. в 1916 г.¹⁵⁹

¹⁵⁶ Цена на рельсы устанавливалась Министерством путей сообщения и утверждалась в Совете министров. В 1915 г. она составляла 1 р. 86 к. за пуд (см. ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 115. ЖОСО, № 75, от 28 мая 1916 г.). В ноябре 1915 г., по данным генерала Певцова, себестоимость пуда рельсов Брянского завода была равна 1 р. 35 к., Днепровского — 1 р. 06 к. Принимая во внимание прочие расходы, прибыль на пуд рельсов составляла в апреле 1916 г. на Брянском заводе 17 коп. [186 — (135 + 135 × 1,25)], а на Днепровском — 54 коп. [186 — (106 + 106 × 0,25)]. Таким образом, по сравнению с довоенным временем Министерство путей сообщения не только сохранило, но даже несколько повысило величину попутной прибыли южных металлургических заводов при изготовлении рельсов, однако не в таком размере, как это сделал Комитет по делам металлургической промышленности для изделий чисто военного спроса. Для Днепровского завода прибыль при изготовлении рельсов была от двух до шести раз ниже, чем прибыли за изделия, цены по которым были установлены Комитетом по делам металлургической промышленности (см. табл. 2).

¹⁵⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 13, д. 21, лл. 646—647. Особый журнал Совета министров 14 июня 1916 г.

¹⁵⁸ ЖМК, № 95, от 7 июля 1916 г. Второй пункт повестки дня. В другом месте тот же представитель весьма красноречиво выразил отношение заводчиков к заказам Министерства путей сообщения, назвав их «рельсовой повинностью». В конце 1916 г. в связи с переходом к централизованной разверстке металлов Министерство путей сообщения трижды повышало цены на рельсы, и это помирило его с заводчиками.

¹⁵⁹ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. 3, стр. 23—24.

Однако эти данные не дают полной картины использования продукции металлургических заводов в годы войны.

Дополним их данными централизованной разверстки металлов между потребителями за октябрь 1916 г. В этом месяце распределение металлов между ведомствами было произведено путем равномерного сокращения всех ведомственных заявок (удовлетворение потребностей одних ведомств за счет других началось с февраля 1917 г.), и поэтому эти данные, разумеется, до некоторой степени отражают общую картину направления металла в 1916 г.

В зависимости от направления получаемого металла мы разобьем его потребителей на три группы. К первой из них мы относим главные управления Военного министерства, Морское министерство, Земгор и Центральный военно-промышленный комитет. Полученный ими металл шел на изготовление предметов непосредственно военного спроса — вооружения, снаряжения, боеприпасов. Ко второй группе потребителей мы относим горную и нефтяную промышленность, казенные горные заводы и Министерство земледелия (в счет потребностей последнего отпускался металл на нужды сельскохозяйственного машиностроения)¹⁶⁰. Это был производственный спрос: металл использовался для ремонта и изготовления самого необходимого инструмента и оборудования. В отдельную, третью группу потребителей металла мы выделяем транспорт, поскольку он обслуживал одновременно фронт и тыл.

Из 13,3 млн. пуд. металла, поступившего в распределение в октябре 1916 г., первая группа потребителей получила около 8 млн. пуд., вторая — 973 тыс. пуд., третья — 4350 тыс. пуд. черного металла¹⁶¹. Следовательно, 60% всего металла шло на чисто военные расходы, немногим более 7% — на производственное потребление и около 33% — на транспорт. Такова в общем приблизительная картина направления металла в 1916 г., целиком прошедшего под флагом «работы на оборону». Следует учесть при этом, что полученные тремя группами потребителей количества металла далеко не покрывали их потребности: потребности, например, первой группы были удовлетворены на 71%, второй — на 60%¹⁶².

Сокращение отпуска металлов для горной промышленности поставило в тяжелое положение каменноугольные и железорудные копи. Уже в июне 1916 г. Арандаренко докладывал Комитету по делам металлургической промышленности о «затруднениях», которые испытывают криворожские рудники из-за нехватки рельсов и вагонеток¹⁶³. Месяцем позже тот же Арандаренко выступил с заявлением о том, что «многие рудники с марта не получают железа» и это «грозит большой опасностью для всей металлургической промышленности»¹⁶⁴.

После утверждения должности Главного уполномоченного Мышлаевский распорядился поручить распределение металла между рудниками и

¹⁶⁰ См. «Докладную записку г-ну министру земледелия по вопросу о снабжении железом сельского населения» (Пг., 1917, стр. 2), составленную директором отдела по снабжению населения орудиями производства А. Я. Глаголевым сразу же после свержения самодержавия.

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 229, л. 4. Диаграмма.

¹⁶² Отметим, что потребности второй группы потребителей учтены далеко не полностью. Ведь в металле в той или иной степени нуждалась любая отрасль народного хозяйства, но были учтены только потребности горной и нефтяной промышленности. Совершенно не учтены также нужды населения в различных рыночных сортах металла. Поэтому процент удовлетворения нужд потребителей второй группы сильно преувеличен.

¹⁶³ ЖМК, № 82, от 6 июня 1916 г. Первый пункт повестки дня.

¹⁶⁴ ЖМК, № 97, от 15 июля 1916 г. Первый пункт повестки дня.

копиями Главноуполномоченному по топливу. Однако и такой порядок не улучшил снабжения металлом предприятий горной промышленности. Впервые, Metallургический комитет не отпускал назначенной нормы (в октябре, например, для нужд горной промышленности вместо 250 тыс. пуд. было назначено только 174 тыс. пуд.), а во-вторых, металлургические заводы, которые были обязаны прокатать это количество металла, мало считались с его официальным распределением между рудниками Юга и в первую очередь старались удовлетворить потребности своих собственных рудников и копей. Так, «Горнозаводское дело» сообщало, что из 174 400 пуд., назначенных для горной промышленности, Днепропетровскому заводу назначено к прокатке 23 500 пуд. Но из программы прокатки, представленной заводом, было видно, что он предполагает отпустить для горной промышленности только 5937 пуд., все же остальное предполагает отпустить своим железным и каменноугольным рудникам. Но это грозит полным расстройством в снабжении предприятий металлом и, следовательно, вызовет сокращение добычи угля¹⁶⁵.

Тревога углепромышленников была вполне обоснованной. Через два года после начала войны добыча угля в Донбассе с трудом держалась на довоенном уровне, несмотря на увеличение числа рабочих со 168 тыс. в 1913 г. до 235 тыс. в 1916 г. Но если в 1913 г. месячная добыча на одного рабочего в Донбассе составляла 781 пуд, то в 1915/16 г. она упала до 706 пуд., а к концу 1916 г. — до 580 пуд. Министр торговли и промышленности кн. Шаховской писал, что такое падение производительности труда объясняется «у х у д ш е н и е м о б о р у д о в а н и я р у д н и к о в за невозможностью своевременного ремонта необходимых для добычи угля машин и приспособлений»¹⁶⁶.

Так ради чисто военных нужд всячески урезывался отпуск металла для топливной и железорудной промышленности. Но это должно было отрицательно сказаться и сказалось на развитии этих важнейших отраслей народного хозяйства, а следовательно, и на развитии самой металлургической промышленности. Сужение сырьевой базы должно было привести к свертыванию металлургического производства, и своей политикой в области распределения металлов Комитет по делам металлургической промышленности способствовал этому свертыванию, способствовал в конечном итоге вызреванию предпосылок общего экономического кризиса в стране. Важнейшим фактором нарастания этого кризиса было резкое ухудшение работы железнодорожного транспорта, начавшееся в летне-осенние месяцы 1916 г.¹⁶⁷ Следовательно, помимо мер по борьбе с кризисом вооружения, регулирующие органы царского правительства должны были бы предусмотреть и меры по предупреждению нарастания общего кризиса экономики страны, среди которых мероприятия по развитию железнодорожного транспорта должны были бы занимать первостепенное место.

Мы уже видели, как отнесся Metallургический комитет к этой задаче: прокатка изделий железнодорожного спроса с 41 млн. пуд. сократилась до 27,5 млн. пуд. Но для работы железнодорожного транспорта требовался еще и подвижной состав — вагоны и паровозы. И здесь дело обстояло не лучше. С середины 1915 г. паровозо- и вагоностроительные заводы стали главными поставщиками снарядов и артиллерийских орудий за счет резкого сокращения производства подвижного состава для железных дорог.

¹⁶⁵ «Горнозаводское дело», 1916, № 42—43, стр. 14516—14517.

¹⁶⁶ «История гражданской войны в СССР», т. I, 1936, стр. 38.

¹⁶⁷ А. Л. Сидоров. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране. — «Исторические записки», т. 26.

В результате кризис железнодорожного транспорта к исходу 1916 г. вступил во вторую, более глубокую стадию своего развития. Если до 1916 г. он проходил при некотором росте подвижного состава, то теперь началось постепенное уменьшение общего количества паровозов и вагонов на железных дорогах. На 31 декабря 1914 г. в России имелся 20 071 паровоз всех видов, через год их было 20 731, а к 31 декабря 1916 г. число их уменьшилось до 16 837. То же самое имело место и в отношении количества вагонов¹⁶⁸. По данным Министерства путей сообщения, для полного использования пропускной способности главнейших магистралей и поддержания движения на боковых линиях в размерах 1913 г. недоставало по крайней мере 2 тыс. товарных паровозов и 80 тыс. вагонов¹⁶⁹.

Разруха на транспорте тяжело отразилась и на состоянии черной металлургии. По данным Особого совещания по топливу, в октябре 1916 г. недогруз каменного угля для металлургических заводов Юга достиг 36% от назначения. Выплавка чугуна протекала нормально «лишь на пяти заводах, а на остальных пятнадцати заводах происходит сокращенным ходом от 10 до 50%, — констатировалось в докладе управления делами Особого совещания по топливу. — Многие заводы работают с перерывами, останавливая периодически доменные и мартеновские печи. Запасы топлива минимальны: угля достаточно на 3 дня, а на некоторых заводах угля совершенно не имеется. Кокса имеется на 7 дней, антрацита на 25 дней», — и все это «исключительно вследствие нехватки вагонов». Что касается Урала, то за 15 дней ноября 1916 г. для этого района было погружено 86 тыс. пуд. угля — недогруз составил 239 тыс. пуд. (74% от назначения)¹⁷⁰.

К декабрю 1916 г. из 61 доменной печи южного района работало только 35¹⁷¹; на Урале, главным образом «по недостатку руды и топлива», стояло в ноябре 1916 г. 42 из 92 доменных печей¹⁷². В результате в первой четверти 1917 г. на Юге было выплавлено 32,61 млн. пуд. чугуна, на Урале — 13,42 млн. пуд., в Подмосковном районе — 2,17 млн. пуд., всего 48,2 млн. пуд. — на 10,3 млн. пуд. меньше, чем в первой четверти 1916 г. (58,52 млн. пуд.) и на 18,1 млн. пуд. меньше максимальной выплавки чугуна в России, достигнутой в первой четверти 1914 г. (66,3 млн. пуд.)¹⁷³.

Одновременно резко возрастало количество невывезенных готовых железных изделий с металлургических заводов: на 1 ноября только на Юге их было свыше 15 млн. пуд.¹⁷⁴ — больше месячного производства южных заводов. И это в то время, когда металлообрабатывающие предприятия прекращали производство вследствие неполучения металлов и топлива. Остановились завод сельскохозяйственных машин Головина, Подольский снарядный завод Земгора, прекратил работу ряд цехов завода Бромлей, Люберецкого завода сельскохозяйственных машин, Московского металлического завода и т. д.¹⁷⁵

¹⁶⁸ Там же, стр. 40.

¹⁶⁹ «Красный архив», 1925, № 3(10), стр. 75.

¹⁷⁰ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 3296, лл. 431—439. Доклад управления делами Особого совещания по топливу «О современном состоянии дела снабжения твердым минеральным топливом всех потребителей этого топлива повсеместно в империи». 26 ноября 1916 г. этот доклад был представлен министром торговли и промышленности председателю Совета министров.

¹⁷¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 80. Телеграмма уполномоченного по Екатеринбургскому району полковника Панкина (конец ноября 1916 г.).

¹⁷² ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 25, лл. 21—24 об. Сведения о бездействующих домнах на Урале и причинах их остановки.

¹⁷³ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 20, д. 15, л. 30. Доклад Металлургического отдела ЦВПК.

¹⁷⁴ «Труды XLI съезда горнопромышленников юга России», т. III, Харьков, 1917, стр. 52.

¹⁷⁵ «Красный архив», 1925, № 3(10), стр. 71.

В этих условиях обострения общего кризиса экономики царской России в конце 1916 — начале 1917 г. проходил последний этап «регулирующей» деятельности Комитета по делам металлургической промышленности.

В течение двух недель — с 10 по 24 сентября 1916 г. — в Металлургическом комитете происходила первая разверстка металла между ведомствами, которую Мышлаевский охарактеризовал как «большое страдание»¹⁷⁶. В Комитете собрались представители ведомств и «общественных организаций», а также металлургических предприятий Юга, Урала и Центра. Обе стороны должны были окончательно уточнить ведомственные потребности в металле и выяснить возможности их удовлетворения. В результате был составлен баланс металла на октябрь 1916 г. и намечено его распределение между ведомствами и другими потребителями. Обратимся к этому балансу.

Несмотря на произведенные сокращения, общие потребности ведомств и «общественных организаций» определились в 19 млн. пуд., а примерная производительность металлургических заводов на октябрь 1916 г. — в 16 млн. пуд. черного металла всех сортов. Таким образом, только для военных нужд не хватало 3 млн. пуд. черного металла — около 16% заявленной потребности. Если же принять во внимание необходимость удовлетворения самых неотложных нужд мирного населения (по минимальным расчетам — около 2 млн. пуд.) и возможные срочные непредусмотренные требования фронта, то общая нехватка черного металла выражалась цифрой в 6—7 млн. пуд. ежемесячно¹⁷⁷.

Казалось бы, что такой дефицит должен был убедить правящую верхушку в необходимости экстренных мер по увеличению производительности металлургических заводов. Однако созданное в начале июля 1916 г. Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла, которому были доложены предварительные наметки распределения металлов, выработанные Металлургическим комитетом в конце августа 1916 г.¹⁷⁸, во-первых, усомнилось в точности представленных ведомствами заявок, а во-вторых, высказало предположение, что заводчики не полностью используют имеющиеся возможности для развития металлургического производства.

В связи с этим Главному уполномоченному было предложено пересмотреть нормы заявленных по отдельным группам потребителей требований, «обратив особое в сем отношении внимание на потребности Центрального военно-промышленного комитета, всероссийских Земского и Городского союзов, а также нефтяной и горной промышленности, ввиду заявления морского министра о несомненной некоторой их преувеличенности»; ведомствам было вменено в обязанность пересмотреть свои заявки, исходя

¹⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 181 об. СМК, от 24 ноября 1916 г. Подробнее о работе этих совещаний см. ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 169, лл. 402—404. Журнал Уральского заводского совещания, № 81, от 24 октября 1916 г., сообщение Егорова.

¹⁷⁷ Данные о балансе черного металла на октябрь 1916 г. имеются в двух докладных записках ЦВПК (ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 8, лл. 278—286; оп. 1, д. 91, лл. 125—126 об.); в записке Совета съездов горнопромышленников юга России «О необходимости заграничных закупок рельс и железа» (там же, оп. 1, д. 91, лл. 133—134), а также в записке инженера Вольского «Своображения о предстоящем снабжении империи чугуном, железом и сталью» (ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 467, лл. 79—89). Все они составлены в конце октября — начале ноября 1916 г.

¹⁷⁸ См. рапорт Мышлаевского с двумя приложениями от 29 августа 1916 г. военному министру с предварительными итогами распределения металлов на октябрь 1916 г. (ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 3296, лл. 125—131; ЦГВИА, ф. 369, оп. 15, д. 2, лл. 424—427 (рапорт); оп. 21, д. 21, лл. об.—2, 30, 31 (приложения к рапорту). 1 сентября помощник военного министра представил этот рапорт председателю Совета министров.

из норм представленного им количества металла, откинув второстепенные потребности, которые можно было бы и не удовлетворять. Наконец, была составлена комиссия по учету производительности заводов Юга и Урала (раздосадованный Мышлаевский, не видя никакой необходимости в ее создании и усмотрев в этом проявление каких-то подозрений по его адресу, назвал эту комиссию «крокодиловой»¹⁷⁹). В связи с этим наметки распределения металла были утверждены с оговоркой, чтобы «выработанные нормы подлежали применению в качестве временной меры на октябрь 1916 г.», и Главному уполномоченному было предложено представить свои соображения на ноябрь с учетом всей проделанной работы¹⁸⁰.

В соответствии с этими указаниями в течение октября 1916 г. Metallургическим комитетом были приняты меры к установлению контроля за отпуском изделий с металлургических заводов (в частности, погрузка металла в вагоны стала производиться с проверкой удостоверений о том, что данный металл выполнен по заказу такого-то ведомства в пределах отпущенной ему нормы¹⁸¹), и силами районных уполномоченных по металлу и работниками заводских совещаний проверялась фактическая производительность металлургических заводов. Со своей стороны, ведомства занялись подсчетами потребностей в металле, что привело к учреждению в каждом из них специального делопроизводства¹⁸².

Результатом всей этой работы по проверке, уточнению и контролю явилось... увеличение ведомственного спроса на металл, с одной стороны, и подтверждение районными уполномоченными и заводскими совещаниями правильности определения производительности металлургических заводов в размере 16 млн. пуд. черного металла в месяц — с другой. Дефицит в черном металле на ноябрь 1916 г. определился в размере 8 млн. пуд.¹⁸³ Но поскольку «крокодиловая комиссия» не закончила своей работы, Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла постановило октябрьское распределение металлов сохранить и на ноябрь и лишь декабрьскую программу составить уже с учетом всех новых данных¹⁸⁴. Тем самым вновь откладывались выработка и проведение каких-либо мероприятий по увеличению производительности металлургических заводов — и это несмотря на то, что с Юга и Урала одна за другой поступали телеграммы с жалобами на недостаток сырья и топлива, с указанием, что «такое положение в ближайшем может привести к полному расстройству важнейших производств для дела обороны государства»¹⁸⁵. Дальше ждать было невозможно, и Мышлаевский, махнув рукой на «крокодиловую комиссию», решил действовать самостоятельно.

24 ноября 1916 г., подводя итоги первой разверстки металлов между ведомствами и указав на увеличение дефицита в балансе металла до 8 млн. пуд., Мышлаевский сообщил членам Комитета, что теперь он ставит своей

¹⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 6, л. 94. СМК, от 3 февраля 1917 г.

¹⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 3295, лл. 44—45. Свод постановлений Особого совещания министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла, заседание 8 сентября 1916 г.

¹⁸¹ ЖМК, № 115, от 24 ноября 1916 г. Второй пункт повестки дня.

¹⁸² ЦГВИА, ф. 504, оп. 38, д. 183. Всю переписку с «Продаметой» о получении металлов вело «делопроизводство по заготовлению и распределению металлов», входившее во второй (хозяйственный) отдел ГАУ.

¹⁸³ ЖМК, № 115, от 24 ноября 1916 г. Второй пункт повестки дня.

¹⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 3295, л. 28. Свод постановлений по заседанию 27 октября 1916 г.

¹⁸⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 273, л. 80. Телеграмма председателя заводского совещания Екатеринбургского района Панкина, ноябрь 1916 г.

задачей «выработать такой же план удовлетворения всем необходимым металлургических заводов, какой составлен для удовлетворения ведомственных потребностей на металл» и что для этого он едет на открывающийся в Харькове 41-й съезд горнопромышленников юга России¹⁸⁶.

Доклад о состоянии металлургической промышленности на съезде был сделан фон Дитмаром. Поднявшись с 14 млн. пуд. в январе до 16,5 млн. пуд. в октябре 1916 г., докладывал он, выплавка чугуна начала стремительно падать: в ноябре будет выплавлено не более 14 млн. пуд., «а затем выплавка грозит дальнейшим уменьшением». Это — результат «резкого падения подвоза железными дорогами минерального топлива, руды и других материалов на заводы при одновременном истощении запасов на заводах и при сокращении вывоза с заводов готовых изделий». Так, за 21 день ноября 1916 г. вместо назначенных 121 млн. пуд. минерального топлива заводы получили только 70 млн. пуд., т. е. на 42% меньше; руды вместо 26 млн. пуд. доставлено 13 млн. пуд., флюсов — 5,5 млн. вместо 10 млн. пуд. В связи с этими данными съезд отметил, что такое положение в высокой степени опасно и угрожает делу государственной обороны, и считает необходимым принятие самых решительных мер к предупреждению массовой остановки доменных печей¹⁸⁷.

Выступивший затем Мышлаевский заявил, что доклад никаких возражений вызвать не может и «надо только пожелать, чтобы те общие формулы, в которых уложилось заключение вашего съезда, нашли возможность к скорейшему своему осуществлению». Для этого нужно, чтобы «в будущем план снабжения металлургических заводов не подвергался таким резким колебаниям, каким он подвергается в настоящее время». Чтобы добиться этого, следует «вполне определенно и точно указать, какие материалы потребуются на ближайшее время для каждого завода в отдельности на январь, а может быть, и на февраль» и «внести в Особое совещание по обороне комбинированные заявления с реальными цифрами от Совета съезда горнопромышленников юга России и от Главноуполномоченного по снабжению металлами, чтобы они вняли нашему голосу». «Я высказываю только одно пожелание, — закончил Мышлаевский под аплодисменты присутствующих, — чтобы на этот раз это было твердо»¹⁸⁸.

Вернувшись из Харькова, Мышлаевский поставил в Особом совещании вопрос о необходимости составления «мобилизационного расписания» по снабжению металлургических заводов необходимыми материалами в Особом совещании по обороне. «Металлургическая промышленность испытывает в настоящее время острую нужду в топливе, подвоз коего является далеко недостаточным, — говорил он в докладе о распределении металлов на декабрь 1916 г. — Без урегулирования транспорта и без установления твердого, не терпящего никаких отступлений плана снабжения металлургической промышленности необходимыми ей материалами мы не можем рассчитывать на сохранение прежних размеров производительности наших металлургических заводов»¹⁸⁹.

Началось новое «большое страдание». Если в сентябре подсчитывались сотни и тысячи пудов металла, то теперь в Металлургическом комитете заговорили и заспорили об угле, коксе, руде и вагонах. «Металлургическая промышленность наша, — подстегивал Мышлаевский своих коллег, — не может стоять на ногах до тех пор, пока не будет вырабо-

¹⁸⁶ ЖМК, № 115, от 24 ноября 1916 г. Третий пункт повестки дня.

¹⁸⁷ «Труды XLI съезда горнопромышленников Юга России», т. III, стр. 52—53.

¹⁸⁸ Там же, стр. 53—54.

¹⁸⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 180, л. 135. ЖОСО, № 126, от 10 декабря 1916 г.

ган твердый план снабжения наших металлургических заводов всем им необходимым»¹⁹⁰.

Во второй половине января 1917 г. такой план был, наконец, составлен, и Мышлаевский рассчитывал в самое ближайшее время внести его в Особое совещание по обороне на окончательное утверждение.

Заседание Особого совещания 1 февраля 1917 г. началось с внеочередного заявления члена Государственной думы октябриста Савича о затруднениях на железных дорогах и о состоянии снабжения южных металлургических заводов минеральным топливом (Савич только что вернулся из поездки по Южному району). Вслед за Савичем выступил Гучков, ознакомивший Совещание с данными о состоянии ряда предприятий Петроградского, Московского и Южного районов, «уже прекративших свою работу из-за отсутствия топлива, а равно тех заводов, остановка коих, ввиду ограниченности у них запасов угля, предстоит в ближайшем будущем». Затем взял слово недавно назначенный военным министром генерал Беляев — распутинец и типичный представитель камарилы, который, по отзыву знавших его лиц, годился быть разве бухгалтером, а не министром¹⁹¹. Беляев признал состояние снабжения заводов топливом «критическим и внушающим серьезные опасения». Все дело, говорил он, упирается в перевозки, в связи с чем появилось «предположение о временном направлении всего вырабатываемого в стране угля на удовлетворение потребностей железнодорожной сети». Однако Беляев высказался против такой меры, ввиду необходимости «поддерживать непрерывное снабжение топливом важнейших из работающих на оборону предприятий». Тем не менее «необходимо считаться с предстоящим сокращением деятельности или даже временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов». В заключение Беляев авторитетно заявил, что «в настоящее время военным ведомством разрабатывается план мероприятий, имеющих своей целью возможное ослабление неблагоприятных для дела обороны последствий наступившего кризиса». Дальнейшее обсуждение вылилось в форму ожесточенных взаимных упреков и нападок, свидетельствовавших о полной растерянности участников совещания¹⁹².

«После того, что я слышал, — говорил Мышлаевский членам Металлургического комитета 3 февраля 1917 г., через два дня после описанного совещания, — я сказал себе — этой записки я не подам, потому что разруха перевозная настолько серьезна, что мне лезть в настоящее время со своей металлургией несвоевременно, нужен ряд органических мер сначала, и только после этих органических мер я смогу кротко выступить с надобностями металлургии. Иначе ведь это будет не государственная точка зрения, и я с высоты моей скворешницы буду только смешон, когда я сам вижу, что металлообрабатывающая промышленность сидит без угля, без кокса, когда продовольственная часть сидит без продовольствия, когда продовольственный кризис, вы сами знаете, достиг бог знает чего, когда железные дороги находятся в таком ужасном состоянии — *pop possumus*. Нужны героические, крупные меры, которые всю бы систему переменили»¹⁹³.

Так закончилась попытка Комитета по делам металлургической про-

¹⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 71. СМК, от 22 декабря 1916 г.

¹⁹¹ А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками во время первой мировой войны. — «Исторические записки», т. 15, стр. 166, прим. 4.

¹⁹² ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 180, лл. 201—202. ЖОСО, № 140, от 1 февраля 1917 г. Подчеркнуто нами. — К. Т.

¹⁹³ ЦГИАЛ, ф. оп. 1, д. 6, лл. 95—96. СМК, от 3 февраля 1917 г.

мышленности внести какую-то планомерность в снабжение металлургических предприятий сырьем и топливом. «Мобилизационное расписание» Мышлаевского оказалось мертворожденным. Оно не учитывало реально-го состояния транспорта и потерпело крах.

В свою очередь положение на транспорте с наибольшей полнотой и очевидностью отразило общее состояние экономики страны к исходу 1916 — началу 1917 г. и свидетельствовало о полном банкротстве государственного «регулирования» военной экономики России при помощи особых совещаний и их органов. Экономический кризис нарастал стремительно, а конца войны не было видно. В этих условиях царскому правительству ничего не оставалось, как обратиться к союзникам с просьбой об увеличении поставок вооружения, сырья и оборудования для России. На Петроградскую конференцию стран Антанты, проходившую в январе — феврале 1917 г., делегация России явилась с заявкой, почти в три раза превосходившей заявку 1916 г.¹⁹⁴

Заявка на черный металл была рассчитана исходя из допущения, что металлургические заводы страны смогут дать в месяц до 23,5 млн. пуд. различных сортов черного металла. Но даже и в этом случае вырисовывался дефицит в 14,1 млн. пуд., так как средняя месячная потребность ведомств и общественных организаций к середине декабря достигла 37,6 млн. пуд.¹⁹⁵

Опираясь на эти подсчеты, представители России и вели переговоры на Петроградской конференции с делегациями союзных правительств. «До сих пор Россия не испытывала необходимости обращаться с заказами на сталь и чугун за границу, — говорил военный министр Беляев на заседании 22 января 1917 г. — Недостаток каменного угля и затруднительность его доставки значительно сократили производительность заводов; с другой стороны, значительно увеличилась потребность в металлах, что и заставляет теперь Россию прибегать к иностранным рынкам»¹⁹⁶. И дальше была названа цифра 14 млн. пуд. в месяц¹⁹⁷. Начались длительные препирательства военного министра России с французским (Жанен) и английским (Лейтон) представителями. Указывая на большое расстояние между портами и металлургическими заводами, в связи с чем на перевозку материалов потребовалось бы «значительное количество вагонов», Жанен находил более желательным обеспечить производство чугуна и стали внутри страны. В ответ Беляев приво-дил ряд доводов, доказывавших, по его мнению, невозможность увеличения производительности русских заводов. «Если не представляется возможность ни увеличить производство, ни поддерживать его на одном уровне, — заявил на это Лейтон, — то нужно сократить запрос и давать сбережения». Вслед за этим последовала поучающая информация на тему — какие меры приняло английское министерство снабжения для сбережения металлов (на фронте собираются осколки гранат, сконструированы специальные приспособления для снятия с неразорвавшихся гранат медных поясков, практикуется изготовление чугунных трубок и т. д.). «Потребность в металлах у всех союзников увеличивается со дня на

¹⁹⁴ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 177, прим. В этой же статье дан обстоятельный очерк о подготовке, работе и итогах Петроградской конференции.

¹⁹⁵ См. «Ведомость ежемесячной потребности в черных металлах для нужд государства на 1917 г.», составленную Комитетом по делам металлургической промышленности 16 декабря 1916 г. (ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 130, лл. За — 36).

¹⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 120. Конференция союзников в Петрограде. Журнал заседания от 22 января 1917 г., л. 85 об.

¹⁹⁷ Там же, л. 86.

день,— закончил Лейтон,— и производительность заводов, изготовляющих боевые припасы, неминуемо понизится, если не позаботиться об экономии»¹⁹⁸.

Иными словами, союзники отказались предоставить то количество черных металлов, о котором просило царское правительство. Именно так и было записано в приложении к протоколу заключительного заседания конференции: «Ввиду невозможности ввезти в Россию весь уголь и всю сталь, необходимые для этой страны,— читаем там,— важно, чтобы в 1917 г. было всеми возможными средствами повышено внутреннее производство внутри страны этих предметов... Недостаток металлов принуждает, кроме того, прекратить их применение в производствах, не имеющих ничего общего с войной. Точно так же и при производстве военных припасов и снарядов необходимо применять все способы, могущие содействовать сбережению металла»¹⁹⁹.

Представители царского правительства вынуждены были подписаться под этим документом, признав за ним, таким образом, характер директивы. Но как претворить записанное в жизнь — этого никто не знал. Не мог ничего об этом сказать и Мышлаевский, открывая заседание Metallургического комитета 3 февраля, на котором предстояло в принципе решить вопрос о распределении металлов на март — май 1917 г.²⁰⁰ И в самом деле, задача была не из легких. В октябре 1916 г., при ведомственных заявках на 19 млн. пуд., в распределение поступило около 13 млн. пуд. металла. В ноябре Мышлаевский балансировал уже 11 млн. пуд. наличного металла, в январе же положение было еще более мрачным: в распределение могло поступить не более 7 млн. пуд. различных сортов железа и стали.

Сказанного достаточно для того, чтобы судить о результатах «регулирующей» деятельности Комитета по делам металлургической промышленности. О каком, собственно, распределении могла идти речь, когда при 7 млн. пуд. наличного металла в январе 1917 г. одно Министерство путей сообщения требовало свыше 8 млн. пуд., а Главное артиллерийское управление — свыше 11 млн. пуд. черных металлов²⁰¹. Однако что-то давать и что-то распределять было все же необходимо, и Мышлаевский нашел «выход» из положения. Оказалось, что у металлургических заводов, помимо фактической производительности, имеется еще производительность средняя. Последняя, как пояснил Мышлаевский, «предполагает нормальные условия деятельности наших заводов», т. е. благополучное состояние перевозок, пуск в ход стоящих доменных печей, и соответственно—поступление в распределение 12—13 млн. пуд. черного металла. И вот, «несмотря на всю эту разруху,— продолжал Мышлаевский,— я все же уповаю на то, что что-то будет сделано, что так продолжаться не будет, и поэтому на март, апрель и май мы будем производить разверстку по средней производительности, предполагая (!) 12—13 млн. пуд...».

В ответ на это член Комитета Карпов напомнил притчу о том, как Иисус Христос сумел накормить пять тысяч страждущих, разделив между ними пять ячменных хлебов и две рыбки. «Из указаний вашего превосходительства,— почтительно говорил Карпов,— выходит, что действительно, имея 5 хлебов, мы будем рассчитывать на 10, 15 хлебов и производить наши расчеты, исходя из средней производительности заводов, а не

¹⁹⁸ Там же, лл. 86—87.

¹⁹⁹ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 315, лл. 351 об. — 352.

²⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 31, оп. 1, д. 6, лл. 83—93. СМК, от 3 февраля 1917 г.

²⁰¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 130, лл. 3а—3б. Ведомость ежемесячной потребности в черных металлах для нужд государства на 1917 г.

из той фактической производительности, которая, не дай бог, будет». Поэтому «необходимо еще какие-то меры, какие-то заботы принять, чтобы благополучное существование разрухи было нарушено». В ответ последовала горячая тирада Мышлаевского об истории разработки и судьбе «мобилизационного расписания» снабжения металлургических заводов сырьем и топливом, которую мы приводили выше. Оставалось, следовательно, ждать, «уповать», заниматься подсчетами фиктивных миллионов пудов железа и стали и «наделять» ими потребителей.

Трудно придумать более наглядную иллюстрацию полной несостоятельности правительства и буржуазии царской России в руководстве военной экономикой страны. Ведущая отрасль промышленности России, основа военного производства была доведена до состояния полного развала и не могла покрыть и пятой части военного спроса на металл.

* * *

Подведем некоторые итоги.

«Когда капиталисты работают на оборону, т. е. на казну,— писал В. И. Ленин, — это уже — ясное дело — не «чистый» капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство. Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок. А «работающий» на оборону капиталист «работает» вовсе не на рынок, а *по заказу* казны, сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны»²⁰².

Таким образом, в условиях машинной войны государство, «казна» становится главным, подчас единственным заказчиком изделий, производимых предприятиями той или иной отрасли промышленности; от него зависит выдача военных заказов, денежных ссуд и установление расценок, т. е. всего того, что обеспечивает монополиям получение прибыли. Отсюда стремление монополистических организаций обеспечить себе прямое воздействие на соответствующие звенья государственного аппарата в целях получения военных заказов по максимально высоким ценам.

С другой стороны, изменяется объект деятельности учетно-распределительного аппарата монополистических организаций. Поскольку виды и количества изделий той или иной отрасли промышленности, а также сроки их исполнения определяются теперь не спросом вольного рынка, а военным спросом, выступающим перед частной промышленностью как казенный, ведомственный спрос, учет и размещение между заводами частных заказов заменяется учетом и размещением казенных, ведомственных заказов. И так как государственный аппарат капиталистических государств не располагает специальной организацией по учету и распределению казенных заказов, установление прямого контакта с монополистическими организациями, имеющими такой аппарат, становится объективной необходимостью.

Отсюда следует, во-первых, что в годы войны создаются особо благоприятные обстоятельства для сращивания государственного аппарата с монополиями, ведущего к подчинению первого последним. Отсюда следует, во-вторых, что силу и степень влияния монополистических организаций в годы войны на экономическую жизнь страны уже нельзя определять степенью охвата свободного рынка, удельным весом продукции данного синдиката в общем количестве продукции, выпускаемой на свободный рынок. Такой подход неизбежно приведет к выводу об ослаблении позиций

²⁰² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 51.

синдикатов в военные годы, поскольку свободный рынок в это время неизбежно суживается²⁰³. Силу и степень влияния монополистических организаций в годы войны на экономическую жизнь страны нужно оценивать, исходя из охвата казенного рынка, удовлетворения военного спроса, с одной стороны, и связанного с этим подчинения государственного аппарата монополиями — с другой.

Мы подробно проследили процесс складывания в годы войны государственно-монополистической организации по руководству металлургической промышленностью, в ходе которого намечаются два этапа. К августу 1916 г. в результате перестройки Металлургического комитета, которая полностью соответствовала интересам монополистических организаций, прежде всего «Продаметы», Комитет попадает в полную зависимость от металлургических синдикатов. К концу 1916 г. в ту же полную зависимость от монополий попадают и ведомства — главные управления Военного министерства, а также министерства Морское и Путей сообщения. Переход к централизованной разверстке металлов между ведомствами значительно ускорил этот процесс, ибо ведомства оказались совершенно беспомощными в организации учета и в распределении своих заказов между заводами и полностью передали это дело «Продамете». Так завершилось окончательное оформление государственно-монополистической организации по «регулированию» металлургической промышленности, — организации, представлявшей собой союз военно-бюрократической верхушки с руководителями монополистических организаций, причем последним принадлежала руководящая роль в этом союзе. Как в отношении установления продажных цен, так и в отношении порядка распределения казенных заказов между предприятиями ряд звеньев государственного аппарата — Металлургический комитет и ведомства — становятся на деле исполнителями воли монополий, их орудием по извлечению максимальной прибыли за счет прямого ограбления народа и разорения страны.

Реализация плана «Продаметы» по овладению Металлургическим комитетом происходила в условиях острой борьбы с потребителями металлов, возглавлявшимися группой владельцев металлообрабатывающих предприятий Центрального промышленного района, объединенных Обществом заводчиков и фабрикантов и Московским военно-промышленным комитетом. В этой борьбе «Продамета» умело использовала свое представительство в Металлургическом отделе Центрального военно-промышленного комитета, локализовав с его помощью конфликт в рамках «общественных организаций», а затем и заглушив его при поддержке руководства того же Центрального военно-промышленного комитета²⁰⁴.

²⁰³ И. Ф. Гиндин, например, вскользь замечает, что «резкое сужение свободного товарного рынка и замещение его казенными заказами ослабили синдикатские организации (Продуголь и даже Продамету)» (И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, М., 1948, стр. 221).

²⁰⁴ В предисловии к книге Д. И. Шполянского «Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX в.» (М., 1953), касаясь учреждения Металлургического комитета, А. П. Погребинский пишет: «На протяжении всего 1915 г. шла напряженная борьба между «Продаметом» и Центральным военно-промышленным комитетом, возглавляемым верхушкой московской буржуазии (Гучков, Коновалов, Рябушинский и др.). Эта борьба закончилась полной победой «Продамета», который добился роспуска созданного Центральным военно-промышленным комитетом Бюро по распределению заказов на металлы» (стр. 19, подчеркнуто нами. — К. Т.).

Этот вывод А. П. Погребинского нуждается в значительных коррективах. Во-первых, никакой «напряженной борьбы» между ЦВПК и «Продаметой» не было ни в 1915, ни в 1916 г. Приведенный нами материал свидетельствует о союзе обеих сторон. «Напряженная борьба» велась «Продаметой» с Московским военно-промышленным

Что же касается взаимоотношений «Продаметы» с «Кровлей», между которыми накануне войны шла ожесточенная конкурентная борьба, тяжело отразившаяся на состоянии дел уральского синдиката²⁰⁵, то в военные годы она затухает. Пользуясь этим и опираясь на поддержку Metallургического комитета, «Кровля» не только возвратила своих прежних контрагентов, утраченных в 1910—1913 гг., но и приобрела новых участников. Это явление объясняется резким ростом казенных заказов, до пределов загрузивших производительность всех металлургических заводов. В свое время (конец 90-х годов) В. И. Ленин отмечал, что «до сих пор Урал и Юг почти не конкурируют друг с другом, работая на различные рынки и живя главным образом казенными заказами»²⁰⁶. Затем, в связи с прекращением обильного дождя военных заказов, началась ожесточенная борьба Юга и Урала, приведшая к значительному ослаблению позиций «Кровли». Война вновь примирила конкурентов, прекратила борьбу между ними и позволила «Кровле» подняться на ноги. Однако уральский синдикат даже в условиях войны не сумел расширить сортамент изделий, проходивших через его руки: он объединял только сбыт кровельного железа.

Необходимость государственно-монополистического регулирования военного производства вытекала в конечном счете из несоответствия уровня развития производительных сил страны тем требованиям, которые предъявляла им империалистическая война. В этих условиях «регулирующие» органы царского правительства, в том числе и Комитет по делам металлургической промышленности, свою главную задачу видели в том, чтобы всемерно сократить производство изделий, идущих на нужды тыла, и увеличить за счет этого выпуск продукции для удовлетворения чисто военных потребностей. Деятельность регулирующих органов в этом направлении основывалась на стихийно развернувшейся перестройке всех отраслей промышленности для выполнения военных заказов, суливших огромные прибыли, и лишь выражала этот стихийный процесс, не ограничивая сферы действия объективных экономических законов капитализма. Поэтому деятельность «регулирующих» органов способствовала обострению анархии производства, содействовала глубокому упадку тех отрас-

комитетом при прямой поддержке ЦВПК. В связи с этим, во-вторых, преувеличивается влияние верхушки московской буржуазии на Центральный военно-промышленный комитет. Созданный на базе комитета Совета съездов представителей промышленности и торговли (см. А. П. Погребинский. Военно-промышленные комитеты. — «Исторические записки», т. 11, стр. 161), находившегося в руках южных монополистов, ЦВПК не скоро и не до конца потерял свое «южное» лицо, несмотря на все более и более усиливавшееся в нем влияние верхушки московской буржуазии. Говорить о том, что ЦВПК возглавлялся верхушкой московской буржуазии, значит упрощать действительную картину, забывать о противоречиях и борьбе между различными слоями буржуазии внутри системы военно-промышленных комитетов. В-третьих, наконец, А. П. Погребинский говорит о «ропуске» Бюро по распределению металлов при Центральном военно-промышленном комитете, видя в этом «полную победу» синдиката «Продамета». Прежде всего Бюро вовсе не было распушено, а полностью вошло в Комитет по делам металлургической промышленности, образовав ядро управления Комитета. Далее, в прекращении самостоятельного существования Бюро никак нельзя видеть полную победу «Продаметы». Такой победы синдикат добился лишь к августу 1916 г. в результате напряженной борьбы, длившейся с осени 1915 г. Борьба тянулась, таким образом, около года, в ней были и временные отступления «Продаметы». Эпизод с Бюро по распределению металлов нужно относить скорее к такому временному отступлению, к изменению формы борьбы «Продаметы»: ведь именно к октябрю 1915 г. относится не принятое предложение «Продаметы» о назначении специального уполномоченного по делам металлургической промышленности, который опирался бы в своей работе на управление синдиката.

²⁰⁵ А. Л. Цукерник. К истории синдиката «Кровля». — «Исторические записки», т. 52.

²⁰⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 432. прим.

лей народного хозяйства, которые хотя и не были непосредственно связаны с работой на войну, но без нормальной деятельности которых невозможно было осуществить даже простое воспроизводство. В результате в 1917 г. война стала вестись за счет беспощадного расхищения основного капитала промышленности и транспорта, что должно было привести и привело к разорению всего народного хозяйства царской России. В свою очередь это сделало невозможным дальнейшее «регулирование» экономической жизни страны реакционно-бюрократическим путем в условиях сохранения капиталистического способа производства.

Таким образом, общий кризис экономики России в годы войны был порожден не только несоответствием между уровнем развития производительных сил и требованиями, предъявленными войной, но и несоответствием производственных отношений характеру производительных сил. Капиталистические производственные отношения уже не просто тормозили развитие производительных сил, но прямо их разрушали. Интересы общественного прогресса, высшим критерием которого является развитие производительных сил, требовали ликвидации капиталистических производственных отношений и их основы — капиталистической собственности на средства производства. Материальные предпосылки для этого величайшего социального переворота в виде высокой концентрации производства, усилившейся в годы войны, и учетно-распределительного аппарата монополистических организаций достаточно созрели.

Т. Д. КРУПИНА

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С МОНОПОЛИЯМИ

В дореволюционной историографии вопрос о взаимоотношениях русского монополистического капитала с правительством не подвергался серьезному изучению, так как господствующие классы царской России не были заинтересованы в его объективном и достоверном освещении. Немногочисленные работы буржуазных авторов (И. Гольдштейна, С. Загорского и др.), затрагивавшие вопрос о развитии монополистического капитала в России, ограничивались экономической стороной дела. Лишь в последнее время в советской историографии проблема взаимоотношений между царским правительством и монополиями стала предметом внимания историков и экономистов. В частности, она затрагивается в монографии Д. И. Шполянского, в статьях М. Я. Гефтера, А. Л. Цукерника, П. В. Волобуева¹, в диссертационных работах, посвященных деятельности отдельных монополий. Тем не менее, являясь очень широкой, включающей несколько самостоятельных проблем экономической политики царизма в эпоху империализма (таможенно-тарифной, налоговой политики, системы распределения казенных заказов и т. п.), а также ряд вопросов, касающихся внутренней и внешней политики, данная проблема изучена еще недостаточно.

В настоящей статье рассматривается лишь один из вопросов проблемы, а именно судебная политика царизма в отношении монополий.

* * *

Законодательных или административных норм, регулирующих порядок оформления и деятельность монополистических объединений, в России не существовало. Более того, некоторые статьи уголовного и гражданского законодательства царской России предусматривали наказуемость участников соглашений монопольного характера. Так, согласно статьям 913 и 1180 Уложения о наказаниях, промышленники и торговцы подверга-

¹ См. Д. И. Шполянский, *Монополии угольно-металлургической промышленности юга России в начале XX века*, М., 1953; М. Я. Гефтер, *Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат)*. — «Исторические записки», т. 38; его же. *Царизм и монополистический капитал в металлургии юга России до первой мировой войны*. — «Исторические записки», т. 43; его же. *Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX века*. — «Исторические записки», т. 47; его же. *Царизм и законодательное «регулирование» деятельности синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны*. — «Исторические записки», т. 54; А. Л. Цукерник, *Из истории монополизации железного рынка в России*. — «Исторические записки», т. 42; его же. *К истории синдиката «Кровля»*. — «Исторические записки», т. 52; П. В. Волобуев, *Из истории монополизации нефтяной промышленности в дореволюционной России (1903—1914)*. — «Исторические записки», т. 52.

лись наказаниям в виде штрафа и даже ареста за стачки, сделки и другие соглашения, направленные к повышению цен на продовольственные товары и товары первой необходимости. Статья 242 Уголовного уложения 1903 г. предусматривала наказание тюремным заключением торговцев и промышленников, виновных в чрезмерном поднятии цен на продовольствие или предметы первой необходимости по соглашению с другими промышленниками и торговцами.

По буквальному смыслу статей 913 и 1180 Уложения о наказаниях, введенных в законодательство еще в середине XIX в. и являвшихся выражением норм буржуазного права домонополистического капитализма, когда господствующим принципом был принцип «свободной конкуренции», равно как и по смыслу статьи 242 Уголовного уложения 1903 г., которая совпадала со старыми нормами, монополии в России были лишены формального права на легальное существование. Указанные статьи предоставляли правительству возможность применения карательных мер по отношению к объединениям монополистического характера. Таким образом, формально учреждение и деятельность синдикатов и трестов в России были запрещены².

Административная и судебная практика 80—90-х годов XIX в. и даже начала 1900-х годов в России знала отдельные случаи признания незаконными синдикатских соглашений. В 1880-е годы по делу о синдикате иголок коммерческий суд вынес определение о «незаконности» синдикатского договора³. В 1895 и 1903 гг. на том же основании «незаконности» синдикатских соглашений было отказано в исках Киевскому сахарному синдикату и польскому синдикату клеевых фабрик⁴. В 1890-х и начале 1900-х годов было закрыто несколько обществ, имевших характер синдиката. Так, в 1909 г. петербургским Присутствием об обществах было закрыто общество петербургских кирпичных заводчиков, признанное синдикатом.

Однако, хотя подобные случаи и имели место, не они характеризуют политику правительственных органов в отношении монополий. Как правило, царское правительство не чинило препятствий возникавшим монополиям. Напротив, многие из монополий оформились и развернули свою деятельность с одобрения и согласия и при прямой поддержке правительства.

Об этом ярко свидетельствует история подготовки и оформления многих монополистических объединений, в частности тех, которые действовали в России под видом акционерных обществ. К оформлению в виде акционерных обществ некоторые, наиболее крупные монополистические объединения прибегали для того, чтобы избежать неудобств «нелегального» суще-

² Следует отметить, что наемные юристы монополистического капитала в России, пользуясь архаичностью норм русского законодательства, прилагали немало усилий, чтобы доказать, что действующие в России законы не содержат в себе никаких статей, ограничивающих монополии в праве на существование и на свободу действий. В этом отношении характерно содержание доклада «Об уголовном преследовании синдикатов», заслушанного в юридическом обществе при Петербургском университете весной 1914 г. Автор доклада Андриевский доказывал, в частности, что в статьях 913 и 1180 Уложения о наказаниях, как и в остальных русских законах, «нет никакого запрещения промышленникам в любой отрасли индустрии заключать между собой коалиции в форме картелей, синдикатов и трестов». По утверждению автора, подобные соглашения, не преследующие «никаких корыстных (!) целей», а имеющие задачей лишь «регулирование, нормировку и стабилизацию рыночных цен», «не имелись в виду законодателем» и потому «не могут почитаться преступными». Оттиск доклада сохранился в фонде Совета съездов представителей промышленности и торговли (ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 1730, л. 1, стр. 20—21).

³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 539, д. 50, л. 149.

⁴ Там же, лл. 148—149.

ствования. Объединения, созданные на основании тайных монополистических соглашений, не могли открыто заключать коммерческие сделки, не могли выступать в качестве юридического лица в случае необходимости вести судебную тяжбу. Зато сами монополии были очень уязвимы в юридическом отношении: им в любое время могло быть предъявлено обвинение по статьям 913, 1180 и 242 в незаконности существования. Оформление в качестве акционерных обществ избавляло монополии от этих неудобств и давало преимущества санкционированных правительством торгово-промышленных объединений.

При оформлении монополистических объединений под видом акционерных обществ ни для Министерства торговли и промышленности, ни для комитета (до 1905 г.) или Совета (после 1905 г.) министров не был секретом действительный характер вновь создаваемых организаций. Но правительство не только не препятствовало их оформлению, а, наоборот, оказывало им всяческую помощь.

С одобрения и при поддержке министра финансов Витте под видом «Общества для продажи изделий русских металлургических заводов» было оформлено крупнейшее монополистическое объединение в России — «Продамента». Оформление «Продугля», по свидетельству члена правления синдиката Верта, произошло «при полной осведомленности... высших органов управления»⁵. Ходатайство об утверждении устава «Продугля» встретило в Министерстве финансов самое благожелательное отношение. Поступившее на имя товарища министра заявление от учредителей общества — Авдакова и Манциарли де Делистини — на следующий же день, 21 февраля 1904 г., было рассмотрено директором Департамента торговли и промышленности Тимирязевым, который предложил решить вопрос об утверждении устава в самый короткий срок⁶. Уже 26 февраля дело было подготовлено для внесения в Комитет министров. Правда, вслед за этим оно задержалось из-за некоторых формальностей, поскольку Тимирязев предложил учредителям внести в устав ряд изменений (характер их, к сожалению, неизвестен, так как среди архивных документов они не сохранились). 17 марта в министерство поступило письмо от Енакиева — одного из организаторов синдиката, в котором он писал о затруднительности внесения этих изменений из-за отсутствия одного из учредителей — Манциарли. Вместе с тем Енакиев, настойчиво подчеркивая необходимость скорейшего утверждения устава «столь желательного для огромного большинства углепромышленников синдиката»⁷, просил представить проект устава в Комитет министров в ближайшее время, с тем чтобы изменения, предлагаемые Тимирязевым, внести впоследствии. В апреле дело было передано в Комитет министров. В сопроводительной записке к проекту устава, направленному в Комитет министров, начальник Отдела торговли Министерства финансов Федоров писал, что проект «не отступает от подобных уставов, удостоившихся высочайшего утверждения». При этом, как следует из документов, имелись в виду проекты «Продаменты», зеркального синдиката, цементного синдиката и синдиката «Гвоздь».

Таким образом, несомненно, что правительство прекрасно знало об истинном направлении деятельности «Общества для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна». Однако устав общества получил одобрение Комитета министров и 24 мая 1904 г. был утвержден царем.

При оформлении в 1904 г. «Продвагона» Министерство финансов было

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1352, оп. 63, д. 93, л. 53.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 25, д. 414, л. 1.

⁷ Там же, л. 14.

также осведомлено, что проектируемое общество является синдикатом. Отмечая в подготовленной для подачи в Комитет министров записке, что «Общество для продажи изделий русских вагоностроительных заводов» является синдикатом, Федоров тем не менее писал, что нет оснований не допускать образования общества. По его мнению, было более целесообразно допустить деятельность явной организации, чем создавать предпосылки для возникновения тайного соглашения⁸. Устав «Продвагона» также был рассмотрен и одобрен Комитетом министров и в июне 1904 г. утвержден царем.

Согласно действовавшим в России правилам об акционерных компаниях, они имели право начать свою деятельность только после вноса акционерного капитала в банк. В отдельных случаях правительство могло давать отсрочку на внесение части капитала, причем такая отсрочка могла предоставляться не более трех раз и на срок не более шести месяцев.

Строго соблюдая это правило по отношению к мелким акционерным предприятиям, правительство часто отступало от него в отношении крупных монополистических объединений, тем самым облегчая им условия оформления. В частности, такое отступление было сделано для «Продвагона». Сделав первый взнос капитала в августе 1906 г., т. е. спустя два года после утверждения устава, общество несколько раз — в 1908, 1909 и 1910 гг. — ходатайствовало перед Министерством торговли и промышленности об отсрочке второго взноса. Все ходатайства общества удовлетворялись, и в результате оно окончательно рассчиталось по взносу капитала только через семь лет после утверждения устава и через пять лет после формального открытия действий общества — в августе 1911 г.

Министерство торговли и промышленности, перед которым «Продвагон» ходатайствовал об отсрочке взноса капитала, хорошо знало, что имеет дело с синдикатом. Об этом свидетельствует приписка, сделанная на одном из ходатайств «Продвагона» кем-то из чиновников Министерства: «синдикатское предприятие»⁹. Другая приписка, которая сделана на хранящейся в фонде Отдела торговли Министерства торговли справке «Продвагона» о числе ходатайств об отсрочке второго взноса по акциям гласила: «В этом деле приняли участие член Государственной думы Шешменцев, а также В. И. Ковалевский»¹⁰. Очевидно, участие члена Думы и товарища министра играло немаловажную роль в обеспечении синдикату благожелательного отношения к его ходатайствам.

Пример с «Продвагоном» — не единичный. Правительству было известно, что оформлявшееся под видом «Товарищества торговли цементами юга России» акционерное общество было синдикатом. Так же обстояло дело с акционерным обществом «Дрожжи», «Российским обществом спичечной торговли» и др. Такое заключение можно сделать на основании сохранившихся в фонде Министерства торговли и промышленности дел об учреждении крупнейших монополистических объединений. На отдельных документах имеются даже приписки и заметки, сделанные чиновниками министерства, аналогичные по содержанию приписке на документах Продвагона: «Синдикат», «Общество имеет характер синдиката» и т. п.

Готовясь к оформлению дела об утверждении устава «Товарищества торговли цементами юга России», упомянутый уже Федоров отмечал, что товарищество носит «синдикатский характер»¹¹. Тем не менее Министерство финансов не проявило ни малейших попыток воспрепятствовать ут-

⁸ Там же, д. 424, л. 47.

⁹ Там же, л. 77.

¹⁰ Там же. В. И. Ковалевский был товарищем министра финансов.

¹¹ Там же, д. 367, л. 48.

верждению его устава, которое произошло в декабре 1903 г. На подготовленной Министерством торговли и промышленности справке о проекте устава общества «Дрожжи» была сделана приписка: «Синдикат». По указанию руководящих членов министерства, на справке была наложена резолюция: «В принципе изъявлено согласие, но приказано исследовать это дело (подобно спичечному синдикату)»¹². Здесь снова правительство, на этот раз в лице Министерства торговли и промышленности, зная, что создается новое монополистическое объединение, не препятствовало его оформлению.

Что касается указания на необходимость «исследовать» дело, то формальность его ясно раскрывается в свете истории оформления спичечного синдиката в виде «Российского общества спичечной торговли». Ходатайство об учреждении общества было подано в Министерство торговли и промышленности в октябре 1907 г. и 14 декабря 1907 г. было внесено министерством в Совет министров. Однако в Совете министров дело задержалось, так как еще до внесения ходатайства — 5 декабря — сюда поступила телеграмма от вятского губернатора об образовании негласного спичечного синдиката, ставящего целью монополизировать в России продажу бертолетовой соли и поднять цены на спички¹³. Разбор дела был поручен председателем Совета министров товарищу министра торговли и промышленности Остроградскому и министру юстиции Щегловитову.

Министерство юстиции признало наличие в действиях синдиката признаков преступного деяния, предусмотренного ст. 1180 Уложения о наказаниях, и министр поручил прокурору Московской судебной палаты возбудить судебное дело против лиц, вступивших в синдикат¹⁴. В связи с этим Министерство торговли и промышленности вынуждено было забрать из Совета министров представление об утверждении общества. О задержке утверждения общества учредители его — крупные спичечные фабриканты Осипов, Комендровский и Вахтер — были извещены немедленно, так как буквально на следующий день после того, как дело об учреждении общества поступило обратно в Министерство торговли и промышленности, ими была подана в министерство записка с просьбой ускорить утверждение устава¹⁵.

Характерно, что в этой записке организаторы спичечной монополии не скрывали действительных целей своей организации. Ссылаясь на тяжелое положение спичечной промышленности, выразившееся в образовании излишков товара, в неравномерном распределении продукции по районам, в сильном понижении цен, авторы доказывали необходимость создания в спичечной промышленности центральной организации, которая бы урегулировала нормы производства для предприятий, нормы сбыта по районам и цены. «Лучшей и единственной практически осуществимой организацией, — по утверждению авторов записки, — было... учреждение акционерного общества для продажи спичек по образцу многих существующих акционерных обществ для продажи разных продуктов, деятельность которых уже доказала практически значительную их пользу для различных отраслей промышленности (акционерные общества «Кровля», «Гвоздь», «Цемент», «Гном» и др.)»¹⁶.

Доводы организаторов общества за необходимость создания монополистической организации в спичечной промышленности были, очевидно,

¹² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 384, л. 37.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 209, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 19.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 296, л. 54.

¹⁶ Там же, л. 21.

признаны в Министерстве торговли и промышленности вполне убедительными, так как главные из них были приведены министром торговли и промышленности Шиповым в его докладной записке председателю Совета министров от 11 марта 1908 г. с изложением итогов расследования о характере деятельности намечавшегося объединения. Решительно отвергая предъявляемые последнему обвинения в отрицательном влиянии на производство и сбыт спичек, Шипов доказывал, что соглашение между предпринимателями призвано внести упорядочение в дело спичечной торговли, не имевшей до того времени правильной организации¹⁷. Несмотря на начатое судебное расследование деятельности спичечного синдиката в Московском окружном суде, 13 марта 1908 г. Министерство торговли и промышленности вторично подало ходатайство в Совет министров об учреждении «Российского товарищества спичечной торговли»¹⁸. И хотя вначале Совет министров решил воздержаться от каких-либо распоряжений до окончания судебного расследования¹⁹, уже через несколько дней это решение было изменено. Получив одобрение Совета министров, устав общества был утвержден 11 апреля 1908 г., и в мае оно открыло свои действия. Продолжавшееся судебное следствие было прекращено в сентябре 1908 г.²⁰

Материалы, обнаруженные ревизией сенатора Нейдгарта, показывают, что промышленники находили поддержку у высших чиновников и при образовании тайных синдикатов. Об этом свидетельствует история возникновения мостостроительного синдиката.

Первые объединения мостостроительных заводов возникли еще в 1890-е годы. Однако все эти объединения были недолговечными. Мысль о создании устойчивого объединения в мостостроительной промышленности возникла во время кризиса 1900—1901 гг. Инициаторами оформления такого объединения выступили крупные промышленники, собравшиеся на экстренный съезд угле- и горнопромышленников в Харькове в конце 1901 г.²¹

Вначале предполагалось создать легальное объединение мостостроительных заводов в виде акционерного общества. Правительство отнеслось к этой идее благосклонно. Уже во время работы съезда было известно, что министр финансов Витте доброжелательно настроен по отношению к проектируемой организации. Весьма вероятно, что после харьковского съезда представители мостостроительных заводов имели с ним какие-то переговоры, давшие положительный результат. Такое предположение можно сделать на основании материалов заседания одного из подготовительных съездов синдиката весной 1902 г., где специально обсуждался вопрос об отношении правительства к синдикату. На этом заседании представители ряда заводов — Коломенского, Брянского, Николаевского — заявили о том, что «министр финансов отнюдь не препятствует возникновению союза, а, напротив, готов оказать ему поддержку»²². Ясно, что это заявление могло быть результатом какого-то контакта с Витте — письменного или устного, официального или неофициального, тем более, что есть другие данные, свидетельствующие о переговорах между представителями мостостроительных заводов с Витте и другими высшими чинов-

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 209, л. 12.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 296, л. 76.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 209, л. 21.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 296, л. 106.

²¹ Этот съезд, как известно, сыграл важную роль и в оформлении «Продаметы» и ряда других монополий юга России.

²² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 539, 1911, д. 50, л. 70.

никами в более позднее время. В частности, летом 1902 г. на следующем подготовительном съезде по организации синдиката была избрана делегация (в которую входили и представители тех же заводов) к министрам финансов, юстиции, путей сообщения и к товарищу министра финансов. Делегация должна была представить указанным лицам записку об образовании синдиката и о выработанных ценах на мостостроительные поставки. Членам делегации было поручено возбудить ходатайство о легализации синдиката, а также просить правительство утвердить выработанные «нормальные» цены и вызывать к торгам на поставки только заводы, входящие в синдикат. Результаты посещения делегацией министра путей сообщения неизвестны. Что же касается Витте, то он, по словам представителя входившего в синдикат завода «Лильпоп, Рау и Левенштейн», «обещал поддерживать синдикат»²³. Министр юстиции со своей стороны заявил, что «синдикат «не будет преследоваться, так как цены на мосты не составляют предмета первой необходимости»²⁴. И если мостостроительный синдикат все-таки не получил легального оформления, то главной причиной этого были разногласия между заводами.

В 1903 г. 13 заводов заключили тайное соглашение, которое было встречено так же одобрительно. Директор вошедшего в синдикат общества металлообрабатывающих и машиностроительных заводов в Варшаве «К. Рудзский и К^о» писал по этому поводу в одной из телеграмм, что Витте «одобрил, поздравлял, обещал поддержку, но с условием, чтобы чрезмерно не повышали цен»²⁵. Несомненно, что последняя оговорка носила чисто формальный характер.

Таким образом, факты, раскрывающие закулисную сторону оформления синдикатов в России, неопровержимо доказывают заинтересованность царского правительства в развитии монопольных форм организации промышленности и торговли, свидетельствуют о том, что крупнейшие монополии оформились и развернули свою деятельность не вопреки государственной власти, а при ее прямом покровительстве.

Покровительствуемые царским правительством монополии быстро достигали господствующего положения в экономике страны. Результатом захвата монополиями важнейших отраслей промышленности и торговли были быстрый рост цен, сокращение производства, искусственно создаваемая нехватка на самые необходимые товары. Именно в результате политики монополий в стране накануне войны был создан угольный, нефтяной, металлический, цементный и т. п. «голод»²⁶. Областью особенных злоупотреблений монополий были казенные заказы, причем некоторые синдикаты в машиностроительной и военной промышленности (мостостроительный, судостроительный, артиллерийский, инженерный и т. п.) возникли специально с этой целью. Пользуясь своим господствующим положением, монополии начинали диктовать условия заказчикам, в связи с чем завышение цен на поставки казне носило систематический характер, а переплаты казны выражались в колоссальных суммах. Казенные заказы служили монополиям обильным источником обогащения, удобным средством перекачивания народных средств в свои сейфы.

Исключительно широкие размеры носили произвол и злоупотребления монополий при выполнении заказов. Опоздания, отступление от техниче-

²³ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 539, 1911, д. 50, л. 77.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 3.

²⁵ Там же.

²⁶ Этот вопрос уже получил освещение в указанных выше работах М. Я. Гефтера, А. Л. Цукерника, П. В. Волобуева и др.

ских норм, сдача недоброкачественной продукции — все эти явления получили очень широкое распространение.

Однако, несмотря на то, что нормы действующего законодательства (ст. 913 и 1180 Уложения о наказаниях, ст. 242 Устава 1903 г.) позволяли правительству применять по отношению к монополиям карательные меры за повышение цен на предметы первой необходимости, за искусственное сокращение производства и другие злоупотребления, оно этим правом не пользовалось.

Об этом убедительно свидетельствует повседневная практика правительственных органов — министерств торговли и промышленности, финансов, путей сообщения, внутренних дел и др., их отношение к жалобам на действия монополий.

Произвол монополий, хозяйничавших в важнейших отраслях промышленности, затрагивал интересы различных классовых групп, вызывая многочисленные жалобы, протесты и требования ограничения и применения карательных мер к монополиям. Особенно часто такие жалобы поступали от мелких и средних предпринимателей. Борьба монополий за господство на рынке — это, как известно, борьба за устранение конкурентов, крупных и мелких, за их удушение. Установление монополии в той или иной отрасли производства сопровождается массовым разорением мелких и средних предпринимателей, и это вызывает с их стороны протест, попытки оказать противодействие, сохранить свое самостоятельное существование.

Средние и мелкие предприниматели были бессильны вести борьбу с монополиями экономическими средствами, и они пытались прибегнуть к посредству правительственной власти, проявляя наивную веру в то, что правительство силой закона станет на защиту их интересов. Однако правительство, оказывавшее монополиям активную поддержку даже в их отдельных конфликтах с помещичьим классом, с еще большей последовательностью проводило эту политику в тех случаях, когда речь шла о мелкой и средней буржуазии.

Жалобы и ходатайства, поступавшие, например, в Министерство торговли и промышленности, просто игнорировались чиновниками. В деле министерства об учреждении «Продаметы» сохранилось одно из писем с жалобами на монополистическую «противозаконную» деятельность «Продаметы»: на завышение цен, насильственное устранение конкурентов и т. д. И вот на письме одним из чиновников министерства была наложена резолюция: «Товарищу министра доложено. Приказано оставить без последствий»²⁷.

В конце 1907 г. в Министерство торговли и промышленности и Министерство внутренних дел поступила телеграмма от одного из мелких варшавских купцов, Бухштейна, в которой он, полагая, что правительству неизвестно, что общество «Гвоздь» на самом деле является синдикатом, сообщал о его монополистических действиях, о повышении им вдвое цен на гвозди и т. д. В связи с телеграммой начальник Департамента полиции направил письмо начальнику Отдела торговли Министерства торговли и промышленности, из которого следует, что петербургские полицейские власти были хорошо осведомлены о синдикатском характере объединения «Гвоздь». В письме прямо указывалось, что «существующее в С.-Петербурге акционерное общество «Гвоздь»... представляет из себя открытый синдикат для назначения цен на проволоку и на гвозди»²⁸. Судя по письму,

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 25, д. 321, л. 61.

²⁸ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 100, 1908 г., д. 131, л. 7.

не были секретом для петербургских властей и методы монополистической политики «Гвоздя»: установление цен на гвозди и проволоку, распределение заказов между заводами и контроль за их выполнением, методы принуждения по отношению к участникам. В письме отмечалась выгода существования синдиката для крупных предприятий и «вред» для заводов «с небольшим оборотом капитала». Однако все эти сведения официального характера не были приняты во внимание Министерством торговли и промышленности. Зато оно с большим вниманием отнеслось к ответу на свой запрос о деятельности синдиката, присланному Варшавским биржевым комитетом, который сообщал, что сведения Бухштейна, «незначительного купца», не соответствуют действительности²⁹. Очевидно, указания на то, что автор телеграммы с жалобой на деятельность общества «Гвоздь» — лишь «незначительный купец», было достаточно, чтобы определить дальнейшее отношение к ней министерства, и разбор дела был прекращен.

Почти такое же отношение встретила другая жалоба на деятельность общества «Гвоздь» от владелицы небольшой железно-скобяной лавки Мирошниковой, которая в апреле 1908 г. обратилась с письмом в Отдел торговли Министерства торговли и промышленности с разоблачением действий синдиката скупщиков, образовавшегося при обществе «Гвоздь». Так как к письму были приложены подлинные документы синдиката³⁰, то министерство должно было заняться разбором дела и даже сделать вид о принятии каких-то мер. Но последние свелись только к тому, что министерство обратилось за разъяснениями к самому обществу. И этих разъяснений, в которых правление «Гвоздя» отрицало и свое монопольное положение на рынке, и свою связь с синдикатом скупщиков, и причастности к предъявленным документам, оказалось снова достаточно, чтобы жалоба была оставлена без последствий.

В начале 1913 г. в правительственные органы поступило несколько жалоб на действия дрожжевого синдиката. В жалобах указывалось, что этот синдикат, действовавший под видом акционерного общества «Дрожжи», выдавал заводам премии за сокращение производства, регулировал цены и путем применения бойкота расправлялся с теми предпринимателями, которые уклонялись от выполнения установленных синдикатом требований. Автором этих жалоб был некий Ривош, агент по сбыту дрожжей нескольких витебских заводов, разоренный синдикатом и вынужденный бросить торговлю.

Общество «Дрожжи» по поводу жалобы представило Министерству торговли и промышленности свое объяснение, в котором усиленно подчеркивало, что жалоба была результатом враждебного отношения ее автора к правлению общества «Дрожжи» и к одному из наиболее крупных предприятий общества — заводу Гивартовского в Москве. Любопытно, как объясняло правление общества причины этого враждебного отношения. «Вражда эта, — указывается в объяснении, — зиждется на неудаче, постигшей Ривоша, когда он в конце 1911 г. пытался заставить общество Гивартовского закрыть открытый им незадолго до этого в г. Витебске склад

²⁹ Ц Г И А М, ф. 102, лл. 32—34.

³⁰ Мирошниковой были направлены в министерство текст договора синдиката с отдельными торговцами и сопроводительное письмо к нему. В договоре содержались обязательства, которые должны были брать на себя торговцы железными изделиями и гвоздями: покупать их только на заводах «Гвоздя» и только по ценам, назначенным обществом. Заключивший договор не имел права ни покупать, ни заказывать, ни получать изделий нигде, кроме как у синдиката. За нарушение предусматривался штраф и приостановка в выполнении заказов (Ц Г И А М, ф. 23, оп. 25, д. 461, лл. 17—18).

дрожжей своего завода»³¹. Далее рассказывается, что для достижения намеченной цели Ривош «искусственно» понизил цены на витебском рынке, скупая дрожжи, а затем продавая их по более низким ценам; таким путем он рассчитывал устранить с рынка конкуренцию одного из крупнейших представителей общества. Неудача в осуществлении замысла и побудила его, по утверждению авторов объяснения, искать других средств борьбы с обществом, которые свелись к жалобам на действия общества в различные правительственные органы — Министерство внутренних дел, Министерство юстиции и т. п.

Перед нами типичный пример столкновения в конкурентной борьбе на одном из локальных рынков местных предпринимателей и монополистического объединения, поставившего целью установить и здесь свою монополию. Естественно, что из этой неравной борьбы победителем вышли монополисты.

В объяснении, представленном правлением общества «Дрожжи» в министерство, приводятся обычные в таких случаях утверждения, что общество в своей деятельности не выходит за пределы, ограниченные уставом, но характерно, что тут же делается осторожная попытка оправдать проводившееся обществом регулирование производства и сбыта.

Необходимость такого регулирования объяснялась, во-первых, заботой... о здоровье покупателей: «Общество не может допускать перепроизводства... потому, что тогда на рынке, наряду с хорошим продуктом, окажется негодный, который будет сбываться населению в ущерб его здоровью»; во-вторых, заботой о «слабых» заводах: «компенсация... за переработку установленной нормы выдается заводчику для того, чтобы устранить напряженную выработку слабых заводов, в результате каковой мог бы оказаться на рынке плохой продукт, и дать им возможность наряду с сильными заводами развивать и улучшать свое производство, что для общества очень важно, так как этим оно устраняет возможность сокращения действий слабых заводов и образования монополии более сильных заводов»³².

Больше всего среди этих лицемерных «обоснований» необходимости регулировать производство заслуживает внимания довод о необходимости предотвратить установление монополии «сильных» заводов, так как в самом обществе «Дрожжи» преобладание наиболее крупных заводов сказывалось и в производстве, и в распределении акций. Это преобладание выразилось и в захвате ими руководящих органов общества.

Жалоба на действия общества «Дрожжи», поступившая в 1913 г., не была единственной: в 1914 г. тот же Ривош еще несколько раз обращался к министрам внутренних дел, торговли и промышленности и к председателю бюджетной комиссии Государственной думы. По всем этим жалобам правительственные органы никаких мер не принимали, а за разъяснениями обращались или к поверенному общества Новоселову, или к самим руководителям общества. Характерно при этом, что если в первом объяснении правление общества старалось доказать, что деятельность последнего не выходит за рамки целей, поставленных уставом (сбыт и распределение дрожжей), то в последующих объяснениях оно уже не считало нужным скрывать синдикатский характер своего объединения. В одном из очередных объяснений на имя министра торговли и промышленности председатель совета общества князь Друцкий-Соколинский и член совета Чоколов прямо писали, что существование дрожжевой промышлен-

³¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 384.

³² Там же, лл. 115—116.

ности невозможно без синдиката³³. В другом объяснении они же писали, что «синдикатский характер общества «Дрожжи» имеет не только вредную, но и полезную роль», и доказывали, что злоупотребления в дрожжевой промышленности только тогда будут ликвидированы, когда будет осуществлено регулирование и производства, и торговли дрожжами³⁴.

Такая откровенность и прямолинейность в защите синдикатских форм объединения дрожжевого производства было прямым следствием молчаливого одобрения деятельности синдиката правительственными органами, которое нашло выражение в игнорировании всех жалоб на его действия.

Подобная политика одобрения и прямой защиты монополистических объединений с еще большей яркостью прослеживается на примерах того, как царское правительство реагировало на данные официальных органов о деятельности синдикатов в различных отраслях промышленности, в частности на данные сенаторских ревизий.

Огромные злоупотребления и казнокрадство, которые составляли неотъемлемую часть системы казенного хозяйства России, вынуждали правительство время от времени проводить так называемые сенаторские ревизии. Ревизии эти поручались отдельным сенаторам, наделавшимся широкими полномочиями по расследованию и привлечению к ответственности должностных лиц, замешанных в злоупотреблениях. Объектом каждой из сенаторских ревизий было какое-либо из государственных учреждений, какой-то определенный участок казенного или военного хозяйства.

В 1908—1912 гг. проводилось несколько таких ревизий: в течение четырех лет сенатор Гарин ревизовал военное и морское министерства; в 1910 г. сенатору Нейдарту было поручено обследовать правительственные и общественные учреждения в Привислинском крае и Варшавском военном округе; в 1911 г. ему же была поручена ревизия мостостроительных операций; с 1910 по 1912 г. сенатор Медем производил ревизию Сибирской ж. д. Сенаторы, назначавшиеся для проведения ревизий, пользовались правом неограниченного изъятия документов в ревизуемых учреждениях и на торгово-промышленных предприятиях, выполнявших казенные заказы. В результате в руки проводивших ревизии чиновников попадали тексты тайных синдикатских соглашений, протоколы заседаний руководящих органов монополий, переписка участников синдикатов между собой и с должностными лицами правительственных органов и другие материалы, раскрывающие закулисную сторону деятельности монополий и разоблачающие их связи с государственным аппаратом.

В ходе ревизий особенно большие злоупотребления обнаруживались в системе распределения казенных заказов. Поскольку распределение казенных заказов составляло область особых интересов монополий, а связи между монополиями и отдельными ведомствами на этой почве были очень тесными, то сенаторские ревизии обнаруживали много материалов, служивших прямыми уликами против действий монополий. Эти материалы неоспоримо свидетельствовали о том, что каждое монополистическое объединение, принимая участие в торгах на выполнение поставок и подрядов, стремилось как можно выше поднять цены. Характеризуя деятельность артиллерийского синдиката, сенатор Гарин указывал, что целью каждого предторгового соглашения участников синдиката было «поднятие цен на столько, чтобы хватило барышей на всех участников соглашения, даже на тех, которые не будут выполнять заказы»³⁵.

³³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, л. 131.

³⁴ Там же, л. 138.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 456, л. 367.

Такую цель преследовали все монополистические объединения, конкурировавшие из-за получения казенных заказов. Высокие цены на заказы монополии обеспечивали себе путем предварительных соглашений и договоренности о том, кто из участников монополий и по какой цене будет выполнять заказ. Суть этой системы заключалась в том, что, определив заранее исполнителя заказа и цены на поставку, монополии предлагали остальным участникам соглашения заявлять повышенные цены, с тем чтобы обеспечить заказ намеченному предприятию. Конкуренты со стороны устранились путем выдачи им отступного (в размерах, достигавших иногда нескольких десятков тысяч рублей) или побивались ценами. Заявляемые монополиями на торгах цены значительно превышали действительную стоимость производства заказа и доставляли монополистам огромные прибыли.

В июне 1910 г. артиллерийским ведомством были объявлены торги на поставку снарядов. Заводы-поставщики заявили цену от 53 до 55 руб. за штуку. Состоялись торги, но Военный совет не утвердил их результаты и предложил Главному артиллерийскому управлению запросить участвовавшие в торгах заводы о возможности понижения цены до 50 руб. Заводы согласились, и заказ был сдан по указанной цене. Между тем себестоимость каждого снаряда составляла 25 р. 75 к., и казна переплатила, таким образом, на каждом снаряде 24 р. 25 к., а на всей партии в 120 тыс. снарядов — около 3 млн. руб.³⁶

По данным ревизии сенатора Гарина, металлические изделия, доставлявшиеся Главному инженерному управлению предприятиями, входившими в состав металлического синдиката, обходились почти в два раза дороже их действительной стоимости. В результате участники синдиката получали с интендантских поставок чистой прибыли не менее 30%³⁷. По данным, приводимым в отчете Гарина, почти такие же высокие барыши получали с интендантского ведомства участники синдиката полотнянщиков при поставках непромокаемых изделий³⁸.

Подводя выводы результатам ревизии, сенатор Нейдгарт писал, что вследствие существования соглашений стачечного характера между поставщиками казны последняя ежегодно переплачивала на заказах миллионы рублей³⁹.

За один только 1907 г. казна переплатила вагоностроительным заводам, объединенным в синдикат, 4510 тыс. руб.⁴⁰ Таких примеров можно привести немало.

Произвол монополий выражался и в их недобросовестном отношении к выполнению казенных заказов, в частности в постоянных опозданиях со сдачей готовой продукции. В результате деятельности артиллерийского синдиката затягивалось выполнение или вовсе не выполнялись заказы на значительные суммы. По данным отчета сенатора Гарина, за 1903—1908 гг., 60% всех заказов артиллерийского ведомства были выполнены с запозданием, причем характерно, что Военное министерство фактически не применяло никаких действенных мер по отношению к нарушителям. Так, неустойки с неисправных поставщиков за указанный период было взыскано всего на 21 881 руб., сумма же сложенных неустоек равнялась 274 160 руб.⁴¹

³⁶ Там же, д. 22, лл. 45—46.

³⁷ Там же, д. 455, л. 85.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, д. 2, л. 8.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 539, 1911, д. 50, л. 138.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 456, л. 157.

Особенно большой материал содержат фонды ревизий о подкупе монополиями чиновников государственного аппарата. Сенатор Нейдгарт, ревизии которого в 1910—1911 гг. коснулись значительного числа предприятий, выполнявших казенные заказы, вынужден был сделать вывод о том, что подкуп должностных лиц торгово-промышленными предприятиями был одним из решающих условий получения казенных заказов. Стало системой, что при получении подряда или поставки предприятия-поставщики известную сумму выделяли для уплаты «вознаграждений» должностным лицам соответствующих ведомств, от которых зависело получение заказа. Учитывая необходимость расплачиваться за получение заказа, предприятия вздували цены на предметы поставки.

Круг подкупаемых лиц был широк, начиная от высших чиновников, возглавляющих управления и отделы соответствующих ведомств, и кончая техническими служащими, вплоть до курьеров и писарей.

Система подкупов была различной: иногда она выражалась в выдаче чиновникам (единовременно или регулярно) определенных сумм, в преподнесении им к праздникам денежных подарков. Чаще всего при заключении договоров на поставку чиновники выговаривали в свою пользу определенный процент с получаемой предприятиями-поставщиками суммы заказа⁴². В общей сложности суммы, выплачивавшиеся монополиями при получении казенных заказов, достигали иногда очень больших размеров. По данным, которые, например, приводятся в отчете Нейдгарта по ревизии в Привислинском крае, мостостроительный синдикат только при строительстве одного моста в Варшаве заплатил чиновнику Министерства путей сообщения Маршевскому, назначенному распорядителем строительства моста, около 100 тыс. руб.⁴³

Ассигнования на подобного рода постоянные и временные вознаграждения сохранялись в большой тайне и в отчетных финансовых документах проводились под условными названиями. В изъятых ревизией Нейдгарта кассовых книгах предприятий, входивших в судостроительный и мостостроительный синдикаты, было обнаружено большое количество денежных выдач, скрытых под условными названиями: «folio», «petit sujet» и т. п.

Когда о характере этих выдач был допрошен бухгалтер одного из судостроительных заводов, он, отказавшись дать точный ответ (в силу якобы его неосведомленности на этот счет), указал, однако, что выдачи по таким статьям находились в распоряжении директора. О том, куда и кому шли деньги, утверждал бухгалтер, никто будто бы не знал. Между тем на назначение этих выдач проливал свет пометки, сделанные против некоторых из них. Если пометки «МТК», «МПС» показывали, в каком направлении шли средства (в Морской технический комитет, в Министерство путей сообщения), то, например, пометки «за сведения», часто встречающиеся в кассовых книгах Николаевского завода, красноречиво свидетельствуют о характере выдач: деньги выдавались предприятиями должностным лицам ведомств за доставленные ими сведения, облегчавшие получение заказов, обеспечивавшие победу над конкурентами и т. п.

Архивный материал показывает также, что благодаря подкупу должностных лиц монополиям в известных случаях удавалось добиться нужных для себя правительственных решений относительно казенных заказов. В этом отношении чрезвычайно показательна история получения долгосрочного заказа на поставку угля для Сибирской ж. д. Черемховским угольным синдикатом. В конце 1907 г. черемховские углепромышленники

⁴² ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 1, д. 2, л. 5.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1334, оп. 1, д. 1, л. 20.

обратились с ходатайством к председателю Совета министров Столыпину о предоставлении им в 1908 г. заказа на уголь для Сибирской ж. д. и об увеличении размера заказа на 1909 г. Столыпин направил ходатайство министру финансов Коковцову с просьбой дать заключение по данному вопросу. Отвечая Столыпину, Коковцов предлагал обсудить дело на совещании из представителей министерств путей сообщения, финансов, торговли и промышленности и государственного контроля, с тем чтобы мнение совещания было представлено затем в Совет министров. В этом же письме Коковцов сообщал, что и к нему с аналогичным ходатайством обращался уполномоченный углепромышленников Черемховского района генерал-майор в отставке Березовский и, кроме того, иркутский генерал-губернатор писал ему о необходимости предоставления на 1908 г. промышленникам Черемховского района казенного заказа в размере не менее 20 млн. пуд. ⁴⁴ Состоялось ли предлагавшееся Коковцовым совещание или нет и каково было его решение, — неизвестно, но известно, что в правительственных органах вопрос был решен в пользу углепромышленников. Комитет Управления железных дорог признал желательным заключение долгосрочного договора с черемховскими углепромышленниками; министр путей сообщения предложил совету управления Сибирской ж. д. заказать в 1908 г. углепромышленникам Черемховского района дополнительно к ранее заказанным 8 млн. пуд. еще 10 млн. пуд. Об этом Столыпин в письме от 15 февраля 1908 г. просил Селиванова сообщить углепромышленникам ⁴⁵.

Так выглядит дело в официальной документации Совета министров. Совсем в другом свете предстает оно в освещении документов, обнаруженных ревизией сенатора Медема при обследовании Сибирской ж. д. Сдача долгосрочного заказа на поставку угля для Сибирской ж. д. углепромышленникам Черемховского района была обусловлена отнюдь не одними практическими соображениями и стремлением предоставить углепромышленникам возможность «вести угольное хозяйство на более правильных практических началах», как говорилось об этом в письме министра путей сообщения Шауфуса Столыпину ⁴⁶. Как следует из отчета по ревизии, этот заказ был получен сибирскими угольными монополистами «при помощи подкупа директора канцелярии министра путей сообщения Палтова» ⁴⁷.

Переписка между членами синдиката свидетельствует о том, что задолго до официального обращения к председателю Совета министров с просьбой предоставить им заказ сибирские углепромышленники начали зондировать почву в петербургских канцеляриях. В одном из писем распорядитель Иваново-Матвеевского общества, участвовавшего в синдикате, писал об имеющейся возможности заключить долгосрочные контракты на поставку угля при условии уплаты каждой фирмой по 500 руб. с каждого миллиона пудов угля. Судя по письму, для принятия необходимых «мер» синдикатом был направлен в Петербург один из участников синдиката — Шелкунов ⁴⁸, который впоследствии на допросе чиновником ревизии Сибирской дороги сам сообщил о результатах своей поездки. «В Петербурге, — рассказывал Шелкунов, — я встретил инженера Заболоцкого. Этот последний познакомил меня с одним отставным генерал-майором

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 596, л. 1.

⁴⁵ Там же, л. 6.

⁴⁶ Там же, л. 4.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1534, оп. 1, д. 1, л. 41.

⁴⁸ Там же.

Березовским. По словам Заболоцкого, Березовский имел какие-то связи с некоторыми чинами Министерства путей сообщения и мог бы помочь в нашем деле... Генерал, выслушав меня, взялся вести хлопоты по проведению в Управлении железных дорог желаемого нами долгосрочного контракта, конечно, под условием дачи ему за это вознаграждения и вознаграждения одного нужного лица. Потом Березовский сообщил мне, что нужным лицом является директор канцелярии министра Палтов, что последний взялся также вести хлопоты по нашему делу, а вознаграждение их обоих в случае успеха должно было выразиться в сумме из расчета 500 рублей с каждого законтрактованного миллиона пудов»⁴⁹. Заказ был получен на 60 млн. пуд., и, таким образом, «высокий покровитель» угольных монополистов и посредник между ними получили 30 тыс. руб.

Некоторые монопольные организации в лице «влиятельных лиц» с высокими связями имели постоянных своих агентов. Например, «Продуголь» для поддержания связи с Главным артиллерийским управлением постоянно обращался к услугам некоего «почетного гражданина» Цоппи, представлявшего собой, по характеристике сенатора Гарина в отчете по артиллерийскому ведомству, темную личность, замешанную во многих откровенно мошеннических операциях. «Продуголь» неоднократно прибегал к услугам Цоппи для получения выгодных заказов на поставку угля артиллерийскому ведомству, выплачивая за это Цоппи денежное вознаграждение, как это было, например, при поставке «Продуглем» топлива для Охтенского казенного завода в 1910 г.⁵⁰

В исключительно широких размерах подкуп чиновничества применялся при получении военных заказов. Военные заказы, как наиболее прибыльные, всегда усиленно привлекали буржуазию. «Капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*...», — указывал В. И. Ленин⁵¹.

При допросе свидетелей во время обследования артиллерийского ведомства сенатором Гариным один из предпринимателей заявил, что в артиллерийском ведомстве провести подряд «без специальных затрат на выдачу взяток должностным лицам» было почти невозможно⁵². Это заявление подтверждается конкретными фактами, приводимыми в отчете Гарина по артиллерийскому ведомству, где указывалось, что за все артиллерийские заказы, полученные Сормовским заводом, правление общества «Сормово» выдавало комиссионные в размере 5—6%⁵³. В частности, за получение подряда на 13 196 мелниновых гранат для петербургских дивизионов правлением было выплачено взятки по 3 руб. с каждой гранаты (при стоимости ее в 16 руб.), что в общей сложности составило 39 588 руб.⁵⁴ В 1907 г. правление выдало взятку за подряд на 9 тыс. бомб 16 200 руб., или 5% от суммы подряда⁵⁵.

Документы, попавшие в распоряжение ревизии, раскрывают, кому шли эти деньги. В делах фирм «К. Рудзского и К^о», «Лильпоп, Рау и Левенштейн» и Петербургского вагоностроительного завода были найдены свидетельства о платежах этих фирм постоянному члену артиллерий-

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1534, оп. 1, д. 1, л. 43.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, л. 256.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 315.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 456, л. 289.

⁵³ Там же, л. 291.

⁵⁴ Там же, л. 293.

⁵⁵ Там же.

ского комитета генерал-лейтенанту Шлицбергу за содействие по получению поставок, а также за сложение неустоек и пр.⁵⁶

Штаб-офицер для поручений при заведующем артиллерийскими приемками полковник Пономаревский-Свидерский получал денежное вознаграждение за различные услуги от фирмы «Лильпоп, Рау и Левенштейн». Он являлся постоянным агентом фирмы и в переписке имел особый псевдоним — «Вриль». В 1909 г. он, очевидно, порвал с фирмой, которую «обслуживал», и правлению пришлось искать себе нового «покровителя», что было с успехом достигнуто. Об этом свидетельствует письмо представителя фирмы Бельского, в котором он сообщал об отмене торгов на снаряды. «Теперь я наверное знаю,— писал Бельский,— что Вриль от нас отвернулся и ничего нам не помог, но он сделал много, что нам не навредил. Спрашивать его мнение не будут, так как другие доброжелатели говорят, что, приглашая нас заблаговременно к участию в этих торгах, инспектор артиллерийских приемок тем самым признал нас способными исполнять такие работы. Товарищи не спят и делают все, что могут, чтобы нам повредить, но и мы имеем плечи, нас поддерживающие, хотя и не очень верные»⁵⁷.

Аналогичные порядки при сдаче заказов царили и в других ведомствах Военного министерства — в инженерном и интендантском, а также в Морском министерстве.

В отчете по инженерному ведомству Гарин указывал, что решающим условием получения подряда для этого ведомства было обеспечение «расположения» соответствующих должностных лиц путем их подкупа. Благодаря подкупу поставщики получали от чиновников заготовительных отделов интендантского ведомства секретные сведения о том, что, когда, в каком количестве и для какого округа предполагалось заготавливать.

Необходимо отметить, что, завязывая отношения с чиновниками военных ведомств, предприятия-поставщики не ограничивались использованием их только для получения заказов. Не менее нужны были им «свои» люди при сдаче заказов. Движимые единственной целью обеспечить себе максимальную прибыль, не считаясь ни с какими другими соображениями, поставщики с помощью купленных агентов в военных учреждениях сдавали армии недоброкачественную, а иногда и заведомо негодную продукцию, нанося прямой ущерб боеспособности русских войск. Известно, что фирмы — поставщики боеприпасов подкупали должностных лиц Главного артиллерийского полигона и Петербургского арсенала, чтобы те скрывали плохое качество поставленных снарядов. Поставщики интендантского и инженерного ведомств с помощью подкупленных чиновников сдавали гнилое сукно, негодное снаряжение.

Таким образом, материалы сенаторских ревизий с достаточной полнотой раскрывают неприглядную картину хозяйничанья монополий. Тем не менее ни одна из ревизий, установивших незаконные связи между представителями монополий и должностными лицами из различных ведомств, документально подтверждавших преступные действия монополий, наносивших ущерб народному хозяйству и обороноспособности страны, не имела своим результатом привлечение к ответственности кого-либо из представителей монополий. Практиковавшееся изредка привлечение к ответственности чиновников, замешанных в незаконных связях с монополиями, обычно не имело для них серьезных последствий.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 1939, оп. 2, д. 456, л. 330.

⁵⁷ Там же, лл. 330—331.

Как правило, сами ревизующие чиновники в своих заключениях пытались смягчить впечатление и найти аргументы в пользу того, чтобы не предавать дело огласке. Об этом свидетельствует, например, заключение сенатора Гарина по результатам ревизии в Военном министерстве⁵⁸. Несмотря на огромное количество приведенных им самим в отчете по артиллерийскому ведомству фактов о том, какой ущерб наносился обороноспособности страны в результате подкупа монополистическими объединениями и другими предприятиями-поставщиками чиновников артиллерийского ведомства, ни одного судебного дела по данному ведомству Гариным не было возбуждено. Хотя данные ревизии давали возможность возбудить преследование против некоторых должностных лиц (о монополиях, подкупавших этих должностных лиц, не шло и речи!), тем не менее своими чрезвычайными полномочиями Гарин не воспользовался, признав «более соответственным» передать все сведения Главному военно-судному управлению, с тем чтобы там, с учетом соображений «не только чисто юридических, но и политических», было принято решение.

Вообще в своем докладе Гарин старается преуменьшить значение фактов, обнаруженных ревизией по артиллерийскому ведомству, и, в частности, делает необоснованный (судя по материалу в его отчете по ведомству) вывод, что «той распространенной корыстности, которая обнаружена в других хозяйственных ведомствах», в артиллерийском ведомстве якобы не оказалось.

Аналогичный же вывод был сделан Гариным по инженерному ведомству, по которому судебных дел также не было возбуждено.

В таком же духе составлен и доклад о результатах расследования злоупотреблений, допущенных при мостостроительных операциях. Расследование производилось во время ревизии сенатора Нейдгарта при Варшавской судебной палате. Доклад об итогах расследования был составлен чиновником ревизии Жижиним⁵⁹.

В начале доклада Жижин, характеризуя материалы, полученные во время ревизии, указывал, что эти материалы неопровержимо свидетельствовали: во-первых, о том, что «крупнейшие железоделательные заводы в империи образовали синдикат для распределения между собой заказов на постройку в России мостов и для определения цен, которые должны были заявлять заводы при вызове к торгам на такого вида подряды»⁶⁰; во-вторых, о том, что проведение всех или во всяком случае большинства мостостроительных операций было связано с огромными злоупотреблениями со стороны должностных лиц Министерства путей сообщения и ряда других ведомств, в обязанности которых входил прием выполненных заказов на мосты. Злоупотребления эти заключались главным образом в том, что ни один заказ на мосты не проходил без предварительной сделки между должностными лицами и представителями заводов, входивших в мостостроительный синдикат.

«Действительность, — писал Жижин, — в виде непререкаемых записей в торговых книгах, торговых ассигновок и ордеров, показывает, что железнодорожные инженеры, кроме жалования, получаемого от казны, взимают в свою пользу известный процент со всех заказов, исполняемых подрядчиком, а в некоторых случаях получают от подрядчиков ежемесячно допол-

⁵⁸ Заключение дано Гариным в общем докладе царю о результатах ревизии и в отчетах по отдельным ведомствам — артиллерийскому, интендантскому и инженерному (ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, дд. 454—457).

⁵⁹ Копия его сохранилась в фонде личных бумаг министра юстиции Щегловитова (ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 539, 1911 г., д. 50).

⁶⁰ Там же, л. 2.

нительное жалование, называемое в книгах то жалованием, то открытой взяткой»⁶¹. Таким образом, недостатка в материалах, изобличающих незаконные связи должностных лиц с представителями мостостроительного синдиката и дававших право на судебное преследование и тех и других, у Жижина не было. Однако в своих выводах по докладу Жижин далек от такой постановки вопроса. Более того, он горячо ратует за мостостроительный синдикат. Оценивая в целом деятельность синдиката и отмечая его стремление к повышению цен, Жижин заключает, что мостостроительный синдикат «никаких особо вредных последствий не имел и деятельность его не была связана с ущербом для казны, городских учреждений»⁶².

С чувством искреннего сочувствия и желания помочь «неудачливому» синдикату, для которого «судьба стала мачехой»⁶³, Жижин пытается разобраться в причинах неудач синдиката и объясняет их, во-первых, неумением организовать, а, во-вторых, тем, что синдикат не добился легализации своей деятельности в виде акционерного общества. В заключительной части доклада, где Жижин рассматривает вопрос о юридической ответственности монополий, он усиленно развивает мысль о том, что по существу законодательству, по буквальному тексту ст. 1180 синдикаты не должны рассматриваться как наказуемые стачки промышленников. Не удивительно, что в докладе Жижина вопрос о привлечении к судебной ответственности мостостроительного синдиката не поднимался.

Однако заключения по результатам сенаторских ревизий не всегда были столь благоприятными для монополий и их участников. Дело в том, что в Сенат, равно как и в другие высшие административные учреждения, имели доступ прежде всего представители помещичьих кругов, занимавших определенно выраженную отрицательную позицию по отношению к монополиям и их хозяевам. Так называемая «антисиндикатская» позиция верхушки помещичьего класса объяснялась как экономическими, так и политическими причинами: как потребители промышленных изделий они страдали от чрезмерно вздутых монополиями цен, как представители господствующего класса они испытывали откровенный страх перед ростом экономической силы и политического влияния промышленных и финансовых магнатов, со стороны которых они видели угрозу для своего безраздельного политического господства в стране.

К этим кругам несомненно принадлежал и сенатор Нейдгарт. Поэтому его выводы по результатам ревизии мостостроительных операций резко отличаются от выводов, сделанных Жижиным: здесь нет попыток смягчить впечатление и затушевать деятельность синдикатов. Наоборот, и в докладе царю и в специально составленной записке о синдикатах Нейдгарт в качестве своего основного вывода подчеркивает, что «вред синдикатов слишком очевиден»⁶⁴. «Какие еще могут требоваться доказательства вреда синдикатов, — отмечается в записке, — если судостроительный синдикат организован с тем, чтобы его участники сразу на одном только подряде наживали от казны миллионы рублей; если были случаи, когда казна благодаря синдикату переплачивала на сдаче подряда на поставку артиллерийских снарядов сразу около 3 миллионов рублей; если, наконец, по признанию Министерства путей сообщения, суммою в 1 миллион рублей выражаются ежегодные переплаты по заготовке угля для одних только Привислинских железных дорог благодаря угольному синдикату?»⁶⁵.

⁶¹ Там же, л. 25.

⁶² Там же, л. 134.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 22, л. 48.

⁶⁵ Там же.

В качестве практических мер борьбы с выявленными ревизией синдикатами в записке предлагалось принять меры к закрытию их, а найденные документы предлагалось передать прокурору для возбуждения уголовного преследования участников синдиката.

Как же отнеслось к этим предложениям правительство?

Казалось бы, факты, раскрытые ревизией, были настолько убедительны, что нельзя было с ними не считаться. Однако, будучи связано с монополиями тесными узами экономической зависимости и личной унийей через некоторые звенья государственного аппарата, правительство не приняло никаких мер против монополий, и вопрос о прекращении деятельности обнаруженных ревизией Нейдгарта явных и тайных синдикатов даже не поднимался. Ни один из участников монополистических объединений не был привлечен к ответственности. Судебные дела и следствие были возбуждены лишь против некоторых чиновников, замешанных в злоупотреблениях при сдаче и приеме заказов от частных заводов. Результаты этих дел заслуживают внимания.

В фонде ревизии сенатора Нейдгарта сохранилось дело под названием «Сведения по ревизии Нейдгарта». Дело содержит донесения Нейдгарта морскому министру о злоупотреблениях, обнаруженных во время ревизии со стороны должностных лиц Морского министерства. На отдельных карточках (их в деле несколько десятков) приводятся данные об определенных лицах с указанием характера злоупотреблений, сумм, полученных этими лицами от предприятий, выполнявших заказы Морского министерства, и результатов возбужденных против них следствий.

Обратимся к некоторым примерам. Как показывают документы, генерал-майор корпуса корабельных инженеров Шлезингер, получивший от Путиловского завода в разное время 20 300 руб., был по суду оправдан. Дело Флегонтова — делопроизводителя Петербургской портовой конторы, получившего в 1907 г. от правления общества «Сормово» около 2 тыс. руб. комиссионных за предоставление заказа, было прекращено за недостаточностью улик. Полковник Кутейников, получивший от Коломенского завода в 1909—1910 гг. более 10 тыс. руб. по заказу стали для броненосцев, морским министром был подвергнут дисциплинарному взысканию в 600 руб. Дело нескольких офицеров корпуса корабельных инженеров, которые за плату составляли чертежи для частных заводов, было прекращено без следствия. А дело генерал-майора Ильина — члена Морского технического комитета, который одновременно состоял консультантом по морским заказам в обществе «Сормово» и имел соглашение с Николаевскими заводами, было прекращено по «высочайшему повелению»⁶⁶.

Подавляющее большинство дел, о которых сообщил Нейдгарт морскому министру, не было доведено до судебного разбирательства: они были прекращены или «за отсутствием улик», или «по распоряжению прокурора», или же по «высочайшему повелению».

Такая же участь постигла и дела о злоупотреблениях должностных лиц из Министерства путей сообщения, связанных с монополиями.

Так как число злоупотреблений со стороны чиновников Министерства путей сообщения, обнаруженных во время ревизий 1910—1911 гг., было очень велико, то в 1911 г. было создано «Особое совещание для обсуждения и объединения отдельных административных действий по Министерству путей сообщения, вытекающих из данных сенаторских ревизий». В состав совещания входили начальник канцелярии Министерства путей сооб-

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1333, оп. 2, д. 56, лл. 3, 6, 17, 18, 22.

щения Туган-Барановский и несколько чиновников министерства. Свою работу совещание начало в июне 1911 г. и закончило в 1914 г. в связи с началом войны. Судя по сохранившемуся в архиве канцелярии министра путей сообщения перечню журналов совещания, оно имело 462 заседания. Этот перечень, а также тексты самих журналов дают яркое представление о характере работы совещания.

Бросается в глаза, что своим острием деятельность Особого совещания была направлена не против тех, кто этого прежде всего заслуживал. Большинство дел, разбиравшихся на заседаниях Особого совещания, касалось младших и средних служащих местных управлений железных дорог. Значительно меньшая часть дел касалась должностных лиц различных ведомств и отделений Министерства путей сообщения, причем и здесь речь шла главным образом о рядовых сотрудниках.

Полное молчание журналы совещания хранят относительно монополий — конкретных указаний на противозаконную деятельность монополий не имеется, хотя несомненно, что данными на этот счет совещание располагало, и лишь в редких случаях в отдельных журналах приводятся документы о связях должностных лиц Министерства путей сообщения с предприятиями, входившими в состав машиностроительных монополий. Например, 27 июня 1911 г. Особое совещание рассматривало вопрос о сдаче хозяйственным отделом Управления железных дорог заказа на мосты через реки Сибирской ж. д. (журнал № 15).

При сдаче заказа 3 декабря 1910 г. была организована конкуренция, но она носила формальный характер, так как заказ получил Сормовский завод, заявивший цены, примерно на 10 тыс. руб. более высокие, чем цены казенного Воткинского завода. Добился получения заказа Сормовский завод в результате уплаты комиссионных в сумме 16 тыс. руб. какому-то чину Управления железных дорог. Об этом неопровержимо свидетельствовали документы, обнаруженные во время ревизий Нейдгарта, в частности запись в книге ордеров Сормовского завода за подписью директора завода от 5 января 1911 г.: «Исаеву (представитель завода) выдано комиссионных за предоставленные обществу заказы 16 тыс. рублей»⁶⁷. Хотя посредническая роль Исаева во взаимоотношениях мостостроительного синдиката, членом которого являлся и Сормовский завод, и Управления железных дорог не вызывала сомнения, а сам он признался, что «имеет в Управлении железных дорог своих людей для наведения справок»⁶⁸, на совещании ни одного слова о мостостроительном синдикате не было произнесено. Само же дело, как свидетельствует об этом журнал совещания № 261, было прекращено⁶⁹.

Во время той же ревизии сенатора Нейдгарта было обнаружено, что тайный советник Белелюбский, который был назначен консультантом от министра внутренних дел по приемке городского моста в Варшаве через р. Вислу, одновременно состоял на службе на заводе «К. Рудзкого и К^о», являвшемся участником мостостроительного синдиката и строившем этот мост. При предварительном расследовании дела в Особом совещании были обнаружены большие злоупотребления при строительстве моста, в которых был замешан Белелюбский. Установлено было, в частности, наличие служебных подлогов с его стороны⁷⁰. Хотя налицо снова была незаконная

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 219, д. 1590, оп. 4, л. 48.

⁶⁸ Там же, л. 45.

⁶⁹ Там же, л. 72.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 4, д. 749, л. 89.

связь чиновника с заводом, входившим в монополистическое объединение, о мостостроительном синдикате опять не было сказано ни слова, а Белелюбский нашел к себе самое благожелательное отношение со стороны Особого совещания. Председатель совещания Туган-Барановский с самого начала приложил все старания к тому, чтобы дело не получило широкой огласки. Запрашивая сведения по делу в Уголовном департаменте Сената, он особенно подчеркивал нежелательность выяснения в административном порядке вопроса, касающегося «неправильных судебных действий... лица, занимающего высокое служебное положение»⁷¹. В конце концов, как видно из журнала № 415 Особого совещания, дело было замято. Резолюция, принятая Особым совещанием, гласит: «За отсутствием указаний на какие-либо неправильные действия т. с. Белелюбского настоящее дело производством прекратить»⁷².

Подобные же решения были вынесены совещанием по подавляющему большинству дел о злоупотреблениях должностных лиц Министерства путей сообщения, обнаруженных ревизиями.

Не вызывает никакого сомнения, что стремление Особого совещания замять дело и не придавать ему широкой огласки не было случайным. Не было случайным и молчание совещания относительно монополий. Об этом особенно красноречиво говорят результаты расследования изложенного выше дела Палтова. Когда были обнаружены документы о подкупе Палтова углепромышленниками, он служил уже не в канцелярии министра путей сообщения, а председателем Варшавского порайонного комитета. Одновременно он являлся и членом Совета министра путей сообщения. Скандальные подробности о получении сибирскими углепромышленниками правительственного заказа на уголь были настолько вопиющими, что царское правительство в июне 1911 г. приняло решение об устранении Палтова от должности, после чего против него было возбуждено уголовное преследование по ст. 377 о вымогательстве. Однако предварительное следствие по делу Палтова, начатое в июле 1911 г., тянулось до сентября 1914 г., причем обвиняемый впервые был допрошен только в 1914 г. Начало войны дало делу новый и на первый взгляд неожиданный поворот: царь лично приказал приостановить преследование до окончания военных действий, разрешив Палтову служить на железной дороге в действующей армии, а в сентябре 1914 г. он был назначен помощником начальника дорог Галиции. Нечего и говорить, что такое, мягко выражаясь, благожелательное отношение ободрило Палтова. В 1915 г. он поднял вопрос о разрешении ему снова служить в железнодорожном ведомстве, причем нашел себе самую активную поддержку со стороны многих крупных чиновников и высших сановников. За него в Государственном совете ходатайствовал начальник железных дорог Галиции, который в своем письме на имя одного из членов Государственного совета всячески превозносил заслуги Палтова и ставил вопрос о награждении его орденом и прекращении возбужденного против него судебного преследования, являвшегося, по мнению автора письма, «плодом прискорбного недоразумения»⁷³. Горячее участие в Палтове приняли министр юстиции Щегловитов и министр путей сообщения Рухлов. Хотя ходатайство о прекращении судебного преследования против Палтова было отклонено, тем не менее разбор его дела в судебных органах был отложен на долгий срок, причем в Особом совещании это дело нигде и ни разу не было даже упомянуто, хотя действия Палтова были об-

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 29, оп. 4, д. 749, л. 89.

⁷² Там же, д. 1620, л. 85.

⁷³ Там же, оп. 2, д. 1699, л. 6.

личены материалами двух ревизий — Медема и Нейдгарта. Казалось бы, что именно это совещание, десятками выносившее определения об увольнении и предании суду рядовых чиновников местных управлений, уличенных в мелких должностных преступлениях, должно бы было добиться тщательного расследования дела, свидетельствовавшего о крупнейших злоупотреблениях в центральном ведомстве и связях высших чиновников с «противозаконными» синдикатскими объединениями.

Однако именно такого расследования не хотели ни отдельные царские чиновники, входившие в состав Особого совещания, ни правительство в целом, которое стало принимать срочные меры к прекращению ревизий. Характерно, что лично царь выразил непереносимое пожелание о скорейшем прекращении ревизий. Отказ от применения карательных мер по отношению к монополистическим объединениям, игнорирование фактов, свидетельствовавших об использовании монополиями в своих корыстных целях должностных лиц государственных учреждений, было не случайным направлением в деятельности того или иного ведомства, того или иного министра — это была общая линия правительственной политики по отношению к монополистическим объединениям.

К судебным мерам воздействия на монополии правительство не прибегало. А в тех немногих случаях, когда судебные дела возникали, оно принимало меры к тому, чтобы замять их.

Так было замято дело о привлечении к ответственности соляного синдиката. Установление в ходе расследования связей между синдикатом и некоторыми видными петербургскими сановниками привело к тому, что дело было прекращено. Некоторое «замешательство» соляных монополистов, вызванное вниманием судебных властей к действиям синдиката, было полностью рассеяно на ближайшем после окончания расследования съезде, который ознаменовался расширением сферы деятельности синдиката и новым повышением цен на соль.

Скандал с поставкой угля для Юго-Западных ж. д. в 1909 г., приведший к отставке министра путей сообщения, вынудил правительство возбудить дело о привлечении к ответственности некоторых чиновников министерства, изобличенных в сообщении «Продуглю» секретных сведений о подрядах и поставках угля. Однако расследование, с полной очевидностью установившее преступные действия «Продугля», его связи с видными чиновниками Министерства путей сообщения (вплоть до министра Шауфуса) и других министерств, закончилось возбуждением судебного дела против трех незначительных чиновников из хозяйственного отдела Министерства путей сообщения⁷⁴. Что касается вопроса о привлечении к ответственности «Продугля», то он даже не был поставлен следственными органами.

Правительственными органами было также замято дело спичечного синдиката — «Российского общества спичечной торговли». Это дело возникло в начале 1908 г. в связи с телеграммой вятского губернатора министру внутренних дел, в которой он от имени местных спичечных фабрикантов возбуждал ходатайство о противодействии находившемуся в то время в стадии организации спичечному синдикату.

Председатель Совета министров Столыпин поручил разбор дела товарищу министра торговли и промышленности Остроградскому и министру юстиции Щегловитову. Сообщая свое заключение по делу, Щегловитов в письме от 16 февраля 1908 г. сообщал Столыпину, что, установив наличие в действиях спичечного синдиката «признаков преступного деяния», пре-

⁷⁴ См. «Финансовое обозрение», 1910, № 28—29, стр. 18—19.

дусмотренного ст. 1180 Уложения о наказаниях, он поручил возбудить дело против участников синдиката⁷⁵.

Может возникнуть вопрос, почему, игнорируя вообще всякие жалобы на действия монополий, правительство в данном случае возбудило судебное дело против еще только организующегося синдиката. Дело прежде всего в том, что жалоба на действия синдиката, получившая широкую гласность (об этом очень много писали в газетах того времени), поступила от представителя власти — губернатора. С этим нельзя было не считаться и особенно потому, что в это же время в печать стали проникать слухи об образующемся металлургическом тресте и в адрес правительства стали поступать требования о принятии мер к предотвращению такого объединения. По той же причине было задержано оформление спичечного синдиката в форме акционерного общества. О том, насколько формальный характер имело возбуждение судебного дела против спичечного синдиката, свидетельствует один тот факт, что оформление его в виде легального «Российского общества спичечной торговли» произошло во время производства судебного следствия, причем следствие не опровергло, а, наоборот, подтвердило монополистический характер общества. В постановлении судебного следователя по особо важным делам Московского окружного суда Головини от 6 июля 1908 г. приводятся многочисленные факты монополистической политики синдиката в производстве и сбыте спичек. Однако выводы следователя не соответствуют приведенным им же фактам: в заключении он отрицал влияние синдиката на повышение цен и пришел к выводу о необходимости прекратить дело «за недоказанностью фактов». На основании заключения следователя дело было прекращено осенью 1908 г. «за отсутствием состава преступления»⁷⁶. Это единственное судебное дело, о котором можно сказать, что оно было возбуждено самим правительством; оно было также замято.

В полной мере позиция правительства в отношении применения карательных мер к монополистическим объединениям раскрывается в свете известного дела «Продугля» в 1913—1914 гг.

В начале 1914 г. на рассмотрение Сената поступило два спорных дела между «Продуглем» и его контрагентами — Южно-Русским Днепровским обществом и Обществом Государево-Байрацких каменноугольных копей. Рассмотрение дел в Сенате и решение последнего о передаче их министру юстиции для выяснения целесообразности привлечения «Продугля» к уголовной ответственности взбудоражило не только торгово-промышленные круги. В течение трех-четырех месяцев дело «Продугля» не сходило со страниц печати: его обсуждали газеты и журналы самых различных направлений не только в России, но и за границей. Черносотенная печать встретила известия о возбуждении судебного преследования против «Продугля» одобрительно. Такую позицию легко объяснить. Помещичьи круги, чьи интересы черносотенная печать выражала, надеялись на то, что удар по «Продуглю» будет серьезным ударом по монополистической верхушке буржуазии, за ростом которой они следили с нескрываемым беспокойством. Кроме того, немалую роль играли тут и соображения демагогические, ибо в борьбе с синдикатами, как это метко было отмечено одной из петербургских газет — «Петербургским курьером», правым представлялся «редкий случай рядиться в тогу радетелей о благе народном»⁷⁷. Главную шумиху вокруг дела «Продугля» подняла буржуазная пресса, особенно

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 906, л. 19.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 12, д. 296, л. 106.

⁷⁷ Цит. по журналу «Промышленность и торговля», 1941, № 11, стр. 581.

издания, близкие к монополистическим кругам. «Поход на промышленность!», «К походу против синдикатов!» — такими заголовками пестрели газеты «Биржевые ведомости», «Биржевой день», «Деньги», журналов «Промышленность и торговля», «Финансовое обозрение» и др. Все они кричали о «разгроме предпринимательских союзов полицейскими методами», о «резком повороте» в политике правительства по отношению к синдикатам и т. д.

Возникает вопрос, действительно ли в отношении царского правительства к монополиям произошел накануне войны какой-то перелом и в какой мере дело «Продугля» является отражением этого перелома?

Следует отметить, что дело «Продугля» неоднократно освещалось как в опубликованных работах советских историков и экономистов⁷⁸, так и в диссертациях, чему способствовала публикация в журнале «Красный архив» в 1926 г. документов, извлеченных из фонда Чрезвычайной следственной комиссии Министерства юстиции⁷⁹. Однако при всей ценности этих документов они не дают полной картины дела «Продугля». Отсюда ряд неточностей в объяснении причин его возникновения, которые допущены в некоторых опубликованных работах и, в частности, в книге П. И. Лященко. П. И. Лященко, характеризуя эти причины, пишет, что вопрос о судебном вмешательстве в дела «Продугля» и о его ликвидации вследствие обнаруженных злоупотреблений был поднят правительством⁸⁰. Однако с таким объяснением, которое как раз дает основание видеть в политике царского правительства по отношению к монополиям какое-то изменение, нельзя согласиться. Дополнительные материалы по делу «Продугля» из архива Сената⁸¹ и канцелярии Совета министров⁸² свидетельствуют о том, что царское правительство отнюдь не являлось инициатором возбуждения судебного преследования «Продугля».

Каким же образом дело «Продугля» попало в судебные органы?

14 декабря 1911 г. Южно-Русское Днепропольское общество, являвшееся контрагентом «Продугля» с мая 1909 г., подало в Петербургский коммерческий суд иск к «Продуглю», в котором требовало признать его свободным от выполнения контрагентского договора. Основанием для расторжения договора Южно-Русское общество выдвигало то обстоятельство, что договор, заключенный 9 мая 1909 г. между «Продуглем» и Обществом, не соответствовал уставу Общества: под внешней формой коммиссионных отношений он предусматривал полное подчинение контрагента «Продуглю» в производстве, сбыте и установлении цен на уголь. Определяя свой договор 9 мая 1909 г. с «Продуглем» как договор «синдикатский» и подчерки-

⁷⁸ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. Госполитиздат, 1948, стр. 330; Д. И. Шполянский. Указ. соч.; М. Я. Гефтер. Царизм и законодательное «регулирование» деятельности синдикатов и трестов в России накануне первой мировой войны. — «Исторические записки», т. 54.

⁷⁹ «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 131—148.

⁸⁰ П. И. Лященко. Указ. соч., т. II, стр. 330. Подобная точка зрения нашла отражение и в справочной литературе, в частности в статье о «Продугле» помещенной во втором издании БСЭ, где говорится, что судебное дело против «Продугля» было начато «в связи с обнаружившимися преступными махинациями монополистов по уменьшению размеров угледобычи» (БСЭ, изд. 2, т. 34, стр. 604).

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 1352, оп. 63, д. 92 («По иску Южно-Русского Днепропольского общества к обществу для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна») и д. 93 («По иску Анонимного общества Государево-Байракских каменноугольных копей, рудников и заводов к Обществу для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна»).

⁸² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 835 (По вопросу об отношении правительства к обществу «Продуголь»); см. публикацию М. Я. Гефтера «К истории топливно-металлургического голода в России накануне первой мировой войны». — «Исторический архив», т. VI, М.—Л., 1951.

вая, что он имел целью «достижение противозаконных целей, караемых ст. 1180 Уложения о наказании, произвольное установление повышенных цен на уголь», Южно-Русское общество ходатайствовало перед судом о признании договора недействительным.

С аналогичным иском в Петербургский коммерческий суд обратился и другой контрагент «Продугля» — Общество Государево-Байракских копей.

Дело слушалось Петербургским коммерческим судом 19 января 1913 г., который нашел в договорах «Продугля» с его контрагентами все признаки «воспрещенной 1180-й статьей Уложения о наказаниях сделки» и признал Южно-Русское общество и Общество Государево-Байракских копей свободными от исполнения договоров.

Так как коммерческий суд, несмотря на свое заключение о наличии в договорах «Продугля» признаков сделки, которая каралась уголовным законодательством, не передал дела в прокуратуру для дальнейшего выяснения (коммерческий суд не имел права разбирать уголовные дела), то, может быть, в судебные органы дело и не попало бы. Но в декабре 1913 г. само общество «Продуголь» через своего поверенного подало апелляцию об отмене решений Петербургского коммерческого суда от 19 января 1913 г. В одинаковых по содержанию апелляционных жалобах по делу Южно-Русского общества и по делу Общества Государево-Байракских копей поверенный «Продугля» возражал против квалификации договоров «Продугля» с контрагентами как договоров, направленных к устранению конкуренции, овладению рынком и произвольному установлению цен на топливо. «Ни о чем подобном в договоре условий или соглашений нет, — писал поверенный, — а равно ни о захвате рынка, ни об устранении конкуренции, ни об установлении цен нигде в договоре не говорится»⁸³. Приводя цифры о доле участия «Продугля» в сбыте топлива по Донбассу (40—60%), поверенный писал, что при таких условиях «Продуголь» не мог стать хозяином рынка, не мог устранить конкуренцию и установить цены по своему усмотрению.

Поверенный оспаривал, как лишенные законного основания (по фактическим и юридическим соображениям), выводы коммерческого суда об отсутствии природы комиссионных отношений в договорах «Продугля» с контрагентами, а также вывод об ограничении контрагентов в производстве топлива. По его словам, договоры не ограничивали контрагентов в производстве, а только «определяли процентную долю» участия их в общих продажах «Продугля» на каждый год, «в зависимости от емкости рынка и производительности копей»⁸⁴.

Указывая, что единственной целью договоров «Продугля» было «купить, продать и взять на комиссию топливо»⁸⁵, поверенный старался доказать неправильность и бездоказательность вывода коммерческого суда о том, что под видом комиссионных договоров «Продуголь» заключал договоры, преследовавшие «преступные цели», предусмотримые ст. 1180 Уложения о наказаниях.

«Обвиняя своего контрагента (в данном случае речь идет о «Продугле». — Т. К.), — говорилось в апелляции, — в соучастии с ним в преступлении, предусмотренном 1180-й ст. Уложения, истец и коммерческий суд упускают из вида, что эта статья говорит о «стачке торговцев или промышленников. Объясняя далее содержание ст. 1180, поверенный «Продугля» доказывал, что эта статья предусматривала наказание за сговор лишь

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 1352, оп. 63, д. 92, л. 3.

⁸⁴ Там же, лл. 5—6.

⁸⁵ Там же, л. 7.

промышленников и торговцев, «от себя» продающих товар, а отнюдь не комиссионеров или посредников, продающих не свое, а чужое и потому якобы не извлекающих из таких соглашений никаких выгод для себя. Именно таким «бескорыстным» комиссионером старался представить поверенный общество «Продуголь».

С оттенком иронии поверенный писал, что коммерческий суд, инкриминируя «Продуглю» и его контрагентам ст. 1180, даже не установил, что они делали — «непомерно понижали» или «непомерно повышали» цену на топливо⁸⁶. В заключение поверенный просил отменить решение Петербургского коммерческого суда и отказать в иске Южно-Русскому обществу и обществу Государево-Байракских копей.

Апелляция «Продугля» была передана на рассмотрение Сената, где слушание дела было назначено на 24 февраля 1914 г.

Таким образом, предистория дела «Продугля» показывает, что возникло оно отнюдь не по инициативе правительственных органов, а в результате внутренних разногласий в самом обществе. Министр финансов Барк в беседе с представителями коммерческих банков 29 апреля 1914 г. не без основания заявил, что судебное преследование против «Продугля» было вызвано «самими участниками синдиката»⁸⁷.

Источником же внутренних разногласий внутри «Продугля» была продолжавшаяся в рамках синдиката конкурентная борьба, недовольство некоторых групп предприятий политикой «Продугля». Добившись к 1909—1911 гг. наибольших успехов в монополизации топливного рынка (в 1909—1910 гг. на долю «Продугля» приходилось 64,3% добычи угля в Донбассе), руководящие круги синдиката стремились сохранить выгодное для себя положение на рынке путем искусственной задержки роста производства входивших в синдикат предприятий. Однако, хотя сокращение производства по условиям контрагентских договоров «Продугля» компенсировалось определенным вознаграждением, для некоторых групп участников «Продугля» представлялось более выгодным в условиях повышенного спроса на топливо, вызванного промышленным подъемом, освободиться от принудительной опеки синдиката. Это прежде всего относится к участвовавшим в «Продугле» предприятиям, одновременно являвшимся участниками «Продаметы» — Русско-Бельгийскому обществу и Южно-Русскому Днепровскому обществу.

Еще в конце 1909 г. подняло вопрос о прекращении до срока действия контрагентского договора Русско-Бельгийское общество, и «Продуголь», идя навстречу желанию общества о сохранении «добрых отношений», согласился на прекращение договора⁸⁸. Что же касается Южно-Русского Днепровского общества и Общества Государево-Байракских копей, то путем договоренности этот вопрос с ними не был решен. Контрагенты подали в коммерческий суд, суд признал действия «Продугля» уголовно наказуемыми, «Продуголь» подал апелляцию и в конце концов, как правильно отмечают М. Я. Гефтер и Д. Н. Шполянский, делом вынуждены были заняться правительственные органы. Об этой вынужденности свидетельствует тот факт, что в течение почти целого года (от решения суда 19 января 1913 г. до декабря, т. е. до подачи апелляции самим «Продуглем») решением коммерческого суда фактически никто не интересовался. Уже после решения суда, признавшего ответственность «Продугля» за сокращение производства топлива, происходило междуве-

⁸⁶ Там же, д. 93, л. 9.

⁸⁷ «Биржевой день», № 125, от 30 апреля 1914 г.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 1352, оп. 63, д. 93, л. 41.

домственное совещание, которое занималось выяснением вопросов о причинах топливного «голода» в стране, но материалы суда здесь не были использованы, и «Продуголь» в качестве главного виновника топливного «голода» так и не был назван.

Только в декабре 1913 г. делом «Продугля» занялись органы Министерства юстиции. 3 декабря 1913 г. рапорт министру юстиции о решении коммерческого суда по делу «Продугля» был направлен прокурором Петербургской судебной палаты Корсаком⁸⁹. 16 декабря министр юстиции Щегловитов, переправив рапорт министру торговли и промышленности, попросил его дать заключение⁹⁰.

Почему же правительство, несмотря на явное стремление не вмешиваться в дела монополий, все-таки занялось делом «Продугля» и проявило даже известную активность, выразившуюся в обсуждении деятельности «Продугля» (а заодно и «Продаметы») на специальном заседании Совета министров 23 января 1914 г., в создании комиссии по расследованию деятельности «Продугля» и «Продаметы», — активность, которая послужила основанием для магнатов буржуазии обвинять правительство в преследовании монополистических объединений?

Во-первых, потому, что результаты хозяйничания монополий в ведущих отраслях промышленности стали проявляться с такой силой, а фактов, характеризующих произвол монополий, накопилось так много, что в официальных правительственных кругах стали открыто говорить об ответственности монополий за ненормальное положение с обеспечением страны топливом, металлом, стройматериалами, за срывы в выполнении казенных заказов, за дороговизну, т. е. за все те ненормальные явления в экономической жизни страны, виновниками которых действительно были монополии.

Во-вторых, факты, разоблачавшие преступную деятельность монополий, приобрели настолько широкую гласность через печать и через Думу, что с ними нельзя было не считаться.

В-третьих, правительству приходилось учитывать «антисиндикатские» настроения помещичьего класса.

В-четвертых, к принятию каких-то, пусть даже видимых, мер против объединения монополистической буржуазии правительство вынуждала внутренняя напряженная обстановка, постепенно нараставшее рабочее движение.

Наконец, со стороны правительства был и известный расчет немного припугнуть монополистов возможностью репрессий. Надо сказать, что расчет этот был небезосновательным: хотя наемные юристы монополий всегда усиленно доказывали, что карательные нормы русского законодательства неприменимы к существующим в России предпринимательским объединениям, возможности привлечения к судебной ответственности, особенно по ст. 1180 Уложения о наказаниях, монополисты побаивались.

Для иллюстрации можно привести следующий факт. В январе 1913 г., т. е. во время разбора дела «Продугля» в коммерческом суде, возник конфликт между «Продаметой» и одним из его контрагентов — Брянским обществом по вопросу об увеличении основного капитала «Продаметы». Представители Брянского общества возражали против увеличения «Продаметой» своего основного капитала. Так как на общем собрании акционеров «Продаметы» вопрос об увеличении капитала был решен большинством в положительном смысле, то Брянское общество подало особое мнение, в котором доказывало, что «Продамета» не нуждается в увеличе-

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 835, лл. 3—5.

⁹⁰ Там же, л. 2.

нии капитала, и предостерегало от «чрезмерного рекламирования» деятельности общества, особенно в связи с делом «Продугля». Напоминая о том, что коммерческий суд должен был решить вопрос о признании действительными договоров «Продугля» с контрагентами, представитель Брянского общества в особом мнении писал: «Основанием к расторжению договоров приводится то обстоятельство, что оно является ничем иным, как синдикатом...». По мнению автора, решение суда имело самое непосредственное отношение и к «Продамете». «Если процесс с обществом Продуголь, — писал он, — будет окончательно решен против него, то этим решается и судьба «Продаметы», как ни в чем существенном не отличающейся от Продугля»⁹¹.

Судя по приведенному документу, перспективой привлечения к судебной ответственности не прочь были припугнуть синдикаты даже их собственные (правда, строптивые) контрагенты.

Не случайно дело о привлечении «Продугля» к судебной ответственности вызвало в кругах монополистической буржуазии бурную реакцию. Не случайно намерения правительства только расследовать деятельность монополий буржуазная печать изображала как «дамоклов меч» над промышленностью.

Подробно излагать ход расследования деятельности «Продугля» мы не будем, поскольку основные факты уже известны из имеющейся литературы. Но на некоторых обстоятельствах дела, ярко раскрывающих содержание судебной политики царизма и убедительно показывающих, что царское правительство карательных мер по отношению к «Продуглю» применять не собиралось, следует все же остановиться. О том, что правительство действительно не собиралось преследовать «Продуголь», свидетельствует и рассмотрение дела «Продугля» и «Продаметы» в Совете министров 23 января 1914 г., и ход судебного следствия, начатого в апреле 1914 г., и деятельность специальной комиссии, созданной для расследования деятельности «Продугля».

Комиссия была создана из представителей министерств военного, морского и путей сообщения и начала свою деятельность в конце февраля 1914 г.; однако с самого начала деятельность этой комиссии была обречена на провал.

Дело в том, что на первом же заседании 21 февраля 1914 г. обнаружили такие подробности в деятельности «Продугля», которые отнюдь не поощряли к ее более полному и объективному расследованию. В начале заседания, когда участники комиссии высказывались по вопросу о том, какое влияние оказывал «Продуголь» на интересы представленных в комиссии ведомств, представители Министерства путей сообщения заявили, что влияние «Продугля» ощущалось ведомством в двояком направлении: в том, что синдикат оказывал влияние на цены и качество угля, и в том, что «названная синдикатская организация пыталась влиять на членов ведомств при получении и сдаче казенных заказов»⁹². Сделав такое заявление, представители министерства поторопились оговориться, что высказываться по данному вопросу они не будут, так как этот вопрос не подлежит рассмотрению данной комиссии, в чем встретили единодушную поддержку остальных участников.

При определении программы дальнейших работ комиссии было признано целесообразным не включать в ее программу вопрос о «влиянии «Продугля» на личный состав отдельных ведомств при получении зака-

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 25, д. 321, л. 117.

⁹² ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 804, л. 1.

зов» ввиду якобы затруднительности в получении необходимых доказательств⁹³. Не случайно поэтому, что при обсуждении вопроса о том, какие документальные материалы должны быть привлечены комиссией в процессе работы, было решено ограничиться привлечением материалов комиссии Миллера⁹⁴, материалов Петербургского коммерческого суда и торговых книг «Продугля», «если со стороны названного общества последует согласие (!) на представление таких книг на обозрение»⁹⁵. Не случайно ничего не было сказано о привлечении материалов сенаторских ревизий, например ревизии сенатора Гарина или сенатора Медема, из которых можно было бы получить гораздо более точное представление о деятельности «Продугля» и других угольных монополий.

Очевидно, что представители ведомств, участвовавших в работах комиссии, боялись невыгодных для них разоблачений и это наложило отпечаток на всю деятельность комиссии по расследованию деятельности «Продугля».

Особой торопливости в разборе порученного дела комиссия не проявляла и фактически ничего нового к освещению деятельности «Продугля» не прибавила. Более того, вопреки очевидным фактам и заявлениям, сделанным на совещаниях представителями ведомств, комиссия с самого начала обнаружила стремление смягчить выводы относительно того отрицательного влияния, которое оказывал «Продуголь» на нормальное развитие угольной промышленности.

Например, при обсуждении вопроса о влиянии «Продугля» на цены на топливо представители всех трех представленных в комиссии ведомств отмечали прямую связь между резким повышением цен на уголь и деятельностью «Продугля». Однако заявление представителя Министерства путей сообщения о том, что «Продуголь» влиял на цены и качество угля, вызвало немедленную реплику председателя комиссии Хованского, что «хотя и нельзя отрицать намеренного поднятия цен «Продуглем», но и нельзя это поднятие приписывать только ему»⁹⁶.

Что касается отношения правительства к деятельности комиссии, то с его стороны обнаружилось определенное стремление прекратить эту деятельность задолго до того, как она приступила к выполнению поставленных перед ней задач. Так, министр торговли и промышленности Тимашев явно намеревался воспользоваться произведенными 1 апреля 1914 г. обысками в помещениях «Продугля» для того, чтобы прекратить деятельность комиссии. В секретном письме министру юстиции от 19 апреля 1914 г. он запрашивал, целесообразно ли теперь продолжать работу особой комиссии⁹⁷. Только потому, что министр юстиции признал более целесообразным, чтобы работа комиссии продолжалась, она просуществовала еще некоторое время: в мае состоялось два заседания, на которых была выработана программа обследования деятельности «Продугля». Доклады было поручено представить к 15 августа. Однако в связи с войной работы комиссии по расследованию деятельности «Продугля» прекратились и эти доклады так и не были заслушаны.

Так в действительности выглядела одна из немногих попыток царского

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 804, л. 1.

⁹⁴ Эта комиссия вырабатывала законопроект о синдикатах. Чтобы представить характер ее материалов, достаточно указать, что все данные о деятельности монополий представлялись в комиссию самими монополиями после предварительного обсуждения на заседаниях советов и правлений.

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 74, д. 804, л. 1.

⁹⁶ Там же, л. 2.

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 532, д. 755, л. 45.

правительства предпринять практические меры для того, чтобы оказать какое-то влияние на политику монополий. Эта попытка не могла быть успешной, как любая попытка объективного расследования деятельности монополий в капиталистическом государстве. Интересы монополий и правительственных органов в капиталистических государствах настолько переплетены, связи между монополиями и государственным аппаратом настолько тесны, что результаты любого объективного расследования дали бы огромный обвинительный материал не только против монополий, но и против государственного аппарата.

Другой практической мерой, которая была предпринята правительством и которая, казалось бы, свидетельствовала о действительных его намерениях довести дело «Продугля» до конца, было начатое органами юстиции судебное следствие по делу «Продугля»; в этой связи были произведены обыски в помещениях синдиката в Харькове и Петербурге 1—4 апреля 1914 г. Последняя мера взволновала монополистические круги больше всего. Надо отметить, что эта мера вызвала особенное возмущение буржуазии не потому, что обыски явились для нее полной неожиданностью. «Новое время» — влиятельная газета черносотенно-помещичьего лагеря — в статье «Явился ли обыск в «Продугле» неожиданностью?» отрицательно отвечала на поставленный вопрос. По мнению газеты, весьма трудно было говорить о том, что «обыск... в правлении «Продугля» и его отделения в Харькове были бы полной неожиданностью». Ссылаясь на бельгийскую биржевую печать, газета писала, что «заинтересованные в судьбе «Продугля» биржевые дельцы еще долго до... обыска испытывали тревогу». Отмечая, что возможность «неожиданных случайностей для «Продугля» учитывалась давно», газета выражала уверенность в том, что «Продуглем» предпринимались «предупредительные меры»⁹⁸.

Но если обыски не были неожиданностью для монополистов, то почему же тогда монополистические круги так бурно реагировали на эти действия правительства, квалифицируя их как «разгром» «Продугля» и как «проявление агрессивной политики против синдикатов»?

Эта реакция объясняется тем, что в действиях правительства монополисты видели попытку проведения им ограничительной по отношению к монополиям политики. Монополии, стремящиеся к господству и в экономике и в политике, не могут мириться ни с какими ограничениями со стороны правительственной власти. Контроль и ограничения со стороны правительства по отношению к монополиям противоречат самой природе взаимоотношений между монополиями и государством, — взаимоотношений, в основе которых лежит подчинение государственного аппарата монополиям.

Русская монополистическая буржуазия, за спиной которой стояли иностранные финансово-монополистические круги, расценивала мероприятия правительства по отношению к «Продуглю» не как частное явление, касающееся только данного синдиката, а как проявление общей политики правительства по отношению к монополиям. Вот почему монополистическими кругами были пущены в ход все средства для того, чтобы заставить правительство отказаться от применения судебных санкций по отношению к «Продуглю».

19 апреля 1914 г. к министру торговли и промышленности обратилась делегация «Продугля», выразившая настойчивое «пожелание», чтобы правлению синдиката были возвращены отобранные при обыске докумен-

⁹⁸ «Новое время», 13676, от 10 апреля 1914 г.

ты и чтобы начатое против «Продугля» судебное преследование было как можно скорее прекращено. 29 апреля представители коммерческих банков на совещании у министра финансов Барка заявили о том отрицательном влиянии проводимых правительством по отношению к промышленности ограничений, которое они оказали на развитие промышленности.

Активную деятельность развернул очередной VIII съезд представителей промышленности и торговли. Собравшиеся на съезде монополисты направили председателю Совета министров телеграмму протеста и специальную записку, в которой подчеркивали, что возбужденное правительством судебное следствие по делу «Продугля» вызвало тревогу в солидных промышленных и торговых кругах. Магнаты промышленности недвусмысленно намекали, что дальнейшее преследование «Продугля» может повлечь нежелательные последствия: нарушение нормальной деятельности промышленности, отлив капиталов, ухудшение положения денежного рынка.

Главным козырем в руках буржуазии была угроза отлива иностранных капиталов. «Что грозит разгром «Продугля»? — под таким заголовком появилась статья в газете «Биржевой день». Отвечая на поставленный вопрос, газета писала: «Правительственная политика по отношению предпринимательских союзов неизбежно отразится на притоке в России иностранного капитала». Газета также подчеркивала, что политика правительства отрицательно скажется и на состоянии русских биржевых ценностей, ухудшив и без того «не блестящую конъюнктуру русских промышленных ценностей на зарубежных биржах»⁹⁹.

В этой связи надо отметить, что монополистические круги не ограничивались одними только угрозами относительно ухудшения биржевой конъюнктуры. На русской и на французской бирже они действительно провели понижение курса русских биржевых ценностей. По сообщению газеты «Новое время» в ее корреспонденции о совещании представителей русских коммерческих банков у министра финансов, на русской бирже курс ценностей за две недели понизился на 20%¹⁰⁰.

Французские газеты «Figaro», «Le Matin», «L'Information» отмечали в последней декаде апреля значительные колебания русских металлургических и каменноугольных ценностей на парижской бирже. Газета «Figaro» отмечала в своем биржевом бюллетене 21 апреля: «Падение чувствительности на фондах иностранных государств, особенно на некоторых русских сериях»¹⁰¹.

Орган крупных промышленников и финансистов «L'Information» в своих еженедельных обзорах при характеристике состояния русских ценностей в апреле и мае неизменно подчеркивал, что колебания их в конце апреля были непосредственно связаны с делом «Продугля». В номере от 3 мая газета отмечала, что русские ценности находятся все еще «в подавленном состоянии» под влиянием известий об обыске, который был произведен в помещении «Продугля»¹⁰².

Наконец, русско-французскими монополистическими кругами был осуществлен прямой нажим на царское правительство. 29 апреля 1914 г. к председателю Совета министров Горемыкину явились два представителя компании «Кривой Рог», французские граждане Грюнер и Соломон, ко-

⁹⁹ «Биржевой день», от 11 апреля 1914 г.

¹⁰⁰ «Новое время», № 13702, от 6 мая 1914 г.

¹⁰¹ «Figaro», от 21 апреля 1914 г.

¹⁰² «L'Information», от 3 мая 1914 г.

торые представили ему записку о деятельности «Продугля». Заинтересованность этих французских подданных в деле «Продугля» станет понятной, если учесть, что они принадлежали к руководящим деятелям синдиката. В частности, Грюнер входил в Совет «Продугля» и являлся председателем «Парижского комитета», через который осуществлялось все фактическое руководство деятельностью синдиката.

Содержание записки, которую Грюнер и Соломон представили Горемыкину, неизвестно, но некоторое представление о нем дают сохранившиеся в архиве Министерства юстиции таблицы с пояснительными замечаниями, которые были представлены Горемыкину одновременно с запиской. Таблицы, представляющие собой грубую фальсификацию даже самых известных цифровых данных, характеризующих деятельность «Продугля»¹⁰³, очевидно, были предназначены для иллюстрации основных выводов записки о том, что общество «Продуголь» никогда не господствовало на рынке», «никогда не стремилось к ограничению производства», «не увеличивало цен на топливо» и т. д.¹⁰⁴ Таблицы эти, как, очевидно, и сама записка, должны были служить реабилитации «Продугля» в глазах царского правительства.

Почти одновременно — на другой день, 30 апреля 1914 г. — русского посла в Париже посетил другой член Совета «Продугля» видный французский политический деятель, впоследствии президент Французской республики Поль Думер, и вручил ему записку, которая была затем переправлена министру финансов Барку. В записке Думер высказывался против «опасных мер» русского правительства, которые оно предприняло по отношению к «Продуглю», отмечая при этом большое недовольство ими со стороны французских финансовых кругов и намекая на возможность ограничений в предоставлении России капиталов¹⁰⁵.

Уже после начала войны последовал новый нажим со стороны французского правительства. Французский посол в России Палеолог обратился в Министерство иностранных дел «с представительством в пользу общества Продуголь», выразив надежду, что дело будет прекращено. Есть основание предполагать, что одним выражением надежд дело не ограничилось, так как товарищ министра иностранных дел Нератов, сообщая о ходатайстве Палеолога, запрашивал министра юстиции, «не представлялось ли возможным пойти навстречу пожеланиям г. Палеолога»¹⁰⁶.

Мы видим, что в целях прекращения судебного расследования деятельности «Продугля» и предотвращения разбирательства этого дела в суде монополистические круги русской буржуазии в союзе и при поддержке французских финансово-монополистических кругов мобилизовали все средства экономического, идеологического и даже дипломатического воздействия на царское правительство. И царское правительство поспешило прекратить производство судебного следствия по делу «Продугля» «за недостаточностью собранных ули»¹⁰⁷.

¹⁰³ Например, цена «Продугля» на уголь в 1912 г. в таблицах указана в 8,34 коп. за пуд. Между тем, по данным Министерства путей сообщения, она равнялась в среднем 9,75 коп., доходя до 11—12 коп. Дивиденд угольных предприятий «Продугля» в 1911 г. указан в 0,99% (!).

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 532, д. 755, лл. 10, 12.

¹⁰⁵ Текст записки был обнаружен В. И. Бовыкиным в Архиве внешней политики России и приводится в его диссертации о русско-французских отношениях накануне первой мировой войны.

¹⁰⁶ «Красный архив», 1926, т. 5(18), стр. 146.

¹⁰⁷ Там же, стр. 148.

Таким образом, судебная практика царизма ярко характеризует взаимоотношения между царским правительством и монополиями. Итоги сенаторских ревизий, дела «Российского общества спичечной торговли», соляного синдиката и «Продугля» показывают, что царское правительство, связанное с монополиями, не могло проводить карательную политику по отношению к ним. Царский суд, являвшийся составной частью государственного аппарата царизма, последовательно служил защите интересов монополистической буржуазии.

Г. И. ИО Н О В А

**ВОСКРЕСНЫЕ ШКОЛЫ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ
(1859—1861)**

Революционно-демократическое движение конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. находится в центре внимания советской исторической науки. Интерес исследователей истории общественного движения привлекает изучение как идейного наследства революционных демократов, так и их практической революционной работы. В этой области за последние годы достигнуты большие успехи. Значительно углубляют наши представления о революционном движении рассматриваемого периода статьи М. В. Нечкиной, которые раскрывают последовательность борьбы Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева за создание революционной организации и подготовку к назревавшей в России революции и вводят в научный оборот новые ценные материалы¹. Огромное значение для дальнейшей исследовательской работы имеет публикация этих новых материалов в 61-м и 62-м томах «Литературного наследства». Изучению роли Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии в России посвящена статья Р. А. Таубина². А. З. Барабой исследовал деятельность революционного общества, возникшего в Харькове в 1856 г.³

Однако, несмотря на достигнутые успехи в изучении практической революционной работы указанного периода, есть еще ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании. Один из них — вопрос о революционной агитации среди народа, являвшейся важной областью практической деятельности революционных демократов изучаемой поры. В. И. Ленин писал, что революционную агитацию, развернутую в 1850-х годах А. И. Герценом, «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»⁴. В. И. Ленин прямо указывает здесь, что расширение революционной агитации и начало сближения с народом было положено еще Н. Г. Чернышев-

¹ Н. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 2; е е ж е. Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен в годы революционной ситуации (1859—1861).— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1954, т. XIII, вып. 1.

² Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии», в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века.— «Исторические записки», т. 39.

³ А. З. Барабой. Харьковско-киевское революционное тайное общество 1856—1860 гг.— «Исторические записки», т. 52.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

ским. Поэтому и начинать изучение революционной агитации среди народа необходимо с этого периода.

Революционные демократы считали народ главной движущей силой в развитии общества и единственный путь изменения существующего строя видели в народной революции, поэтому пробуждению революционной активности народа они придавали первостепенное значение. Революционерами конца 50-х — начала 60-х годов были предприняты практические шаги в решении этой задачи. Была сделана попытка организовать агитацию в армии среди солдат, Розенталь пытался агитировать среди крестьян, но наиболее широкие размеры приобрела агитация среди народа через воскресные школы. Между тем в исторической литературе вопрос о революционной агитации в воскресных школах до сих пор мало исследован. В наиболее обширной работе дореволюционного периода — статье Я. Абрамова⁵, построенной на воспоминаниях современников, содержится значительный материал, объективно указывающий на связь революционно-демократических кругов с организацией воскресных школ, но автор не раскрыл эту связь. В меньшевистской историографии были указания на проведение революционной пропаганды среди рабочих еще в 50-х годах XIX в.⁶ Однако в связи с общей концепцией меньшевиков, видевших основной стимул развития русского рабочего и революционного движения в революционизирующем влиянии Запада, меньшевистская историография обходила вопрос о значении собственного русского опыта революционной борьбы. Указания на проведение революционной агитации в воскресных школах имеются в общей работе Б. Глинского⁷; интересные материалы об этой агитации опубликованы М. Лемке⁸. Важные указания на значение, которое придавали работе воскресных школ революционные демократы, дает демократическая печать того времени⁹.

Советской исторической наукой проделана большая работа по изучению русского революционного движения периода первой революционной ситуации 1859—1861 гг., но вопрос о революционной агитации в воскресных школах до сих пор не подвергался специальному исследованию, хотя в советской исторической литературе можно найти много ценных указаний на некоторые факты этой агитации. Такой фактический материал имеется в «Историко-революционном сборнике»¹⁰, а также в работе Б. П. Козьмина «Рабочее движение в России в XIX в.»¹¹. Б. П. Козьмин упоминает о том, что в 1862 г. студенты Медико-хирургической академии Хохряков, Беневоленский и Крапивин читали и передавали фабричным рабочим в воскресных школах прокламации, разъясняя их в революционном духе. Также кратко упоминает Б. П. Козьмин об агитации поручика Ушакова среди рабочих Петербурга. Но Б. П. Козьмин не указывает при этом на связь общей деятельности воскресных школ с идеями и деятельностью революционных демократов, а изучение революционной агитации разночинского

⁵ Я. Абрамов. Первые воскресные школы — «Русская школа», 1898, № 9, 10, 11.

⁶ А. Ельницкий. Первые шаги рабочего движения в России, СПб., б. г., стр. 11.

⁷ Б. Глинский. Революционный период русской истории (1861—1881), ч. 1. СПб., 1913.

⁸ М. Лемке. Дело воскресников. — «Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 399 и др.; А. И. Герцен. Пол. собр. соч. и писем под ред. Лемке (примечания).

⁹ «Современник», 1861, № 9; 1862 г. № 4; «Колокол», 1860, № 77—78.

¹⁰ «Историко-революционный сборник», т. III, ГИЗ, 1926.

¹¹ Б. П. Козьмин. Рабочее движение в России в XIX в., изд. «Пролетарий», 1926, стр. 43.

периода начинается с 70-х годов, хотя, как уже указывалось, начало этой агитации положил еще Н. Г. Чернышевский.

В 1950 г. ряд документов об агитации в воскресных школах был опубликован в сборнике «Рабочее движение в XIX в.» под редакцией А. М. Панкратовой. Эта публикация представляет большую ценность для дальнейшего изучения начального периода революционно-демократической агитации среди народа¹².

В последние годы появились диссертации, в которых рассматривается деятельность воскресных школ в 1860-х годах в отдельных губерниях России¹³, однако о революционизирующей роли воскресных школ в них лишь упоминается.

Между тем богатый документальный материал архивов, главным образом фонда III отделения, а также обширные данные, имеющиеся в опубликованных источниках, свидетельствуют о том, что в период революционной ситуации 1859—1861 гг. воскресные школы сыграли существенную роль в демократическом подъеме и стали ареной ожесточенной борьбы, которая была одним из проявлений общего обострения классовой борьбы в условиях революционной ситуации.

Революционные демократы рассматривали просвещение масс как лучшее средство их революционного воспитания. Разоблачая фальшь либерального умиления перед «просвещением» господствующих классов как средством «прогресса»¹⁴, Н. А. Добролюбов подчеркивал, что просвещение народа является необходимым условием, чтобы «открыть народу глаза»¹⁵. Таким образом, просвещение народа являлось для революционных демократов революционным делом, частью их общей революционной программы. Это необходимо иметь в виду при изучении деятельности воскресных школ и самой их организации. Совершенно очевидно, что сближение с народом через школы неизбежно должно было привлечь внимание революционных демократов.

Борьба, развернувшаяся вокруг вопроса о народном образовании и школах для народа в период революционной ситуации 1859—1861 гг., была одним из проявлений классовой борьбы¹⁶, остроту которой ярко отразил В. А. Слепцов в своей повести «Трудное время». Он показал, что образование народа в крепостнической России находилось в руках верных слуг самодержавия — попа, охранителя самодержавной власти, деревенского писаря, который обирал крестьян, учителя, который выделялся своим холопством и раболепием перед властями. Устами своего героя В. А. Слепцов говорит, что обезопасить школы от «вредных влияний» значит для господствующего класса обезопасить свою шкуру. Поэтому власти со злобной ненавистью встречали попытку создания новой, передовой школы¹⁷. Темнота, невежество масс были тогда, так же как и сейчас в странах капитализма, важнейшим условием сохранения власти эксплуатато-

¹² «Рабочее движение в России в XIX в.», т. II, ч. 1. Госполитиздат, 1950.

¹³ А. Г. Кравченко. Роль Киевского университета в развитии просвещения в Киевском учебном округе (Киевская, Волынская, Подольская, Черниговская, Полтавская губернии) в 60-годах XIX века, Киев, 1954 (рукопись); К. П. Цевровский. Народное образование в Ярославской губернии в пореформенный период до политической реакции 80-х годов XIX века, Ярославль, 1954 (рукопись).

¹⁴ Н. А. Добролюбов. От Москвы до Лейпцига.— Соч., т. IV, М., 1937, стр. 394.

¹⁵ Н. А. Добролюбов. Розенталь (из студенческой газеты «Слухи»).— Соч., т. IV, стр. 434.

¹⁶ Это отмечено К. И. Чуковским (В. А. Слепцов. Трудное время. М., 1955., предисловие, стр. 13—14).

¹⁷ Там же, стр. 108, 114.

ров. Ярким документом эпохи, характеризующим ожесточенность классово-вой борьбы, связанной с вопросом об образовании народа, является статья Н. Г. Чернышевского «Научились ли?»¹⁸.

Идея сближения с народом и революционного пробуждения масс возникла в конце 1850-х годов не только у вождей революционной демократии, но одновременно в среде самой революционной молодежи. Будучи свойственна разночинскому периоду революционного движения в целом, мысль эта зародилась, повидимому, во многих местах. Первая попытка реального осуществления этих замыслов была сделана харьковским студенческим тайным обществом, возникшим в 1856 г. Некоторые материалы о деятельности этого общества опубликовал еще М. Лемке¹⁹, изучению этой организации посвятил специальное исследование Б. П. Козьмин²⁰, деятельность одного из членов этого общества — П. В. Завадского — освещает Л. Ф. Филимонова²¹ в статье о В. М. Гаршине, детально исследовал деятельность этого общества в упомянутой выше статье А. З. Барабой. Главными организаторами общества были студенты П. В. Завадский, М. Д. Муравский, Я. Н. Бекман, П. С. Ефименко, В. В. Ивков. Привлекались по этому делу также Левченко, В. Португалов, Л. Зеленский, В. Раевский и др. Общество, как свидетельствуют полицейские данные, ставило своей целью изменение образа правления в России путем распространения «либеральных понятий между простым народом и раскольниками»²². По данным III отделения, это общество еще не решило, каким путем удобнее проводить пропаганду среди народа, но уже считало, что под видом распространения грамотности можно подготовить народ к участию в осуществлении тайных целей общества. Для этого один из главных его членов, студент Завадский, написал «Заметки» в виде сказки о неудобствах, которые несет народу монархический образ правления, и «Поучение» простому народу, в котором ему рекомендовалось знать, «какие порядки были у нас в старину, что в них хорошего, что нужно переменить и как бы это сделать»²³. Кроме того, признавалось полезным пользоваться для пропаганды евангелием, так как члены общества считали, что по духу своему оно противоречит самодержавию.

В следственном деле о харьковском обществе есть копия статьи Петра Завадского, написанной для «Колокола» и рассказывающей о деятельности и задачах общества²⁴. Общество ставило своей целью произвести переворот в России. Выдвигая как первую задачу освобождение крестьян, члены общества строили широкие планы будущего устройства России. Средством переворота общество считало всеобщее народное восстание, поэтому неверно мнение А. З. Барабои о том, что члены общества считали главной силой в революционном перевороте студенчество²⁵. Организацию всеобщего восстания члены общества считали легкой задачей, осуществимой в ближайшее время. Для этого считалось достаточным отпечатать несколько тысяч экземпляров обширной прокламации и распространить ее через сеть агентов, — тогда в одно прекрасное утро Россия

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 168—180.

¹⁹ М. Лемке. Молодость отца Митрофана. — «Очерки...», стр. 277—331.

²⁰ Б. П. Козьмин. Харьковские заговорщики 1857—1858 гг., Харьков, 1930.

²¹ Л. В. Филимонова. Истоки душевной трагедии В. М. Гаршина. — «Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 593 и др.

²² ЦГИАМ, ф. 109 (III отделения), 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 96 об. — 97.

²³ Там же.

²⁴ Там же, 1860 г., д. 26, ч. I («О тайном обществе, открытом в г. Харькове»).

²⁵ А. З. Барабой. Указ. соч., стр. 264.

узнает, что во всех концах ее поднялся жесточайший бунт. Один из членов общества даже написал такую прокламацию на украинском языке, но упустил из виду, что едва ли сотая часть его соотечественников умеет читать, а из читающих едва ли сотая часть в состоянии понять читаемое. Тогда-то члены общества и пришли к убеждению о необходимости прежде всего научить народ читать и образовывать его. Именно для этой цели члены общества впоследствии широко развернули организацию воскресных школ для народа.

После студенческих волнений в Харькове в 1858 г. некоторые из членов тайного общества были исключены из университета и переехали в Киев, где вместе со студентами Киевского университета образовали новый кружок, в котором впервые отчетливо определилась мысль об учреждении воскресных школ. Во главе этого предприятия стал профессор П. В. Павлов²⁶, который в последующие годы принял активное участие в организации воскресных школ. Важную роль в распространении воскресных школ в Киеве сыграл Н. И. Пирогов, который в качестве начальника Киевского учебного округа оказал студентам помощь и содействие в организации воскресных школ.

По агентурным сведениям III отделения, П. В. Павлов, возглавив организацию воскресных школ, осуществлял идею, предложенную ему А. И. Герценом²⁷. Уехав за границу в 1858 г., чтобы не возвращаться более в Россию, Павлов, посетив Англию, сблизился с Герценом, беседы с которым совершенно изменили его планы. Герцен советовал Павлову возвратиться в Россию, в которой все должно вскоре измениться и которую ожидает великая будущность. Герцен внушил Павлову мысль об открытии всюду воскресных школ, чем единственно можно достигнуть великой цели просвещения и перерождения России. Павлов возвратился в Киев и принялся за составление проекта организации воскресных школ²⁸.

Другие источники свидетельствуют о том, что в период пребывания Павлова в Лондоне, в 1858 г., он часто бывал в доме Герцена²⁹ и прочитал там даже ряд лекций. В это время у Герцена и Огарева, вероятно, уже складывались планы революционного преобразования России путем вооруженного восстания в армии, к которому должен был присоединиться народ³⁰. Несомненно, что подготовка народа через воскресные школы к восприятию революционных идей имела бы огромное значение для осуществления этого замысла. Позднее в своих планах создания тайного революционного общества в России А. И. Герцен и Н. П. Огарев отмечали П. В. Павлова как человека, который должен был возглавить тайную организацию в одном из намечавшихся в России 16 округов — в округе с центром в Нижнем Новгороде³¹.

Руководящую роль Герцена в организации воскресных школ в России подчеркивал и сам Павлов. Так, на прощальном вечере 14 декабря 1859 г. (в связи с отъездом Павлова из Киева в Петербург) в ответ на речь студента Левченко, благодарившего его от имени всех работавших в воскресных школах, Павлов провозгласил тост за того, кто стоит «во главе

²⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 97 об.; 1859 г., д. 230, л. 47.

²⁷ ЦГИАМ, ф. 109, секр. архив, оп. 1, 1860 г., д. 1705, лл. 29 об. — 30; 1862 г., д. 263, лл. 97 об. — 98.

²⁸ Там же, секр. архив, оп. 1, 1860 г., д. 1705, лл. 29 об. — 30.

²⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, стр. 175; т. X, стр. 183; Тучкова-Огарева. Воспоминания, Л., 1929, стр. 185.

³⁰ М. В. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 2, стр. 108.

³¹ Там же, стр. 115—116.

прогрессивного движения в России»³². Это указывает на наличие несомненной связи организации воскресных школ с решением задач, выдвигавшихся революционерами. Следственные документы в свою очередь указывают на эту связь; они свидетельствуют о том, что, начиная в Киеве организацию воскресных школ, Павлов ставил перед ними именно задачу подготовки народа к революции: «Ближайшая и сокровенная цель учреждавшихся в Киеве воскресных школ заключалась в том, чтобы путем обучения простого народа и непосредственного с ним сближения иметь в нем со временем поддержку и средство для осуществления задуманных целей. Это намерение ясно высказалось в переписке, принадлежавшей членам тайного общества»³³.

Возможно, что А. И. Герцен указал Павлову не только общую идею, но и имена студентов — П. В. Завадского и его товарищей, на которых можно было опереться в работе по организации воскресных школ. Это вполне возможно, поскольку Я. Бекман, П. Завадский, М. Муравский были корреспондентами А. И. Герцена и сообщали ему о замыслах и деятельности харьковского общества.

Уехав из Киева, Павлов на пути в Петербург, проезжая через Нежин, подал местным студентам мысль об организации воскресной школы в Нежине, сообщив им о работе киевских студентов. Воскресная школа в Нежине открылась в мае 1860 г.³⁴

В Петербурге воскресные школы начали возникать еще до приезда Павлова. В конце 1858 г. группа офицеров и молодежи открыла Таврическую школу, в апреле 1859 г. открылась женская школа Шпилевской³⁵. Ошибочно поэтому утверждение А. З. Барабоя о том, что открытые в Киеве 1 октября 1859 г. Подольская и Новостроенская воскресные школы были первыми в России³⁶.

После приезда Павлова в Петербург началась планомерная организация воскресных школ³⁷. Павлов создает «Общество распространения народной грамотности», которое ставило своей задачей подготовку народа к революционному преобразованию России. Оно рассчитывало, как сообщают агентурные донесения, что «поступающие отныне в воскресные школы будут подготовлены по программе Общества не более как через 13 лет к тем реформам, которые хотел ввести Петрашевский, и тогда уже никакая сила не будет в состоянии удержать общий во всей России порыв к перевороту»³⁸. Срок в 13 лет был, очевидно, приурочен к предполагавшемуся моменту окончания срочно-обязанного периода.

В течение 1860 г. в Петербурге было открыто 14 воскресных мужских школ и пять женских, причем число учеников в отдельных школах достигало 300—400 человек³⁹. В числе первых организаторов воскресных школ были С. Ольхин и А. Блюммер⁴⁰, которые впоследствии были арестованы по делу о воскресных школах и распространении революционных воззваний.

³² ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 97 и др.; А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. X, стр. 183 (примечание М. Лемке).

³³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 55 об., 98.

³⁴ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 11, стр. 40.

³⁵ Там же, 1898 г., № 10, стр. 19.

³⁶ А. З. Барабой. Указ. соч., стр. 245.

³⁷ В. В. Стасов. Воспоминания о моей сестре.—«Книжки недели», 1896, № 4, стр. 181.

³⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., д. 230, л. 58; секр. архив, оп. 1, 1860 г., д. 1705, лл. 9—14.

³⁹ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 10, стр. 23—26; «Русское слово», 1860, ноябрь, стр. 9—10; В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 166, 175.

⁴⁰ В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 181.

Начало планомерной организации воскресных школ вызвало сильнейшую тревогу царя и правительства. III отделение учредило «особенно строгое наблюдение за обучением в воскресных школах»⁴¹; были приняты и другие меры против них. В декабре 1860 г. петербургский полицеймейстер доносил царю, что один из близких знакомых Павлова высказал недавно крайнее сожаление, что «сокровенная цель его предприятия известна слишком многим и что она уже открыта правительством, которое стало зорко следить за ходом воскресных школ»⁴².

В Москве в конце 1859 г. у студентов Московского университета также возникла мысль об организации воскресных школ⁴³. За образец были взяты уже открывшиеся киевские школы. Во главе организации воскресных школ в Москве встал профессор Н. С. Тихонравов. Самое деятельное участие в их организации принимали студенты медицинского факультета, наиболее демократического по своему составу. Активным организатором воскресных школ был студент В. Н. Манасеин, арестованный впоследствии по делу о воскресных школах, причем при обыске у него были найдены письма революционного содержания от Митрофана Муравского, Португалова, Рымаренко и др., а также большое количество нелегальной литературы⁴⁴. К середине 1860 г. в Москве было открыто шесть воскресных школ. Преподавателей было уже 41, в том числе 27 студентов и три кандидата университета, а учащихся — 454 и приток их все увеличивался, так что к концу года было открыто еще две мужские школы и одна женская⁴⁵.

В провинции школы начали возникать уже в 1859 г. В сентябре этого года открылась школа в Екатеринославле, затем в Белой Церкви и Могилеве⁴⁶.

В течение 1860 г. по всей России насчитывалось уже 300 воскресных школ. К началу 1862 г., по наиболее полным данным, собранным Шириным-Шихматовым, число воскресных школ достигало 316⁴⁷, — больше, чем в 1900 г., когда в России функционировали 282 воскресные школы⁴⁸. Такое быстрое распространение воскресных школ, несомненно, было связано с нарастанием общедемократического подъема в стране, но кроме этих общих условий важную роль играла и планомерная работа демократической молодежи по их организации. Это предполагала и следственная комиссия, хотя и не могла юридически доказать наличие планомерной деятельности⁴⁹.

Сохранившиеся документальные материалы позволяют проследить настойчивое и последовательное проведение организации воскресных школ одной из революционных групп того времени. Об этом свидетельствуют опубликованные М. Лемке письма одного из активных революционеров — студента Митрофана Муравского. Сам М. Лемке, публикуя письма студентов, не видит у них никакой другой цели, кроме распространения образования⁵⁰, однако письма Муравского и его друзей с полной

⁴¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., д. 230, л. 52.

⁴² Там же, л. 52—52 об.

⁴³ «Русское слово», 1860, ноябрь, отд. «Смесь», стр. 9—12; сб. «Памяти Н. С. Тихонравова», М., 1894, стр. 22.

⁴⁴ М. Лемке. Очерки..., стр. 302.

⁴⁵ Сб. «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 32—33.

⁴⁶ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 9.

⁴⁷ Там же, № 11, стр. 41.

⁴⁸ J. Abramoff. Les écoles du dimanche en Russie. Paris, 1900, стр. 21.

⁴⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 33 об.—43.

⁵⁰ М. Лемке. Очерки..., стр. 283 и др.

убедительностью свидетельствуют о том, что они ставили своей целью подготовку и проведение революционных преобразований в России. Позднее, в 1862 г., Муравский заявил на допросе в III отделении, что он в последние три-четыре года пришел к убеждению, что единственным средством изменения существующего порядка в России является путь насильственной революции.

Митрофан Муравский был членом тайного общества, возникшего в Харьковском университете в 1856 г. После исключения большинства членов общества из Харьковского университета в связи со студенческими волнениями 1858 г. исключенные переехали в Киев и Москву, где продолжали свою работу, а после арестов 1860—1861 гг. члены общества, сосланные в разные города, еще более расширили свою деятельность и рассматривали свое общество как общероссийскую организацию. Поэтому вызывает возражение датировка деятельности общества, даваемая А. З. Барабоем (1856—1860 гг.). Сам автор показывает в своей статье, что общество продолжало существовать и разрастаться в 1861 г., а в 1862 г. некоторые его члены вступили в общество «Земля и Воля». Вероятно, это и есть конечная дата существования Харьковско-Киевского общества. Можно предположить, что вся эта организация в целом, за исключением тех лиц, которые отошли от революционного движения, присоединилась к обществу «Земля и Воля», так как членами «Земли и Воли» были создатели и руководители Харьковско-Киевского общества. Один из создателей харьковского общества, С. Рымаренко, был даже членом Петербургского комитета «Земли и Воли».

Митрофан Муравский после исключения из Харьковского университета переехал в Киев, где принял деятельное участие в организации воскресных школ. В феврале 1861 г. он был арестован в Киеве и в дальнейшем сослан в Бирск, откуда и были им написаны письма к друзьям по Харьковскому университету и тайному обществу — П. В. Завадскому, сосланному в Петрозаводск, и В. А. Манасеину, находившемуся в Казани, а ранее работавшему по организации воскресных школ в Москве. Письма Муравского полны главным образом сообщениями о работе воскресных школ. Он пишет об их организации и деятельности в Бирске, Казани (под руководством Щапова), Перми (организатор — Ефименко, член харьковского тайного общества, Курске (организатор — член харьковского тайного общества Левченко), Уфе, Вологде, Киеве, Харькове.

Чрезвычайно важным является свидетельство Муравского о том, что только школы, созданные студентами, привлекали огромное количество учеников, «другие же школы, заведенные не студентами, и вполне казенные, пусты»⁵¹. Муравский сообщает, что, когда школы закрывались властями, студенты продолжали занятия со своими учениками тайно у себя на дому.

Организацией воскресных школ занимались также артиллерийские офицеры. Артиллерийская академия и Михайловское артиллерийское училище в конце 50-х — начале 60-х годов были революционными очагами. Рассказ Шелгунова о студенческих волнениях в Петербурге⁵² свидетельствует о том, что слушатели Артиллерийской академии сочувствовали революционному студенчеству, так же как студенты Медико-хирургической академии, состав которых был особенно демократичен, а настроение — исключительно революционным.

В 1861 г. «Московские ведомости» сообщали, что «лучшая часть нашей

⁵¹ М. Лемке. Очерки..., стр. 294.

⁵² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 129.

армии — артиллерия, уже с прошлого года открыла преподавание грамоты»⁵³. С этой целью артиллерийские офицеры организовали в Петербурге общество, которое собирало «добровольные приношения», приобретало различные руководства и рассылало их в воинские части, при которых существовали или открывались воскресные и бесплатные школы. К сентябрю 1861 г. такого рода литература была разослана этим обществом в Кременчуг, Люцин, Петровск (Саратовской губ.), Кострому, Казань, в 16-ю артиллерийскую, 2-ю сводную резервную и 14-ю артиллерийскую бригады⁵⁴. В декабре 1861 г. воскресная школа открылась при сводной резервной гвардейской пешей батарее в Коломне⁵⁵. Вся эта деятельность была развернута артиллерийскими офицерами с целью, по выражению корреспондента «Московских ведомостей», «способствовать общему делу».

Занимался организацией воскресных школ и петербургский революционный центр. Приступая осенью 1861 г. к созданию партии «Земля и Воля» (по свидетельству А. Слепцова, партия эта начала складываться с конца октября 1861 г., а в 1862 г. получила свое название), петербургский революционный центр основную задачу организации видел в пропаганде. «Массам нужно было сказать такие слова,— пишет А. А. Слепцов,— которых они до того почти или вовсе не слыхали, и при том сказать их так, чтобы, не набивая голову мудреностью, проникнуть в сердце заколоченного Николаем и не отпертого Александром русского нутра»⁵⁶.

Как сообщает Слепцов, в начале и первой половине 1862 г. «Земля и Воля» широко развернула агитационную деятельность в войсках, на фабриках и в деревне⁵⁷. М. Н. Слепцова в своих воспоминаниях подтверждает это указание А. Слепцова на пропагандистскую деятельность «Земли и Воли». «Решено было применять различные способы воздействия на умы современников,— пишет М. Н. Слепцова.— Во-первых, путями совершенно легальными, практиковавшимися и до того времени, т. е. через легальную прессу. Но так как журнальная литература доступна только высшим слоям общества, то решено было расширить работу в сторону масс: издание популярных книг, организация читален с очень дешевой платой, устройство сети воскресных школ»⁵⁸. Агитационная работа по линии воскресных школ, отмечает М. Н. Слепцова, «явилась уже, так сказать, филиальным отделением общей работы общества «Земля и Воля»».

М. Н. Слепцова указывает на двух членов «первой пятерки» «Земли и Воли» — Николая Серно-Соловьевича и Александра Слепцова, как на непосредственных организаторов воскресных школ⁵⁹. А. А. Слепцов «отдал на воскресные школы, на читальни и обществу «Земля и Воля» весь свой капитал — около ста тысяч рублей»⁶⁰. Совместно А. А. Слепцов и Н. Серно-Соловьевич подготовили открытие первой воскресной школы в Гатчине, выработав программу и подобрав преподавателей.

Архивные документы из фонда III отделения указывают еще на одного из руководящих членов общества «Земля и Воля» как на организатора

⁵³ «Московские ведомости» от 22 сентября 1861 г.

⁵⁴ «Артиллерийский журнал», 1861, № 8, отд. «Смесь», стр. 510—512.

⁵⁵ «Московские ведомости» от 14 декабря 1861 г.

⁵⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 74 (примечание М. Лемке — отрывок из рукописи А. Слепцова).

⁵⁷ Там же, стр. 82.

⁵⁸ М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури.— «Звенья», т. II, М.—Л., 1933, стр. 407.

⁵⁹ Там же, стр. 407.

⁶⁰ Там же, прим.

воскресных школ. Это — Сергей Рымаренко, студент Медико-хирургической академии, которого М. Н. Слепцова называет личным другом Н. Г. Чернышевского⁶¹. Он был членом Петербургского областного комитета «Земли и Воли»⁶² и в то же время являлся распорядителем Сампсониевской воскресной школы, где среди учеников велась революционная агитация⁶³. Рымаренко ранее был студентом Харьковского университета, где привлекался к следствию по делу о тайном студенческом обществе 1856 г., однако тогда полиция не смогла собрать достаточных материалов для его обвинения⁶⁴. После разгрома этого тайного общества Рымаренко, приехав в Петербург, поступил в Медико-хирургическую академию и вел большую революционную работу.

Революционная деятельность Рымаренко в Петербурге была, несомненно, известна полиции, так как его имя стоит в списке лиц, «у которых предполагается сделать одновременный строжайший обыск»⁶⁵, рядом с именами Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, Н. Обручева, братьев Серно-Соловьевичей и др. Всего в этом списке, датированном 27 апреля 1862 г., перечислено 30 человек, с которых правительство собиралось начать волну арестов для расправы с «революционным духом народа». Сергей Рымаренко был арестован 30 мая 1862 г. за заказ двух типографских станков⁶⁶, которые должны были быть отправлены «в Нижегородскую губернию для печатания воззваний к народу, имеющих быть выпущенными к тысячелетию России»⁶⁷. Являясь распорядителем Сампсониевской школы, Рымаренко очень активно работал в ней. Следственная комиссия не смогла собрать доказательств его революционной деятельности в этой школе, тем не менее следователь Жданов считал, что Рымаренко был «одним из главных участников в деле пропаганды в Сампсониевской школе, направленной к потрясению религиозных верований и ниспровержению существующего порядка в России»⁶⁸. Нет никакого сомнения в том, что член Петербургского областного комитета «Земли и Воли», активный революционер Рымаренко принял участие в руководстве Сампсониевской воскресной школой именно для того, чтобы организовать в ней революционную пропаганду.

Принимая непосредственное участие в работе воскресных школ, члены Петербургского комитета «Земли и Воли» в то же время стремились расширить круг революционных пропагандистов. Так, А. Слепцов убедил молодого Лесевича принять участие в этой работе. Через много лет Лесевич вспоминал: «Моя встреча с Слепцовым в юности моей, его беседы и его кружок открыли мне не только литературную дорогу. Они толкнули меня и по другому пути: начался он основанием школы в моем родном селе. Сильнейшую борьбу с училищной администрацией вызвала эта школа, но окунула в революционную стихию»⁶⁹.

Открытие воскресной школы в Костроме также было, вероятно, связано с влиянием петербургского революционного центра, — там школу открыл родственник Рымаренко, поддерживавший с ним связь, Баллин, ко-

⁶¹ М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 447.

⁶² А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 79; Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, т. I. СПб., 1905, стр. 286.

⁶³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 56—56 об.

⁶⁴ Там же, л. 156.

⁶⁵ Там же, д. 230, ч. I Б, лл. 47, 51.

⁶⁶ Там же, ч. 3, л. 29.

⁶⁷ Там же, ч. I Б, л. 51 об.

⁶⁸ Там же, д. 263, л. 56—56 об.

⁶⁹ М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 400.

торый «странным образом своей жизни возбуждал уже в то время подозрение начальника губернии» ⁷⁰.

Убедительное свидетельство ведения петербургским революционным центром, создавшим общество «Земля и Воля», агитации среди народа дают архивные материалы об открытии в Петербурге библиотек и читален для народа. В архивном «Деле о воскресных школах» имеется полицейская ведомость библиотек, открытых в Петербурге ⁷¹. Всего в этой ведомости перечислены четыре библиотеки-читальни для народа: первая из них была открыта 1 декабря 1861 г., вторая — 2 января 1862 г., третья — 18 февраля 1862 г. и четвертая — в половине апреля 1862 г. Уже эти даты открытия народных библиотек с читальнями указывают на то, что все они были созданы после того, как «Землей и Волей» было принято решение (примерно в октябре 1861 г., по приведенному выше свидетельству А. А. Слепцова) об активизации революционной агитации среди народа.

Состав владельцев и распорядителей библиотек также свидетельствует о том, что их открытие представляло собой реализацию решения революционного центра о расширении революционной агитации среди народа. Распорядителем двух библиотек был Никслай Александрович Серно-Соловьевич — один из руководящих членов петербургского революционного центра. Как известно, Н. Серно-Соловьевич в этот период открыл книжный магазин с читальней при нем. Книжный магазин и библиотеки-читальни, несомненно, были в его руках важнейшим средством пропаганды революционных идей среди интеллигенции и народа. В библиотеке-читальне, открытой на Сампсониевском проспекте, учредителем и членом был лицеист Андрей Наронович, который также принимал активное участие в работе воскресных школ, был арестован по делу о воскресных школах и освобожден только в результате хлопот его отца — лейб-хирурга и начальника Медико-хирургической академии. По свидетельству М. Н. Слепцовой, Андрей Наронович был членом «Земли и Воли» в одной из пятерок А. А. Слепцова ⁷².

Общедоступная библиотека-читальня, открытая в здании Владимирского уездного училища, принадлежала статскому советнику Я. Ивановскому, который также активно участвовал в организации воскресных школ. Помощниками Ивановского в качестве библиотекарей были Антонина Блюммер и капитан Корибут, которые впоследствии были арестованы по делу о распространении воззваний. Одним из членов совета этой библиотеки был Аверкиев, занимавшийся революционной агитацией и позже арестованный за эту деятельность.

Кроме перечисленных в этой полицейской ведомости, одновременно были открыты и другие народные библиотеки-читальни. Так, 18 февраля 1862 г. была открыта народная читальня в здании Гальванической роты ⁷³, где работала воскресная школа, созданная в 1860 г. при деятельном участии Нароновича, Блюммер, Сенковского и Ольхина ⁷⁴, обвинявшихся впоследствии в революционной агитации и распространении воззваний. Очевидно, и читальня была открыта при участии этих лиц, так как обычно между воскресными школами и открывавшимися в том же помещении читальнями существовала тесная связь. В первый же день в этой

⁷⁰ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 100 об.—101.

⁷¹ Там же, д. 263.

⁷² М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 434.

⁷³ «Московские ведомости» от 22 февраля 1862 г.

⁷⁴ В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 166, 175.

читальне собралось 14 человек разных сословий — «любопытные из народа пришли из отдаленных частей Петербурга по собственному желанию, прочитавши в газетах объявление об открытии бесплатной читальни для всех сословий»⁷⁵. В дальнейшем число посетителей библиотек дошло до 50—60 человек в день, а по воскресеньям — до 100 человек⁷⁶.

Лица, принимавшие участие в устройстве читальни в здании Гальванической роты, присутствовали в читальне, чтобы «заниматься с читающими объяснением прочитанного»⁷⁷. Таким образом, работа в читальнях была связана, очевидно, и с проведением бесед и открывала возможность проведения в дальнейшем революционной пропаганды.

Большинство преподавателей воскресных школ составляли студенты⁷⁸, при этом активное участие в организации воскресных школ принимала наиболее демократическая их часть⁷⁹. В условиях революционной ситуации, когда все общество резко размежевалось на два лагеря, когда в сильнейшей степени обострилась классовая борьба, воскресные школы, создаваемые и поддерживаемые передовой революционно-демократической интеллигенцией, с самого начала вызвали злобную ненависть господствующего класса. Хотя преподавание в воскресных школах в период их широкого распространения превратилось в светскую моду⁸⁰, но общее число случайных людей среди преподавателей было ничтожно⁸¹, отношение же к воскресным школам так называемого «высшего общества» в целом и городских ремесленных и купеческих обществ всегда было резко враждебным⁸². Что касается правительства, то оно относилось к воскресным школам с подозрением; однако власти, ограничивая всеми мерами их деятельность, вынуждены были выжидать, пока представится удобный предлог для полного их запрещения⁸³.

Широкое распространение воскресных школ было возможно благодаря огромной тяге народных масс к образованию. Дети и взрослые буквально переполняли воскресные школы⁸⁴. Женские школы также не в состоянии были вместить девочек и женщин, желавших учиться⁸⁵. В Харькове в воскресные школы являлись матери с младенцами на руках⁸⁶. Нередко воскресные школы открывались по прямому ходатайству рабочих или крестьян. Так, по просьбе рабочих была открыта школа в Москве в Тверском училище⁸⁷. По инициативе крестьян были открыты школы в дер. Клемасино Киевской губ., в с. Тарандаеве Вологодского у., в с. Белые

⁷⁵ «Московские ведомости» от 22 февраля 1862 г.

⁷⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263.

⁷⁷ «Московские ведомости» от 22 февраля 1862 г.

⁷⁸ С. Н. В — ий Н. С. в корпусе и в воскресных школах. — Сб. «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 33; «С.-Петербургские ведомости» от 14 сентября 1860 г.; «Московские ведомости» от 14 октября 1860 г. и др.

⁷⁹ А. Драшусов. Бесплатные воскресные школы в Москве. — «Русский вестник», 1860, т. 27, стр. 353—354.

⁸⁰ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862, д. 263, лл. 57 об.—58 об.; П. Д. Боборыкин. За полвека (мои воспоминания), М.—Л., 1929, стр. 169.

⁸¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 57 об.—58 об.; «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 33.

⁸² Я. Абрамов. Указ. соч. — «Русская школа», 1898, № 10, стр. 30; № 12, стр. 30—31; В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 176—177.

⁸³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859, д. 230, л. 52.

⁸⁴ А. Драшусов. Указ. соч. — «Русский вестник», 1860, т. 27, стр. 353; «Московские ведомости» от 24 ноября 1860 г., и др.

⁸⁵ Я. Абрамов. Указ. соч. — «Русская школа», 1898, № 9, стр. 41; В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 181.

⁸⁶ «Московские ведомости» от 9 октября 1860 г.

⁸⁷ «Московские ведомости» от 17 августа 1860 г.

Колодези Коломенского у.⁸⁸ По инициативе женщин, желавших учиться, была открыта первая женская воскресная школа в Москве⁸⁹. Ни физические наказания, ни лишение обеда не могли заставить рабочих и учеников ремесленных заведений отказаться от посещения школ⁹⁰. Именно это стремление самого народа к образованию и обусловило возможность быстрого распространения воскресных школ в России.

Необходимо отметить, что воскресные школы организовывались в первую очередь для рабочих. На это указывает Н. В. Стасова, которая пишет о воскресных школах: «Все сословия принимались, несмотря на то, что устроено все было главным образом для фабричных»⁹¹. На это указывает также и письмо Муравского Манасеину, в котором говорится: «Рабочего класса, для которого-то собственно и заведены воскресные школы, здесь нет»⁹², — поэтому в Бирске воскресная школа была открыта за пределами города — для крестьянских детей. Как известно, революционные демократы в тот период не видели в рабочих особой общественной силы. Однако революционные демократы постоянно уделяли большое внимание рабочим как части угнетенного народа. Так, «Современник» постоянно помещал материалы о волнениях рабочих⁹³, о детском труде на фабриках и в ремесленных заведениях⁹⁴, о положении рабочего класса в Англии и Франции⁹⁵, причем автор этих статей — Н. В. Шелгунов — знакомил русских читателей с опытом стачечной борьбы французских и английских рабочих. В «Современнике» печатались и материалы об организации рабочих клубов и библиотек в Англии⁹⁶. Изучением положения рабочих в России специально занимался В. А. Слепцов, который с этой целью ездил на строительство Московско-Нижегородской ж. д. Он, кроме того, изучал положение рабочих в Петербурге и, по поручению Некрасова, в 1860 г., переодевшись в простонародное платье, отправился для изучения положения рабочих в Осташков⁹⁷.

Интерес революционных демократов к рабочим и организация ими воскресных школ в первую очередь для фабричных рабочих объясняется тем, что они считали рабочих более развитыми и подготовленными для восприятия революционной агитации. Кроме того, через артели рабочих революционные идеи могли распространяться шире и проникать в крестьянскую среду, так как пребывание на городских предприятиях было для рабочих временным и они, как правило, сохраняли связь с деревней.

Работа воскресных школ имела огромное революционное значение. Самые принципы, на которых строилась организация воскресных школ, играли в условиях господства самодержавно-крепостнического строя важную роль, так как глубоко противоречили всей системе общественных отношений в крепостническом государстве. Эти демократические принципы были намечены еще при организации первых воскресных школ

⁸⁸ Я. Абрамов. Указ. соч. — «Русская школа», 1898, № 9, стр. 33.

⁸⁹ «Русское слово», 1860, ноябрь, стр. 25.

⁹⁰ «С.-Петербургские ведомости» от 29 ноября 1860 г.; В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 176—177.

⁹¹ В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 176.

⁹² М. Лемке. Очерки..., стр. 302 (речь идет о г. Бирске).

⁹³ «Современник», 1860, № 5, стр. 15 и 188.

⁹⁴ «Современник», 1860, № 9, стр. 267; 1859, № 11, стр. 144.

⁹⁵ «Современник», 1861, № 9, 10, 11.

⁹⁶ «Современник», 1860, № 7, стр. 120.

⁹⁷ В. А. Слепцов. Рабочие в 60-х годах, М., 1934, предисловие К. И. Чуковского.

в Киеве, а затем в Петербурге получили окончательное оформление. Опубликованные в газетах и журналах «Правила», применявшиеся всеми петербургскими воскресными школами России, предусматривали постоянную отчетность организаторов и преподавателей школ перед обществом. Каждый желающий, независимо от общественного положения, сословия, пола и пр., мог заходить в школу, знакомиться с ее работой, делать замечания и вносить свои предложения о работе школы⁹⁸.

Проведение этих правил в жизнь вызывало противодействие правительственной администрации. Так, в Казани один из надзирателей, приставленных к воскресной школе, сделал замечание распорядительнице этой школы Безобразовой за то, что она позволяет всякому с улицы толковать о порядках школы. «Уж если правительство, — отвечала она, — не дав ни копейки на содержание школ, считает себя вправе нас контролировать, то тем более имеют это право люди с улицы, как вы, г. Клеренберг, называете их, забывая, что эти-то люди с улицы и содержат школу»⁹⁹.

Работа каждого преподавателя обсуждалась на общих совещаниях, причем преподаватели, оказавшиеся неспособными работать в школе, отстранялись с помощью баллотировки¹⁰⁰; все дела школы решались общей волей ее преподавателей, и вся работа проводилась их общими, объединенными силами¹⁰¹. Все эти правила пронизаны идеей добровольной, активной, общей работы и должны были служить пробуждению революционной инициативы в среде интеллигенции. Они неразрывно связаны с идеей ассоциаций, органически свойственной разночинскому этапу революционного движения.

Огромное революционизирующее значение имел принцип добровольности образования и отношения к ученикам как к равным. Системе казенного палочного образования было противопоставлено в воскресных школах добровольное посещение занятий, общедоступное и бесплатное образование, отсутствие наказаний и в большинстве случаев — поощрений¹⁰². Поощрения допускались лишь в некоторых, например московских, школах, где лучшим ученикам раздавались «полезные книги»¹⁰³. Вежливость по отношению к ученикам, обращение к ним на «вы», принятое в воскресных школах, имело совершенно исключительное значение в условиях господства крепостного права, когда начали создаваться школы. Равенство в отношениях с учениками играло важную роль в выполнении основной задачи — «открыть глаза народу», которую ставили перед собой революционные демократы. Н. А. Добролюбов указывает на внушение народу «понятия о достоинстве человека» как на одно из средств пробуждения народа¹⁰⁴.

В докладе следственной комиссии о воскресных школах приводится донесение полицейского агента о заседаниях «Общества распространения народной грамотности» во главе с профессором Павловым в Петербурге в начале 1860 г., т. е. в момент начала широкой организации воскресных школ. Агент сообщал, что главным способом привлечения учащихся члены общества считали внушение детям и взрослым ученикам, что «вся раз-

⁹⁸ Я. Абрамов. Указ. соч.— «Русская школа», 1898, № 10, стр. 24—26; «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 32.

⁹⁹ М. Лемке. Очерки..., стр. 295.

¹⁰⁰ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 27.

¹⁰¹ Я. Абрамов. Указ. соч.— «Русская школа», 1898, № 10, стр. 26.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ «Московские ведомости» от 6 июля 1860 г.

¹⁰⁴ Н. А. Добролюбов. Соч., т. IV, изд. 1937 г., стр. 434.

ница между человеком богатым, «благородного звания» и бедным простолюдином заключается в образованности первого и что, когда бедный простолюдин будет учиться, он станет равным богатому человеку «благородного сословия». Исходя из этого принципа, основатели общества условились, чтобы все учителя говорили ученикам «вы», а не «ты»¹⁰⁵. Большинство учеников воскресных школ в 1859—1860 гг. составляли крепостные, которых их владельцы обычно вообще не считали за людей, — «и вот этих-то рабов начинают вдруг учить по воскресным школам, им говорят «вы», с ними вежливы и деликатны, словом, к ним относятся, как к людям, и притом полноправным людям. Не удивительно, что все это многим показалось настоящей «революцией»¹⁰⁶.

Обращение к «простому народу» на «вы» возмущало не только крепостников, но и так называемую «либеральную» часть общества; оно не показалось странным только самим ученикам воскресных школ. Профессор Тихонравов вынужден был в печати отвечать на упреки либеральных газет, считавших неуместной и вредной для дела образования такую форму обращения к ученикам воскресных школ. «Отсутствие наказаний и вежливое обращение, правда, удивляло сначала учеников воскресных школ, — писал Н. С. Тихонравов, — но не в ущерб успеху последних. Недоверчиво и робко шли они в училище: с этим названием уже соединялось у них представление о брани, розгах и побоях; но, не встретивши ожидаемых спутников грамоты, они скоро освободились от своего страха и стали откровенно беседовать с своими наставниками. Слово «вы», вопреки ожиданиям некоторых господ педагогов, не кажется им странным...»¹⁰⁷.

«Вежливость эта, очень поражающая всякого постороннего посетителя по своей необыкновенности, не может не произвести сильного впечатления на малолетних и взрослых простолюдинов и сделать переворот в их образе мыслей»¹⁰⁸, — к такому выводу пришел чиновник III отделения на основании агентурных записок о первых днях работы воскресных школ в Петербурге. Идеи равенства, внушаемые народу самими принципами организации воскресных школ, воспринимались как серьезная угроза господствующему классу. Такое же значение имела система преподавания по широкой программе, далеко не ограничивавшейся чтением и письмом.

Революционные демократы постоянно стремились к расширению программы преподавания в воскресных школах с целью пробуждения в народе активной мысли, сознания своей силы, полноценности и равенства по отношению к господствующим классам. Именно поэтому и правительство воспринимало такое расширение программы воскресных школ как революционную угрозу, а следственная комиссия инкриминировала школам расширение программы преподавания как серьезное преступление. По сведениям, собранным следственной комиссией о воскресных школах, указанная Министерством народного просвещения программа преподавания (чтение, письмо, арифметика и закон божий) не исполнялась в школах¹⁰⁹: «в саперной воскресной школе допускалось объяснительное чтение в самом обширном смысле, не стесняясь программой», в школе при 3-й гимназии также преподавалось «объяснительное чтение» и «сообщались ученикам некоторые сведения о явлениях природы и по естественным наукам».

¹⁰⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., д. 230, л. 51—51 об.

¹⁰⁶ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 12, стр. 32.

¹⁰⁷ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 32.

¹⁰⁸ ЦГИАМ, ф. 109, секр. архив, оп. 1, 1860 г., д. 1705, лл. 17—19 об. (донесение от 28 ноября 1860 г.)

¹⁰⁹ Там же, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 64 об.—65.

в школах Сампсониевской и при Институте путей сообщения ученикам «преподавались сведения из истории и географии», в Шлиссельбургской школе желающим преподавались иностранные языки, а в Гальванической школе «ученикам, до некоторой степени уже развитым», «объясняли некоторые сведения этнографические и даже политико-экономические, как-то о доходах государственных и частных и их распределении». В Казани, как сообщал казанский губернатор в III отделение в феврале 1861 г., «студенты преподавали не в том духе, который соответствовал воскресным школам, уклонялись в преподавании от установленных правил и из числа 400 учеников, посещавших школы, едва 25 или 30 человек слушали преподавание закона божьего». В Троицкосавской школе преподавание, по сведениям III отделения, «зависело единственно от воли преподавателя»¹¹⁰.

В Петербурге общее число воскресных школ, по данным III отделения, достигало 28; в 1860 г. было открыто 19 школ, в 1861 г. — восемь и в 1862 г. — одна¹¹¹. Во всех этих школах программа преподавания была несравненно шире, чем этого требовали правительственные правила: преподавание строилось так, чтобы развить в рабочих-учениках способность мыслить, освободить их от суеверий и религиозных предрассудков и тем самым подготовить к восприятию в дальнейшем революционных идей. Во Владимирской воскресной школе, где из 25 преподавателей 22 были студентами духовной академии¹¹², ученикам сообщались сведения по физической географии и естественной истории¹¹³, но зато на уроке закона божьего ученики «выказывали крайне скудные религиозные понятия» и, несмотря на усердное посещение этой процветающей школы, и в дальнейшем оставались мало осведомленными в законе божьем¹¹⁴. В воскресной школе учебно-гимнастического кадра, которую посещало до 150 учеников, ученикам демонстрировалась электрическая машина, подаренная этой школе. Н. В. Стасова рассказывает в своих воспоминаниях о преподавании в Гальванической воскресной школе: «Читали мы Кольцова, Никитина, Пушкина, Гоголя», ученицы любили также «все относящееся до природы, естественные науки, рассказы из жизни животных, растений... А как дети и взрослые любили рассказы о нашей русской истории!»¹¹⁵.

В воскресных школах преподаватели не ограничивались уроками, а использовали посещение выставок, музеев для еще большего расширения кругозора учеников. При этом часто приглашались специалисты для проведения экскурсий и специальных занятий. Так, Н. В. Стасова и другие преподаватели Гальванической воскресной школы водили своих учениц на сельскохозяйственную выставку, открывшуюся в Михайловском манеже весной 1861 г. На этой выставке Я. О. Ивановский, который, как уже отмечалось, был организатором одной из библиотек для рабочих, объяснял ученицам, как из сырья в процессе производства создаются промышленные изделия: «собрав вокруг себя несколько групп учениц, стал рассказывать им такие-то и такие-то производства, показывать все стадии льна, от зерна посеянного, до тончайших ниток и изделий из них, объяснял строение дерева, распилку и обработку его и все, что из него делается; так же вел беседу о мехе и шерсти, о выделке разных продуктов из рыб, их чешуи и спинной струны и многое, многое другое»¹¹⁶. Эту выставку также посетили с

¹¹⁰ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 100—101 об.

¹¹¹ Там же, л. 57.

¹¹² «С.-Петербургские ведомости» от 7 сентября 1860 г.

¹¹³ «Московские ведомости» от 26 ноября 1860 г.

¹¹⁴ «Московские ведомости» от 10 декабря 1860 г.

¹¹⁵ В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 187.

¹¹⁶ Там же, стр. 188—189.

преподавателями ученики Владимирской, Сампсониевской и других воскресных школ¹¹⁷. На публичной выставке в Академии художеств профессор Павлов, по сведениям III отделения, «собрав около себя толпу учеников воскресных школ, толковал им известную картину Иванова в духе коммунистическом»¹¹⁸. В Харькове профессор Лапшин на одной из лекций в воскресной школе показал и объяснил устройство модели паровой машины и демонстрировал ее действие. На другой его лекции демонстрировалась модель паровоза¹¹⁹. В харьковских воскресных школах в постоянное расписание были включены беседы по географии, популярной химии и о полезных животных¹²⁰. В Казани в мужской воскресной школе обучали языкам, истории, географии, естественным наукам¹²¹. В московских воскресных школах с первых же уроков в объяснительное чтение вносилось множество подробностей из естественной истории и физики¹²². Такое расширение программы преподавания было предусмотрено организаторами воскресных школ и планомерно проводилось ими. Так, в опубликованных «Правилах», которые применялись сперва в Петербурге, а потом были приняты и всеми остальными школами, было указано, что если ученик знаком с чтением, законом божьим, чистописанием и арифметикой и стоит выше этой программы, то с ним следует заниматься географией и рисованием¹²³.

Право воскресных школ на расширение программы и преподавание основ естественных наук горячо отстаивал «Современник»¹²⁴. Сами ученики воскресных школ предъявляли запросы, далеко выходявшие за пределы допускавшейся правительством «программы». Так, «Московские ведомости» сообщали о просьбах учеников выучить их читать и писать по-немецки и по-французски; «некоторые ученики справлялись также о латыни»¹²⁵. В Харькове преподавание французского и немецкого языков было введено в воскресных школах также по просьбе учеников; в числе изъявивших желание учиться языкам были и солдаты¹²⁶. Выше уже приводилось свидетельство Н. В. Стасовой о широких запросах учениц воскресной школы в Петербурге. Разнообразные запросы предъявляли и учащиеся московских воскресных школ¹²⁷.

Также не выполнялось воскресными школами предусмотренное правительственными правилами условие, чтобы в них употреблялись только книги, признанные полезными для приходских училищ. Следственная комиссия, обследуя школы, нашла много книг, которые не подходили под это условие: «Кроме книг, не соответствовавших вообще степени умственного развития посещавших школу, оказались между прочим: в Сампсониевской школе брошюры «Об артели рабочих», — по содержанию своему несвойственные для употребления между малограмотными учениками. Книга эта хотя и пропущена цензурою, но в руках злонамеренных преподавателей могла бы быть вредна»¹²⁸. Действительно, эта книга была очень удобна для агитационных целей. Как известно, у революционных демократов весь

¹¹⁷ «Московские ведомости» от 26 ноября 1860 г.

¹¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., д. 230, л. 52.

¹¹⁹ М. Лемке. Очерки..., стр. 289.

¹²⁰ Там же, стр. 307.

¹²¹ Там же, стр. 294.

¹²² «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 31.

¹²³ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 10, стр. 24.

¹²⁴ И. А. Писаревский. О направлении школ грамотности — «Современник» 1861, № 9.

¹²⁵ «Московские ведомости» от 26 августа 1860 г.

¹²⁶ М. Лемке. Очерки..., стр. 311 (письмо Муравского).

¹²⁷ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 11, стр. 43.

¹²⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 65 об.

ма важное место занимали планы организации артелей, поэтому наличие такой книги в библиотечке воскресной школы чрезвычайно характерно. В другой воскресной школе комиссией было найдено сочинение петрашевца Ф. Толя «Два года в К-ском заводе. Сибирские очерки». Комиссия отмечала, что «сочинение это по направлению своему заключает явный протест противу распоряжений правительства о ссылке преступников в Сибирь»¹²⁹. Как известно, эта книга служила для революционной агитации и следующим поколениям революционеров в 80—90-е годы. Книги подобного характера, вероятно, имелись и в других школах, но были скрыты от комиссии распорядителями после появления в газетах сообщения о назначении следственной комиссии.

Правительственные репрессии, направленные против воскресных школ, также свидетельствуют о том, что самый факт организации школ и свободного преподавания в них имел большое революционизирующее значение. Уже при самом начале организации воскресных школ в Киеве в 1859 г. местные власти отнеслись к ним в высшей степени подозрительно. В 1860 г., когда воскресные школы в значительном количестве начали возникать в разных городах, правительство встревожилось. В мае 1860 г. оно сделало первый шаг для того, чтобы «обезвредить» воскресные школы. С этой целью Министерством народного просвещения были изданы правила для воскресных школ, относившие их «по курсу и объему учения» к разряду приходских училищ¹³⁰. Основой преподавания в воскресных школах являлся закон божий, чтение и письмо допускалось только на русском языке, причем для чтения рекомендовались книги религиозного содержания и славянской печати. Преподавание арифметики допускалось только в самом скромном объеме, а рисование и черчение — лишь «в применении к ремеслам», которыми занимались ученики воскресных школ. Объяснительное чтение этими правилами совершенно запрещалось. Книги допускались только из числа рекомендованных для приходских училищ. Кроме того, занятия в воскресных школах разрешалось проводить только «после поздней обедни», т. е. в то время, когда, как отмечают современники, ученики бывали заняты дома¹³¹.

Эти правила явились первой репрессивной мерой, направленной против воскресных школ. Однако этот продуманный и рассчитанный удар по воскресным школам не дал ожидаемого эффекта. Число воскресных школ в течение всего 1860 г. продолжало быстро расти, и это вызывало страх правительства. В конце 1860 г. петербургский полицеймейстер Анненков представил царю записку, в которой писал: «Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия. Средний слой общества и рассчитывающие на силу оного невидимые двигатели стали произвольно во главе сего важного дела. Безвозмездное преподавание упорчит за ними на твердом основании доверие и благодарность народных масс, коим они благодетельствуют»¹³². Однако правительство побоялось сразу запретить воскресные школы, чтобы не вызвать «ропота и превратных толков», и сделало попытку вырвать школы из рук демократической интеллигенции. В декабре 1860 г. правительство выработало ряд последовательных мер, которые должны были обезвредить «опасное» учреждение и дать возможность постепенно и

¹²⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 65 об.

¹³⁰ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 11, стр. 43.

¹³¹ Там же.

¹³² ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., д. 230, л. 45—45 об.

осторожно забрать его в руки государства. Было решено «дать вид поощрения быстрому распространению» школ, но одновременно прекратить всякие частные сборы на их организацию, предоставив это право одному только попечителю учебного округа — «тогда, за недостатком средств, школы будут последовательно закрываемы»¹³³.

Чтобы школы не сделались источником «беспорядка», Министерство народного просвещения рекомендовало «привлечь неощутительно» лиц высшего сословия к надзору за ними, так как «ни Министерство народного просвещения, ни полиция не могут иметь средств к достаточному надзору». Настоятельно рекомендовалось «осторожно и спокойно отстранить всякое покушение к расширению учебной программы, которая должна быть строго ограничена преподаванием правил веры (разумеется, духовным лицом), грамоты, письма и счета, не допуская чтения книг, не назначенных к тому специальным учебным ведомством и воспретив объяснения отвлеченных предметов»¹³⁴.

В соответствии с этими установками были подготовлены «Правила для воскресных школ», изданные в начале 1861 г. Эти новые правила твердо запрещали преподавание предметов, не входящих в программу приходских училищ, и употребление учебников и учебных пособий, не разрешенных к использованию в начальных училищах. Особенное внимание в этих правилах обращалось на благонадежность учредителей и распорядителей воскресных школ. За работой воскресных школ устанавливался постоянный, бдительный надзор местных властей¹³⁵. К числу таких «наблюдателей» принадлежали и священники, преподававшие в воскресных школах¹³⁶.

Таким образом, через год после начала широкого распространения воскресных школ правительство, испуганное угрозой сближения революционной интеллигенции с народом, уже принимало деятельные меры к их ликвидации. С начала 1861 г. в результате введения новых «Правил» некоторые школы начали закрываться, в других уменьшилось число учеников. Эта борьба правительства против воскресных школ вызвала тревогу в демократических кругах. Агент III отделения сообщал о разговоре профессоров Костомарова и Горлова с Чернышевским 24 декабря 1860 г. на вечере в доме Ососова: «Они разговорились о воскресных школах и, между прочим, утверждали, что при Министерстве народного просвещения учреждается стол для заведывания этими школами, т. е. который будет давать предписания, до них относящиеся, и вообще руководить их ходом. Некоторые из присутствовавших при этом разговоре уверяли, однако же, что заведывание школами примет на себя Третье отделение»¹³⁷.

«Современник» горячо вступился за право воскресных школ на существование и преподавание разносторонних сведений¹³⁸. Закрывать школы правительство не решалось; несмотря на «Правила», значительное число их продолжало работать, открывались даже и новые.

Несомненно, огромное количество преподавателей воскресных школ ничего не знало о тайных революционных целях, с которыми связывала работу в школах передовая, наиболее революционная часть демократического лагеря, но, будучи энтузиастами народного образования вообще, они объективно всей своей деятельностью выполняли именно ту задачу, которую ставили в тот момент перед воскресными школами революцион-

¹³³ Там же, л. 46.

¹³⁴ Там же, л. 46 об.

¹³⁵ Я. Абрамов. Указ. соч.—«Русская школа», 1898, № 11, стр. 44—47, 67—68.

¹³⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 40—40 об.

¹³⁷ Там же, секр. архив, оп. 1, 1860 г., д. 1705, лл. 38—39 об.

¹³⁸ И. В. Писаревский. Указ. соч.—«Современник», 1861, № 9.

ные демократы. Уже простое расширение программы преподавания — беседы по истории, географии, политэкономии, этнографии — позволяло воспитывать учеников воскресных школ в том направлении, к которому стремились революционные демократы, и объективно в условиях крепостнической России имело революционизирующее значение. Однако работа революционных демократов в воскресных школах не ограничивалась этим: они проводили в школах также и прямую революционную пропаганду, используя нелегальные издания революционно-демократической печати.

На широкое распространение революционной пропаганды в воскресных школах указывают свидетельства ряда современников. Так, А. В. Никитенко 19 июня 1862 г. с раздражением отмечал в своем дневнике: «Этимнимые народные учителя вместо того, чтобы учить народ, навязывают ему свои мысли»¹³⁹. Эта запись сделана уже после закрытия воскресных школ и ареста нескольких преподавателей, но Никитенко, как свидетельствует текст его записи, имеет в виду не этих нескольких арестованных, а преподавателей воскресных школ в целом. Так же расценивал работу воскресных школ Ю. Ф. Самарин. «В последние годы, — писал он Герцену 3 августа 1864 г., — два явления в нашем русском мире выдались особенно ярко. Это, во-первых, попытка привести в исполнение безумную программу, кем-то продиктованную нашей неучащейся молодежи; я разумею разные подпольные издания («Земля и Воля», «Великорусс» и т. п.), в которых проповедывались поджоги и бунт, воровскую прививку грубого безбожия к мальчикам и девочкам, отданным на веру в распоряжение преподавателей воскресных школ, подложные манифесты, которыми надеялись обмануть крестьян, и т. д. Во-вторых, польский мятеж...»¹⁴⁰. Самарин ставит здесь воскресные школы в ряд революционных явлений 1861—1863 гг. как один из элементов практической деятельности революционных демократов в этот период.

Полицией были раскрыты факты проведения революционной агитации в двух воскресных школах Петербурга — Введенской и Сампсониевской. Следственная комиссия констатировала, что в этих школах преподаватели «не стесняясь, свободно проповедывают в кружках между своими учениками учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства. Эти ученики, зараженные ядом преступного учения, снабженные от услужливых преподавателей экземплярами возмутительных сочинений, вносят пагубное учение в артили и распространяют его между своими товарищами — фабричными рабочими»¹⁴¹. Обе эти школы находились в фабричных районах: Сампсониевская на Выборгской стороне (из 35 учителей в ней большинство были студенты расположенной поблизости Медико-хирургической академии)¹⁴²; Введенская школа находилась на Петербургской стороне, в конце Большого проспекта. Учениками в ней были рабочие окружающих фабрик, а большинство преподавателей составляли студенты университета¹⁴³. Министр внутренних дел П. А. Валуев 30 мая 1862 г. сообщил в III отделение запиской на французском языке, что в воскресной школе на Выборгской стороне внушают ученикам, что бога нет, что человек вовсе не имеет бес-

¹³⁹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. II. СПб., 1905, стр. 89.

¹⁴⁰ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII, стр. 323.

¹⁴¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862, д. 263, л. 70—70 об.

¹⁴² «С.-Петербургские ведомости» от 14 сентября 1860 г.

¹⁴³ «Московские ведомости» от 14 октября 1860 г.

смертной души, что «государи вообще, а наша императорская фамилия в особенности бесполезны», что управление податями должно лежать на тех, кто их платит, а собственность должна быть общая¹⁴⁴. Эти сведения были получены Валуевым от фабриканта Меняева, который получил донос от рабочего Симохина, посещавшего школу. Доносчик при этом уверял, что «там же раздаются втайне воззвания, которых ему, впрочем, не удалось достать, и что во всех воскресных школах, как в городских, так и в сельских, стараются внушать те же начала»¹⁴⁵.

Анализ и сопоставление материалов следствия и других источников позволяет установить общее содержание революционной агитации в воскресных школах. В агитации звучат одни и те же идеи: демократической республики, самостоятельности и независимости Польши, антирелигиозные идеи и мысль о необходимости совместного выступления войска с народом в борьбе против существующего строя. В агитации в Сампсониевской и Введенской школах широко использовались издания герценовской Вольной русской типографии. Студент Медико-хирургической академии В. Хохряков приносил брошюры «Что нужно народу?» и «Что делать войску?», объясняя при этом, что в России «необходимо учредить правительство на выборном начале с президентом от народа» и что «если сам народ будет требовать воли, то войско должно идти за народом»¹⁴⁶. Приглашая учеников на дом, Хохряков читал им «Колокол» и эти же брошюры. Распорядитель Сампсониевской школы Сергей Ольхин, который являлся также секретарем Совета воскресных школ в Петербурге¹⁴⁷, принес однажды в класс пачку брошюр и, вынув их из-под сюртука, дал одну Хохрякову. Читая брошюру «Что нужно войску?», Хохряков говорил ученикам, что именно ее он получил от Ольхина¹⁴⁸. Очевидно, эти брошюры Ольхин раздавал и другим учителям. «Колокол» читал ученикам воскресных школ, приглашая их к себе на дом, также офицер Ушаков¹⁴⁹.

Хохряков в беседах с учениками у себя на квартире рассказывал им об угнетении Польши русским царем и справедливой борьбе поляков за свободу. Он читал рабочим брошюру о подвиге капитана Александрова¹⁵⁰. Хохряков говорил, что Польша должна быть отделена от России и составлять отдельное государство¹⁵¹. Эти же идеи развивал в беседах с учениками и Ушаков¹⁵². В беседах с учениками воскресных школ студенты разоблачали либеральную болтовню о страданиях народа. Когда ученик воскресной школы рабочий Трифонов показал С. А. Ольхину свое стихотворение, в котором он оплакивал страдания Русской земли, Ольхин написал на этом же листке: «Для того, чтобы узнать правду, нечего вздыхать да охать, да слезы проливать. Надо работать да учиться, все в порядке вести да учить других людей и помогать им. Тогда на земле прав-

¹⁴⁴ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 12.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, лл. 105—106.

¹⁴⁷ В. В. Стасов. Указ. соч., стр. 184.

¹⁴⁸ ЦГИАМ, ф. 95, 1862 г., д. 5, т. I, л. 69.

¹⁴⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 105 об.—107.

¹⁵⁰ Капитан варшавской телеграфной станции Александров, получив из Петербурга телеграмму Александра II на имя наместника Царства Польского Лидерса, предписывавшую применять холодное оружие и даже картечь против поляков, собиравшихся служить поминки по убитым в 1861 г. на улицах Варшавы, и не желая допустить расстрела поляков, изменил содержание телеграммы и передал Лидерсу «исправленный» текст («действовать увещанием»). За это Александров был сослан на вечную каторгу (А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 86, прим.).

¹⁵¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 105—106.

¹⁵² Там же, лл. 15—16.

да настоящая будет. А теперь по большей части либо невежество, либо пустая болтовня»¹⁵³. Эта характеристика типична для революционно-демократического лагеря; исходя из нее, революционеры ставили своей задачей революционное просвещение народа и борьбу против либерального пустословия.

Другой учитель Сампсониевской школы — студент Медико-хирургической академии К. Крапивин приглашал к себе на дом рабочего Митрофанова и, стараясь облегчить последнему понимание прокламации «Молодая Россия», выписывал на особом листе непонятные для Митрофанова слова, сопровождая их своими объяснениями. В следственном деле находится такой листок, захваченный при аресте и названный следователем «Революционный словарь», с объяснением слов: революция, интерес, либерал, конституция, политические права, деспотизм, кризис, прокламация и др.¹⁵⁴

Важное место в агитации занимала мысль об организации ремесленного клуба. Об этом говорил рабочим Ушаков, объясняя, что при организации клуба «деньги, пропиваемые рабочими в портерных и трактирах, оставались бы у них в сбережении, а съестные припасы покупались бы в клубе гораздо дешевле»¹⁵⁵. Этот разговор он возобновлял много раз вместе с бывавшими у него инженерными офицерами. К идее организации клуба для рабочих старался привлечь внимание своих читателей также «Современник»¹⁵⁶. Эта мысль связана с идеей ассоциаций, которая вообще была в центре внимания революционных демократов.

В воскресных школах велась также антирелигиозная пропаганда. Так, распорядитель Сампсониевской школы Сергей Ольхин говорил в школе своим ученикам, что образам верить не должно, а ученик Федоров, рабочий тюлевой фабрики, говорил затем об этом в артели своим товарищам¹⁵⁷.

Расхождения наблюдались только в отношении к прокламации «Молодая Россия». Одни разделяли ее идеи: так, например, Я. Ушаков давал эту прокламацию читать рабочим¹⁵⁸, поручая передать ее другим товарищам в артели, а Крапивин разъяснял своему ученику непонятные слова, встречающиеся в этой прокламации, чтобы облегчить ее понимание¹⁵⁹. Другие же отрицательно относились к прокламации: так, Ольхин предостерегал рабочих от увлечения этим листком, так как его авторы, по словам Ольхина, хотят обойти народ¹⁶⁰.

Однако в целом общность идей, проводившихся при агитации в Сампсониевской школе, единство конкретных материалов, используемых для агитации, указывают на то, что агитация здесь была организована из единого центра. Об этом свидетельствуют и организационные связи, которые существовали между учителями Сампсониевской воскресной школы, обвинявшимися в революционной пропаганде.

Как уже указывалось, общество «Земля и Воля» занималось организацией воскресных школ для проведения революционной пропаганды. Такой характер имела школа, организованная Н. Серно-Соловьевичем.

¹⁵³ М. Лемке. Очерки..., стр. 432.

¹⁵⁴ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 105 об.—107.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ «Современник», 1860, № 7, стр. 120.

¹⁵⁷ ЦГИАМ, ф. 95, 1862 г., д. 5, т. I, л. 69.

¹⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 9, 2-е отд., 1-й стол, 1863, г., д. 11, л. 176—176 об.

¹⁵⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 105 об.—107.

¹⁶⁰ М. Лемке. Очерки..., стр. 432. Надо, впрочем, принять во внимание, что эти слова сам Ольхин приписывал себе на допросе, пытаясь, очевидно, выгородить себя.

Даже осторожный Шелгунов свидетельствует в своих воспоминаниях, что для Серно-Соловьевича воскресные школы были делом идейным¹⁶¹.

Очагом революционной пропаганды была Сампсониевская школа в Петербурге. Как уже отмечалось, одним из распорядителей этой школы был Сергей Рымаренко, член Петербургского комитета «Земли и Воли». Сампсониевская школа была организована в 1860 г. в числе первых открытых в Петербурге воскресных школ¹⁶², но Рымаренко стал во главе ее только в конце 1861 г. или в начале 1862 г., так как после его ареста 30 мая 1862 г. в докладе следователя Жданова от того же числа говорится, что Рымаренко был «в последнее время» распорядителем Сампсониевской воскресной школы. Это дает основание предполагать, что Рымаренко возглавил революционную работу в этой школе именно в связи с решением общества «Земля и Воля» о развертывании революционной агитации через сеть воскресных школ.

Вторым распорядителем этой школы был лицеист Сергей Ольхин¹⁶³, который сам непосредственно занимался в ней революционной пропагандой¹⁶⁴. Следовательно, школа эта целиком возглавлялась революционерами, которые подбирали преподавателей и руководили всей их работой. В 1860 г. в этой школе, как сообщают «С.-Петербургские ведомости», было 35 преподавателей, большинство которых составляли студенты Медико-хирургической академии, а в момент закрытия школы по списку, представленному в следственную комиссию, в школе числилось только восемь преподавателей. Однако список этот явно неполный, так как в нем нет имен арестованных впоследствии преподавателей школы, студентов Медико-хирургической академии Хохрякова и Беневоленского. В имеющемся в деле списке¹⁶⁵ стоят имена пяти окончивших лицеистов: «Мордвинов, Наронович, Кочетов, Шульц, Фан-дер-Флит, один студент духовной академии Архангельский и две дамы — сестры Нароновича» (в школе учились и девочки). Из этих лиц Наронович, определенно связанный с революционерами, участвовал в организации читальни для рабочих, и о нем было начато следственное дело.

О революционных связях других перечисленных здесь преподавателей ничего не известно; возможно, что у них этих связей и не было и они были приглашены специально, чтобы отвести сомнения полиции в благонамеренности школы. Но несомненным фактом является то, что преподавание в школе велось студентами Медико-хирургической академии, имена которых отсутствуют в официальном списке.

Сампсониевская школа не случайно была выбрана революционерами, для организации пропаганды, — ученики ее состояли не из ремесленников, а из фабричных рабочих (в значительном количестве — рабочих фабрики Шау), через которых агитация распространялась в артели и, таким образом, охватывала значительное число лиц, не являвшихся учениками воскресной школы.

Студент Медико-хирургической академии П. Беневоленский, который будучи преподавателем Введенской воскресной школы, активно занимался революционной агитацией, был, вероятно, организационно связан с «Землей и Волей». Об этом свидетельствуют материалы о связи его с Н. Серно-Соловьевичем в Сибири. В деле Беневоленского сохранилась

¹⁶¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 115.

¹⁶² «С.-Петербургские ведомости» от 14 сентября 1860 г.

¹⁶³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 13.

¹⁶⁴ ЦГИАМ, ф. 95, 1862 г., д. 5, т. 1, л. 69.

¹⁶⁵ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 13.

копия письма к нему от Н. Серно-Соловьевича. Подготавливая восстание поляков и других политических ссыльных в Сибири, Н. Серно-Соловьевич передал Беневоленскому письмо, в котором просил его связаться с раскольниками для привлечения их к этому восстанию. «Любезнейший П. А., — писал Беневоленскому Серно-Соловьевич, — постарайтесь познакомиться с Ермолаем Тимофеевичем Голубковым... Я убежден, что вы поведете это дело разумно и умно и возьметесь за него с энергией... Сойдитесь и со столяром Фед. Пол. Ивановым, о котором я вам говорил, мне сдается, что он может быть очень полезен. Всем приятелям дружеский привет. Крепко надеюсь на вас. Н.»¹⁶⁶. Это письмо свидетельствует прежде всего о том, что Н. Серно-Соловьевич ранее близко знал Беневоленского и имел с ним общих друзей. Из этого письма видно также, что Серно-Соловьевич относился к Беневоленскому с очень большим доверием как к человеку, на которого можно положиться в чрезвычайно серьезном и ответственном деле — подготовке восстания в Сибири.

В свете этого факта донос агента Волгина, причислявшего Беневоленского к кружку Утина, совсем не выглядит таким нелепым, как это изображает М. Лемке¹⁶⁷. Письмо Н. Серно-Соловьевича свидетельствует о том, что организационная связь с «Землей и Волей» у него, возможно, действительно была, поскольку Н. Серно-Соловьевич знал Беневоленского именно как умного и энергичного революционера, способного выполнить трудное и опасное поручение.

О преподавателе Сампсониевской школы студенте Медико-хирургической академии Крапивине и о поручике Ушакове нет прямых данных, которые указывали бы на их организационные связи с революционными кругами. Однако в их следственных делах есть материалы, свидетельствующие о революционности их убеждений.

Так, Константин Андреевич Крапивин, который написал для рабочего Митрофанова объяснения иностранных слов, встречающихся в прокламации «Молодая Россия», дал при этом объяснения ряда терминов, характеризующие его как убежденного революционного демократа. Объясняя значение слова «либерал», Крапивин писал: «Либерал — человек, любящий свободу, обыкновенно бояре. Например, господа помещики-бояре любят свободу глазеть в окна, ничего не делая, потом гулять, в театр ходить, на балы — такой называется либеральный человек». Крапивин здесь трактует либерализм как революционный демократ, как активный участник борьбы против либерализма, а не в общем отвлеченном значении этого слова. Объясняя слово «антагонист», Крапивин писал: «Антагонист — есть противник каких-нибудь дел. Например, демократы желают учиться, а правительство не позволяет..., оно и называется Антагонистом»¹⁶⁸. Такое толкование Крапивиним проблемы образования также характеризует его общие революционные взгляды.

Поручик Яков Афанасьевич Ушаков принадлежал к очень бедной дворянской семье и по имущественному положению был близок к разночинцам. Отец — герой 1812 г. — воспитал его в духе безграничной преданности родине. С июня 1859 г. до ноября 1861 г. Ушаков учился в Михайловской артиллерийской академии, которая была в то время одним из важных революционных очагов. Начальство Ушакова в Николаевской инженерной академии, к которой он был прикомандирован с ноября 1861 г., на запрос следственной комиссии ответило, что за него никак нель-

¹⁶⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп. 1866 г., д. 38, ч. 3, л. 56—56 об.

¹⁶⁷ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 325 (прим. М. Лемке).

¹⁶⁸ М. Лемке. Очерки..., стр. 420—421.

зя поручиться, чтобы он не был подвержен «самым дурным и вредным влияниям»¹⁶⁹. Взгляды Ушакова раскрывает его рукопись, захваченная при аресте и находящаяся в следственном деле. Эта рукопись относится к октябрю 1860 г., когда Ушаков лежал в госпитале. В состав рукописи входят ряд статей, переписанных из «Колокола» и «Современника», и заметки, иногда связанные с прочитанным, а иногда представляющие запись собственных рассуждений о царе, народе, армии и религии. Говоря об уничтожении крепостного права в России, Ушаков высказывает уверенность в том, что освобождением крестьян Александр II сам «вынул камень из своего самодержавного трона», так как этим он «разбудил народ, который до сих пор был в летаргическом сне, что с ним шутить и издеваться над ним скоро будет нельзя, что он почует в себе силу, заговорит о своих нуждах и потребует у него удовлетворения их. Что этот народ никогда уже не погрязнет в старом диком невежестве, а пойдет за веком, и горе будет Александру, ежели он сам не поведет его вперед, ежели он захочет остановить эту массу или скомандовать «назад, марш», тогда не спасет его никакая дворня, и он сделает себя или своего сына первой собственною необдуманною поступкою»¹⁷⁰.

Ушаков глубоко уверен в общем поступательном ходе истории. Он пишет о времени, «толкающем историю вперед, несмотря ни на какие вопли людей, расстающихся со старым порядком вещей». «Ежели правительство, — пишет он, — захочет бороться с движением общества вперед, это все равно будет, что нам оспаривать силу законов природы. Капли воды, замерзающие в трещинах гранита, разрушают его, и ничем нельзя остановить действие замерзающей воды»¹⁷¹. Дворянская ограниченность Ушакова сказывается в том, что он допускает возможность, что Александр II сам поведет за собой народ.

О положении солдат в России Ушаков писал: «Без всякого права отнимают гражданина от семейного счастья и обращают в солдата; по воле, прихоти или глупости одного человека сотни этих существ обязаны перед законом жертвовать своею жизнью». Ушаков показывает, что дух деспотизма пронизывает всю организацию армии в России; с гневом и болью он пишет о бесправии солдата и о системе кулачной расправы с ним¹⁷². Ушаков поднимается до раскрытия антинародной роли армии и офицерства в самодержавной России. «Консервативный принцип требует, — пишет он, — чтобы только малочисленный привилегированный кружок властвовал над обществом. Бедный класс, совершенно удаленный от участия в делах, имеет против себя вооруженную силу, готовую покарать всякую преступную попытку к ниспровержению существующих учреждений... Это войско служит слепым орудием власти и произвола, служит из подлых расчетов корысти или мелкого честолюбия, из страха наказания — качеств, нарочно развиваемых и поддерживаемых теми, чьи интересы оно защищает под маской долга, чести отечества»¹⁷³.

Ушаков решительно отвергает идею существования потустороннего мира: «Я положительно утверждаю, что будущей жизни нет»¹⁷⁴. Христа

¹⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 9,2-ое отд., 1-й стол, 1863 г., д. 11 («Военно-судебное дело о поручике XVI стрелкового батальона Якове Ушакове, сужденном за злонамеренное внушение фабричным работникам преступных против правительства мыслей»), л. 174 об.

¹⁷⁰ Там же, лл. 125—125 об.

¹⁷¹ Там же, л. 126.

¹⁷² Там же, л. 124.

¹⁷³ Там же, лл. 123 об.—124.

¹⁷⁴ Там же, л. 98 об.

он рассматривает как человека и предъявляет ему тяжелые обвинения: «Он загубил науку, он всю действительность политическую отнял у человека, на 1500 лет остановил людей на одном месте... Что и где были женщины? Отчего он не вызвал их к гражданской жизни? Зачем она оставалась рабой мужа? Зачем потворствовал временным властям? Зачем называл себя богом? Зачем ввел в обман миллионы людей? Зачем учил рабству, а не свободе человека?»¹⁷⁵.

Мысли Ушакова об армии и религии и в 1900-х годах звучали как «опасные»; поэтому журнал «Былое», цитируя рукопись Ушакова, опускает наиболее резкие его высказывания, искажая тем самым характер его идей. М. Лемке повторил это искажение, характеризуя Ушакова по материалам журнала «Былое»¹⁷⁶.

Рукопись Ушакова свидетельствует о том, что уже в 1860 г. у него сложилось революционное мировоззрение, поэтому его обращение с революционной пропагандой к рабочим в 1861—1862 гг. было не случайным. То обстоятельство, что в дальнейшем Ушаков стал одним из реакционных членов Государственного совета, не исключает его революционных связей в 1860—1862 гг. На наличие этих связей указывают данные следственного дела о большом числе бывавших у него на квартире офицеров, с которыми он вел революционные разговоры в присутствии рабочих — учеников воскресных школ.

Агитацией в воскресных школах занимался также артиллерийский поручик Иван Аверкиев. Первый пункт предъявленного ему обвинения гласил: «В воскресных школах, в которых он принимал самое деятельное участие, поведение его не одобрялось главными распорядителями этих учреждений»¹⁷⁷. Аверкиев был одним из тех перечисленных в упоминавшемся выше списке от 27 апреля 1862 г. лиц, у которых предполагалось сделать «одновременный строжайший обыск» (список этот начинался с имен Н. В. Шелгунова, Н. Г. Чернышевского и др.). Петербургский полицеймейстер расценивал деятельность Аверкиева как в высшей степени опасную для правительства: «Деятельность его тем более оказывается вредною, что он по званию учителя в разных учебных заведениях и в частных домах имел возможность распространять в учениках своих зародыши своих воззрений, чем он пользуется до сих пор»¹⁷⁸. В данных, полученных следствием, ясно ощущаются связи Аверкиева с революционными кругами, хотя формально эти связи не были доказаны следствием. Аверкиев занимался распространением прокламаций, которые переписывал от руки¹⁷⁹; он имел большое количество нелегальной литературы, которую передавал своим ученикам, в частности, в доме полковника Вахтина¹⁸⁰; он занимался распространением фотографий декабристов¹⁸¹. Будучи преподавателем Технологического института, Аверкиев участвовал в издании и распространении рукописной периодической газеты; об этом говорит то обстоятельство, что газета выходила именно в период пребывания Аверкиева в Технологическом институте, а также то, что один из экземпляров газеты, попавший в руки полиции, был переписан рукой Аверкиева¹⁸². По свидетельству петербургского полицеймейсте-

¹⁷⁵ ЦГАВМФ, ф. 9, II отд., 1-й стол, 1863 г., д. 11, л. 100.

¹⁷⁶ «Былое», 1906, № 6, стр. 30—32; М. Лемке. Очерки..., стр. 424.

¹⁷⁷ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 10 В, л. 45 об.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, лл. 46 об.—47.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же.

ра, допрашивавшего Аверкиева, «этот человек чрезвычайно упорный и сосредоточенный, готовый на все крайности из уважения к своим убеждениям»¹⁸³. Несмотря на все ухищрения петербургского полицеймейстера Анненкова, пытавшегося заставить Аверкиева дать показания, спекулируя на его любви к матери, для которой он был единственной опорой, и на его честности и благородстве, Аверкиев не дал никаких показаний и признал только один факт, и без того с несомненностью установленный полицией, — признал, что он занимался распространением прокламаций.

Все это характеризует Ивана Аверкиева как последовательного, убежденного и стойкого революционера. Аверкиев использовал всякую возможность для расширения круга своей революционной деятельности. Так, через своего брата — офицера Стрелковой школы он поддерживал и укреплял революционные настроения в этой школе. На это указывает Анненков, говоря, что «неразумно либеральное направление, которое в общем мнении приписывается офицерской Стрелковой школе, связано с деятельностью братьев Аверкиевых»¹⁸⁴.

«Сношения с лицами, прикосновенными к делу о распространении воззваний», были одним из пунктов обвинения, предъявленного Аверкиеву следственной комиссией. Аверкиев был знаком с Политковским, Евреиновым, Блюммер и другими лицами, обвинявшимися по этому делу. Есть основания предполагать, что Аверкиев был связан непосредственно с Михайловым, так как он снимал квартиру у купца Щукина, который был близок к Михайлову и даже хотел провожать его в ссылку¹⁸⁵. Щукин, по сведениям полиции, не только знал о всех противоправительственных действиях Аверкиева, но и сочувствовал им. После шестимесячного заключения в Петропавловской крепости Аверкиев был отправлен «на службу в войска Кавказской армии»¹⁸⁶.

Агитацией в воскресных школах занимался также Евреинов — друг Аверкиева, арестованный одновременно с ним. Евреинов был студентом Московского университета. В Петербург он приехал в составе студенческой делегации, которая просила министра народного просвещения об удовлетворении требований студентов Московского университета. Как рассказывает в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев, Евреинов, находясь в Петербурге, разыскивал его (в тот момент Пантелеев был арестован), чтобы оказать ему материальную поддержку¹⁸⁷. Однако более вероятно, что Евреинов, бывший близким другом Заичневского и даже живший с ним в одной комнате, так что при аресте их документы были перепутаны¹⁸⁸, имел к Пантелееву какое-то поручение из Москвы. Полицейское донесение характеризует Евреинова как «человека, который не остановится ни перед чем для достижения задуманной цели»¹⁸⁹. Во время пребывания в Петербурге Евреинов начал работать в одной из воскресных школ, причем приступил к пропаганде среди учеников¹⁹⁰. Евреинов не дал никаких показаний следственной комиссии, и его революционная деятельность осталась нераскрытой, поэтому наказание ему ограничилось административной ссылкой в Тулу.

¹⁸³ Там же, л. 46.

¹⁸⁴ Там же, ч. 131, л. 10.

¹⁸⁵ Там же, ч. 10 В, л. 47; ч. 131, лл. 18 об. — 19.

¹⁸⁶ Там же, л. 19.

¹⁸⁷ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., т. I, стр. 187—188.

¹⁸⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., л. 230, ч. 118, лл. 6, 21—42.

¹⁸⁹ Там же, ч. 10 В, лл. 49 об.—50.

¹⁹⁰ Там же, л. 50.

Одновременно с Аверкиевым и Евреиновым в ночь с 7 на 8 мая 1862 г. были арестованы учитель Ларинской гимназии Дозе, Блюммер и Александровская, которая, как это показал в своей диссертации Ю. В. Куликов¹⁹¹, в последующие годы вступила на путь провокаторства.

Дозе и Блюммер принимали активное участие в работе воскресных школ. Фактов революционной агитации этих лиц следствие не обнаружило, но их революционные связи очевидны. В деле имеется полицейское сообщение о том, что арест «Аверкиева, Дозе, Евреинова и в особенности взятие бумаг у Блюммер очень встревожило студенческие кружки»¹⁹². Это прямое свидетельство революционных связей арестованных. Блюммер занималась распространением прокламаций и была связана с широким кругом революционеров, ее квартира была местом революционных сходок¹⁹³. Из бумаг, захваченных у Дозе, полиция получила «много указаний»¹⁹⁴, — это свидетельствует о наличии у него широких революционных связей. Известно, между прочим, что он был знаком с Пантелеевым¹⁹⁵. В июне 1862 г. Герцен опубликовал в «Колоколе» сообщение об этом аресте в заметке «Новая тюрьма»¹⁹⁶. Очевидно, придавая большое значение этому аресту, Герцен спешил предупредить оставшихся на свободе о необходимости осторожности.

Круг лиц, занимавшихся революционной агитацией в воскресных школах Петербурга, был очень широк, но полиции не удалось обнаружить необходимых для суда доказательств их деятельности, поэтому подробности их революционной работы в воскресных школах не дошли до нас. Полицейские сведения о пропаганде, которую вели эти лица, отрывочны. Так, в воскресной школе при 3-й гимназии занимался агитацией студент Петербургского университета Варгасов, который вел со своими учениками разговоры, направленные против царя и всей императорской фамилии¹⁹⁷. Следственная комиссия отнесла Варгасова к числу самых опасных агитаторов¹⁹⁸. Как сообщает следственная комиссия, Евгений Печаткин, Постников, Блюммер, Корсини, Глушановская¹⁹⁹ также при работе в воскресных школах «руководствовались сознательно преступными целями и побуждениями», но юридически доказать это следственная комиссия была бессильна из-за той выдержки и стойкости, которую проявили арестованные во время следствия. Эта стойкость также характеризует арестованных как убежденных революционеров.

В Москве революционная агитация в воскресных школах не была раскрыта правительством, но некоторые сведения о ней все же попали в руки полиции. Последняя донесла московскому гражданскому губернатору, что уволенный из Харьковского университета студент Илья Деркач в конце 1858 г. приехал в Москву и, сблизившись со студентами Московского университета, «образовал партию, желавшую коренного

¹⁹¹ Ю. В. Куликов. «Молодая Россия». Некоторые вопросы революционной тактики периода первой революционной ситуации в России 1859—1861 гг., М., 1954 (рукопись).

¹⁹² ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 131, л. 4.

¹⁹³ Там же, ч. 10 В, лл. 48 и др., ч. 3, л. 28 об.; ч. 1, л. 51; А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XVI, стр. 116; Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., т. I, стр. 134, 203—204.

¹⁹⁴ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 131, л. 4.

¹⁹⁵ Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 23.

¹⁹⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 233.

¹⁹⁷ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 106.

¹⁹⁸ Там же, лл. 42, 110.

¹⁹⁹ Там же, лл. 39, 60.

преобразования общественного быта и устройства его на новых началах путем революции»²⁰⁰. Позднее, в 1863 г., полиция разыскивала Деркача, получив сведения о его связях с А. И. Герценом²⁰¹.

Члены кружка Деркача, как сообщает полицейское донесение, поощрялись и направлялись профессором Н. С. Тихонравовым и под его руководством «предались социализму, перешедшему в чистый коммунизм». Профессор Тихонравов, как сообщает то же донесение, подготавливал студентов для пропаганды этого учения в воскресных школах; приглашая их к себе на квартиру, он вел с ними «беседы в духе социализма». Н. С. Тихонравов происходил из разночинцев; он был сыном фельдшера²⁰². В своих научных интересах он проявлял себя как демократ. Подобно тому как революционный демократ Шапов в русской истории интересовался расколом и движениями народных масс, Тихонравов в области русской литературы считал главной задачей изучение «литературных произведений массы». Его внимание привлекали раскольническая литература, вольнодумство XVIII в. В своих лекциях он сочувственно излагал «разные еретические мнения» и останавливал внимание на всех попытках освободиться от мертвящей византийской догмы. Разночинское происхождение Н. С. Тихонравова, его демократические научные интересы и активное участие в организации воскресных школ рисуют его человеком, который действительно мог вести со студентами беседы о передовых идеях приблизительно того содержания, о котором говорится в полицейском донесении.

Данные переписки Н. С. Тихонравова свидетельствуют о том, что он во всяком случае знал о противоправительственном содержании бесед студентов с учениками воскресных школ. Так, в одном из писем, написанном во время поездки в Петербург в декабре 1860 г., когда он возглавлял работу воскресных школ в Москве, Н. С. Тихонравов сообщал своему студенту в Москву: «Внушайте студентам, кого увидите, дух умеренности и миролюбия в школах. Сильно боюсь; есть факты, которые передам при личном свидании»²⁰³. Это письмо говорит о том, что Тихонравову было известно о каких-то опасных речах, которые ведут студенты в московских воскресных школах. Во время краткого пребывания в Петербурге он спешит срочно письмом предупредить студентов об опасности, не откладывая этого до своего возвращения в Москву. 19 января 1861 г., вскоре после возвращения, Тихонравов вынужден был отказаться от участия в работе воскресных школ, а затем был подвергнут каким-то преследованиям, о которых глухо упоминают его друзья; это также указывает на то, что его деятельность в воскресных школах не носила верноподданнического характера. Полицейское донесение о проповеди «социализма, переходящего в коммунизм», вероятно, является преувеличением, но несомненно, что в деятельности Н. С. Тихонравова в воскресных школах было какое-то антиправительственное содержание.

Возможно, что Н. С. Тихонравов был связан с А. И. Герценом. В агентурном донесении, присланном в III отделение в июне 1862 г., в числе лиц, которые состоят в переписке с А. И. Герценом, указан Тихонравов — в Киеве²⁰⁴. Полицейские розыски Тихонравова в Киеве оказались безрезультатными. М. Лемке считает вообще весь этот список выдумкой аген-

²⁰⁰ ГИАМО, ф. Канц. моск. гражд. губернатора, секр. отд., 1863 г., д. 283 («О революционном кружке Деркача»), л. 3.

²⁰¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1863 г., д. 131.

²⁰² «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 136.

²⁰³ «Памяти Н. С. Тихонравова», стр. 33.

²⁰⁴ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., д. 230, ч. 94, л. 3—3 об.

та²⁰⁵. Возможно, однако, что только указание агента на Киев было ошибкой.

О революционной пропаганде среди рабочих в Москве свидетельствует также установление полицией факта чтения «Колокола» рабочими. Так, в 1861 г. на кирпичном заводе Прорехова в дер. Лихоборы Московского у. рабочий этого завода читал своим товарищам «Колокол»²⁰⁶.

Широко проводилась революционная пропаганда в воскресных школах Казани, из которых многие целиком были в руках революционных демократов. Так, в женской воскресной школе и в 1-й мужской, как указывает в одном из своих писем Муравский, направление было «не православно-самодержавное»²⁰⁷.

Революционная агитация велась в воскресных школах и в других городах, но о ней сохранились лишь отрывочные сведения. В докладе следователя по делу об агитации в воскресных школах высказано убеждение, что «хотя в других школах и вне столицы законных улик в пропаганде не открыто, но что она, без всякого сомнения, там проповедывалась,— в этом убеждает все вышеизложенное и самый ход следствия. Отрицательные же донесения в этом отношении начальников губерний, не доказывая ничего, кроме недостатка их надзора, опровергаются примерами вовсе противными»²⁰⁸. Далее приведено несколько таких примеров: в Перми учредителем и распорядителем воскресной школы был Иконников, арестованный на изготовление типографского станка и распространение «возмутительных» воззваний²⁰⁹; в Ардатове (Нижегородская губ.) преподаватель воскресной школы дьякон Щеглов называл себя декабристом²¹⁰.

На широкое распространение революционной пропаганды в воскресных школах указывает и та характеристика, которую Муравский дал работавшим в них студентам. Сообщая в одном из своих писем о том, что в Харькове запрещено преподавать в воскресных школах тем студентам, которые в 1860 г. были под следствием, он добавляет: «Но, разумеется, этим царь мало выигрывает, потому что в наше время нет ни одного верноподданнического студента»²¹¹. В другом письме Муравский развивает мысль об организации пересылки революционной почты путем замещения должностей почтальонов лицами из простого народа, которые получили образование в воскресных школах²¹². Это свидетельствует о том, что воскресные школы в целом служили делу революционного воспитания народа.

Следственная комиссия утверждала в своих докладах, что революционная агитация в воскресных школах не имела никакого влияния на рабочих. Однако в действительности дело обстояло иначе,— об этом говорят и собственные выводы следственной комиссии, считавшей, что «дальнейшее существование воскресных школ на прежних основаниях невозможно без явного вреда для государства и общества»²¹³. Следственное дело о воскресных школах содержит ряд указаний на восприимчивость рабочих к революционной агитации. Так, рабочий фабрики Шау

²⁰⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 386 (прим. М. Лемке).

²⁰⁶ ГИАМО, ф. Канц. моск. гражд. губернатора, секр. отд., 1861 г., д. 135, л. 38—38 об.

²⁰⁷ М. Лемке. Очерки..., стр. 308.

²⁰⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, лл. 42 об.—43.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ М. Лемке. Очерки..., стр. 312.

²¹² Там же, стр. 314.

²¹³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 45 об.

петербургский мещанин Михаил Митрофанов у себя дома в присутствии хозяина перевортывал иконы лицом к стене и даже бросал их на землю²¹⁴. Михаил Митрофанов и рабочие Василий Трифонов, Михаил Федоров, Егор Коченков, Иван Антонов и Карп Андреев распространяли на фабриках прокламацию «Молодая Россия», «Колокол» и другую революционную литературу²¹⁵. Следственная комиссия сообщала царю, что эти рабочие, «зараженные ядом преступного учения», направленного «к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства», вносили «пагубное учение» в артели и «распространяли его между своими товарищами»²¹⁶. Таким образом, революционную агитацию вели среди своих товарищей и сами рабочие. На фабриках, где они работали в тот момент не произошло никаких волнений, но это совсем не значит, что агитация не воспринималась рабочими в артелях. Немедленное выступление или борьба за улучшение положения фабричных рабочих против эксплуатации на фабриках не являлось содержанием революционной пропаганды. Революционная пропаганда того времени сводилась к проповеди общих социалистических идей, борьбы за землю и свободу. Именно в этом и заключается тот разрыв между социализмом и рабочим движением, на который указывает В. И. Ленин, говоря, что в России «социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, *в стороне* от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр.»²¹⁷. Тем не менее проповедь этих идей живо воспринималась рабочими на фабриках. На это указывает тот факт, что никто из рабочих, среди которых велась революционная пропаганда, не донес на своих товарищей. Факты революционной агитации стали известны полиции от рабочего Симохина, который донес об этом своему хозяину фабриканту Меняеву, а последний написал записку министру внутренних дел Валуеву. Однако Симохин был известным в артели предателем. От него тщательно скрывали все революционные разговоры, — именно поэтому он так долго ничего не мог обнаружить, а экземпляр «Молодой России» ему так и не удалось выкрасть у товарищей. Таким образом, правительство узнало об агитации не от тех рабочих, среди которых велась пропаганда в воскресных школах и артелях.

Говоря о поведении арестованных рабочих во время следствия, следственная комиссия стремится уверить царя, что пропаганда не затронула их. Также и М. Лемке, передавая ход следствия, приходит к выводу, что все рабочие с готовностью доносили на своих преподавателей. Однако материалы следствия опровергают такой вывод. В первый момент после ареста рабочие, запуганные полицейскими угрозами и суровым режимом заключения, действительно дали показания о чтении нелегальной литературы и противоправительственных беседах преподавателей воскресных школ. При допросах следователи с ловкостью опытных полицейских оперировали сведениями, полученными от предателя Симохина, и заставляли рабочих признать те факты, которые были уже известны полиции. При допросах рабочих им нередко навязывали явные полицейские выдумки. Так, в текст показаний некоторых из арестованных рабочих включались «показания» о том, что в воскресных школах учили поджигать и сжечь весь Петербург. Эта выдумка игнорировалась даже самими следователями и в дальнейшем опускается в деле. Условия заключения аре-

²¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 9, II отд., 1-й стол, 1863 г., д. 11, л. 181—181 об.

²¹⁵ Там же, лл. 71 об.—72, 104 об.—105.

²¹⁶ Там же, л. 70—70 об.

²¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236.

стованных рабочих были чрезвычайно тяжелые и граничили с пыткой. Один из рабочих, Карп Андреев, умер в тюрьме; о тяжелом состоянии остальных свидетельствует письмо генерал-губернатора Суворова к начальнику III отделения Долгорукову. 2 августа 1862 г., сообщая о смерти Карпа Андреева, Суворов писал, что «таковой же участи могут подвергнуться другие лица, взятые по тому же делу, если в отношении их не последует вскоре надлежащего решения»²¹⁸. О тяжести условий заключения говорят также и приводимые в следственном деле цифры суточного содержания арестованных. Арестованным отпускалось 25 коп., а для арестованных из «простого народа» сумма суточного содержания составляла всего 8 коп. Эта сумма была так мала, что в дальнейшем даже сам комендант Петропавловской крепости просил об ее увеличении²¹⁹.

Несмотря, однако, на эти тяжелые условия заключения, несмотря на угрозы и запугивание при допросах, рабочие не подтвердили следственной комиссии даже всего того, что говорилось в доносе Симохина. В ряде случаев рабочие стремились своими показаниями облегчить участь учителей. Так, Карп Андреев изменил свое первоначальное показание, желая смягчить обвинение, выдвинутое против поручика Ушакова²²⁰. Рабочий Иван Антонов, который заявлял следственной комиссии, что он переписывал прокламацию «Молодая Россия» для того, чтобы отнести ее в полицию, охарактеризован М. Лемке как доносчик. Однако о нем следует судить не по его словам на следствии, а по его делам. В действительности он не отнес переписанную им прокламацию в полицию даже тогда, когда был арестован живший в одной комнате с ним товарищ. Вместо того чтобы при подобных обстоятельствах поспешить доказать полиции свою преданность самодержавию, Антонов переписанную им прокламацию вместе с нелегальной литературой, спрятанной у товарища, спрятал в более надежное место²²¹. Эти факты убедительно свидетельствуют о революционных настроениях рабочих.

О том, что рабочие уже при первом соприкосновении с революционерами в начале 60-х годов были очень восприимчивы к революционной агитации, говорят и воспоминания современников. Так, Г. В. Плеханов рассказывает, что в 1877 г. он встречал в Саратове рабочих, которые не забыли агитацию Христофорова (А. Х. Х.), организовавшего в Саратове в начале 60-х годов производительную ассоциацию плотников²²². Рабочий Волков также вспоминает о глубоком влиянии, которое оказала на него революционная агитация в начале 60-х годов. Волков и его товарищи-рабочие сделали, по его словам, «пропагандистами социалистических идей» уже с того времени, когда впервые услышали революционные беседы от казанского студента Орлова, сосланного в Спасский затон за участие в студенческих волнениях в Казанском университете²²³.

Вообще рабочие обнаружили огромную тягу к передовой демократической интеллигенции. Даже такой непричастный к революционному движению современник, как Н. В. Стасова, отмечает, что «обе стороны бежали друг к другу навстречу»²²⁴. Это стремление революционной интелли-

²¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263, л. 28—28 об.

²¹⁹ Там же, д. 230, ч. 12, л. 34 об.

²²⁰ ЦГАВМФ, ф. 9, II отд., 1-й стол, 1863 г., д. 11, лл. 158—160.

²²¹ ЦГИАМ, ф. Особого присутствия Правит. сената, 1862 г., д. 6, л. 7.

²²² Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Госполитиздат, 1940, стр. 83.

²²³ Э. А. Корольчук. Северный союз русских рабочих и рабочее движение 1870-х годов, Л., 1946, стр. 268.

²²⁴ В. В. Стасова. Указ. соч., стр. 77.

генции сблизиться с народом и тяга народа к передовой интеллигенции вызывали сильнейший страх правительства перед возможностью «согласия мещан и крестьян» с революционерами²²⁵. Именно этим страхом царя и правительства объясняется жестокость репрессий, обрушившихся на воскресные школы, их преподавателей и учеников в 1862 г.

В июне 1862 г. воскресные школы, как уже отмечалось, были, по распоряжению правительства, закрыты. Предлогом для этого послужили установленные факты революционной пропаганды в Сампсониевской и Введенской школах Петербурга и петербургские пожары. Однако и до этого, как было показано выше, царь и правительство делали все для того, чтобы косвенными путями добиться прекращения существования воскресных школ, — для прямого их закрытия ждали только подходящего предлога. Приговоры за революционную агитацию в воскресных школах отличались чрезвычайной жестокостью. Поручик Я. А. Ушаков был приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами каторжных работ, П. Боневоленский — к ссылке в отдаленные места Сибири, В. Хохряков был приговорен к пяти годам каторжных работ. К. Крапивин сошел с ума до окончания следствия.

По отношению к рабочим приговор был мягче, — в них хотели поддержать веру в царя и его милосердие и считали достаточным запугать их угрозами. Михаил Митрофанов был приговорен к трехнедельному аресту с отдачей под надзор полиции на три года. Василий Трифонов и Михаил Федоров — к наказанию розгами по 15 ударов и отдаче под надзор полиции на год, Егор Коченков — к наказанию 15 ударами розог, а Ивану Антонову было сделано строгое внушение, чтобы в будущем он немедленно доносил об известных ему преступлениях²²⁶; Карп Андреев, как уже указывалось, умер во время следствия.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что в годы первой революционной ситуации революционерами была сделана попытка организовать революционную агитацию среди народа — в первую очередь среди фабричных рабочих — через воскресные школы. В условиях революционной ситуации 1859—1861 гг. эта попытка революционного сближения с народом нашла живой отклик у рабочих и вызвала сильнейший страх правительства, обрушившего на воскресные школы жестокие репрессии. Несмотря на то, что круг охваченных революционной пропагандой рабочих был сравнительно с общей массой угнетенного населения России весьма незначителен, революционная проповедь того периода имела огромное значение для развития революционных идей в России. В. И. Ленин писал, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»²²⁷. Революционная пропаганда среди рабочих в годы первой революционной ситуации не пропала даром, несмотря на то, что в тот момент еще не были ощутимы ее плоды.

²²⁵ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 33.

²²⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 263; «Сенатские ведомости» от 22 марта 1863 г.; «Колокол», 1863, № 161; «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, Штуттгарт, 1903, стр. 213; В. Бурцев. За сто лет, ч. 2, Лондон, 1897, стр. 58; Б. Глинский. Указ. соч., ч. I, стр. 180; М. Лемке. Очерки..., стр. 408.

²²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

П. К. ФЕДОРЕНКО

«РУДНИ» XVI—XIX вв. НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Темой настоящей статьи является вопрос о «руднях», т. е. о водяных мельницах, приспособленных к добыванию «сыродутного» железа непосредственно из руды. Важность этой темы не вызывает сомнений, поскольку без изучения «руден» нельзя полностью воспроизвести историю черной металлургии на территории СССР. Между тем в специальной литературе по истории металлургии этот вопрос либо вовсе не получил освещения, либо освещен неправильно и во всяком случае недостаточно. Так, например, П. Г. Любимиров, автор крупного исследования по географическому размещению металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и XIX вв., отмечает в левобережной части Украины «в нескольких местах рудни монастырей и старшины», где в небольших ручных горнах добывалось ничтожное количество железа, не превышавшее в общем нескольких сот пудов¹. Это утверждение неверно, так как в руднях главные операции по добыванию железа были механизированы при помощи мельничного колеса, а общее количество добывавшегося на руднях железа исчислялось не сотнями, а десятками тысяч пудов.

В послевоенное время написано несколько пока еще неопубликованных или лишь частично напечатанных кандидатских работ по истории промышленности на Украине². В каждой из них несколько страниц уделено и рудням. Но эти беглые сообщения, основанные на случайных материалах, не дают полного представления ни о географическом распространении руден, ни об их социально-экономическом значении. Даже в таком крупном исследовании по истории черной металлургии, как книга академика С. Г. Струмилина³, где имеются некоторые данные о руднях (смоленских, киевских и волынских), рудне как форме мелкой промышленности, имеющей свои особенности, не уделено должного внимания.

Начинать изучение этого важного вопроса нужно, очевидно, с опубликования архивных материалов о руднях и монографического изучения руден по отдельным территориям, со всеми их местными особенностями.

¹ П. Г. Любимиров. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв., М.—Л., 1947, стр. 297. На стр. 499 сделана неправильная оценка правобережных руден.

² Л. К. Копелев. К вопросу о возникновении и развитии капиталистической промышленности на Украине, Харьков, 1949; А. М. Пономарев. Промышленность Левобережной Украины во второй половине XVIII в., Киев, 1952; М. М. Середенко. Початковий період у розвитку заводської металургії на Україні — «Наукові записки Інституту економіки», № 2, Киев, 1954; Г. И. Подлукский. Развитие мануфактурной промышленности на Левобережной Украине в 20—80 годах XVIII в., Киев, 1952.

³ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954, стр. 48, 59—61, 76.

Рудня представляет большой интерес как широко распространенный в XVI—XIX вв. тип металлургического предприятия с водяным колесом, которое «характерно для энергетики феодализма»⁴. Настоящая статья является первым опытом изучения вопроса о руднях в целом.

* * *

Первые рудни на Левобережной Украине появились в конце XVI—начале XVII в., до появления первых крупных железных мануфактур в России. Так, одна из самых ранних руден черниговского Полесья у с. Светильнова возле р. Остер упоминается в 1628 г.⁵, причем имеются сведения о том, что возникла она в конце XVI в. В XVI в. появляются металлургические мельницы на правом берегу Днепра. Наиболее древней рудней Правобережья является Радомысльская рудня, упоминаемая в описи владений Киево-Печерского монастыря 1593 г.⁶ С XVI в. вводится обложение налогами правобережных руден, причем единицей обложения является водяное колесо («коло») ⁷. С XVI в. гидравлические установки устраиваются на боярских и монастырских руднях в России⁸. Таким образом, рудня («млин на руду»), если рассматривать ее в масштабе территории СССР, предшествовала появлению первых крупных металлургических мануфактур в России XVII в.

В связи с этим внимание исследователя черной металлургии на территории СССР привлекает исторический период с XIII по XVII в., на протяжении которого возникла рудня — водяная мельница, приспособленная для металлургических целей. В древней Руси X—XIII вв. была широко развита выплавка железа из местных руд в специальных домницах с дутьем ручными мехами⁹.

Какими же путями шло дальнейшее развитие металлургии на землях, входивших в состав древней Руси? Советские археологи и историки отмечают на ее северных, северо-западных и центральных землях широкое распространение крестьянских «мелких железоделательных промыслов» с ручными плавильными домницами и выплавкой железа сыродутным способом. Железоделательные промыслы развивались везде, где обнаруживались залежи луговых, болотных и озерных руд. Руды эти залегали обычно неглубоко и добыть их было нетрудно, поэтому многие крестьяне в свободное от сельскохозяйственных работ время занимались добычей железа. Так, в XV в. в новгородских писцовых книгах на финском побережье (особенно в районе Ям — Копорье) зарегистрированы сотни крестьянских домниц в дворцовых и помещичьих деревнях. Наряду с домницами в районах выделения сыродутного железа существовали «железцовые» кузницы для удаления из криц шлаков.

В специальной работе С. В. Бахрушина указаны главные районы железоделательной промышленности в Русском государстве XVI в.¹⁰ На

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ «Архив Юго-Западной России», ч. VII, т. I, Киев, 1886, стр. 343.

⁶ «Архив Юго-Западной России», ч. I, т. I, Киев, 1859, № 91.

⁷ «Volumina legum», т. II. См. универсалы 1564, 1567, 1569, 1573, 1578, 1580, 1581, 1589 гг.

⁸ С. Г. Струмилин. Указ. соч., т. I, стр. 57—61.

⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М.—Л., 1948; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси, М., 1953; П. Федоренко. Техника древней Руси — «Новый мир», 1954, № 3 (Рецензия на книгу Б. А. Колчина).

¹⁰ С. В. Бахрушин. Железоделательные районы в Русском государстве XVI в. — «Вопросы географии», сб. 20, М., 1950, стр. 42—68.

первом месте здесь стоит район Серпуховско-Тульский, где добывание железной руды возле Серпухова отмечено Герберштейном (1517) и возле Каширы—Барберини (1564). На базе залежей железной руды в Серпуховском крае развилось значительное кузнечное производство в Серпухове и Туле. Богатые залежи болотной руды уже в начале XVI в. послужили базой для развития железоделательной промышленности в Новгородском крае (Тихвин, Новгород и др.). В XVI в. большое значение приобрела железоделательная промышленность района Устюжны Железопольской, и сама она стала важнейшим центром кузнечного ремесла. В XVI в. выделяется как крупный центр железнорудной и железообрабатывающей промышленности Заонежье. Карельский уклад из лопских погостов Заонежья пользовался не меньшей известностью на широком рынке XVI в., чем новгородский и тихвинский уклады. Крупное значение железные промыслы и торговля железом имели на землях по Северной Двине и Сухоне (Холмогоры, Великий Устюг с уездом, Тотьма, Вологда, Соль Вычегодская и др.) и в Белозерском крае. Крупнейшим центром железообрабатывающей промышленности в XVII в. являлась Москва. В восточном Замосковье заметными центрами этой промышленности в XVII в. сделались Галич, Кострома и Нижний Новгород с уездом.

Эта короткая сводка приведена для того, чтобы показать географическое распространение мелких железоделательных промыслов на северных, северо-западных и центральных землях, входивших в X—XIII вв. в состав древней Руси, и подчеркнуть то отмеченное С. В. Бахрушиным обстоятельство, что в Серпухово-Тульском, Новгородском, Устюженском, Олонецком и Белозерском районах все железоделательные и железообрабатывающие промыслы были крестьянскими. Заметим кстати, что в конце XVIII в. шведский металлург Норберг, описывая сыродутные горны в районе Устюжны Железопольской, еще яснее высказал эту же мысль, подчеркнув ее другую сторону: «На территории приблизительно 100 верст в длину и 80 в ширину, где не проживает никто из дворян, можно считать большинство мужского населения прирожденными кузнецами»¹¹. Единственной широко распространенной формой предприятия этой мелкой крестьянской промышленности в XVI в. является домница, в которой вываривание сыродутного железа производилось при помощи ручных мехов.

Наряду с этим мелким ручным производством, начиная с XVI в. на указанной территории намечается и нечто новое: попытки использования водяной энергии на руднях в боярских и монастырских владениях. Например, боевой молот с приводом от водяного колеса применялся для отжимания железных криц у Строгановых в 1583 г. Такой же «молот большой, именуемый казак, которым тянут железо водою» употреблялся в 60-х годах XVI в. на рудне Соловецкого монастыря. Несколько руден с вододействующими механизмами были построены польскими мастерами в вотчинах боярина Б. И. Морозова. Но случаи применения вододействующих механизмов здесь еще редки, и господствующей формой металлургического предприятия до появления крупных мануфактур в XVII в. являются мелкие крестьянские домницы с дутьем ручными мехами.

Развитие металлургии на южных и западных землях, входивших в

¹¹ «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.», т. I, М.—Л., 1935, стр. 323. Подчеркнуто нами.—П. Ф.

X—XIII вв. в состав древней Руси, шло в основном путем организации с XVI в. руден с водяным колесом. «И Белоруссия, и Литва, и Западная Украина (а мы добавим к этому Левобережную Украину, Киевщину и Волынь. — П. Ф.), — отмечает П. Г. Любомиров, — были районами мелкой, но преимущественно в руках помещиков находящейся промышленности»¹².

Рудня как мельница, использовавшая в производстве силу течения речной воды при помощи мельничного колеса, представляет собой, несомненно, новый этап в процессе развития производительных сил в области металлургии и должная, по верному замечанию С. Г. Струмилина, рассматриваться «как следующая ступень от ручных крестьянских промыслов к механизированной мануфактуре»¹³.

Но прежде чем обосновать это и дать социально-экономическую характеристику рудни как формы, предшествовавшей крупной мануфактуре, необходимо убедиться в широком распространении этой формы, так как значительность явления определяется не только качественными, но и количественными его показателями.

* * *

Большинство руден было расположено в Полесье, охватывающем пределы южных областей Белорусской ССР (главным образом в Брестской, Гомельской, Могилевской и Минской областях) и северо-западной части Украинской ССР (в Волынской, Ровенской, Житомирской и Киевской областях), преимущественно в бассейне р. Припяти на правом берегу Днепра и в бассейне Десны и Сожа на левом его берегу. Левобережное Полесье носит название черниговского.

О распространении руден общее, но довольно точное представление дает топонимика. Рудни Полесья, просуществовав около четырех столетий, исчезли, уступив место другим формам металлургической промышленности и оставив память о себе в названиях слободок, деревень и сел. Изучая списки населенных мест тех губерний, которые были полностью или частично расположены в бассейнах названных выше рек и других притоков среднего Днепра, мы имеем для конца XIX и начала XX в. следующее количество населенных пунктов с названиями, относящимися к добычанию железной руды и выплавке из нее железа («Рудня», «Руденка», «Дымарка», «Гамарня»))¹⁴ (см. таблицу на стр. 214).

К этому числу необходимо присоединить 107 селений под названием «Руда» (рудня), находящихся на той же территории¹⁵.

Таким образом, по всему Полесью топонимика насчитывает 526 названий селений, в которых производилась добыча железа и его обработка. Возникает вопрос о достоверности топонимической статистики руден.

¹² П. Г. Любомиров. Указ. соч., стр. 429.

¹³ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 61.

¹⁴ Дымарка (польск. *dymarka*)—плавильня; гамарня (польск. *hamarnia*)—молотовая. Эти два названия железного завода обозначают не предприятие в целом, а его две отдельные части. Раздельное существование заводов, добывающих из руды металл, и заводов, обрабатывающих этот металл, мы наблюдаем и в Тульском районе и на Урале в XVII—XVIII вв. (заводы доменные или кричные и молотовые).

¹⁵ Селения под названием «Руда» выделены нами в отдельную группу для удобства проверки, так как на географических картах того времени и в географических словарях, кроме селений под названием «Руда», имеется множество рек и урочищ. В наш подсчет вошли только селения.

Губернии	Число селений под названием „Рудня“, „Руденка“, „Дымар- ка“, „Гамарня“
Черниговская ¹⁶ .	34
Минская ¹⁷	78
Киевская ¹⁸	41
Волинская ¹⁹ . . .	134
Могилевская ²⁰ . .	43
Витебская ²¹ . . .	25
Виленская ²² . . .	38
Смоленская ²³ . .	16
Гродненская ²⁴ . .	10
Всего . . .	419

Проверка топонимических данных данными сохранившихся документов всегда свидетельствует о том, что селения эти получили свои названия от бывшего здесь когда-то железного завода. Для руден левобережного Полесья это твердо установлено. Полевой проверкой топонимических и документальных данных, предпринятой в 1930 г. в западной части черниговского Полесья, легко устанавливалось место железного завода по грудам шлаков, сплавов, углей, руды и пр. Так, в с. Кореновой рудне обнаружена плотина из железных шлаков. Строения бывшей рудни помещались возле речки и на самой речке, на которой в момент обследования были видны остатки свай. В с. Лизуновой рудне на р. Сухой Вир возле моста сохранился холмик, насыпанный из шлаков²⁵. Экспедицией Академии наук Белорусской ССР в 1938 г. на территории Белоруссии выявлено 48 мест, где в разное время существовали рудни. В 21 селении под названием «Рудня» экспедицией найдены целые кучи шлаков, в шести селениях обнаружены, кроме того, гати из шлаков и вымощенные отходами руден дороги. Среди жителей четырех селений сохранились воспоминания о работе их предков на помещичьих руднях, где использовалась энергия речной воды при помощи водяных колес²⁶. Существование железных заводов в селениях правобережного Полесья, носящих и по сей день название «Рудня», констатировано в 1824 г. берггауптманом Гельманом, который отметил в Волинской и Киевской губерниях до 130 дей-

¹⁶ «Список населенных мест Черниговской губернии», Чернигов, 1902.

¹⁷ В. С. Ярмолович. Алфавитный список населенных мест Минской губернии. Минск, 1909.

¹⁸ «Список населенных мест Киевской губернии», Киев, 1895.

¹⁹ По карте Западной России Шуберта по девяти уездам Волинской губ. показано 101 селение с названием «Рудня». Подсчет по карте сделал Н. Бунге («Исследования о железной промышленности в губерниях Киевского учебного округа», т. III, Киев, 1855, стр. 6), который из других источников добавил к этому числу еще 33 названия «Рудня», пропущенные на этой карте. По «Списку населенных мест Волинской губернии 1909—1911 гг.» (Житомир, 1909—1911) показано всего 107 названий.

²⁰ «Список населенных мест Могилевской губернии», Могилев, 1910.

²¹ «Список населенных мест Витебской губернии», Витебск, 1906.

²² И. Гошкевич. Полный список населенных мест Виленской губернии. Вильна, 1905.

²³ «Список населенных мест Смоленской губернии», СПб., 1868.

²⁴ «Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich», t. IX, Warszawa, 1888.

²⁵ Педан. Геологічна побудова Чернігівської округи, Чернигов, 1931, стр. 46—47.

²⁶ А. Н. Ляуданскі. Да гісторыі жалезнага промыслу на Полесьсі, Минск, 1938, стр. 18—36.

ствующих руден²⁷. В 1854 г. проф. Бунге обнаружил на той же территории 44 железных действующих завода в селениях, носивших название «Рудня»²⁸. В альбоме де ла Флиза 1854 г. сохранились зарисовки таких сел Киевской губ. и изображения железных заводов (руден), а также записи преданий о существовавших железных заводах в селах, носивших название «Рудни»²⁹. На основании этих соображений приведенную цифру в 526 руден на Полесье можно считать вполне достоверной.

Однако следует учитывать, что не всякое селение, где был железный завод (рудня), сохранило такое название. Например, в черниговском Полесье есть ряд селений — Шкурянка, Редьковка, Писарка, Золотовка, Голубова, Воловка и др., которые раньше назывались Шкурина рудня, Радкова рудня, Писарева рудня, Рудня Воловка и т. д. С течением времени они приобрели более короткие обиходные названия, которые без документального исследования нельзя внести в список руден, составленный на основании топонимики. Не попали в этот список и те рудни, память о которых угасла вместе с исчезновением руднянской слободки.

В связи с этим можно сделать уже проверенный на основании изучения левобережных руден общий вывод о том, что предприятий было больше, чем об этом можно судить по списку, составленному по топонимическим данным. Так, например, в левобережном Полесье сохранилось всего 34 топонимических названия руден (29 селений с названием «Рудня», два с названием «Руденка», два с названием «Дымарка» и одно с названием «Гамарня»), между тем общий список руден черниговского Полесья включает почти 100 названий. Уже на основании этого общее число руден (526) можно увеличить до 588, включив в него все 96 левобережных руден.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что во всем Полесье руден было не менее 1000³⁰.

Только монографическое изучение руден киевских, волынских, белорусских, литовских, западноукраинских, при котором будет выявлена история каждой рудни, даст точную статистику руден Полесья, но если даже принять общее число руден, из которых каждая имела по два горна, за 1000 и сравнить это число с 3000 горнов, которое С. Г. Струмилин считает возможным в первой половине XVIII в. для всей страны³¹, становится вполне ясным, что в «рудне» мы имеем широко распространенную форму промышленного предприятия, предшествовавшего появлению крупных мануфактур в России. Местами (на Волыни, Киевщине, в Белоруссии, черниговском Полесье) эта форма была господствующей.

* * *

Общей чертой всех полесских руден — левобережных и правобережных — является механизация основных производственных операций сыродутного процесса (вываривание железа и егоковка) при помощи водяного мельничного колеса. Наиболее распространенным видом рудни на

²⁷ С. Г. Струмилин. Указ. соч., т. I, стр. 76.

²⁸ Н. Бунге. Указ. соч., стр. 25.

²⁹ «Медико-географическое описание государственных имуществ Киевского округа...» (Публичная государственная библиотека АН УССР, Отдел рукописей).

³⁰ Для справки приводим из книги С. Г. Струмилина примеч. 40 на стр. 48: «На одной лишь правобережной Украине насчитывалось при Екатерине II до 500 руден, из которых к 1836 г. осталось лишь 153, а еще через 20 лет только 61» («Наукові записки Інституту економіки», № 2, Киев, 1954, стр. 119).

³¹ «...Нет никакого сомнения, что по всей стране, с учетом и всех некрестьянских домов, число таких ручных горнов было не меньше 3000» (С. Г. Струмилин. Указ. соч., т. I, стр. 48).

Левобережной Украине в XVII—XVIII вв. была рудня на два горна и три колеса. В составленной нами таблице показаны 22 левобережных рудни указанного вида.

Оборудование руден Левобережной Украины в XVIII в.

Рудни	Год	Число водяных колес	Распределение колес	Число горнов	Число кожаных мехов	Число больших молотов	Число наковален к ним	Инвентарь руден (в штуках)
Палужская	1749	3	—	—	—	—	—	29
	1768	3	„О двух меховых и об одном молотовом колах“	2	4	1	1	27
	1786	3	—	2	4	1	1	24
На р. Судинке	1732	3	—	—	—	—	—	—
На р. Воронусе	1753	3	—	—	—	—	—	—
Беловодка	1768	3	—	—	—	—	—	—
Ходинская	1781	3	—	—	—	—	—	—
Ропчик	1749	3	—	2	—	1	1	27
Ельня	1781	3	„Одно колесо действует молотом, другое мехом, производящим огонь и железо, а третье — разогревающее железо“	—	—	1	1	—
Комаровка	1768	3	—	—	—	—	—	—
Воловка	1732	—	—	3	—	—	—	—
Голубовка	1768	—	—	4	—	—	—	—
Вепринская	1781	3	„При сей рудне кол 3: действующие с них 2 кола четырьмя уделанными в печь мехами, а третье коло действует большим железным на ковадли молотом“	2	4	1	1	—
Переездinская	1781	3	—	—	—	—	—	—
Грибова	1768	3	—	2	—	—	—	—
Лесковская	1768	3	Относительно каждой из них сказано: „Железный завод и кузня, где железо делается при трех колах, что руду жмут и железа куют“					
Нововертецкая	1768	3						
Неданчицкая	1701	3	—	2	4	1	1	17
Шевченкова	1734	—	—	2	—	—	—	—
Лозовская	1734	—	—	2	—	—	—	19
	1747	—	—	—	4	1	1	—
Щербиницкая	1734	3	—	2	—	—	—	—
Кривушинская	1734	—	—	2	—	—	—	—
Моровская	1786	—	—	—	4	1	1	21
На р. Убеди	1666	3	—	—	—	—	—	—

Из таблицы видно, что между количеством колес, горнов и мехов в рудне существовало определенное соотношение. Рудня на три мельничных колеса имела два горна — плавильный и кричный³², в каждый из ко-

³² В описании Лозовской рудни 1747 г. два меха из четырех названы «дымарскими», т. е. плавильными, а два других — ковальскими (ЦГИА УССР, ф. 163 — Троицко-го Ильинского Черниговского монастыря, 1747 г., д. 79, л. 1).

торых была вделана пара кожаных мехов, приводившихся в движение двумя отдельными водяными, обычно подливными колесами. При помощи третьего колеса был механизирован большой молот для отжимания криц. Такое распределение колес вполне подтверждается описаниями отдельных левобережных руден. Соотношение между количеством водяных колес, горнов и мехов в рудне дает возможность в том случае, если в описании рудни приведены не все три данные, по одному из них восстановить остальные. Приведенная таблица, подтвержденная несколькими описаниями руден, дает право утверждать, что наиболее распространенным видом рудни на левобережном Полесье в XVII—XVIII вв. была рудня на два горна и три водяных колеса. Изредка, впрочем, встречались «руденки» на одно колесо при двух горнах, и в одном лишь случае рудня, помещавшаяся в двух сараях, имела четыре горна (рудня Голубовка).

О том, что рудни правобережного Полесья (Киевщина и Волынь) были устроены так же, как и рудни левого берега Днепра, мы имеем несколько вполне надежных свидетельств современников. Одно из них, относящееся к середине XIX в., принадлежит Н. Бунге. Число действовавших здесь в то время руден было 44 (на Волыни — 39, в Киевщине — 5).

Устройство правобережной рудни Н. Бунге описывает так: «Лупою³³ называется печь с открытым четвероугольным горном. В горн засыпается уголь и руда, которая плавится при вдувании воздуха посредством мехов, приводимых в действие водяным колесом вместе с молотом для проковки комьев железа (луп или криц). Над печью устроен сарай»³⁴. В этом описании совершенно отчетливо говорится о механизации при помощи водяных колес двух производственных операций — варки железа и проковки криц.

Те же рудни правобережного Полесья на Волыни и Киевщине более подробно и точно описаны берггауптманом Гельманом, командированным в 1824—1825 гг., по предложению министра Канкрин, в Полесье, чтобы выяснить вопрос о возможности устройства здесь казенного железного завода. Отчет Гельмана «Описание существующих в Полесье железных заводов, их устройстве, способе добычи руд, их обработки и средства к лучшей выделке железа» хорошо известен и использован в специальной литературе³⁵. Он содержит ценный материал, характеризующий рудни правобережного Полесья, где в это время на Волыни и Киевщине было до 130 руден.

В § 76 этого отчета есть описание внешнего и внутреннего устройства рудни. Из него видно, что рудни правобережного Полесья, как и рудни левого берега Днепра, были механизированы при помощи трех водяных мельничных, обычно подливных, колес. Распределение этих колес совершенно такое же, как и у левобережных руден: одно колесо для мехов у плавильного горна, одно — для мехов у кричного горна и одно — для действий расковочного большого молота³⁶ от 5 до 8 пуд. весом. Как и левобе-

³³ Слово «лупа» в киевском и волинском Полесье употреблялось в двух значениях: печи и крицы. Н. Бунге считает, что слово «лупа» в значении печи происходит от немецкого *Luppenfeuer*, которым назывались печи, сходные по устройству с правобережными. Иногда слово «лупа» в значении печь переносилось на весь завод, но в топонимике сохранилось для железного завода лишь название «рудня». На левобережных руднях «лупа» значит «крица». Так, рудник Неданчицкой рудни Максим Радошевич одолжил кузнецу Петру Дрию «луп железа сорок» (ЦГИА УССР, ф. 133, 1669 г., д. 32).

³⁴ Н. Бунге. Указ. соч., стр. 25.

³⁵ См. С. Г. Струмилин. Указ. соч., т. I, стр. 76 и сл.; М. М. Середенко. Указ. соч., стр. 110, а также упомянутую диссертацию Л. М. Копелева.

³⁶ К. Скальковский. О горном промысле в Западной России.—«Горный журнал», 1864, ч. I, стр. 449.

режная рудня, правобережная «лупа» представляла простой дощатый сарай, площадью 10×5 арш., покрытый дранью с трубами для двух горнов. В отличие от описания Н. Бунге здесь более основательно описан сыродутный горн. Нижняя его часть, сложенная из булыжника в аршин высотой, являлась фундаментом печи, в которой вываривалось железо. Высота внутреннего горна от пода до устья составляла около двух футов. В горне выплавляли за 12 часов крицу или лупу до 7 пуд. Эта извлеченная из горна большими («лупными») щипцами крица околачивалась деревянным молотком от шлака, обжималась при помощи большого молота и рассекалась на несколько частей, обычно на три. О том, что и на левобережных руднях действовали таким же образом, свидетельствуют инвентари некоторых левобережных руден, где в числе прочих инструментов имеется «крук, что лупы качают» (т. е. выкатывают из горна), «сокирка, что лупы рубят», «клещи лупные», при помощи которых лупа (крица) подкладывалась для отжимания под большой молот. Из семипудовой крицы, по Гельману, выковывали за день до 4 пуд. дельного железа. Общая же выплавка дельного железа на одну кузню колебалась от 50 до 500 пуд. в год.

В дополнение к этим описаниям киевских и волынских руден следует указать на то, что в музеях УССР сохранилось несколько больших железных молотов, употреблявшихся на руднях Правобережья: два молота — из руден Дымерской и Белобережской — хранятся в Киевском историческом музее, один молот — в Луцком краеведческом музее.

О том, что белорусские рудни, подобно левобережным рудням и правобережным «лупам», были механизированы при помощи водяных колес, свидетельствует описание белорусских руден, сделанное в конце XVIII в. А. Мейером. «Кричевские рудоплавильни, подобные прочим белорусским, — гласит это описание, — состоят большею частью из одного только железного молота, действующего вместе с надуванием мехов, водою. Домны у них бывают маленькие, так что не более в себя вмещают как от одного до двух пудов руды, и не чаще двух разов в сутки наполняются. Они имеют вид конусный, и рудники насыпают их сперва угольями и, разогрев оные, наполняют помаленьку рудою, которую сверху опять, накрыв угольями, до тех пор в сем состоянии оставляют, пока в домне найдут уже совсем выплавленное железо». Автор сообщает при этом, что «руда легко расплавливается, ибо ее в 12 часов растопить и из десяти пудов руды наверное два пуда железа получить можно»³⁷.

Это описание дает изображение сыродутного способа вываривания железа в белорусских руднях, где главные операции производились при помощи водяных колес. Сохранившееся описание Глебовой рудни, находившейся на правом притоке Березины южнее Бобруйска, вполне это подтверждает. Она имела четыре горна и два водяных колеса с железными веретенами, два больших железных молота с двумя наковальнями и 11 штук мелкого инвентаря³⁸. Из работы А. Н. Лявданского о белорусских руднях известно, что в 1925 г. был найден большой кричный молот на месте бывшей рудоплавильни в белорусском селе Есиповой Рудне Мозырского района. Другой железный молот весом 102 кг (6 п. 15 ф.)

³⁷ А. Мейер. Описание Кричевского графства или бывшего староства (1786 г.). — «Могилевская старина», вып. 2, Могилев, 1901; А. Н. Лявданскі. Указ. соч., стр. 10.

³⁸ К. Кернажицкий. Брожскі ключ 1639—1810 гг. — «Працы клясы гісторыі Беларускай АН», т. III, Менск, 1929, стр. 153. Название этой рудни сохранилось в «Списке населенных мест Минской губ.».

найден на месте бывшей рудни XVII—XVIII вв. на р. Гайне, в совхозе Антонополь Смолывицкого района³⁹. В этой же работе есть сведения о нахождении третьего молота на месте железного завода в с. Рудне Нисимковской Чачерского района. Исследователи белорусских руден⁴⁰ считают, что белорусская рудня из 40 пуд. руды и двух коробов древесного угля с примесью извести давала от 4 до 7 пуд. крицы в сутки. По рассказам старожилов, в XIX в. на белорусской рудне в с. Демидовская Рудня Наровлянского района выделялось от 7 до 15 пуд. железа в сутки.

Приведенные данные о механизации руден правобережного Полесья (киевских, волынских, белорусских) относятся, как и сведения о механизации левобережных руден, к XVIII—XIX вв. Но они были механизированы значительно раньше. Имеется много документальных данных, которые говорят о том, что приспособление водяной мельницы к рудному делу произошло на указанной территории в середине XVI в. Так, например, в писцовой книге Пинского староства в Белоруссии, относящейся к 1561—1566 гг.⁴¹, при описании с. Куреличи упоминаются рудничьи расчистки, «рудничья мельница», поле, принадлежащее «рудокопу Ивану», и курелицкая «руда», т. е. рудня. В известном «Уставе на волоки» 1557 г. уже упоминаются «млины на руду»⁴², т. е. водяные мельницы, приспособленные к добычанию железа из руды. Эти мельницы уже во второй половине XVI в. становятся предметом обложения на всей указанной территории правобережного Полесья. Это видно из так называемых «поборовых универсалов» польских королей, сохранившихся за ряд лет. Так, во втором томе «*Volumina legum*» приведено восемь таких универсалов за 1564—1589 гг., из которых видно, что обложению подлежали предприятия и работники этих предприятий. В универсале Сигизмунда Августа от 11 августа 1569 г., например, обложение руден и их работников сформулировано так: «Рудники, которые делают железо, т. е. мастера (*mistrzowie*), от каждого водяного колеса должны платить 30 грошей. А где водой не делают, в тех руднях (*rudach*), где есть только ручная работа, как в Литве, по 6 грошей. А их ремесленники — по 2 гроша. Ремесленники и товарищи тех же мастеров, т. е. угольщики, дымари, ковали, рудокопы, плокари, — каждый по 6 грошей»⁴³. Отсюда видно, что в универсале различаются два рода предприятий, добывающих из руды железо: рудни, в которых работа была механизирована при помощи водяного колеса, и рудни, в которых производилась только ручная работа. С механизированных руден налог взимался с каждого водяного колеса («кола»).

Благодаря этому обстоятельству в перечнях руден, обложенных налогом в соответствии с этими универсалами, указано количество колес в каждой обложенной налогом рудне. Так, в «Тарифе подати Киевского воеводства» за 1631 г.⁴⁴ указано, что с рудни старосты овручского Степана Немирича, находившейся возле с. Бондаров, платят «с кол рудничьих

³⁹ Изображение этого молота приведено в указанной работе Лявданского на стр. 9.

⁴⁰ См. «Працы Полеской экспедыцыі», вып. 2; «Савецкая краіна», 1931, № 12; 1932, № 5; А. Н. Лявданскі. Указ. соч., стр. 10.

⁴¹ Л. Война. Писцовая книга бывшего Пинского староства, ч. 1 (1561—1566), Вильна, 1874, стр. 331—341.

⁴² «Памятники, изданные комиссией для разбора древних актов», т. I и II, Киев, 1898, стр. 524.

⁴³ «*Volumina legum*», т. II, стр. 799.

⁴⁴ «Архив Юго-Западной России», ч. VII, т. I, стр. 411.

трех по 24 злотых и с рудников трех — угольщика, коваля и плокаря — по 4 злотых и 24 гроша польских». С рудни Хабенской в том же 1631 г. «от трех кол — с каждого кола по 24 злотых, с рудника — злотых 4 и 24 гроша, с коваля рудницкого — злотых 4 и 24 гроша». Из этого документа видно, что правобережные рудни в XVII в., как и рудни XVIII—XIX вв., обычно представляли собой мельницу с тремя водяными колесами. Но в XVII в. встречались рудни и с меньшим количеством колес. Так, в этом же «Тарифе» 1631 г. упоминаются две рудни, имеющие по два колеса: Шершневецкая пана Немирича и Радомысльская Киево-Печерского монастыря⁴⁵.

О руднях Киево-Печерского монастыря нужно сказать особо.

Киево-Печерский монастырь был крупным феодалом и имел огромные владения как на правом, так и на левом берегу Днепра. На левом берегу в разное время он владел пятью руднями (Катичская, две Пакульских, Ропчик и Палужская). На правом берегу ему принадлежали в 1682 г. рудни: Разовская, Крымцевская, Радомысльская, Чоповичская, Довляды, Лубенка, Зурбовичи⁴⁶. Из них рудня возле Радомысля являлась наиболее древней. В числе лаврских владений она впервые известна по описи 1593 г.⁴⁷ Временами количество руден, бывших во владении Киево-Печерского монастыря на правом берегу Днепра, доходило до 14⁴⁸. От 1791 г. сохранился акт об имуществе, которое осталось в митрополичьих киевских, волынских и белорусских фольварках после смерти митрополита Шептицкого⁴⁹. В этом акте перечислен инвентарь 14 упраздненных правобережных руден, целиком совпадающий с оборудованием левобережных лаврских руден и вообще с оборудованием левобережных руден на два горна и три колеса.

Если в механизированной рудне существовала определенная зависимость между количеством водяных колес, горнов и воздуходувных мехов, то, несомненно, существовало определенное соотношение между количеством горнов, с одной стороны, и количеством работников в рудне — с другой. На левобережных руднях на два горна и три колеса требовалось от 10 до 12 работников (дымарей, кузнецов, курачей, рубачей, рудокопников, плокарей). На правобережных руднях среднее число работников рудни составляло (по Бунге) от шести до восьми человек, не считая рудокопников, плокарей и курачей, в общем 10 человек. По Гельману, среднее число работников правобережной рудни достигало 13 человек. Эту норму — 10—13 работников мы встречаем и в Ракитинской казенной рудне Смоленского у., построенной в 1670 г. на р. Олше. Хотя в документах⁵⁰ нет указаний на ее механизацию, но это несомненно, была обыкновенная механизированная рудня Полесья. В пользу этого говорит не только принятая в полесских руднях норма работников (по два человека рудников, дымарей, ковалей, ковальчиков, угольников), но и средняя выплавка железа в день (3 пуда) и общее указание в доку-

⁴⁵ О правобережных руднях XVII в. много ценных сведений сохранилось в актовых книгах ЦГИА УССР; например, в книге № 5 упоминаются рудни Жеревецкая, Хабенская, Быстрицкая, в книге № 2125 — рудня Хочинская, в книгах № 19 и 23 — Залавская и т. д.

⁴⁶ «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов», т. II, СПб., 1907, № 1631.

⁴⁷ «Архив Юго-Западной России», ч. I, т. I, № 91.

⁴⁸ Там же, т. IV, Киев, 1871, ССXXXIV.

⁴⁹ «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов», т. II, № 2704.

⁵⁰ С. Н. Сперанский. Казенные железные «рудни» в Смоленском уезде во второй половине XVII в. — «Историк-марксист», 1935, № 1, стр. 60—81.

ментах на то, что рудня построена по образцу существовавших здесь руден⁵¹.

Ракитинская рудня на р. Олше не была единственной смоленской рудней. В списках населенных мест по Смоленской губернии сохранилось до двух десятков селений, носящих название «Рудня». В документах, относящихся к Ракитинской Рудне, указывается на наличие в соседнем Невельском уезде б. Витебской губ. хорошо обученных руднянских работников⁵².

Все сказанное выше о руднях левобережных киевских, волынских, белорусских, смоленских, к чему можно было бы добавить аналогичный материал о руднях западных областей Украины за время с XVI в.⁵³, имеет целью показать, что в XVI—XIX вв. на огромном пространстве, очерченном металлургической топонимикой, наиболее распространенной формой металлургического предприятия была «рудня», «млын на руду», т. е. водяная мельница, приспособленная для добывания железа из руды сыродутным способом. Степень механизации руден была различна. Были рудни, в которых плавка производилась вручную и водяное колесо приводило в движение лишь большой молот, как, например, рудня Соловецкого монастыря. Были рудни, которые имели, как, например, рудня Радомысльская, только два колеса. Но приведенные материалы говорят о том, что наиболее распространенным видом рудни была рудня на два горна и три водяных колеса.

Документы и свидетельства современников, на которые мы при этом опираемся, относятся главным образом к XVIII и первой половине XIX в. Но имеем ли мы право применить к XVI и XVII вв. выводы, сделанные на основании документов более позднего времени? «При старых способах производства, — пишет В. И. Ленин, — хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)»⁵⁴. Это положение целиком применимо как к рудням, так и к другим формам мелкой промышленности. На протяжении столетий и домницы севера и рудни юга почти не изменяются как в отношении технического оборудования, так и в области технологии производства (сыродутный способ производства железа). В приведенных материалах неоспоримым фактом является наличие мельничного колеса на руднях XVI, XVII, XVIII и первой половины XIX в. Прогресс в деле применения водяного колеса на руднях наблюдается лишь в умножении числа колес (рудня с одним, двумя и тремя колесами), что связано с приспособлением их к большему или меньшему числу операций (отжимание криц при помощи большого молота, дутье при помощи воздуховых мехов, толчение руды). Таким образом, в отношении техники, применявшейся на руднях, можно сказать, что документы XVIII—XIX вв. помогают нам осветить этот вопрос и для XVI—XVII вв.; кроме того, изу-

⁵¹ «...Рудню и всякие рудничные заводы, как ведется, и мельницу построил» (там же, стр. 63).

⁵² «А по скаске коваля Алешки Шаблинского, который ныне на рудни, что рудники де, и дымари, и ковали, и угольники старинные есть в Невле и в Невельском уезде и в Комше, человек з 20 и больше» (там же, стр. 64).

⁵³ Из люстраций королевских имений 1564—1569 гг. видно, что эти рудни были распространены в землях Перемышльской, Львовской, Холмской и Бельзской (Жерела по исторії України — Руси, Львов, т. I, 1895, стр. 97; т. II, 1897, стр. 207; т. III, 1900, стр. 71, 93, 185—186, 279—280, 291, 420; т. VII, 1903, стр. 263).

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 44.

чение технического оборудования руден Левобережной Украины поможет нам изучить техническое оснащение правобережных руден.

* * *

Рудни были наиболее распространенной, но не единственной формой металлургического предприятия на рассмотренной нами территории. Чтобы показать, что рудня являлась новым этапом в развитии производительных сил в области металлургии, необходимо рассмотреть ее в ряду других предприятий, сосуществовавших с нею.

В цитированном выше королевском универсале от 11 августа 1569 г. различаются два рода предприятий, добывающих из руды железо: одни из них работают «водою» (механизированные рудни, т. е. водяные мельницы), в других вся работа по выплавке и обработке железа производится вручную. Универсал отмечает, что рудни второго рода имеются в Литве. И, действительно, в документах второй половины XVI в. они встречаются, например, около Вильны, где возле с. Рудники были залежи железной руды. Здесь были устроены домницы и кузницы, где вся работа, как и на русских домницах, производилась вручную⁵⁵. В инвентаре двора Волковскийского конца XV — начала XVI в. упоминаются кузнецы, угольщики, рудники, которые «службу служат панскому двору» по своей специальности⁵⁶. Позднее, очевидно, и на территории Литвы появились механизированные при помощи водяного колеса рудни, так как в списках населенных мест той же Виленской губернии насчитывается 38 селений с названием «Рудня». Отмечая в Литве XVI в. наличие предприятий, добывающих и обрабатывающих железо вручную, как явление исключительное, универсалы подчеркивают этим, что на территории Правобережья были распространены рудни механизированные, с водяным колесом.

Но, несомненно, ручные предприятия, ручные домницы, в которых добывалось сыродутное железо, существовали наряду с руднями на всей территории Полесья. Сосуществование архаических, уже отживающих форм промышленности с предприятиями капиталистического характера наблюдается в XIX в. в металлургической промышленности Правобережья.

В 50-х годах XIX в. Н. Бунге констатирует на Волыни и Киевщине три формы металлургических предприятий: лупы, лупки и доменные предприятия⁵⁷. О «лупах» или руднях, т. е. водяных мельницах, приспособленных к добычанию сыродутного железа, речь шла выше. Тип ручного предприятия представлен лупкой, которая, по описанию Бунге, представляла собой небольшой горн, устроенный на кирпичном основании на аршин от земли, с одним ручным мехом. Спереди в печи имелось особое отверстие для выпуска шлаков. Над печью был устроен маленький сарай. В лупке обычно были заняты два работника: один приводил в действие мех, другой подкладывал уголь и руду. Количество железа, выплавлявшегося в лупке, доходило до 1 пуда в день, считая день от зари до 2 часов пополудни. Встречались лупки с двумя горнами,

⁵⁵ Ф. И. Леонтович. Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве.—«Варшавские университетские известия», 1897, т. VII, стр. 129.

⁵⁶ М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, М., 1892, прилож. № 8.

⁵⁷ Н. Бунге. Указ. соч., стр. 8, 10, 25.

которые имели два ручных меха и обслуживались тремя рабочими. Лупы и лупки существовали одновременно. Лупки являются, несомненно, более древней формой предприятий, чем лупы. Это мелкий ручной железодобывающий и железообрабатывающий промысел, наблюдаемый не только на изучаемой территории, но и на других землях, входивших в состав древней Руси X—XIII вв. Позднее его существование констатировано писцовыми книгами XV—XVI вв. в северо-западных областях, люстрациями, тарифами, королевскими универсалами и Литовской метрикой — на Правобережье, в Литве и Белоруссии.

Наряду с добытанием в лупах и лупках сыродутного железа, на Правобережье в конце XVIII в. возникают доменные заводы. В 1773 г. в Чудновском имении князя Понинского был построен Высокопечанский металлургический завод. В 1798 г. на нем работали 90 рабочих и продукция его составляла 180 т железа и чугуна. Посетивший завод в 1824 г. Гельман сообщает, что на нем было две домны высотой в 9 и 8 арш. В 1773 г. основан был Кропивненский металлургический завод, продукция которого в 1797 г. составляла около 200 т. Выплавленный здесь чугун перерабатывался на Чижевском железоделательном заводе, основанном в 1778 г. На Кропивненском заводе в 1798 г. работали 55 рабочих, на Чижевском — 30 рабочих⁵⁸. Описывая доменное производство на Правобережье, Н. Бунге в 1854 г., кроме указанных трех доменных заводов, называет еще три: Денишевский завод, устроенный на берегу р. Тетерева в имении Белинского, в дер. Симонах в Житомирском у. Волынской губ. в имении Врочинского, в с. Любахах в Ровенском у. в имении князя Чарторыйского.

Все эти доменные заводы по сравнению с руднями были крупными предприятиями мануфактурного типа.

Рассмотрение рудни в ряду других металлургических предприятий, с ней сосуществовавших, подтверждает высказанную выше мысль о том, что рудню, механизированную при помощи водяного колеса, следует считать промежуточной ступенью между ручными крестьянскими промыслами и механизированной мануфактурой. Сравнивая крестьянские промыслы с помещичьими и монастырскими руднями, мы видим, что общим для них является сыродутный способ выплавки из железных руд непосредственно железа. Но в крестьянских домницах выплавка железа происходила в ручных горнах, тогда как в руднях в главных производственных процессах — выплавке железа и его обработке — применялись вододействующие механизмы. С другой стороны, из сравнения руден с металлургическими мануфактурами XVII—XVIII вв. видно, что общим для них является именно применение вододействующих механизмов. Но при этом следует помнить, что для руден водяное колесо как гидросиловая установка является высшей ступенью, которой достигла техника вываривания сыродутного железа, мануфактура же, перейдя от одностадийного производства сыродутного железа к «двустадийному переделу» (выплавке чугуна, а из него — готового продукта) постепенно перешла от водяного колеса к более мощным источникам дутья, что обусловило дальнейший прогресс металлургии. Сравнение рудни с ручными крестьянскими промыслами и механизированной мануфактурой, сделанное, так сказать, по линии водяного колеса, недостаточно. Чтобы показать, что рудня является новым этапом в процессе развития производительных сил в области металлургии, ее следует рассмотреть и со стороны социально-экономической.

⁵⁸ Л. М. Копелев. Указ. соч., стр. 123.

* * *

В. И. Ленин определяет три стадии в развитии мелких промыслов: 1) домашняя промышленность, 2) ремесло и 3) мелкое товарное производство⁵⁹. При определении, к какой из этих стадий мелких промыслов следует отнести рудню, нужно исключить домашнюю промышленность, когда промысел «неразрывно связан с земледелием в одно целое», так как рудничный промысел уже совершенно оторван от патриархального земледелия. Поэтому при сравнении рудни с другими мелкими промыслами речь может идти только о двух последних формах промышленности.

Что же представляет собой рудня: ремесло, т. е. «производство изделий по заказу потребителя», или мелкое товарное производство, при котором продукт изготавливается на продажу неопределенному рыночному покупателю? Исследуя этот вопрос, мы видим, что продукт рудни шел, во-первых, на удовлетворение нужд вотчинного хозяйства собственника рудни и, во вторых, в продажу на вольный рынок. Следовательно, в рудне мы имеем промежуточную форму, которую нельзя отнести целиком ни к ремеслу, ни к мелкому товарному производству.

Как во всякой промежуточной форме, в ней есть элементы феодальные и капиталистические, наличие которых вполне естественно при переходе от феодализма к капитализму. В разрешительных универсалах на постройку рудни очень часто указывается цель ее сооружения: «для домового употребления» феодала (рудни Лизогубова, Грабова, Лозовская и др. на Левобережье). Если бы действительно весь продукт рудни шел на удовлетворение нужд хозяйства вотчинника — собственника рудни и притом производился руками его крепостных, мы вправе были бы рассматривать рудню как вотчинное ремесло, т. е. явление чисто феодального порядка. Но на деле все обстояло гораздо сложнее и в отношении направления продукта, вырабатывавшегося на руднях, и в отношении рабочей силы. Как уже указывалось, рудню нельзя также отнести и к мелкому товарному производству и не только потому, что значительная доля продукта изготовлялась в ней по заказу феодала и потреблялась в его хозяйстве, но и потому, что организация производства в помещичьей рудне представляется иной, чем в крестьянской ручной домнице.

Рудни, как и другие промышленные предприятия того времени — гуты, буды, паперни (бумажные заводы), селитроварни и др., строились на земле феодала и входили в состав его хозяйства. Но сами собственники руден обычно не эксплуатировали предприятия, а сдавали его на откуп рудникам, которые уплачивали собственнику ежегодную арендную плату (рату) деньгами или натурой (железом и железными изделиями), чаще же всего и тем и другим. Таким образом, доход от рудни делился между крупным землевладельцем (собственником земли, недр, предприятия и рабочей слободки при рудне, которую он считал своей собственностью) и рудником — организатором предприятия и его откупщиком.

Из арендных договоров видно, что рудники не только поставляли собственнику рудни определенное количество железа и готовых железных изделий (рата в натуральной форме), но и удовлетворяли нужду в железе вотчинных предприятий (мельницы, пильни и др.) или снабжали вотчинное хозяйство железом за деньги, причем в договорах заранее оговаривалась цена этого железа. Так, на рудне Голубовке, принадлежавшей в 1775 г. помещику Ивану Бороздне, рудники платили в год 100 руб. деньгами и давали «20 пар лемешей с полицами, 10 пар больших лемешей,

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—291.

затул 8, до млина на 4 сада что надобно, камней 20 жлуктейных больших, шин 6, заступов 12, возков 3 железа, подосков на 10 возков»⁶⁰.

Другая часть продукции левобережных руден в виде железа и железных изделий, составлявшая долю рудника и работников рудни, в XVII—XVIII вв. продавалась либо на местных рынках, либо на торгах и ярмарках в Киеве и в городах и местечках Левобережной Украины: Чернигове, Новгород-Северске, Стародубе, Глухове, Кролевце, Ромнах, Остре, Гоголеве, в раскольничьих слободах севера Черниговщины (Клинцы и др.), а также в южных степных местах.

Это двоякое направление железной продукции является характерной чертой рудни и показывает ее феодальные корни. Она возникает сначала «для домового употребления» феодала-вотчинника, но затем, с развитием товарно-денежных отношений, удовлетворение нужд вотчинного хозяйства в натуральной форме постепенно уменьшается, натуральная часть раты в договорах заменяется денежной суммой, а продукция руден почти целиком идет на рынок. Иллюстрацией к этому могут служить данные об аренде левобережной Палужской рудни за 1714—1783 гг. За это время денежная часть раты выросла с 40 до 90 руб. Рата в натуральной форме с конца 60-х годов XVIII в. в договорах с рудниками не упоминается⁶¹.

Этот процесс изменения направления продукции руден в условиях денежного хозяйства наглядно выявляется из следующих данных, относящихся к середине XIX в. Из 55 правобережных (волинских и киевских) руден только продукция одной рудни идет в это время целиком на нужды владельческого хозяйства. Продукция трех руден потребляется в хозяйстве арендатора. Продукция других трех руден частью потребляется в хозяйстве собственника рудни, частью идет в продажу на местном рынке. 48 руден, т. е. около 88% их общего числа, работают исключительно на рынок. При этом о 19 руднях известно, что их продукция продавалась через купцов и промышленников, т. е. через скупщиков, которые закупали ее на рудне и перепродавали по окрестным городам и местечкам и вывозили в Минскую губернию⁶².

Переходя к вопросу об обеспечении руден рабочей силой, необходимо помнить, что набор рабочих происходил в обстановке усиления крепостного права и роста классовой борьбы. Работники руден в документах того времени носят названия «майстеровых рудницких людей», «работников руднянских», «майстеровых людей», «ремесных людей».

В документах об основании руден очень часто сообщаются сведения и об обеспечении их рабочей силой. До нас дошло немало гетманских универсалов, которыми помещику разрешалось построить рудню и «для помочи всякой работизны, в той рудне отправляющей», осадить возле нее слободку. Так рядом с рудней в лесной пуще, над речкой, возле мельничной и руднянской плотины возникало новое поселение руднянских работников. Очень часто (как это видно из документов и сохранившихся рисунков) недалеко от рудни возникала стекольная гута, тоже требовавшая рабочих рук. Иногда рудницкая мельница переделывалась в папирню (бумажный завод), как это было в Пакульском хозяйстве Киево-Печерской лавры, или в мукомольную мельницу, или, наконец, рудня заменялась стекольной гутой. Часть работников рудни в таком случае оставалась работать на новом предприятии, часть (кузнецы, дымари) шла

⁶⁰ Черниговский обл. ист. архив, ф. Новгород-Северского наместнического управления, 1782 г., д. 368.

⁶¹ ЦГИА, УССР, ф. Киево-Печерской лавры, дела вотчинные, д. 3019, л. 7.

⁶² Н. Бунге. Указ. соч., стр. 43—67 (прилож. 1-е).

на другие рудни. Организация промышленных предприятий того времени имела много общих черт, которые, при слабом разделении труда на них, давали возможность рабочему люду приспособляться к работе на различных предприятиях.

В подтверждение сказанного и для того, чтобы показать, откуда брались работники рабочих слободок, созыв которых разрешался местной властью, рассмотрим состав рабочей слободки на одной из левобережных гут (стекольный завод) в 1768 г. Из 20 семейств, работавших на Барановой гуте, пять семейств вышло «из польской области», т. е. из Правобережья, которое до 1793 г. находилось во власти Польши, оттуда же был и откупщик гуты Василий Баран. Половина семей прибыла сюда из левобережных гут: Кочубеевой, Пакульской, Шевченковской, а также из левобережных руден: Щербиницкой, Деменской и Лозовской. Таким образом, три четверти населения этой гуты являются выходцами правобережных и левобережных селений, возникших при предприятиях того времени (будах, гутах, руднях, папирных)⁶³.

Совершенно ту же картину мы наблюдаем и в рабочих слободках руднянских. Здесь также наряду с местным населением, выходцами из других гут и руден Левобережья, мы находим выходцев из Правобережья. Например, в списке рудников и мастеровых людей, добывавшихся того, чтобы их вычеркнули из помещичьих ревизских сказок 1782 г., имеются «мастеровые Данило да Василь Бражки, выходцы польские, мастер коваль Игнат Пусенок, выходец польский»⁶⁴. Это работники правобережных руден, киевских и волынских. В рабочей слободке Палужской рудни в 1767 г., где было семь семейств, большая часть их была пришлым населением: две семьи пришли с Правобережной Украины («з области Польской»), две — из левобережных руден Унечи и Голубовки⁶⁵.

Таковы условия образования рабочих слободок при руднях, обычно входивших в состав крупного феодального хозяйства (старшинского и монастырского). Условия комплектования рабочей силы из пришлого «свободного» населения проводило резкую грань между мастеровыми людьми и людьми тяглыми, которые в документах того времени называются «подданными», «пашенными людьми». Так, например, при описании населения рудни Ропчик в 1749 г. мастеровые люди показаны отдельно от подданных: «подданических 4 двора» и «мастеровых людей 7 дворов» (из них ковальских дворов — 3, дымарских — 2, лесных — 2). Еще раньше, в ревизии 1723 г., при описании рудни Палужской, кроме лаврских «подданных» (четыре двора грунтовых и две хаты бобыльских), за Киево-Печерской лаврой показано «особо работников руднянских, дворами своими живущих — 12». То, что работники руден живут в своих дворах, отмечено и в описании той же Палужской рудни 1749 г.: «при той рудне живут мастеровые люди своими дворами». Эти же документы подчеркивают и углубляют эту разницу между владельческими «подданными» и мастеровыми людьми. В той же описи Палужской рудни после перечисления мастеровых людей добавлено: «те мастеровых людей дворы от пригону уволены». Под «пригоном» подразумевается отбывание панщины (барщины), т. е. обязательных работ и повинностей в пользу собственника рудни. Значит, мастеровые люди были освобождены от выполнения этих обязательных работ и повинностей. Вместе с тем, в силу

⁶³ В. Л. Модзалевский. Гути на Чернігівщині. Киев, 1926, стр. 39.

⁶⁴ Гос. архив Черниговской обл., ф. Новгород-Северского наместнического правления, 1782 г., л. 368.

⁶⁵ ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, дела вотчинные, д. 180, лл. 73—76.

берг-привилегии Петра I от 10 декабря 1719 г., мастеровые люди были освобождены и от «общенародных повинностей». Например, о жителях рудни Унечи в 1768 г. сказано: что «оныя рудницкие люди консистенции и другого платежа никакова не дают за силу высочайшего привилегия Петра I»⁶⁶. Владелец Вепринской рудни помещик Миклашевский, защищая жителей осаженной им возле рудни слободки от платежа «общенародных повинностей», проводит резкую грань между ремесленными и пашенными людьми: «Ремесные люди с найму денежного, единым своим мастерством, а не пашенными землями кормятся...; буде к общенародным повинностям с пашенными людьми работники рудных заводов сверстаны будут..., то ремесные люди за крайнюю свою скудость везде заводы оставят»⁶⁷.

На основании этих свидетельств можно было бы, пожалуй, сделать вывод, что мастеровые люди на левобережных руднях в первой половине XVIII в. не являлись «подданными» своих владельцев. Но против такого заключения свидетельствуют дальнейшие сведения приведенного выше описания Палужской рудни: «Оная рудня с мельницею, с полем и сенокосом и мастеровыми людьми отдана в откуп палужским жителям Федосу да Юску Максименкам». Об аренде рудни вместе с принадлежащими к этому предприятию мастеровыми людьми мы находим сведения в документах, которые относятся и к другим рудням (например, рудня Ропчик Киево-Печерского монастыря). Относительно рудни Унечи в Румянцевской ревизии (1768) сказано: «Показанная рудня Унеча с заводом и мельницею, також с имеющимися дворами, состоит на откупе рудником Яковом Медведем».

Таким образом, работники левобережных руден, как и посессионные крестьяне, считались составной частью предприятия, и по установившемуся обычаю использовались собственниками руден только на работе в промышленных предприятиях. Это, конечно, не были юридически оформленные посессионные крестьяне, и собственники руден выделяли их как специалистов, более или менее приспособленных для работы на предприятии, только исходя из своих выгод. Но уже при самой закладке рабочей слободки определялась цель созыва в данном месте рабочего люда: это — работа на рудне. Это и проводило резкую грань между владельческими «подданными» вообще, отбывавшими обыкновенную барщину, и «ремесными людьми», работавшими на руднях. Собственники руден считали их, конечно, своими подданными. Собственнику Вепринской рудни Миклашевскому, который судился за рабочую слободку при этой рудне с генеральным судьей Лисенко, можно не верить, когда он говорит в защиту «ремесных людей», работавших на его рудне, что «ремесные люди изстари свободны». Он защищал их как своих подданных лишь от уплаты «общенародных повинностей», а не отстаивал их свободу и независимость от владельца. Работники руден — «мастеровые люди» — освобождались от «пригона» не потому, что они были свободны и независимы, а потому, что для собственника было выгоднее, чтобы они работали на панской рудне. Такова была точка зрения феодалов — собственников руден.

Иначе смотрели на себя «майстеровые люди». Они осели в рабочей слободке для работы на рудне, а не для того, чтобы отбывать панщину. Так как рудня постоянно находилась в откупе, работники руден имели де-

⁶⁶ ЦГИА УССР, Румянцевская ревизия, т. 112, ведомость 39.

⁶⁷ Харьковский филиал ЦГИА УССР, ф. Генеральной войсковой канцелярии, 1745 г., д. 6033.

ло не с паном — собственником рудни, а только с откупщиками, которые часто сменялись. Вместе с тем рудниковские работники отрывались от земледелия, так как у них, как правило, земли не было, переставали быть пашенными людьми, зависимыми от помещика по земле; приобретали технические знания и навыки, которые передавались от отца к сыну; определенные семьи специализировались в рудничном деле. Все это в целом и в особенности связанность их с предприятием, а не непосредственно с помещиком — собственником рудни, привело «мастеровых людей рудничного дела» в конце XVIII в. к мысли, что они, как ремесленные люди, изстари свободны, заставило их вместе с рудниками доискиваться свободы и считать кровной для себя обидой то, что наравне с «подданными» заставляли работать на винокурнях, т. е. отбывать барщину.

Эти две точки зрения вступили в противоречие лишь к 80-м годам XVIII в., когда определенно стал вопрос о юридическом оформлении крепостного права на Украине (ревизия 1782 г., указ Екатерины II от 3 мая 1783 г.). До этого времени существовал ряд официальных документов, позволявший толковать их в пользу свободного состояния не только рудников, но и работников руден. Основными из них были указ Петра I от 10 декабря 1719 г. о рудокопных заводах и предложение генерального обозного Семена Кочубея от 10 июня 1755 г., запрещавшее на основании этого указа вписывать рудников в ревизию вместе с тяглыми людьми и привлекать их к отбыванию общенародных повинностей⁶⁸. Эти постановления центральной и местной власти вносили путаницу в умы крепостников, которые в спорах между собой за рабочие руки иногда выражались так, как собственник Вепринской рудни Миклашевский: «Ремесные люди [на руднях] изстари свободны».

Из приведенного материала видно, что работники руден, будучи целиком связаны с предприятием, не были тяглыми «пашенными» людьми и не отбывали панщины по земле. Вопрос об их крепостном состоянии разрешился только в начале 1780-х годов при составлении ревизии 1782 г., когда помещики записали в свои ревизские сказки не только работников руден, но и рудников — откупщиков руден как своих подданных.

В 1782 г. по этому поводу начался замечательный судебный процесс между рудниками и помещиками Стародубского полка. Рудни, опираясь на берг-привилегию Петра I от 10 декабря 1719 г. и на предложение генерального обозного Кочубея от 10 июня 1755 г., доказывали, что они и работники руден «изстари свободны». Процесс этот, являющийся яркой страницей классовой борьбы, закончился тем, что вольными были признаны только те из рудников, которые представили суду документы об арендовании ими помещичьих руден, т. е. арендные договоры или расписки об уплате ими раты по контрактам. Работники руден таких документов представить, конечно, не могли и перешли в крепостное состояние.

Жители руднянских слободок составляли основную рабочую силу на руднях. Для характеристики экономического положения работников рудни ценные сведения дает Румянцевская ревизия 1767—1768 гг. Из материалов, относящихся к 19 рудням черниговского Полесья, видно, что пахотной земли у работников этих руден совсем не было. Огородная земля в незначительном количестве имелась лишь у половины работников четырех руден, работники остальных 15 руден огородов вовсе не имели. Сенокосы были лишь у 40% всех работников.

⁶⁸ ЦГИА УССР, ф. 51 (Генеральной войсковой канцелярии), д. 1367, л. 1.

Не имея земли, работники руден исключительно «питались с заработков на рудне» и за свою работу получали от рудников заработную плату либо деньгами, либо натурой, т. е. железом и железными изделиями. Например, на рудне Бороздниной в 1781 г. дымари получали 12 коп. в день, кузнецы — четвертую часть железа⁶⁹. На промышленных предприятиях Полесья работникам чаще выплачивалась натурой треть вырабатываемого продукта. Так, на стекольной гуте, принадлежавшей графу К. Разумовскому, работники гуты в 1781 г. получали треть вырабатываемого стекла⁷⁰. Такая же «ремесническая третья» выплачивалась работникам Хотилевской гуты Киево-Печерской лавры в 1743 г.⁷¹ Следует для сравнения отметить, что на Ракитинской рудне Смоленского уезда, где работники в 1670-х годах из трех пудов выработанного железа получали 1 пуд, т. е. третью часть, условия оплаты труда были лучше, чем на рудне Бороздниной⁷². Рудня сдавалась в аренду вместе с рабочей слободкой. Считаясь «подданными» собственника рудни, «мастеровые люди» работали по найму у рудников и из получаемой заработной платы ничего не платили собственнику рудни. Это обстоятельство отмечается во многих документах. Так, на Яриловичской рудне черниговского Троицкого монастыря о жителях руднянской слободки сказано, что все они «питаются заработками на рудне», и при описании каждого двора прибавлено: «монастырю не работает ничего. На рудне Луговой в 1768 г. работники рудни «монастырю в натуре и деньгами ничего не дают».

Кроме постоянных работников, которые жили «за наем у рудников», на левобережных руднях работали и наемные со стороны. Так, в контракте 1767 г. с откупщиками Палужской рудни Киево-Печерская лавра обусловила, что откупщики должны «работников таких иметь, которые по прежнему примеру были б з стороны, но и з свидетельствами подлежащими»⁷³. Такие наемные люди постоянно отмечаются в описаниях руден. Так, на Переездинской рудне «наемными» людьми были дымарь и кузнец. На рудне святской в качестве наемных людей показаны: рудник, дымарь, курач и мерочник.

Кроме подданных других помещиков, отпущенных ими на заработки с паспортами, в руднях на большие или меньшие сроки гораздо больше оседало бродячего населения. Из приведенного выше анализа состава рабочих слободок при Барановской гуте и Палужской рудне видно, что на протяжении второй половины XVII в. и до начала 80-х годов XVIII в. ремесленные люди, живущие с заработка на предприятиях того времени и не связанные с землей, передвигаются довольно свободно.

Наемный труд на левобережных руднях в XVIII в. не являлся чем-то исключительным. С развитием денежного хозяйства на Левобережной Украине и расширением всероссийского рынка мы наблюдаем интенсивный рост наемного труда на территории трех наместничеств — Черниговского, Киевского и Новгород-Северского. Так, например, «Описание Новгородсеверского наместничества» (1779—1781) отмечает, что «работа исправляется наемными людьми» на вапенных (известковых) заводах по р. Десне, на винокуренных заводах, на стекольных помещичьих гутах, на восьми раскольничьих гутах слободы Злынка («наемными работниками

⁶⁹ «Опис Новгородсѣверскаго намѣстництва», стр. 252—253.

⁷⁰ Там же, стр. 268.

⁷¹ ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, 1735—1754 гг., д. 1457. Приходо-расходная книга 1748 г.

⁷² А. Сперанский. Указ. соч., стр. 63.

⁷³ ЦГИА УССР, ф. Киево-Печерской лавры, дела вотчинные, оп. 2, 3019, л. 43.

по договору из малороссиян»), на пеньковых заводах графа Румянцева-Задунайского, на кирпичных заводах и других предприятиях⁷⁴. В частности, для жителей Полесья наемный труд являлся необходимостью из-за недостатка земли, что видно из описания Нововертацкой рудни 1781 г.: «К сей деревне земли пахотной нет вовсе. Жители ходят на заработки хлеба в разные степные места и притом нанимаются на работы к рудням и другим заводам»⁷⁵.

В XIX в. процесс замены крепостного труда наемным шел еще интенсивнее. В правобережных руднях (волинских и киевских) в середине XIX в., когда руден левобережных уже не существовало, дело обстояло следующим образом. В 18 руднях, находившихся в руках помещиков, крепостных работников было 45, а вольнонаемных — 161. В 20 руднях, находившихся на откупе, наемных работников было 179⁷⁶.

Из этих данных видно, что крепостные, которые были только на владельческих руднях, составляли лишь 11,7% общего числа работников руден, число наемных работников на владельческих руднях в три с половиной раза превышало число крепостных, а на 20 руднях, находившихся в откупе, применялся только наемный труд.

Рассмотрение характерных особенностей рудни в конкретных социально-экономических условиях позволяет определить ее как одну из начальных форм крупной железной мануфактуры, с которой рудня имеет много сходных черт. Таким общим для рудни и мануфактуры является, во-первых, применение вододействующих механизмов. В этом отношении необходимо отметить разницу в масштабах производства. В то время как число колес на руднях не поднималось выше трех, число колес и связанных с ними операций на тульских заводах значительно больше. В то время как вес больших молотов для отжимания и отковки криц на руднях колеблется в пределах 3—8 пуд., на тульских и каширских заводах он достигает 17—20 пуд. То же можно сказать и относительно размеров выпускаемой продукции. На тульских заводах уже в XVII в. один горн давал до 120 пуд. «чугунного железа» в сутки, или 3600 пуд. в месяц. Такого количества не давала ни одна полесская рудня в год. Но дело не только в масштабах производства.

Применение механизмов, несомненно, способствовало разделению труда. В соответствии с каждой отдельной операцией железорудного производства (добывание, сушка, дробление и промывка руды, вываривание из руды железа, его обработка, заготовка леса, выжигание древесного угля) в документах о руднях имеются сведения о разных категориях работников, стоявших у рудничного дела и носивших определенные названия по специальности: кузнецах, дымарях, рудокопниках, рудовозах, плокарях, курчах, рубачах и др. Наличие этих категорий руднянских работников свидетельствует о разделении труда на руднях. По верному замечанию С. Г. Струмилина, сделанному им по поводу разделения труда на Ракитинской рудне Смоленского уезда в 1670-х годах, «это разделение труда представляет уже сложную его кооперацию и при значительном числе горнов создавало начальные формы мануфактуры»⁷⁷. Рудня, очевидно, и представляет собой одну из начальных форм мануфактуры. Этому не противоречит и то обстоятельство, что на Левобережной Украине, где в XVIII в.

⁷⁴ «Опис Новгородсіверського намісництва», стр. 6—8, 14, 150, 165, 213, 232, 251, 262, 268 и др.

⁷⁵ Черниговский гос. музей. «Описание Черниговского наместничества 1779—1781 гг». (рукопись).

⁷⁶ Н. Бунге. Указ. соч., стр. 61.

⁷⁷ С. Г. Струмилин. Указ. соч., т. I, стр. 61.

возникло несколько суконных и полотняных мануфактур (Топальская парусино-полотняная мануфактура 1720 г., Почеповская полотняная мануфактура 1726 г., Батуринская суконная мануфактура 1756 г. и др.), из руден не выросли крупные металлургические предприятия типа тульских мануфактур, хотя мысль об устройстве здесь крупных металлургических предприятий была близка к осуществлению⁷⁸.

Это объясняется маломощностью рудной базы на Левобережной Украине. На зависимость дальнейшего роста промышленных предприятий от мощности сырьевой базы указывает история левобережных гут, которые, как и рудни XVIII в., представляли начальную стадию мануфактуры, а в XIX в. переросли в капиталистическую мануфактуру⁷⁹. Изучение металлургии в Полесье правого берега Днепра, где запасы железных руд были значительнее, чем в Полесье левого берега Днепра, и руды были богаче, показывает, что здесь в последней четверти XVIII в. возник ряд крупных металлургических предприятий мануфактурного типа. Установление связи между правобережными металлургическими мануфактурами и руднями как формой, предшествовавшей им, является задачей дальнейшего изучения металлургии Правобережья.

⁷⁸ Вопросом о создании крупного железного завода около Трубчевска, где раньше были рудни Свенского монастыря, интересовался Петр I («Письма и бумаги Петра Великого», т. IV, СПб., 1900, № 1230). Киево-Печерская лавра в 1724 г. вела переговоры с тульскими мастерами о постройке в ее вотчинах крупного железного завода по образцу тульских.

⁷⁹ Л. М. Пономарев. Указ. соч., стр. 189.

Н. Г. КУКАНОВА

РУССКО-ИРАНСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В XVII в. Россия завязывала широкие торговые связи со странами Запада и Востока. Это было вызвано глубокими внутренними процессами, происходившими в стране. Общественное разделение труда в недрах феодально-крепостнического хозяйства этого периода характеризовалось интенсивным ростом ремесел, промыслов и промышленных мануфактур. Усиленно развивались товарные отношения, преодолевалась средневековая замкнутость областей — страна подымалась на более высокую ступень экономического развития.

Все эти важные качественные изменения в экономике, а также продолжавшая существовать технико-экономическая отсталость страны, особенно чувствительно дававшая себя знать при военных столкновениях, обусловили исключительную целеустремленность экономической политики правительства Петра I, стремившегося в короткий срок создать промышленность и развить торговлю.

Вопросы восточной торговли, в том числе торговли с Ираном, в этой политике приобретают весьма важное значение. Если в допетровское время русская торговля с Ираном носила по преимуществу потребительский или же транзитный характер, то с конца XVII в. иранское сырье (шелк-сырец и хлопок) уже ввозится и для удовлетворения промышленных нужд России.

В свою очередь торговля с Россией и использование транзитного, более безопасного волжско-каспийского пути, связывавшего Средний Восток с Западной Европой, представляли крупнейший интерес для Ирана. Этот торговый путь, помимо своей безопасности, являлся более удобным, а главное более дешевым, чем издавна существовавшие пути через Персидский залив и Средиземное море.

В противоположность России, быстро вставшей при Петре в ряд могущественных государств, сефевидский Иран в рассматриваемое время стоял перед непосредственной перспективой утраты государственной целостности и самостоятельности. Могущественная держава при Аббасе I, Иран был сильно ослаблен происходившим в нем процессом феодального распада, приведшего к катастрофическому ослаблению центральной власти, к упадку ремесла, мануфактурного производства и т. д.

Этим объясняется и тот факт, что, несмотря на ряд благоприятных условий, создавшихся в конце XVII — начале XVIII в., в частности, наличия дешевого и относительно безопасного волжско-каспийского пути, а также прямой заинтересованности России в развертывании широких экономических связей с Ираном, внешняя торговля между этими двумя странами

лишь в отдельные, притом короткие, периоды приобретала более или менее значительный размах. Тем не менее торговые отношения России и Ирана в рассматриваемое и предшествующее время имели большое значение для развития их экономических и других связей. При этом следует отметить, что если торговые отношения XVI и первой половины XVII вв. в известной мере изучены, то русско-иранские экономические связи конца XVII и начала XVIII вв. до сих пор не стали предметом сколько-нибудь детального научного исследования, в то время как дипломатические и другие отношения исследованы значительно глубже и больше.

Между тем дипломатические отношения России и Ирана в конце XVII — начале XVIII в., точно так же, как и в предшествующий период, были теснейшим образом связаны с торговыми, все время переплетались между собой. Попрежнему Москву посещали иранские посольства, в составе которых было немало торговых людей. Эти посольства неоднократно поднимали вопрос о свободной торговле в русских городах, о правах шахских купцов, о беспошлинном провозе товаров, о праве посещать русские порубежные города и оттуда выезжать за границу — в Швецию, Данию, Голландию и Англию.

При обсуждении вопроса о беспошлинном провозе и торговле товарами шаха русские требовали, чтобы к этим товарам прилагались четкие росписи и чтобы сверх товаров шаха, пользовавшегося правом беспошлинной торговли, не провозились беспошлинно частные товары. «А с тех товаров, которые будут указаны в шахской росписи, по царскому указу пошлина взиматься не будет»¹.

В 1692 г. прибыл в Москву персидский посол Усей-хан-бек с шахским купцом Агакерим Мурат-ханом. В грамоте, адресованной русскому правительству, шах писал, что он посылает купца со своими товарами для продажи и покупки «про его шахов обиход надобных товаров». При этом шах просил, чтобы купцу было дозволено беспошлинно продавать иранские товары и покупать русские. По царскому указу ему было разрешено торговать «повольно и беспошлинно».

В росписи шахским товарам указывалось, что послано 45 тай шелка-сырца, кроме иных иранских товаров². «И бил челом персидский купчина Агакерим», чтобы ему было разрешено отправиться через Россию в «немецкие» государства с персидским шелком-сырцом, «хотя прежние ваши, шахова величества, купчины с товары вашими чрез российские государства в немецкие государства за море не езживали, и челобитья их о том напредь сего не бывало, а покупали немецкие товары про ваш шахов обиход в государствах наших, однако же для вас, брата нашего, его, купчину, пожаловали с вашим, шахова величества, товары, с шелком сырцом через российские наши государства пропустить указали с провожатыми на подводах»³.

Таким образом, если на протяжении XVII в. в шелковой транзитной торговле через Россию участвовали только купцы Джульфинской компании, то при Петре I мы можем отметить появление шахских купцов — персов или во всяком случае мусульман, также возивших транзитом через Россию шелк-сырец за границу, на Запад.

В 1707 г. в Москву прибыл персидский купец Шамше Магмет Казыбеков с шахскими товарами. Очевидно, он привез с собой весьма значительное количество товаров, ибо ему отвели на гостинице каменные ам-

¹ ЦГАДА, ф. 77, д. 1, 1690—1692 гг., лл. 57—58.

² Там же, 1711—1713 гг., л. 120.

³ Там же, д. без номера, 1694 г., лл. 9—10.

бары и дополнительно построили лубяные лавки на посольском дворе, где он мог бы свободно торговать⁴.

В 1712 г. в Москву прибыло пышное персидское посольство, в обозе которого насчитывалось около 700 подвод с товарами и множество людей, «в том числе есть и купецкие люди персияне и армяне, а тех купецких людей без сего великого государя указа осматривать не смеет»⁵. Если исходить из того, что одна подвода в то время обычно подымала 10—11 пуд., то товары посольства весили не менее 7 тыс. пуд.

На свидании с государственным канцлером графом Головкиным персидский посол Фезлиалибек поднял ряд вопросов, касавшихся прав иранских купцов в России. Он предъявил, в частности, челобитную 22 иранских купцов, жаловавшихся на притеснения, которые им приходилось претерпевать в русских городах. Очень настойчиво посол добивался права беспошлинного провоза шахских товаров через Архангельск за границу, в «немецкие» государства. Эта просьба заслуживает особого внимания, ибо по-новому характеризует отношение иранского правительства к транзитному пути через Россию на Запад. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, здесь же отметим, что если раньше в транзитной торговле участвовали лишь представители частной армянской компании, то теперь, в 1712 г., разрешения на транзит за границу добивалось само шахское правительство⁶. Фезлиалибек просил также от имени шаха, чтобы с иранских купцов не брали излишних пошлин в русских городах, в частности в Астрахани и Москве, и чтобы им «обид и тягостей» не чинили⁷. Таковы были основные экономические вопросы, которые поднял дипломатический представитель Ирана. Русское правительство разрешило свободную и беспошлинную продажу и мену шахских товаров в Москве и соглашалось взимать с иранских купцов только установленную пошлину, «а обид и налог чинено им не будет, взаимно против того же желают, дабы и подданным его царского величества в шаховой области лишних поборов и тягостей чинено не было»⁸. Что касается челобитной иранских купцов, то она отсылалась в Казань и Астрахань губернатору для рассмотрения и прекращения злоупотреблений, препятствовавших регулярному торговому обмену.

Русское правительство в свою очередь указало на то, что в г. Шемахе, по просьбе джувльфинских купцов, запрещено продавать шелк-сырец русским купцам. Купленный в 1711 г. шелк-сырец отняли у купца Ильи Исаева с приказчиками, их же самих долгое время держали под караулом, принуждая дать письменные обязательства, «дабы во всей шахова величества области всем российским купцам того шелку не покупать, от чего они понесли великое разорение и убытки и великим трудом и многою дачею тот купленной шелк могли получить»⁹.

С русской стороны выражалось также пожелание, чтобы в шахских областях, главным образом в Гиляне, было разрешено русскому купечеству закупать свободно шелк-сырец и беспрепятственно вывозить его в Россию, а также чтобы армянские купцы (джувльфинцы) всю торговлю шелком-сырцом обратили в сторону России и через Россию, «понеже им, армянам, в близости и безопасности пути есть великая польза»¹⁰.

⁴ ЦГАДА, ф. 77, д. 1, 1711—1713 гг., л. 330.

⁵ Там же, л. 118.

⁶ Просьба на право транзитной беспошлинной торговли для шахских товаров встречается впервые в архивных материалах персидского фонда (там же, 1713—1714 гг., л. 243).

⁷ ЦГАДА, ф. 77, д. 1, 1713—1714 гг., л. 244.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 252.

¹⁰ Там же, л. 334.

Таким образом, вопрос о русско-иранских торговых отношениях занимал центральное место в посольстве Фезлиалибека. Вопросы урегулирования этих отношений были и важными и трудными; не зря так часто поступали жалобы и со стороны России и со стороны Ирана на ряд помех, нарушавших нормальное ведение торговли между двумя странами. Центральное место в этих вопросах занимала торговля шелком-сырцом. Вот почему ей всегда уделялось весьма пристальное внимание при всех дипломатических сношениях между Россией и Ираном.

* * *

Особое место среди восточного купечества, которое вело торговлю с Россией, занимали армянские купцы, в том числе купцы Джульфинской торговой компании. Пользуясь привилегиями, дарованными им правительством Петра I, армянские купцы большими группами прибывали в Москву и оттуда направлялись далее через Архангельск, Великий Новгород и Петербург за границу. Так, в 1707 г. прибыли в Москву армянские купцы И. Павлов, М. Петров и С. Аветов с иранскими товарами. «И те армяне били челом, чтобы их отпустили с товарами и с челядью через Архангельск в немецкие земли»¹¹ «А товар их шелк-сырец лези весом 471 п. 12,5 ф. Пошлины таможенные московские и архангельские, а также провозные деньги в сумме 1655 р. 17 алт. 3 д. взяты сполна»¹².

В том же 1707 г. с просьбой о пропуске шелка-сырца через Петербург и Ругодив (Нарву) морем за границу обратился к русскому правительству «компанейский товарищ» Сафар Васильев, указывавший при этом на большую денежную прибыль, которую получала казна от привозных армянских товаров: за один только 1706 г. в Астрахани, Москве и в порубежном городе было взято пошлин и провозных около 30 тыс. руб.

Просьба была встречена благосклонно. По именному царскому указу было велено отпускать армян из Москвы и к Москве через Петербург и Ругодив морем «на каких судах похотят, хотя шведские наняв суда; а сухим путем через Ругодив и Санкт-Петербург в Шведскую землю их не пропускать»¹³.

Таким образом, с 1708 г. армянские купцы могли отправляться за границу новым, очевидно, более выгодным путем — через Петербург. Не был забыт и старый испытанный путь через Архангельск. По указу Петра, в 1709 г. были отпущены из Москвы через Архангельск в «немецкие государства» прибывшие из Ирана торговцы-армяне К. Андреев и И. Павлов с шелком-сырцом¹⁴.

С любопытной просьбой обратился в 1710 г. к Петру I уже знакомый нам армянский купец Сафар Васильев¹⁵. «Державнейший царь государь милостивейший, — писал он, — в прошлых годах я, нижепоименованный, ехал из Персиды мимо владения Андреевского, которое есть расстоянием от Терек ходу два дни, там есть удобные древа, которые черви родят, из них же употребляется шелк-сырец. Всемилостивейший государь, прошу ваше величество, да повелите мне то дело начати». По указу Петра, Сафару Васильеву было действительно разрешено завести заводы «для делания шелка-сырцу» во владении Андреевском. Джульфинские армяне, таким

¹¹ Там же, д. 2, 1707 г., лл. 1—2.

¹² Там же, 1707 г., л. 7.

¹³ I ПСЗ, т. IV, № 2192, стр. 404.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 100, д. 3, 1710 г., л. 1.

¹⁵ Там же, лл. 1—9.

образом, делали попытку вложить свои капиталы в русское мануфактурное производство. Так называемые шелкоткацкие заводы во владении Андреевском были первыми опытами создания шелковых мануфактур, которые впоследствии получили распространение на юго-востоке России.

Учитывая значение армянской торговли, русское правительство издало ряд указов, поощрявших приезд армянских купцов. Так, в сенатском указе, датированном 1711 г., в пункте 7 говорилось: «О персидском и армянском торге взять подлинное же ведение из Посольского приказа, с которого года и как и по каким договорам начался тот торг быть в Российском государстве, и что на Москве, в Астрахани, у города Архангельского и в других городах по 705 и с 705 по нынешний 711 год с того торга, в котором году было где во взятые пошлин порознь»¹⁶. По поводу иранской и армянской торговли вообще указывалось: «Персидский торг умножить, и армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹⁷.

2 мая 1711 г. был опубликован новый сенатский указ «О торге в России армянам и о взимании с них пошлин», который предписывал:

1. брать пошлины по договорным статьям и записи 175 (1667 г.) с настоящей продажной цены;

2. с отпускных армянских товаров нигде, помимо Москвы, пошлин и провозных денег не брать;

3. пошлина с отпускных товаров от Астрахани до Москвы и до Архангельска должна взиматься в размере 20 алт. с каждого города;

4. подводы армянским купцам нанимать на свой счет;

5. от Астрахани до Москвы и до пограничных городов давать провожатых;

6. с драгоценных камней — алмазов, жемчуга пошлин не брать, «для того, что тем облегчением в привозе таких вещей для умножения в Московском государстве подать им, армянам, охоту»¹⁸.

Сенатский указ 1711 г. должен был способствовать привлечению армянских купцов в Россию, главным образом для продажи шелка-сырца или его провоза за границу. Он как бы восстанавливал условия соглашения с Джульфинской торговой компанией 1667 и 1673 гг., хотя в некоторых статьях изменял эти условия, распространяя их к тому же на всех иранских армян.

Однако купцы Джульфинской компании, в высшей степени влиятельные, хотя они составляли небольшое меньшинство среди армянских купцов, не только не исполняли условий договора, но препятствовали другим армянским торговым компаниям, а также русскому купечеству вывозить шелк-сырец в Россию. Они стремились полностью монополизировать экспорт шелка на Запад, что наносило значительный ущерб успешной торговле шелком-сырцом с Россией или через Россию. В отличие от остального армянского купечества, желавшего расширить экономические и завязать политические связи с Россией, джульфинцы, веками тесно связанные с ближневосточной и западноевропейской торговлей, стремились в рассматриваемое время лишь к тому, чтобы любыми средствами противодействовать конкурирующим с ними армянским купцам. Так, по просьбе джульфинцев шамахинский хан велел разослать приказы, «чтоб русским людям никому шелку-сырцу не покупать»¹⁹. Иными словами, Джульфин-

¹⁶ I ПСЗ, т. IV, № 2349, стр. 665.

¹⁷ Там же, № 2356, стр. 675—676.

¹⁸ Там же, № 2356, стр. 675—676.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 100, д. 1, 1712 г., л. 31.

ская компания хотела также захватить монополию в торговле шелком и по волжско-каспийскому пути.

Один из армянских купцов Гянджи просил русского посланника А. П. Волынского помочь ему выехать с шелком-сырцом в Россию для «торговых промыслов». При этом купец сообщил, что в Гяндже родится не менее шелку, чем в Шемахе, и что «только оне, компаниею своею, посылают в Алеп каждый год выюков сот по девяти, а временем и по 1000, а каждой выюк состоит весом по 400 фунтов российских». Волынский ответил купцу, что он «довольно известен, какую они в том пути терпят нужду и страхи, а временем и гибели от арапов, того ради для чего и все оной путь не оставят и не обратят всего своего купечества через державу его царского величества?». На это предложение купец указал, «что они довольно о том сами известны, и все б желали обратить свое купчество через Россию, оставя прежний путь свой, точию их к тому не допускают джультинцы»²⁰.

В делах фонда сношений России с Ираном, хранящихся в ЦГАДА, мы находим ряд свидетельств о том, что армянские купцы были объединены в так называемые торговые компании, конкурировавшие между собой. К сожалению, у нас нет данных о внутреннем их устройстве. Можно предполагать, что они объединялись по территориальному признаку: имелись Джультинская компания, Акулисская, Гянджинская и многие другие. Иранцы и азербайджанцы, видимо, также объединялись в торговые компании.

А. П. Волынский в своих донесениях неоднократно отмечал о стремлении влиятельных джультинцев не допускать к торговле шелком никаких других иранских купцов, в том числе и армянских купцов, не входивших в Джультинскую компанию. Так, например, он сообщал, что многие из армян обращают свой торг через Алеппо и Смирну в Европу, «и хотя б и многие желали торг свой обращать через Россию, но точию другим препятие чинят джультинцы для своей одной пользы, от чего не малые дают как при дворе шаховом, так и управителям в Шамахе и в Гиляне дачи, что б иным никому не провозить через Россию свои товары, кроме их компании, паче же сырец-шелк не токмо возить, но и покупать не допускают как чужестранных, так и своих»²¹.

Указом 1711 г. русское правительство не ограничилося. В 1712 г. был издан новый сенатский указ в подтверждение прежнего; по новому указу пошлины взимались по прежним договорам и по сенатскому указу 1711 г. Провозные взимались в размере 20 алт. с пуда от Астрахани до Москвы и до Архангельска, в обратный путь — также в размере 20 алт. с пуда²².

В декабре 1712 г. был опубликован новый указ, в дополнение к прежнему, — о свободном торге армянам в России иранскими товарами. «...а взятие с тех товаров пошлин и провозных денег, — гласил указ, — чинить по прежде посланному его, великого государя, в 711 году указу неотменно. А которые товары, а именно: сырец-шелк и иные товары в Астрахани осматриваны и описаны, и тех товаров в порубежных городах в другой рядь не пересматривать; а пересматривать те их отпущенные из Астрахани товары против астраханской записки на Москве, о чем и в прежних договорах, что те их отпущенные из Астрахани товары, пересматривать в другой рядь на Москве, не по городом, неписанно именно»²³.

²⁰ ЦГАДА, ф. 77, д. 3, 1716—1717 и 1718 гг., лл. 420—421.

²¹ ЦГАДА, ф. 77, журнал А. Волынского, л. 582.

²² I ПСЗ, т. IV, № 2490, стр. 808.

²³ Там же, № 2609, стр. 876.

В результате ли поощрительной политики русского правительства, в силу ли происходивших в то время серьезных международных осложнений на Средиземном море (турецко-венецианская война), но армянские купцы в начале второго десятилетия XVIII в. снова стали в возрастающей мере пользоваться волжско-каспийским транзитным путем. Джульфинцы оказались бессильными помешать остальным армянским купцам, да и сами были вынуждены ездить в Западную Европу через Россию. В 1712 г. армянские купцы большими партиями стали прибывать в Астрахань и Москву, а оттуда отправляться далее, на Запад. Привозили они главным образом шелк-сырец. В архивных документах за один только апрель 1712 г. зафиксировано более десятка таких приездов. Приведем имеющиеся в них данные в виде сводки, так как они очень наглядно показывают резкий скачок, который совершила армянская торговля иранским шелком-сырцом по волжскому транзитному пути за указанные годы.

1. 8 апреля 1712 г. была дана проезжая в Ревель армянам-джульфинцам М. Иванову, Р. Вартанову, А. Григорьеву, С. Назарову на привозной шелк. По астраханским росписям у Иванова было 39 тай шелка-сырцу лези (сорт шелка) весом в 245 п. 18,5 ф.; у Р. Вартанова — 44 тай лези весом в 270 п. 26,5 ф.; у А. Григорьева — 22 тай лези и 1 узел ардашу (сорт шелка) в 220 п. 15,5 ф. и дополнительно 21 тая лези весом 152 п. 29 ф.; у С. Назарова — 8 тай шелку лези на 64 п. 25 ф. Пошлин и провозных денег взято со всего указанного шелка-сырца, лези и ардаша 3551 р. 14 алт. 3 д.

2. 10 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину Ивану Микиртуну на привозной его шелк-сырец лези и ардаш весом в 113 п. 34,5 ф. Пошлин и провозных взято 407 р. 17 алт. 1/2 д.

3. 10 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянским купцам И. Хачатурову и др. на привозной шелк — 22 тай лези весом 144 п. 32 ф.; З. Агамалову — 12 тай шелку лези весом 88 п. 34 ф. Пошлин со всего шелка взято 855 р. 4 алт. 1, 5 д.

4. 15 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель греку Д. Николаеву, армянину С. Каспарову на привозной шелк-сырец. У Д. Николаева 14 было тай лези весом 121 п. 27 ф., у С. Каспарова — 10 тай лези весом 77 п. 36 ф. Пошлин и провозных взято 761 р. 14 алт. 5 д.

5. 16 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину И. Савельеву на привозной шелк-сырец лези и ардаш весом 91 п. 21,5 ф. Пошлин и провозных взято 557 р. 9 алт.

6. 16 апреля 1712 г. дана проезжая армянину С. Каспарову на привозной шелк-сырец в 44 таях весом 345 пуд. Пошлин и провозных взято 1316 р. 5 алт. 5 д.

7. 25 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину С. Давыдову на привозной шелк-сырец в 9 таях весом 77 п. 26 ф. Пошлин и провозных взято 296 р. 7 алт. 5 д.

8. 25 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянам А. Захарову и М. Васильеву на привозной шелк-сырец лези и ардаш. У А. Захарова было 5 тай лези весом 37 п. 18 ф.; у М. Васильева — 1 тая лези весом 8 п. 3 ф.

9. 28 апреля 1712 г. дана проезжая в Ревель армянину М. Васильеву на привозной шелк в 13 таях весом 106 п. 17 ф. 2 четв. и армянину Карапетову — на 2 тай шелка-сырцу лези весом 15 п. 24 ф. 2 четв.

10. У армянина П. Васильева — 11 тай шелка-сырца лези весом 86 п. 23 ф. Пошлин и провозных взято 330 р. 9 алт. 3 д.

11. У Е. Савельева — 5 тай лези весом 40 п. 19 ф.; у М. Васильева — 2 тай лези весом 17 п. 7 ф. Пошлин и провозных взято 219 р. 31 алт. 1 д.

12. У армянина М. Тернова — 16 тай сырцу лези весом 125 п. Пошлин и провозных взято 476 р. 29 алт. 1 д.

13. У Каспара Андреева — 15 тай сырцу лези весом 112 п. 6 ф. Пошлин и провозных взято 430 р. 4 алт. 5 д.

Таким образом, только за апрель 1712 г. армянские купцы провезли через Астрахань около 2600 пуд. шелка-сырца, т. е. не меньше, чем они провезли за лучший из известных нам годов в конце XVII в. В царскую таможню поступило с иранского шелка-сырца 10 тыс. таможенных и провозных денег²⁴. Сумма значительная даже в сравнении с общими таможенными сборами в Астрахани. Очевидно, в 1712 г. волжско-каспийский путь действительно впервые за все время своего существования становился основным в торговле между Ираном и Западной Европой. Это подтверждается и торговым характером иранского посольства 1712 г., привезшего товаров весом не менее 7 тыс. пуд. — громадным по тому времени грузом, сопровождавшимся «купецкими людьми» — иранцами и армянами. К этому следует добавить, что, повидимому, армянские купцы не всегда точно соблюдали условия соглашений, так как в мае 1716 г. был издан именной указ «О торговании армянам на точном основании трактата»²⁵.

Но еще до этого, в 1715 г., правительство Петра I пришло к выводу, что политика поощрения транзитной торговли из Ирана на Запад через Россию сама по себе еще не в состоянии дать больших результатов, тем более, что интересы русского купечества не совпадали с запросами армянских экспортеров шелка. Убеждение, что дипломатическим путем вернее и легче добиться перевода шелкового пути на Россию, очевидно, достаточно прочно утвердилось в правящих кругах. Во всяком случае посольство Артемия Волынского, о котором речь будет ниже, отражало именно такую точку зрения. В 1717 г. Волынскому действительно удалось было заключить весьма выгодный договор с Ираном, но он, как будет показано ниже, остался не реализованным. Армянская торговля в большей своей части, как и прежде, ориентировалась на средиземноморское побережье Турции, хотя имелось немало армянских купцов, которые продолжали пользоваться волжско-каспийским путем и открытыми для русской внешней торговли, помимо Архангельска, портами Петербурга и Риги.

Что касается джульфинцев, то их нежелание ориентироваться на Россию объяснялось, возможно, помимо конкурентной борьбы с русскими купцами, заинтересованностью именно в ближневосточной торговле, позволявшей дешево покупать западноевропейские товары, что было невозможно в России, правительство которой запрещало непосредственный контакт между европейскими и восточными купцами на своей территории. В Смирне же и Константинополе джульфинские купцы могли приобретать многие необходимые им товары европейского происхождения, не переплачивая посредникам между Востоком и Западом, роль которых брало на себя русское купечество. В России джульфинцы не могли рассчитывать на прибыльное приобретение заморских товаров, тем не менее некоторые из них не отказывались от транзита через Россию. Желая вместе с тем удерживать остальных армянских купцов от торговли с Россией, джульфинцы стремились оказать на русское правительство соответствующее давление. Однако эта политика не имела успеха, зато ускорила русское дипломатическое вмешательство в торговые дела Ирана.

Русской ориентации придерживались в первую очередь те армянские купцы, которые непосредственно интересовались торговлей в самой России,

²⁴ ЦГАДА, Приказные дела новых лет, д. 80, 1712 г., лл. 1—7.

²⁵ І ПСЗ, т. V, № 3022, стр. 471.

или те, кто не состоял в Джульфинской компании и был лишен выгод, проистекавших из ее громадных международных связей.

Купцы-армяне продолжали пользоваться волжско-каспийским путем и после заключения договора 1717 г. Так, например, в том же году купцы Джульфинской торговой компании С. Иванов и Х. Яковлев обратились к русскому правительству с просьбой о выдаче им паспорта для выезда из Петербурга в Амстердам²⁶. В следующем году с просьбой о выезде за границу через Ригу обратился армянин-«компанейщик» П. Сафонов²⁷. Такая же просьба была удовлетворена в отношении двух других армянских купцов — Н. Романова и С. Манилова²⁸.

В декабре 1718 г. прибыло в Москву 14 армянских купцов, обратившихся с просьбой разрешить им транзит на Запад через Архангельск. По таможенным выписям у них оказалось товару:

1. У М. Иванова — шелка-сырца 363 п. 25 ф. Пошлин и провозных взято 1387 р. 12 алт. 2 д.

2. У Г. Салданумова — шелка-сырца 274 п. 14,5 ф. Пошлин и провозных взято 1077 р. 15 алт. 4¹/₂ д.

3. У З. Вартанова и Д. Петрова — шелка-сырца лези 253 п. 23 ф. Пошлин и провозных взято 967 р. 15 алт. 2¹/₂ д.²⁹

Итак, купцы армянских торговых компаний направлялись в Россию, с одной стороны, с целью провоза иранского шелка через Архангельск, Ригу, Великий Новгород, Петербург на Запад, с другой — для непосредственной торговли в самой России.

Однако нормальному ведению этой торговли, как и в XVII в., нередко мешали разбои, а также злоупотребления местных властей как в Иране, так и в России. Например, в мае 1714 г. группа армянских купцов подала на имя царя челобитную, в которой высказывалась жалоба на незаконные местной администрации. «Державнейший царь, государь милостивейший, — говорилось в челобитной, — издревле в вашем, царского пресветлого величества, во всероссийском государствии мы, всенижайшие рабы, на Москве и у городе Архангельского и в Астрахани торгуем всякими немецкими и персическими товары беспорочно, и твои государевы пошлины платили неотменно и своею куньпаниею в одной Москве в год заплатили мы таможенных пошлин с лишком с сорок тысяч рублей, кроме городской и астраханской таможен, и вашим, царское величество, иманным повелением были мы, всенижайшие рабы, от приключаящихся в Российском государстве нам всяких напастей во всем были охранены и во всяких делах ведомы неотменно в государственном Посольском приказе, а ныне мы, всенижайшие рабы, от приказных людей немилосердия и по розным приказам от безвинного задержания и неповинного ругательства не смеем впредки и торгов своих распространить и умножить, понеже нас немилостивно по разным приказам таскают и бьют и увечат безвинно и ругают, яко же сущих воров»³⁰. Такие же злоупотребления чинили в отношении русских купцов и иранские власти, о чем будет сказано ниже.

Русское правительство уделяло большое внимание Каспию и Астрахани как исходному пункту русско-иранской торговли. Совершенствовалось и увеличивалось количество торговых судов, предназначенных для перевозки грузов по Волге и Каспию. В 1701 г. специально для этой цели в Казани

²⁶ ЦГАДА, ф. 100, д. 1, 1717 г., л. 17.

²⁷ Там же, 1718 г., л. 11.

²⁸ Там же, л. 15.

²⁹ Там же, 1719 г., лл. 24—29.

³⁰ Там же, 1714 г., л. 142.

было заложено четыре ката и 20 трехмачтовых шмаков³¹. Торговое судоходство в начале XVIII в. осуществлялось также на бусах, стругах и шкутах. Судами заведывала и распоряжалась Астраханская таможня.

За провоз от Астрахани до Низовой брали по гривне с пуда, а в другие места, например в Гилян, плата назначалась по взаимному соглашению между таможней и нанимателем. Впоследствии бусы и стружки были заменены более совершенными судами — тьялками, которые лучше выдерживали морскую непогоду. В 1707 г. надзор за перевозными судами поручен был капитану Рентелю³². Он же построил для коммерческого флота четыре судна, и «хотя б в Астрахани у морского флота было их десяток и больше, — сообщал капитан Рентель в письме к графу Апраксину, — и от тех судов была б государю прибыл и честь; также и торговые люди для клади в те суда товаров для ходу за море и из-за моря с товары ж в Астрахань вельми желают и ни в какие суда товаров для ходу море класть не желают»³³.

В другом письме капитан Рентель сообщал, что астраханский коммерческий флот состоит из девяти тьялок и четырех шкутов и к ним требовалось еще дополнительно пять или шесть тьялок для отправки товаров в Низовую, Гилян или на Терек³⁴.

Русское правительство придавало Каспию очень большое значение, как в торговом, так и в политическом смысле. Петр мечтал даже о том, что, соединив системой каналов и рек Балтийское море с Каспийским, ему удастся направить по этой системе всю торговлю между Индией и Европой. По его приказаниям, исследованием Каспийского моря в разное время занимались князь Бекович, поручики Кожин и Травин, капитан-лейтенант фон Верден и лейтенант Соймонов³⁵.

Много было также приложено усилий к уничтожению разбоя на Волге и Каспии, который не только наносил чувствительный ущерб как русским, так и иранским купцам, но порой вовсе прерывал торговые связи между Ираном и Россией.

Астрахани в начале XVIII в. уделялось особое внимание. По замыслу Петра, она должна была превратиться в крупнейший торговый центр. Уже в 1716 г. в Астраханской таможне было собрано пошлин с заморских товаров 24 649 р. 28 алт. 2 д., а в 1717 г. — 45 400 р. 13 алт. 2½ д.³⁶

Но эти данные лишь подтверждают, что расцвет транзитной торговли через Астрахань, наблюдавшийся в 1712 г., когда таможенные сборы за один только месяц достигли 10 тыс. руб., оказался кратковременным. Для дальнейшего подъема экономической роли волжско-каспийского пути нужны были другие средства. Русское правительство решило добиться дипломатическим путем того, чего не удавалось достигнуть при помощи льгот и поощрений, оказанных армянским торговым компаниям.

* * *

Еще в 1715 г. русское правительство отправило в Иран посольство Артемия Волынского, перед которым были поставлены не только политические, но и торговые задачи, в частности, наряду с точным выяснением по-

³¹ «Очерк русской морской истории», ч. 1, СПб., 1875 г., стр. 358.

³² Там же, стр. 360.

³³ «Материалы для истории русского флота», ч. 4, СПб., 1867, стр. 290.

³⁴ Там же, стр. 291.

³⁵ Г. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию — «Русский вестник», т. 110, 1874, стр. 16.

³⁶ Н. Леонтьев. О значении Петра Великого для России вообще и в частности для Астраханского края, Астрахань, 1873, стр. 21.

литической обстановки в Иране, ему предписывалось добиться торгового договора с иранским правительством.

Волынский выехал из Петербурга 7 июля 1715 г. Он следовал из Астрахани морем мимо Дербента, сошел на берег в Низабаде, откуда через Шемаху, Тавриз, Султанию и Кум последовал в Исфагань, куда прибыл в половине марта 1716 г. При отправлении в Иран Волынский получил подробнейшую инструкцию, статьи которой помогают не только понять широту и глубину политических планов русского правительства, но и наглядно показывают, какое большое значение придавал Петр русско-иранской торговле, особенно торговле шелком-сырцом. Так, пункт 6 инструкции гласил: «Тако же ему, господину посланнику, предусматривать невозможно ль в тот край, каким способом купечество российских подданных к лутчей прибыли его царского величества размножить, чрез какой о том новой с шахом персидским трактат (кроме имеющих с подданными шаховыми армяны договоров, с которых ему копии сообщаются) и какие к тому прибыльные способы и кондиции изобрестися могут, или невозможно ль через Персиду учинять купечество в Индии, и о том пути и о торгах какие у них индейцев с персами оные обретаются и какие товары им потребны. И от них вывожены быть могут о том о всем разведывать прилежно и тако ж обстоятельно писать»³⁷.

Пункт 7 предписывал «домогаться ему, что б позволен был российским купцам во всей Персиде свободный торг, и позволено б было покупать всякие товары как и у его царского величества землях. А особливо трудится ему пристойными способами шаха склонять, что б во области его шаховой в Гиляни и в прочих провинциях позволено было российским купцам шелк-сырец покупать и в Российское государство беспрепятственно вывозить, в чем доньше российским купцам по проискам армянским весьма запрещено, кроме некоторых немногих особ, и то знатно по подущении армянском; тако же надлежит ему, господину посланнику, стараться склонять шаха, дабы подданным его армянам жульфинцам повелено было весь свой торг шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство, в чем им самим по близости пути и безопасности проезда великая будет польза»³⁸.

Таким образом, А. Волынский должен был принять все меры для расширения и укрепления русско-иранской торговли. Этому мешало, однако, совершенно нетерпимое положение русских купцов в Иране. Волынский сообщал, «что их вместо собак (т. е. как собак.—Н. К.) держат и что хотят, то и берут у них, еще паче как у своих подданных, и дивлюся, как живут здесь»³⁹. Далее Волынский сообщал о притеснениях, которые приходится претерпевать русским купцам в Иране. Когда купцы прибывают к пристани, где выгружают свои товары, «то обыкновенно осмотрщиком и прочим принуждены давать великие дачи», чтобы те их без нужды не задерживали; в случае кораблекрушения жители приморских деревень грабят товары потерпевших. В иранских городах ханы и управители запрещают русским продавать товары, пока не выберут самые лучшие для себя в долг, иногда на очень большие сроки, и чаще всего товар «так и в долгах пропадает». «А ежели будет искать судом, то хотя отыщет или не отыщет, однако же повинен судьям заплатить десятую часть против своего иска, и оно ради кто б какую обиду купцам нашим не учинил, то им невозможно сатисфакции сыскать, разве или через немалую дачу или с великим убыт-

³⁷ ЦГАДА, ф. 77, д. 1, 1715—1717 гг., л. 48.

³⁸ Там же, лл. 48—49.

³⁹ Там же, д. 2, 1716—1717 и 1718 гг., л. 73.

ком учинить разделку с тем, кто ему должен; также в Шемахе и в Гилянских городах хотя продадут или не продадут свои товары, однако ж пошлинные в таможне и толмаченные деньги заплатить повинны, а в других городах куда повезут, таки те ж деньги платят, хотя б и выпиши на те товары имели, того им не зачитали прежде сего никогда, и сверх того в проездах великие терпят убытки, понеже на перевозах и на мостах и на заставах откупщики столько берут, сколько захотят, буде же платить не будут, то их бьют и насильно вымучивают у них деньги».

Волынский далее жалуется на отсутствие согласия среди русских купцов: «ежели б было между купцами нашими согласие и доброй порядок, еще комерц наш в Персии мог быть свободнее, нежели как видится ныне, однако ж первая та худоба, что компании нет тамо, но каждой имеет торг особливый, того ради как может быть в том добрый порядок, ибо нетокмо посторонние мешают, но и сами между собой один другому пакости чинят, и ищут один у другого разорвать торг, но сколько возможно таят, или которой куда и в иные места с товаром поедут, никогда протчим о себе не объявит, и тем временем и безвестно пропадает, так же ежели где кому обида случается (что всегда бывает), другие ему никогда не помогают...».

Волынский ставит вопрос об учреждении в Иране русского консульства: «А над ними (русскими купцами. — Н. К.) в Шемахе определены бывали всегда из подданных персических из грузинцев или из армян особливые судьи, будто для посредства в торгах между наших и персических купцов и для толмачества, и ежели кому из наших от кого учинитца такая обида, что б он о том разыскивал и доносил хану, но от них никакой пользы и вспоможения никогда не бывало кроме одного убытка, которые еще больше вредят, нежели делают пользу... А ежели и впредь не будет из наших тамо над купцами консул, то не надеюся я что б могло притить в доброе состояние и порядок коммерция наша и хотя в мою бытность учинен свободный торг в Персии, но если знатной персоны из купцов притом не будет, может все оное быть паки опровергнуто. Понеже жульфинцы непрестанно о том трудятся и большая часть убытков и обид купцам нашим от них происходит»⁴⁰.

Сообщения Волынского с исчерпывающей полнотой описывали крайне невыгодные условия русской торговли в Иране и, в частности, совершенно бесправное положение русских купцов. Условия эти, по мнению Волынского, настоятельно требовали объединения русских купцов в торговые компании, а также учреждения в Иране русского консульства.

Если иранские купцы и особенно иранские армяне пользовались в России определенными правами и привилегиями, то этого никак нельзя было сказать о русских купцах в Иране. Для урегулирования русско-иранских торговых отношений и ограждения русских купцов от злоупотреблений администрации и самоуправства феодалов необходимо было добиться заключения ирано-русского торгового договора. Уже в самой характеристике положения русско-иранской торговли отчетливо выступает главная мысль Волынского — дипломатическим путем добиться от иранского правительства, чтобы оно заставило местную администрацию и джюльфинских купцов в корне изменить свое отношение к русско-иранской торговле вообще и к русским купцам в частности.

На конференции с эхтиматдевлемом⁴¹ Волынский привел ряд фактов, обличавших иранскую администрацию в беззаконии и произволе, в нарушении нормальных условий для ведения торговли: 1) когда русские купцы

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 77, журнал А. Волынского, лл. 583—586.

⁴¹ Эхтиматдевле — искаженное иттимад-уд-доуле — титул, который в данном случае носил первый сановник государства.

приезжали в Низовую (иранская пристань) с товарами, то «джанышин ширванской держит их для своей корысти недели по три и по месяцу и принуждает их развязывать товары на пустом месте напрасно». Он же, джанышин, берет с русских товаров с каждого вьюка по рублю и четыре деньги, а прежде брали только 24 алт.; 2) по прибытии в Шемаху, местные власти «для своей прихоти» велют выбрать лучшие товары — сукна, стамеды «и ценят малою ценою не против настоящей продажной цены и тех денег за взятые товары не выдают им по году и больше, отчего им чинится всегда великий убыток и остановка в торговом промыслу, а с тех же денег купцов товар в долг на срок, однако сроки проходят, а русские не получают ни денег, ни товаров; 4) «они же, купцы здешние, как басурманы, так и армяне, берут у купцов наших, сторговався по цене, товары и держат их у себя долгое время, а потом вымарают и изомнут товар и приносят к ним назад и бросают перед лавки, не содержав того торгу, в чем им, купцам российским, чинятся великие убытки и умаление в цене в том товаре»; 5) у Матвеева куплено в долг 65 батманов стали, однако деньги в течение девяти месяцев не возвращены; 6) в 1715 г. на обратном пути из Тавриза близ Низовой русский купец А. Иванов был ограблен. У него было похищено на 2200 руб. товара; 7) в 1707 г. похищено товаров у купца М. Попова на сумму в 15212 руб.; 8) у астраханца С. Григорьева при возвращении на родину около Низовой местные жители ограбили его иранский товар на сумму в 2070 руб.⁴²

Большим стеснениям подвергались русские купцы в городах Гиляна, где они облагались непосильными пошлинами. Так, пошлина с гилянца взималась в размере 6 алт. с рубля, а с российских купцов — 12 алт.⁴³

Основные торговые операции русских купцов в Иране в начале XVIII в. происходили главным образом в Шемахе, Тавризе, Казвине, Ряще (Решт). Бывали российские купцы и в столице Ирана — Исфагани. Несмотря на большие трудности и опасности пути, они не прекращали своих поездок с торговыми целями в Ширван и Гилян. Очевидно, прибыли, извлекаемые из этой торговли, были все-таки весьма значительны. Об этом свидетельствует и А. П. Волынский: «Однако какие бы ни были привезены из России товары, токмо редкие тамо что б не с убытком, понеже персидская монета против российской мало не в двое выше векселя (денежный курс. — Н. К.), также и мера гораздо больше, однако ж на примере, если у российских товаров на тысячу рублей хотя и триста рублей учинитца в Персии накладу, то еще купец из своего капиталу не потеряет, понеже у персидских товаров может в России временем иногда и двойной против тамошнего присокупить»⁴⁴. Волынский настойчиво подчеркивал, что «большая часть убытков и обид купцам нашим от них (джульфинцев) происходит».

Купцы Джульфинской торговой компании видели в русских купцах опасных конкурентов, особенно в торговле шелком-сырцом, и поэтому, как уже указывалось выше, всячески препятствовали их торговле.

Помимо шелка-сырца, русские купцы вывозили из Ирана хлопок, парчу, шелковые и бумажные ткани, рис, фрукты, а также индийские пряности. Что же касается русского ввоза в Иран, то он состоял преимущественно из голландских и английских сукон — стамедов, кружев, полотна, бумаги писчей, кожи красной и черной; русские купцы ввозили также в Иран меха — белку, горностай, соболя, кроме того, янтарь, хрусталь и

⁴² ИГАДА, ф. 77, д. 2, 1715—1718 гг., лл. 42—45.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, журнал А. Волынского, л. 587.

«заповедные» товары — сталь, железо, медь, олово, свинец ⁴⁵. Очевидно, структура русского импорта в Иран и во время царствования Петра в основном оставалась такой же, как и в XVII в.

На предварительных конференциях с иттимад-уд-доуле русский посланник особенно настойчиво добивался свободного торгового для российских купцов в Иране, главным образом в Шемахе и Гиляне — центрах шелковой торговли. Он предлагал далее, чтобы купцы Джульфинской компании, на основе соглашения 1667 и 1673 гг., ввозили весь шелк в Россию или через Россию на Запад. Все другие пути шелковой торговли — через турецкие владения или Персидский залив — должны были быть оставлены. Однако по этому пункту соглашения достигнуто не было. Указ шаха гласил: «Понеже купцам есть воля их, — как хотят, так и торгуют, — и ежели оной компании насильство будет в том, чтоб от иных стран свое купечество отставить и в Россию возвратить, то будет что им уже и не торговать, и такое повеление есть непристойное, того ради повелели и поволели, чтоб всякой из купцов кто захочет, свои товары в Россию да возит и торгует и по нашему указу да делает» ⁴⁶.

По вопросу о жалобах русских купцов на притеснения, убийства и грабежи в шахском указе говорилось: «Не чинить таких притеснений и обид русским купцам и взыскать деньги с их должников» ⁴⁷.

Кроме того Волынский добивался от иранского правительства разрешения русским судам приставать к другой пристани, так как Низовая и Дербент «зело мелки», и чтобы там были построены гостиный двор и амбары для товаров. Однако и на это шахское правительство не согласилось. По этому поводу шахский указ гласил: «Понеже сие, чтоб в ином месте пристани морской быть и строение и торг заводить, есть противно древним обычаям и постановлениям и такого образца нет, того ради о сем позволению невозможно быть; но запрещается чинить обиды русским купцам» ⁴⁸.

В результате длительных переговоров (иттимад-уд-доуле имел обыкновение от одного заседания до следующего забывать и отказываться от того, что было им обещано накануне) обе стороны все же пришли к соглашению. Торговый договор между Ираном и Россией был заключен 30 июля 1717 г. Он был подписан Волынским и иттимад-уд-доуле и ратифицирован обеими сторонами.

Содержание основных статей договора сводилось к следующему: 1. Не задерживать русских купцов в Низовой и не развязывать у них товарные узлы. 2. Внутри Ирана с пристани пропускать русских купцов без промедления, «и ничего против древнего обыкновения да и больше не взыскивают и не истязают, за что наказание учинено будет». 3. Давать караулы в пути из Низовой в Шемаху. 4. Не чинить препятствия в продаже русских товаров, «и ежели из товаров что похотят, то надобно цену прямую давать и брать». 5. Если русские купцы продадут в долг товар, то за просроченные дни должник обязан ежемесячно платить штраф в размере абаса со всякого тумана. 6. Предоставить русским купцам полную свободу разъезжать по стране с товарами и без товаров, заплатя при этом «обыкновенные» пошлины с рубля две копейки «и насильно больше обыкновения древнего да не взыскивать, за что наказание учинено будет». 7. Русским купцам гарантировалась полная свобода купли иранского шелка-сырца в

⁴⁵ Там же, л. 585

⁴⁶ В. А. Ульяницкий. Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. 2 (приложения), М., 1899, прилож. 42, стр. CXXXVIII—CXXXIX.

⁴⁷ Там же, стр. CXL.

⁴⁸ Там же, стр. XXXIX.

Гиляне и Ширвани — главных шелковых провинциях страны, — «сколько шелку сырцу и какого роду захотят, с обеих сторон по договору да покупают или на мену да меняют, и в страну Российскую да привозят». 8. Для «начальствования» над русскими купцами выделялся один российский купец или консул, который обязан был разбирать споры, возникшие между русскими и персидскими купцами. 9. Брать одинаковую пошлину с иранского товара, как с армянских и иранских купцов, так и с русских: «разности и различия между ими да не полагают, за что наказание учинено будет». 10. Давать возвращающимся русским купцам из Шемахи в Низовую конвои «с платою сих народов». «И везде, где купцам российским гибель учинится, и, розыскав, наитить, и отдать оным, о чем судии и начальники того места да прилежат, понеже от них будет взыскано; и ежели их судна погодою на море разобьет в стране Ширванской и в Гилянской и в Мазандеранской, где прибьет товары, и рухлядью их да не завладевают, но хозяевам да отдают»⁴⁹.

Торговый договор 1717 г., бесспорно, являлся крупным дипломатическим успехом миссии Волынского. Это был первый торговый договор между Россией и Ираном (не считая соглашений с армянскими компаниями). Впервые русские купцы в Иране получали права, обеспечивавшие им выгодные условия для проживания и торговли в городах державы Сефевидов.

Согласно статье 8 договора, консулом для надзора и управления в Иране «коммерцией русских подданных» был назначен Семен Аврамов при шахском дворе в Исфагани, а А. Баскаков был определен вице-консулом с резиденцией в Шемахе⁵⁰. В связи с назначением консулов споры между русскими и иранскими подданными изымались из непосредственного ведения иранских властей.

В 4-й статье инструкции Коммерц-коллегии консулу С. Аврамову предписывалось: «Непрестанно усматривать, что какие порубежные иностранные народы в Персидском государстве торгуют, и какие товары они туда привозят, и оттуда вывозят, а особливо об оном торгу, которой в Бендере, Аббасси, или Гаммароне, на Персидском синусе, или море бывает, куда европейские народы приезжают, дабы мочно было рассмотреть, что не есть ли в таком же состоянии Российское государство, чтобы такие же товары из России в Персидское государство посылать, и оттуда других больше, которые прежде сего и поныне через Россию не возил, вывозить»⁵¹.

Эта статья инструкции свидетельствует о стремлении петровского правительства противопоставить русскую торговлю проникавшему в Иран западноевропейскому торговому капиталу. Ту же цель преследует и 5-я статья: «Надлежит ему начальнейших купецких людей, которые из Персидского государства как чрез Бендер, Аббасси, или Гаммарон, так и чрез Шемаху в Турецкую землю торгуют, призывать, чтобы они свои товары чрез Российское государство возили представляя оными безопасение и краткий путь, малые в провозе убытки, и что тогда его царское величество, сверх учиненного уже умаления, или облегчения в пошлинах, большие еще вольности им пожалует»⁵². Эти же статьи инструкции повторяются и в предписании вице-консулу А. Баскакову, назначенному для наблюдения за русской торговлей в Шемаху и в Низовую.

Итак, консульские представители России в Иране должны были практически осуществлять восточную политику русского правительства в обла-

⁴⁹ I ПСЗ, т. V, № 3097, стр. 500—503.

⁵⁰ В. А. Ульяницкий. Указ. соч., ч. I, стр. 206.

⁵¹ I ПСЗ, т. VI, № 3700, стр. 281.

⁵² Там же, стр. 281—282.

сти торговли. Они должны были, в частности, детально изучить хозяйственные условия Ирана и приложить все усилия для переключения внешне-торговых связей Ирана с Персидского залива и турецких владений в сторону Каспия. Россия должна была стать посредницей в торговле Востока и Запада.

Русская торговая политика на Востоке охватывала самые различные области экономической деятельности. В Коммерц-коллегии, например, постоянно обсуждались планы и предложения о распространении и усилении русско-иранской торговли. В этом смысле небезыntenесны предложения известного исследователя Каспийского моря Ф. Соймонова. Помимо выполнения данного ему главного поручения — описать западный берег Каспия, Соймонов изучил также состояние иранской торговли. В связи с этим ему пришлось беседовать с некоторыми русскими купцами, ездившими в Иран. Купцы выдвинули предложение организовать торговые компании, куда предлагали привлечь и армянских купцов, «потому что оные наиболее знают в тамошних странах и как прибыточные торги отправлять. Если же капиталу к тому не достанет, то можно надеяться, что из государственной казны снабжены будут знатною суммою». Местопребыванием главной конторы Соймонов, исходя из советов русских купцов, предлагал сделать Астрахань, откуда товары должны были переправляться в Иран, а из Ирана в Россию, а остальные конторы учредить в Исфагани, Тифлисе, Шемахе, Астрабаде и Реште (в последних трех — малые конторы).

В Иран, по их мнению, следовало ввозить пшеничную муку, сукна, а оттуда вывозить шелк, хлопок и сорочинское пшено (рис).

Соймонов считал, что лучшими судами для перевозки грузов по Каспию являются гукеры и галиоты от 60 до 70 футов длиной и что Низовая пристань для этих судов непригодна. Поэтому он выдвигал проект учреждения гавани и «купеческого места» при устье Куры, куда он надеялся привлечь главное купечество из Грузии и Ширвана. В Зензелинском (Энзелийском) проливе намечалась для Гиляна и для ввозимых в Иран товаров вторая удобная пристань⁵³. Русское правительство рассчитывало, что порт в устье Куры в будущем превратится в сборный пункт для всего восточного купечества.

В делах кабинета Петра I сохранилась любопытная записка неизвестного автора, называвшаяся: «О распространении купечества в Санкт-Петербурге Запада и Востока через Россию». Она является свидетельством глубокой заинтересованности в расширении восточных связей и привлечении в Россию всей восточной транзитной торговли. Автор записки предлагал: 1. Построить на «персидской стороне Каспийского моря» малую крепость, чтобы армянские купцы имели возможность более удобно производить свою торговлю через Россию. Эта крепость должна быть расположена недалеко от Шемахи при устье реки, «и когда купцы свои товары из Георгии по оным рекам вывозить могли, чего они еще не знают, то б армянским купцам великая польза была и они охотнее б купечество свое чрез государство вашего величества отправляли, нежели товары свои в Турецкую землю вывозить, потому что они водою дешевле и способнее свои товары из Персиды в Астрахань, а оттуда к Москве и потом в Санкт-Петербург посылать могут». 2. Учредить почтовое судоходство от Каспийского моря до Москвы и Петербурга. При этом следовало озаботиться, чтобы армянским купцам никакого «препятствия в пути не было, взиимались бы легкие пошлины и за провоз товаров недорогою цену положить».

⁵³ Ф. А. Соймонов. Описание Каспийского моря... Яко часть истории государя императора Петра Великого, СПб., 1763, стр. 333—337.

Губернаторы, воеводы и таможенные управители не должны в пути задерживать армян, «а товары их в добром бережении иметь, чтобы оные не были раскрадены или повреждены». В таком случае, уверял автор записки, армянские купцы будут более охотно торговать с подданными Петра и товары свои из Ирана и Грузии будут вывозить исключительно через Россию, «нежели оные на верблюдах в Константинополь, Смирну, в Алеппо или Сандарун возить, от сего великая польза подданным вашего величества и государству вашему происходить будет, и к тому приведет, что большая часть купечества восточного через государство ваше отправляться будет, от чего город Санкт-Петербург зело процветет, потому что оные товары, которые из Персиды и Георгии выходят, во всех странах Балтийского моря потребны». 3. Если регулярное почтовое судоходство будет учреждено, то, по мнению автора, персидские товары до Голландии через Петербург и обратно в Иран могут обернуться в 12 или 15 месяцев, т. е. в два-три раза быстрее, чем прежде, когда этот же путь преодолевался в два или даже три года. 4. Автор записки настаивал даже на необходимости для России иметь крепость или «малой посад» торговых людей на иранской стороне Каспийского моря «для безопасности купечества и скорого отправления товаров в Астрахань, а оттуда через государство ваше к Москве в Санкт-Петербург». 5. Персидские товары автор предлагал перевозить на русских кораблях и установить для персидских купцов за провоз и пошлины от 10 до 15% стоимости товаров, «как о том договорено будет больше или меньше по оценке оных товаров». Одна часть пошлинного сбора должна взиматься в Астрахани, другая — там, где эти товары будут проданы или отпущены за море. Никаких других пошлин, кроме указанных, не спрашивать, что, бесспорно, привлечет армянских купцов, «потому что они страху никакого не имеют, товары их способно и скоро водою отправляться будут, такожде гостинные пошлины платить станут и сверх того такую пользу иметь будут, что они товары свои в разных местах продавать могут поданным вашим и чужестранным торговым людям в С.-Петербурге, а напоследок, когда они тамо своих товаров продавать не похотят, то могут они в кратком времени быть с товарами своими в Швеции, Дании, Голландии или Англии».

В заключение автор записки снова подчеркивал выгоды транзита через Россию для армянских купцов, подданных шаха Ирана. Он указывал на неудобство пути через Средиземное море, где армяне дорого платят за провоз и, помимо того, иногда в течение долгого времени не могут продать или променять свой товар, «и никакого случая и способа не имеют в пути торговать, как они будут иметь когда через государство вашего величества и чрез Каспийское море, купечество отправлять будут. И таким образом за способным положением вашего государства, за вспоможением и протекцией в. и. в. к тем торговым людям восточное купечество и чрез государство ваше может учинено быть главнейшим, богатейшим и способнейшим купечеством во всем свете»⁵⁴.

Настойчивое напоминание автора записки о выгодах для армянских купцов, об охране их интересов, о длительности пути из Ирана в Голландию, где в то время находилась крупнейшая армянская колония в Западной Европе, — все это дает основание считать, что автором записки был представитель армянского купечества. Армянские купцы Ирана, за исключением джюльфинцев, видимо, полагали, что их интересы совпадают с интересами российской внешней торговли на Востоке.

Записка действительно в известной мере совпадала с дальнейшими

⁵⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2-е, кн. 93, лл. 158—163.

планами Петра в отношении русско-иранских экономических связей. Но последующие события — иранский поход Петра 1722—1723 гг., в результате которого Россия приобрела прикаспийские провинции Ирана, являются наглядным доказательством того, насколько дальше планов автора записки пошла русская внешняя политика на Востоке.

* * *

Торговый договор 1717 г., по замыслу русского правительства, должен был создать совершенно новые условия для экономических связей России с Ираном. Но он их не создал. Во-первых, в договоре отсутствовало одно из самых главных требований Петра — о том, чтобы купцы Джульфинской компании ввозили весь шелк только в Россию или через Россию на Запад. Джульфинцы, как указывалось, не собирались отказываться от своих традиционных связей со средиземноморскими портами. Не удалось также склонить Иран и к предоставлению русским судам права приставать к южному, иранскому берегу Каспия, что, несомненно, мешало более широкому развитию торговли. Во-вторых, проведение в жизнь договора 1717 г. наталкивалось на серьезное препятствие в виде все растущих внутренних неурядиц в Иране. Лишенный реальной власти, шах не мог, даже если бы захотел, осуществлять условия русско-иранского торгового договора. Таким образом, русское правительство попрежнему было далеко от своей цели — установления прочных экономических связей с Ираном. Таковы были те побудительные экономические причины, которые привели к иранскому походу.

Иранский поход был решен вскоре после возвращения Волынского в Россию. Турецкая угроза Ирану, вторжение афганцев в Иран, охватившая страну тяжелая внутренняя разруха — все это еще более утверждало Петра в мысли о необходимости задуманного похода.

Утверждение Турции в богатых прикаспийских провинциях создало бы угрозу русским прикаспийским рубежам и нарушило бы полностью торговые связи России с Ираном, а частично со всем Средним Востоком. Еще в 1716 г. Волынский сообщал из Низовой о прибытии в Исфагань большой турецкой свиты, которая, повидимому, добивалась, «чтоб торг весь сырцом-шелком обратить чрез государство их...»⁵⁵. То же самое сообщал и другой побывавший в Прикаспии русский дипломатический представитель, Беневени. «Султан, — доносил он, — не знаю по каким резонам, претендует от шаха, дабы весь гилианский шелк везен был в его область, а не через Каспийское море в Россию, понеже оттоле во всю Немецкую землю рассылается...»⁵⁶.

Таким образом, иранский поход, по замыслу Петра, должен был утвердить позиции России в северо-западных областях распадавшейся державы Сефевидов, обеспечить обладание их естественными богатствами и решить в желательном для русского правительства духе судьбу ирано-русской торговли, в первую очередь — вопрос о направлении торговли шелком-сырцом. Несомненно, что в интересах России было сохранение суверенитета слабого Ирана, чтобы не дать возможности Турции установить там свое господство и выйти непосредственно к русским юго-восточным рубежам.

Фактическое безвластие и полная анархия, охватившие Иран в связи с нашествием афганцев, также толкали Петра на решительное вмешательство в иранские дела. Афганцы взяли столицу Ирана Исфагань и

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 77, д. 2, 1716, 1717 и 1718, л. 18.

⁵⁶ А. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, СПб., 1853, стр. 129.

заставили шаха Хусейна отречься от престола. Ставший губернатором Астрахани, Волинский торопил Петра занять прикаспийские провинции и «для безопасности границ российских принять в свое защищение, занять и населить оные войсками российскими»⁵⁷.

Повышенный интерес Петра I к богатствам прикаспийских провинций Ирана не случаен. Рост мануфактурного производства в конце XVII—начале XVIII в. ставил вопрос об обеспечении его сырьем, а в этих провинциях как раз имелось сырье для быстро развивавшихся металлургической и шелкоткацкой промышленности. Богатства этих провинций, в случае присоединения их к России, должны были, по замыслам русского правительства, быть использованы для различных отраслей мануфактурного производства, а также в торговых связях России с Западом: «Петр Великий полагал, — свидетельствовал Волинский, — со временем умножить в коммерции те специи, которые родятся в Персии, а именно: шафран, изюм и проч., как для употребления во все государство, так и для отпусков в Польшу»⁵⁸.

В этой связи интересны некоторые распоряжения Петра, сделанные им уже после занятия русскими войсками прикаспийских провинций. Так, например, к этому времени относятся его многочисленные указы, требовавшие поисков сырья в указанных провинциях для металлургической промышленности. «О меди, — говорилось в одном из них, — також подлинное свидетельство учинить»⁵⁹.

По пятому пункту царской инструкции, данной бригадиру Левашеву, последнему надлежало разведать, «где что родится, а о сахаре объявил мне Аврамов, что в Мазандаране, также сам посол персидской объявил, что в Гиляне есть медь, а именно: в Ардевиле, а свинец — в Мусулае»⁶⁰.

Армяне сообщали Петру, что в Карабахской провинции имеются серебряная, медная, свинцовая и железная руды⁶¹.

«В царствование Петра I, — указывает В. П. Лыцов, — пороховое производство России достигло высокого уровня развития. В период с 1698 по 1715 г. в пороховом производстве возникло 17 мануфактур, среди которых были селитренные, серные и пороховые предприятия»⁶². А между тем селитренное производство испытывало крайнюю нужду в сырье. Этим и объясняется ряд распоряжений Петра относительно разведки селитры. Так, один из пунктов упомянутой инструкции предлагал Левашеву «осмотреть... в Гилянской или в других провинциях, нам ныне уступленных, не возможно ль довольно селитры иметь, и о том писать»⁶³. В журнале Волинского мы находим указания на наличие селитры в городе Саве — «около сего места множество селитры»⁶⁴.

Таким образом, Петр интересовался наличием в прикаспийских провинциях меди, свинца, селитры, а также сахара и фруктов. В инструкции на случай взятия Баку предписывалось: «Разведать о пошлинах и доходах, а особливо о нефти и шафране, сколько было в доброе время, и сколько ныне, и что шаху, и что по карманам»⁶⁵.

⁵⁷ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г., ч. 1, СПб., 1869 г., стр. 6.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 5, кн. 17, л. 21.

⁵⁹ В. Комаров. Персидская война — «Русский вестник», т. 61, 1867, стр. 606.

⁶⁰ I ПСЗ, т. VII, № 4301, стр. 113—114.

⁶¹ Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб., 1898, стр. 379.

⁶² В. П. Лыцов. Персидский поход Петра I (1722—1723), М., 1951, стр. 23.

⁶³ I ПСЗ, т. VII, № 4301, стр. 114.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 77, журнал А. Волинского, л. 559.

⁶⁵ В. Комаров. Указ, соч., стр. 598.

В годы царствования Петра в России было создано шелковое производство. С 1714 по 1725 г. возникло 14 шелковых мануфактур. Однако шелковая промышленность почти целиком зависела от привозного сырья, преимущественно из прикаспийских стран⁶⁶. Не случайно Волинский доносил, что «нам паче всего потребно из Персии шелк сырец, также вarenой»⁶⁷.

Самыми богатыми шелковыми районами Ирана Волинский считал Гилян и Ширван. «Лучший интерес жителей (Ширвана.— Н. К.) шелк, которого довольно везде родится и редкая деревня где б не было шелковых заводов, как около моря, так до самой реки Куры, городов в сей провинции знатной, первой Шемаха, где резидентствует беглербеги, протчие же хотя некоторые и особливые имеют уряды, однако ж к нему присовокупляются, Баку, Дербент, Куба, Окташи...»⁶⁸.

Шелком, по тем же сведениям, особенно славилась Гилянская провинция, «где зело оногo родится, много с которого только одних пошлин (как я слышал сам от эхтмадевлета шахова) собирается в казну по 900 тыс. руб., кроме иных доходов, также и пшена зело много родится, и таково во всей Персии нет откуды весь шахов дом довольствуется»⁶⁹.

По другим данным, в одной Гилянской провинции производилось в год более 2800 тыс. фунтов шелка-сырца⁷⁰, что, однако, кажется маловероятным. Дербент и его окрестности также изобиловали шелком-сырцом и, кроме того, шафраном, мареной, хлопчатой бумагой⁷¹. Особый высокосортный хлопок выращивался также в Мазандеране.

По замыслу Петра, эти богатства должны были быть использованы как сырье в молодых русских мануфактурах, а также для вывоза за границу, главным образом в Англию, Голландию, Францию и Польшу, с которыми предполагалось заключить договор о торговле шелком-сырцом.

В архивных делах сохранились следующие сведения о доходах прикаспийских провинций, которые по договору с иранским послом Исмаил-беком отходили к России⁷².

	Тысяч тюменей
Баку — от нефти и соли	6
Решт — по доходам прежних лет	25
Кескер	6
Ленкорань и Кызылагач	4
Шефт	3
Кюхтунь	2
Лахиджан	10
Тулкабян с уездом	4
Мазандеран с уездом	25
Астрабад	3
Всего	88

⁶⁶ П. Г. Любимиров. Очерки по истории русской промышленности, М., 1947, стр. 107, 110.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 77, журнал А. Волинского, л. 587.

⁶⁸ Там же, л. 592.

⁶⁹ Там же, л. 596.

⁷⁰ В. Комаров. Указ. соч., стр. 556.

⁷¹ Общее обозрение торговли с Азией (Записка, составленная графом В. А. Зубовым) — «Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 884.

⁷² ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2-е, кн. 94, л. 306. Тюмень — туман, примерно 10 золотых рублей.

Самыми богатыми из прикаспийских провинций Ирана были Гилян, Ширван, Мазандеран. Об этом свидетельствовали и Волинский и Исмаилбек.

При выявлении мотивов иранского похода следует также учитывать сообщения некоторых иностранных послов. Так, в одном из своих донесений французский посол в России де Кампредон сообщал: «...Бунтовщики узбеки и черкесы, разорившие Шемаху, ищут теперь покровительства Порты. Царь никогда не потерпит, чтобы она их под это свое покровительство приняла и утвердила, таким образом, турок на его границе. Это противно интересам всех вообще держав, потому что турки сделались бы тогда господами всей персидской торговли...»⁷³. В другом письме Кампредон сообщал о намерениях русского царя приобрести порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и, кроме того, овладеть Грузией, Ширваном и Гиляном, где вырабатывается лучший шелк; тогда вся торговля шелком будет целиком монополизирована русским правительством и в то же время будут обеспечены границы от посягательств турок и персов⁷⁴.

В секретном донесении де Вильде Генеральным штатам Соединенных Нидерландов сообщалось, что предполагаемая военная экспедиция на Восток пойдет в сторону Шемахи и Дербента с целью овладеть этими городами и другими портами на Каспийском море «и тем обеспечить в России свободную торговлю шелком»⁷⁵.

Из этих донесений видно, что Петр при посылке военной экспедиции в Иран руководствовался как политическими, так и экономическими мотивами.

Как известно, одновременно с военными действиями в Петербурге шли переговоры с персидским послом Исмаил-беком об уступке России прикаспийских областей за обещанную шаху военную помощь. В результате этих переговоров 12 сентября 1722 г. в Петербурге был подписан между Россией и Ираном трактат «О уступке в вечное Российской империи владение лежащих по Каспийскому морю Провинций Гиляни, Мизандеронна, Астрабата и городов Дербента и Баку со всеми принадлежащими к ним землями, за сделанное от России шаху против бунтовщиков вспоможение»⁷⁶.

Для возобновления экономической жизни в новоприобретенных провинциях, в частности для оживления торговли, русское правительство стремилось использовать иранских армян.

В 1723 г. армянскому народу была дарована Петром I высочайшая грамота «О возобновлении торговли с Россией, и о дозволении селиться армянам в России»⁷⁷.

В именном указе Сенату от 14 мая 1723 г. в Сенат предлагалось призвать двух-трех купцов из Армянской компании и объявить им, «чтоб они к размножению коммерции с российскими купцами имели старание, и для того шелк и другие персидские товары, которые от них прежде сего отпущиваны в европейские государства, привозили б в Россию..., и о том писали б они к своим корреспондентам, и других бы тамошних купцов к тому призывали...»⁷⁸.

⁷³ Сб. РИО, т. 49, СПб., 1885, стр. 83—84.

⁷⁴ Там же, стр. 93—94.

⁷⁵ «Материалы для истории русского флота», ч. IV, СПб., 1867, стр. 308.

⁷⁶ I ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 110; Соглашение не было ратифицировано шахом Ирана.

⁷⁷ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1883, стр. 43.

⁷⁸ I ПСЗ, т. VII, № 4224, стр. 64—65.

В сентябре 1723 г. вышел новый сенатский указ «О позволении армянам, индейцам, бухарцам и прочим иноземцам в Астрахани отправлять розничную торговлю по прежнему, с уплатой обыкновенных пошлин...»⁷⁹.

В указе бригадиру Левашеву предлагалось поселять армян в новопробретенных провинциях — Гиляне, Мазандеране и др., «и содержать тебе оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»⁸⁰. Такого же рода инструкции были посланы в Баку, Дербент и крепость Святого Креста.

Петр I призывал к возобновлению «торгов» с Россией и тех армян, которые оставались в иранских провинциях: «Понеже оное купечество от большей части от вашего народа отправлялось, и для того армяне, как те, которые в Персии обретаются, так и особливо те, которые во множественном числе в разных городех нашей империи живут и торг свой имеют, всеподанейше просили, дабы с вами армяны, в Персии обретающиеся, оное купечество возобновить и узаконить, и мы по особливой к оному народу имеющей нашей императорской милости чрез сие объявляем, дабы они прежде имевшее свое купечество чрез те в нашей протекции обретающиеся города с нашею империею возобновили»...⁸¹.

По окончании иранского похода Петр учредил торговую акционерную компанию для торговли с Ираном. Всего было выпущено 4 тыс. акций, каждая стоимостью в 150 руб. Город Астрахань вложил в эту компанию 50 тыс. руб.⁸² К сожалению, нам не удалось найти материалов, характеризующих деятельность этой компании. Однако цифровые данные, обнаруженные нами в делах кабинета Петра, дают основание предполагать, что торговая деятельность этой компании в связи с присоединением прикаспийских провинций была достаточно интенсивной. Вот эти данные⁸³.

Весной 1723 г. было привезено в Астрахань:

Из Энзели:	
Шелка-сырца	49 тай 1 узел
Шелка вареного	25 „ 39 узлов
Парчевых и прочих товаров	69 „ 185 „
Разных товаров	20 ящиков
Из Баку:	
Шелка вареного	4 тай 12 узлов
Парчевых товаров	5 „
Из Дербента:	
Шелка-сырца	1 узел
Шелка вареного	6 тай 13 узлов
Парчевых и прочих товаров	57 „ 7 „
Всего:	
Шелка-сырца	149 тай 2 узла
Шелка вареного	55 „ 64 „
Парчевых товаров	131 „ 192 „

В декабре 1723 г. было привезено в Астрахань из Гиляна иранских товаров 514,5 тай, 1 чюван, в числе которых было⁸⁴.

Шелка вареного	5 тай 1 чюван
Шелка-сырца	79 „

⁷⁹ Там же, № 4304, стр. 115.

⁸⁰ «Письма и указы... Левашеву», М., 1808, стр. 27.

⁸¹ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, стр. 161—162.

⁸² Г. Мельгунов. Указ. соч., стр. 19.

⁸³ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2-е, кн. 94, л. 308.

⁸⁴ Там же, л. 39.

Парчей	168	тай
Пшена	5,5	„
Мелкого изюма или кишмиша . . .	4	„
Сафьяна	169	„
Ладана	1	„
Бязи	1,5	„
Чернильных орешков	41	„
Кофе	32,5	„
Бумаги	12	„
Конопля	2	„

Согласно реестру заморских товаров, привезенных в Астрахань из Ирана и Закавказья, шелк составлял более половины, а шелко-текстильные изделия, взятые вместе, — более двух третей всего русского импорта из этих районов в 1723 г.⁸⁵

Этими данными нам придется ограничиться. Они говорят лишь о первых шагах возобновившейся после иранского похода торговли с новопробретенными прикаспийскими провинциями.

Подводя итоги, следует сказать, что политика Петра I в вопросе о русско-иранской торговле принципиально не отличалась от политики времен Алексея Михайловича. Так же, как и раньше, она была направлена на создание условий транзитной торговли для купцов Ирана, чтобы сосредоточить торговлю иранским шелком в России, имела целью нанести экономический удар Турции и по возможности вытеснить из Ирана западноевропейский торговый капитал. Но вместе с тем эта политика содержала уже некоторые новые черты, отличавшие ее от торговой политики на Востоке, проводившейся до Петра. В отличие от правительства Алексея Михайловича Петр I осуществлял свои внешнеторговые планы, учитывая при этом всю совокупность вопросов экономики, международных отношений, стратегии и т. п. и с гораздо большей готовностью шел на решение поставленных задач силой оружия. Да и сами эти задачи расширились и усложнились по сравнению со второй половиной XVII в. Таковыми, в числе других, стали уже вопросы промышленного развития страны, поиски промышленного сырья и т. д. Все это имело место и раньше, но в значительно более скромных масштабах. Цели иранского похода, как и сам поход, уже свидетельствовали о возросшем экономическом и военно-политическом могуществе России по сравнению с допетровским периодом, об усилении государственного аппарата, поставленного правительством Петра на службу политическим и экономическим интересам русского дворянства и купечества.

⁸⁵ ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 2-е, кн. 94, лл. 310—312.

Л. С. РОГАЧЕВСКАЯ

РАБОТА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1926—1927)

Социалистическая индустриализация не могла быть осуществлена без активнейшего участия рабочего класса. Вокруг лозунга индустриализации необходимо было мобилизовать весь рабочий класс, довести этот лозунг до сознания каждого рабочего.

Одним из основных средств вовлечения широких масс рабочего класса в дело социалистического строительства, организации и управления социалистическими предприятиями Коммунистическая партия считала производственные совещания. Они должны были будить творческую инициативу рабочих, служить для них школой сознательного, социалистического отношения к труду и производству.

Первые производственные совещания возникли еще в самом начале восстановительного периода в Москве, Донбассе и других районах, однако в то время они не стали еще постоянной и систематической формой производственной активности рабочего класса. Эта их роль определилась только в начале 1924 г., когда в стране, в связи с ленинским призывом в Коммунистическую партию, широкой волной началось движение за поднятие производительности труда в промышленности.

19 апреля 1924 г. на ленинградском Балтийском заводе состоялось производственное совещание, которое следует считать одним из первых в СССР, так как оно послужило образцом для создания и работы производственных совещаний во всех концах Советского Союза. В дальнейшем дата 19 апреля 1924 г. стала отмечаться прессой как юбилейная, как дата организации первого производственного совещания. Пятилетие этой даты отметила, например, 20 апреля 1929 г. «Комсомольская правда».

В первоначальный период своей деятельности рабочие и производственные совещания занимались главным образом выявлением и устранением мелких недостатков, не требовавших глубокого изучения производства (очистка от мусора заводских дворов, устройство вентиляции, улучшение освещения в цехах и мастерских и т. д.).

1924—1925 гг. были периодом, когда производственные совещания широко распространились по всему Советскому Союзу. В 1925 г. они имелись почти на всех предприятиях страны, в их работу были втянуты сотни тысяч рабочих. Так, в Москве к этому времени работало 371 производственное совещание, в котором принимали участие 34 тыс. человек¹. В Ленинграде уже к концу 1924 г. в работе производственных совещаний участвовали 24 тыс. человек, что составляло 17% всех работавших на пред-

¹ См. «XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», М.—Л., 1926, стр. 60.

приятнях города². В Твери было 198 производственных совещаний с 13 тыс. участников³ и т. д.

Однако в конце 1925—начале 1926 г. работа производственных совещаний резко ослабла: уменьшилось число рабочих — участников совещаний, нарушилась регулярность их созыва и т. д. Так, если на заводе «Красное Сормово» в сентябре 1925 г. состоялось 53 производственных совещания с 1483 присутствующими, а в октябре — 31 совещание с 847 присутствующими, то в ноябре было уже всего 9 совещаний с 419 присутствующими⁴.

Ослабление работы производственных совещаний объяснялось рядом причин и прежде всего трудностями, связанными с изменением содержания их работы: по указанию Центрального Комитета Коммунистической партии производственные совещания с апреля 1925 г. должны были перейти от обсуждения мелких вопросов к изучению основных, более сложных проблем производства — роста производительности труда, усовершенствования производства и т. д.⁵

Однако профсоюзы, непосредственно руководившие работой производственных совещаний, не смогли быстро перестроиться в духе этих указаний и придерживались старых методов работы, ставя на повестку дня совещаний официальные, сухие, общие доклады администрации о состоянии производства. Более того, имели место случаи, когда на производственных совещаниях слушались вопросы, ничего общего не имевшие с данным предприятием. Тарифно-экономический отдел профсоюза текстильщиков в начале 1926 г. сообщал ВЦСПС, что рабочие потеряли интерес к тем производственным совещаниям, на которых ставились длинные доклады об экономическом положении России в целом и другие подобные вопросы⁶. Подытоживая факты, свидетельствовавшие об уменьшении интереса рабочих к подобным совещаниям, журнал «Предприятие» отмечал, что на таких совещаниях принимались общие ничего не говорящие решения, как, например: «Считать ремонт паровозов правильным», «Принять к сведению достижения и иметь в виду, что удешевление себестоимости дает возможность увеличить зарплату и вообще принять меры к улучшению», и т. п.⁷

Большое отрицательное влияние на работу производственных совещаний оказывало также недостаточное к ним внимание со стороны администрации предприятий: активность рабочих сковывалась тем, что администрация слабо учитывала и выполняла предложения, принятые совещаниями.

Ослаблению работы производственных совещаний способствовала также нигилистическая, по существу ликвидаторская позиция, занятая по отношению к ним частью хозяйственников и профсоюзных работников, доказывавших, что производственным совещаниям, подавляющим большинством участников которых являются рядовые рабочие, слабо разбирающиеся в вопросах экономики и организации производства, не под силу решать задачи, связанные со сложными проблемами реконструкции и индустриализации.

Здесь безусловно сказалось влияние правооппортунистических элементов в профсоюзах, стремившихся сузить рамки деятельности производственных совещаний и сократить число их участников.

² «Работа и достижения ленинградских профсоюзов. Краткий отчет Губпрофсовета к VI губернскому съезду», Л., 1925, стр. 19—20.

³ «XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 60.

⁴ Журн. «Предприятие» (Москва), 1926, № 4, стр. 97.

⁵ «Известия ЦК ВКП(б)», 1925, № 19—20, стр. 13.

⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 67, л. 7.

⁷ «Предприятие», 1926, № 1, стр. 89.

Правые уклонисты, не веря в силы рабочего класса, спекулируя на факте ослабления работы производственных совещаний в конце 1925 — начале 1926 г., иногда открыто, а чаще в замаскированной форме выдвигали тезис их ликвидации, мотивируя это требование тем же фальшивым соображением, что новые задачи, ставшие в 1926 г. перед страной в связи с курсом на социалистическую индустриализацию, являются настолько сложными и специальными, что не могут решаться широкой рабочей массой. В период индустриализации, доказывали они, производственные совещания изжили себя, стали ненужными.

Всем этим попыткам ликвидировать производственные совещания Коммунистическая партия дала решительный отпор. В соответствующих решениях было подчеркнуто, что в период индустриализации роль и значение производственных совещаний не только не уменьшаются, но, наоборот, всемерно возрастают, что эти совещания являются одной из устойчивых, проверенных на практике форм втягивания рабочего класса в социалистическое строительство, повышения производственной активности рабочих масс, без которой невозможно осуществление социалистической индустриализации. В своем решении XIV съезд партии указал, что «наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них понимания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих являются производственные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах»⁸.

Съезд определил также конкретную программу деятельности производственных совещаний, указав, что основное их внимание должно быть направлено на решение вопросов улучшения и усовершенствования производства и условий труда, что повестка дня производственных совещаний ни в коем случае не должна загромождаться отвлеченными академическими вопросами, что через производственные совещания должна осуществляться поставленная В. И. Лениным задача практического обучения рабочих управлению промышленностью и всем народным хозяйством Советской страны. Съезд потребовал от хозяйственников и профсоюзных работников самым внимательным образом относиться к работе производственных совещаний, оказывая им необходимую помощь по реализации предложений рабочих.

Центральный Комитет в своих постановлениях, развивая решения XIV съезда партии, выдвинул перед производственными совещаниями ряд важных конкретных задач.

В своем обращении о режиме экономии от 25 апреля 1926 г. ЦК призывал рабочих быть в первых рядах борцов за осуществление строжайшего режима экономии, указывал, что рабочие и хозяйственники — участники производственных совещаний должны научиться экономному хозяйничанию на фабриках и заводах, стать разумными хозяевами социалистических предприятий⁹.

Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. потребовал от производственных совещаний активного участия в борьбе за снижение себестоимости продукции. В резолюции «О снижении отпускных и розничных цен» пленум указывал, что снижение себестоимости продукции возможно лишь тогда,

⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Госполитиздат, изд. 7-е, ч. II, М., 1954, стр. 218—219.

⁹ «Правда», № 95, от 25 апреля 1926 г.

когда к обсуждению всех элементов, образующих стоимость производства, будут привлечены широкие массы рабочих и основным содержанием работы производственных совещаний станут вопросы улучшения производства и роста производительности труда¹⁰.

В постановлении по вопросу о рационализации производства от 25 марта 1927 г. ЦК подчеркивал, что значительная роль в этом деле должна принадлежать производственным совещаниям. Постановление отмечало, что социалистическая рационализация может быть проведена лишь при активном и сознательном участии рабочего класса. «Поэтому Центральный Комитет, — говорилось в постановлении, — предлагает всем партийным, хозяйственным организациям, равно как фракциям профсоюзов, принять все меры к усилению работы производственно-цеховых и заводских совещаний и к проработке на них всех намеченных мероприятий по улучшению техники и организации производства»¹¹.

Реализуя эти решения XIV съезда и Центрального Комитета, местные партийные организации приняли ряд мер к тому, чтобы резко улучшить работу производственных совещаний и превратить их в настоящую школу управления и организации производства.

С этой целью прежде всего была проделана большая работа по популяризации производственных совещаний среди широких масс рабочих; в частности, по инициативе губернских и городских партийных организаций начали устраиваться выставки достижений производственных совещаний на которых наглядно демонстрировались плодотворные результаты участия в совещаниях рядовых рабочих.

Выставки обычно проводились в масштабе города, района или отдельного предприятия. Так, в 1927 г. была организована выставка достижений производственных совещаний всех предприятий Ленинграда¹². В том же году на ленинградской фабрике «Красное знамя» была устроена выставка достижений производственных совещаний фабрики¹³.

Для глубокого изучения и обобщения опыта работы производственных совещаний по решению партийных организаций проводились детальные обследования их работы.

В начале 1926 г. по решению бюро Гомельского губкома ВКП(б) было проведено обследование работы производственных совещаний гомельских предприятий¹⁴. Итоги этого обследования были подведены на губернской конференции производственных совещаний в марте 1926 г. В своих выступлениях участники конференции отмечали, что обследование помогло вскрыть недостатки в работе производственных совещаний и устранить их.

Исходя из указаний партии о том, что не следует бояться разбирать на производственных совещаниях важнейшие вопросы производства, Ленинградский губком ВКП(б) обязал руководителей всех предприятий Ленинградской губернии привлечь рабочих к обсуждению вопросов, связанных с капитальным строительством и производственными программами предприятий¹⁵. По решению Нижегородского губкома ВКП(б), на производственных конференциях губернии были заслушаны и подвергнуты критике отчеты заводоуправлений и трестов за 1926/27 хозяйственный год¹⁶.

¹⁰ См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 319.

¹¹ «Правда», № 68, от 25 марта 1927 г.

¹² ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 18.

¹³ «Производственный журнал», 1927, № 2, стр. 10.

¹⁴ «Известия ЦК ВКП(б)», 1926, № 8, стр. 7.

¹⁵ «Ленинградская правда», № 71, от 29 марта 1927 г.

¹⁶ «Нижегородская коммуна», № 211, от 14 сентября 1927 г.

Большое внимание партийные организации уделяли вопросу о том, как реализуются предложения, принятые на производственных совещаниях.

В 1927 г., по указанию Уральского областного комитета партии, на крупнейших предприятиях Свердловска, Лысьвы, Надеждинска и других городов Урала были созданы комиссии по проверке выполнения предложений производственных совещаний¹⁷.

Чтобы усилить контроль за выполнением предложений производственных совещаний, по указанию партийных организаций на предприятиях начали выделять специальных работников, ответственных за реализацию предложений рабочих. Такие работники были выделены решением Ленинградского комитета ВКП(б) в начале 1927 г. на предприятиях Ленинграда¹⁸.

Исключительно важную роль в улучшении работы производственных совещаний в первые годы индустриализации сыграли первичные партийные организации промышленных предприятий, втягивавшие в работу совещаний десятки тысяч рядовых рабочих. Партийные ячейки контролировали работу завкомов по руководству производственными совещаниями, утверждали планы работ производственных комиссий и т. д.

Одним из многочисленных примеров, показывающих роль первичных партийных организаций в борьбе за развитие производственных совещаний является работа партийной организации тверской «Пролетарской мануфактуры». Только с января по сентябрь 1926 г. партийное бюро ткацкой фабрики мануфактуры четыре раза обсуждало работу производственных совещаний¹⁹. В ноябре 1927 г. на пленуме фабрайкома ВКП(б) «Пролетарской мануфактуры» специально разбирался вопрос «О работе производственных комиссий и руководстве ими ячеек ВКП(б)»²⁰.

Как правило, на предприятиях, где партийные ячейки руководили работой производственных совещаний, последние работали интенсивно и добивались значительной экономии. Так, на московском заводе «Красный богатырь», благодаря усилению партийного руководства производственными совещаниями, число их увеличилось более чем в 10 раз, а реализация предложений рабочих дала заводу экономии более чем 100 тыс. руб.²¹ Если в первом полугодии 1926 г. состоялось два цеховых производственных совещания, то за июль—сентябрь того же года состоялось уже 16 совещаний²².

Особенно большое внимание партийные ячейки уделяли налаживанию обмена опытом по руководству производственными совещаниями. С этой целью проводились совместные заседания секретарей и членов партбюро цехов и предприятий. Такое совещание состоялось в начале 1926 г. в Ижевской партийной организации (Воткинская обл.)²³.

Партийные организации выступали также инициаторами производственных экскурсий, на которых рабочие знакомились с работой и достижениями других предприятий. Так, только по инициативе партийной организации листопрокатного цеха московского завода «Серп и молот» было организовано 20 производственных экскурсий²⁴.

¹⁷ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 12, стр. 10.

¹⁸ «Ленинградская правда», № 71, от 29 марта 1927 г.

¹⁹ «Тверская правда», № 254, от 10 ноября 1926 г.

²⁰ Там же.

²¹ «Рабочая Москва», № 247, от 26 октября 1926 г.

²² Там же.

²³ «Известия ЦК ВКП(б)», 1926, № 12—13, стр. 13.

²⁴ Газ. «Мартеновка» (Москва), № 5, от 26 марта 1927 г.

Часто экскурсии проводились для ознакомления с работой и достижениями производственных совещаний. Такого рода экскурсия была проведена рабочими ленинградского завода им. Егорова: 22 декабря 1927 г. они посетили Пролетарский завод, где детально познакомились с работой производственных совещаний²⁵. Благодаря подобным мероприятиям достижения одних предприятий быстро становились достоянием других.

Работа партийных ячеек на предприятиях особенно усилилась с середины 1927 г. в связи с постановлением ЦК партии от 19 августа 1927 г. «О партийной работе на крупных предприятиях»²⁶ и «Положением о работе ячейки ВКП(б)», утвержденном Центральным Комитетом 26 мая 1927 г.²⁷ В «Положении» указывалось, что партийные организации предприятий должны привлекать коммунистов и беспартийных рабочих к образцовому выполнению производственных обязанностей, способствовать установлению трудовой дисциплины и поднятию производительности труда, помогать всякой инициативе со стороны рабочих и служащих, направленной к улучшению работы предприятий. Для выполнения этих задач, подчеркивалось в «Положении», ячейка должна добиваться «оживления и правильной постановки работы производственных совещаний на предприятиях и экономсовещаниях в учреждениях»²⁸.

Большое место в деле усиления работы производственных совещаний Коммунистическая партия отводила печати. Основываясь на указаниях В. И. Ленина о том, что советская печать должна предавать гласности достижения и недочеты хозяйственной жизни, силой примера подтягивать отстающих до передовых, партия потребовала, чтобы печать систематически освещала работу производственных совещаний, выявляла их достижения и недостатки, способствовала регулярному обмену опытом.

Руководствуясь этим указанием, органы Центрального Комитета «Правда» и «Рабочая газета» стали широко освещать работу производственных совещаний. В «Правде» регулярно печатались руководящие материалы, заметки и статьи об их работе. «Рабочая газета» уделяла большое внимание описанию конкретных достижений отдельных совещаний, давала подробный анализ наиболее ценных рационализаторских предложений и изобретений рабочих.

В дело популяризации производственных совещаний включилась и местная печать, помещая статьи и очерки, в которых рассказывалось о достижениях и недостатках в работе совещаний.

Так, по решению Уральского обкома партии газета «Уральский рабочий» с 1926 г. стала регулярно сообщать о деятельности производственных совещаний на предприятиях области²⁹. В некоторых газетах о совещаниях рассказывалось в специальных вкладах и приложениях. Большую роль в привлечении железнодорожников к участию в производственных совещаниях сыграла, например, специальная вкладка газеты «Гудок» под названием «Обмен опытом».

С 1 мая 1927 г., по решению ЦК партии, начал выходить всесоюзный двухнедельный «Производственный журнал»³⁰. Этот журнал, а также журнал «Производственное совещание», выходивший в Ленинграде, сыграли большую роль в распространении и обмене передовым опытом между предприятиями. Об этом можно судить хотя бы по сообщению рабкора

²⁵ Журн. «Производственное совещание» (Ленинград), 1928, № 2, стр. 14.

²⁶ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 36, стр. 6.

²⁷ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 20—21, стр. 2—5.

²⁸ Там же, стр. 3.

²⁹ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 36, стр. 10.

³⁰ «Производственный журнал», 1927, № 1.

2-й табачной фабрики в Ленинграде, который рассказывал, что прибывшая к ним на фабрику делегация одной из южных табачных фабрик обнаружила детальное знакомство с усовершенствованиями, введенными на 2-й фабрике, почерпнув свои сведения из соответствующих заметок журнала «Производственное совещание»³¹.

Особо важную роль сыграла печать в развертывании социалистического соревнования между участниками производственных совещаний. Основным методом развития этого соревнования была организация на страницах газет смотров и конкурсов совещаний, получивших особенно широкое распространение в 1926 г. Одним из многочисленных примеров этого рода может служить проведенный в 1926 г. «Рабочей Москвой» смотр производственных совещаний Москвы и губернии.

В 1927 г. смотры все чаще стали заменяться конкурсами на лучшее производственное совещание. Лучшим совещаниям, выявленным во время конкурса, выдавались премии.

Один из таких конкурсов на лучшее производственное совещание и на лучшего хозяйственника Днепропетровского округа, примерно выполнявшего предложения совещаний, провела с 5 декабря 1926 г. по 29 апреля 1927 г. днепропетровская газета «Звезда»³². Во время конкурса «Звезда» публиковала материалы, характеризовавшие работу производственных совещаний всех основных предприятий округа; лучшим производственным совещаниям были выданы премии. К 10-летию Октября переключку рудников — конкурс на лучшее производственное совещание — организовала «Луганская правда»³³.

Подобные конкурсы стали проводить также газеты национальных республик. Так, в марте—апреле 1927 г. провела конкурс на лучшую производственную комиссию ташкентская газета «Правда Востока»³⁴.

Для усиления внимания к работе производственных совещаний печать применила еще одну форму — организацию широкого открытого производственного совещания на страницах газет. К такому совещанию привлекались не только рабочие взятого на смотр предприятия, но и потребители его продукции. Так, в производственном совещании, организованном редакцией смоленской областной газеты «Рабочий путь» в мае 1927 г. по вопросу о снижении цен на готовое и заказное платье в смоленской пошивочно-шапочной мастерской, приняли участие, помимо рабочих мастерской, союз швейников и рабочие-заказчики³⁵.

По указанию Коммунистической партии перестроили и усилили руководство производственными совещаниями профессиональные союзы. С целью изучения и обобщения опыта производственных совещаний ВЦСПС провел ряд обследований. По решению ЦКК ВКП(б) было произведено в апреле—мае 1926 г. обследование производственных совещаний на 68 крупнейших предприятиях страны³⁶. Обследование показало, что основным недостатком работы совещаний являлось слабое руководство ими со стороны профсоюзов.

В связи с этим ВЦСПС потребовал от профсоюзных организаций усилить руководство производственными совещаниями, указав, что обязательным условием их дальнейшего роста является чуткое и внимательное отно-

³¹ «Производственное совещание», 1927, № 22, стр. 13.

³² «Звезда», № 271, от 23 ноября 1926 г. и № 99, от 4 мая 1927 г.

³³ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 121.

³⁴ «Правда Востока», № 53 и 83, от 4 марта и 13 апреля 1927 г.

³⁵ «Рабочий путь» (Смоленск), № 103, от 10 мая 1927 г.

³⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 5, лл. 11, 15.

шение профсоюзных и хозяйственных работников к предложениям производственных совещаний³⁷.

В июле 1926 г. на IV пленуме ВЦСПС впервые специально рассматривался вопрос о производственных совещаниях. Пленум предложил, чтобы в крупнейших фабзавкомах для руководства совещаниями выделялся специальный освобожденный работник. В решениях пленума указывалось также на необходимость деловой предварительной проработки вопросов к производственным совещаниям и создания при предприятиях особых фондов премирования за деловые предложения по улучшению производства³⁸.

Положение о создании фондов содействия рабочему изобретательству и усовершенствованиям было издано ВЦСПС совместно с ВСНХ СССР 22 января 1927 г.³⁹ Оно предусматривало создание на всех предприятиях особого фонда содействия рабочему изобретательству и экспертных комиссий для рассмотрения предложений рабочих и служащих. В Положении подчеркивалось, что средства фонда могут расходоваться только по прямому назначению. До издания Положения такие фонды существовали лишь на части предприятий Ленинграда и в немногих других местах⁴⁰, причем премирование за изобретения и усовершенствования производилось за счет оборотных средств предприятий и притом в исключительно редких случаях. Таким образом, Положение создавало твердую почву для финансирования технической помощи рабочим изобретателям и для их премирования.

В течение 1927 г. фонды содействия были созданы почти на всех предприятиях страны⁴¹. В связи с этим число премированных за изобретения и усовершенствования рабочих увеличилось во втором полугодии 1926/27 г. более чем в пять раз по сравнению с первым полугодием, а выданные премиальные суммы возросли почти в 4,5 раза⁴².

В апреле 1927 г. ВЦСПС совместно с ВСНХ принял решение об организации на крупных предприятиях технических консультаций для рабочих-изобретателей и опытных производственных уголков⁴³. Технические консультанты должны были давать советы рабочим-изобретателям, оказывать им помощь в составлении чертежей, расчетов, проектов и т. п. В опытных производственных уголках рабочие-изобретатели получали возможность в свободное время работать над изобретениями и усовершенствованиями.

Эти мероприятия ВСНХ и ВЦСПС сыграли значительную роль в развитии рабочего изобретательства и производственных совещаний.

В первые годы индустриализации центральные комитеты профсоюзов и губернские отделы союзов усилили руководство производственными совещаниями. Директивные письма ЦК профсоюзов стали носить более конкретный и деловой характер. Вместо общих директив, как это было в 1924—1925 гг., стали посылались письма, в которых перечислялись те или иные конкретные недостатки и указывались меры по их устранению. Так, директивное письмо ЦК союза текстильщиков, составленное на основании обследования работы производственного совещания шести предприятий во Владимирском и Костромском районах за первое полугодие 1926 г., содержало до 80 конкретных предложений по замеченным недостаткам⁴⁴.

³⁷ ЦГА ОР, ф. 5451, оп. 10, д. 5, лл. 11—23.

³⁸ Там же, лл. 11—23.

³⁹ «Труд», № 8, от 22 января 1927 г.

⁴⁰ ЦГА ОР, ф. 5451, оп. 11, д. 300, л. 33.

⁴¹ Там же, л. 19.

⁴² Там же, д. 305, л. 7.

⁴³ Там же, л. 75.

⁴⁴ Там же, оп. 10, д. 280, л. 44.

Письмо Московского губернского совета профессиональных союзов давало ряд технических указаний о постановке производственных совещаний⁴⁵.

Стремясь выяснить причины недостаточного участия рабочих в производственных совещаниях, ЦК профсоюзов рассылал рабочим анкеты с просьбой указать, что именно мешает им активно участвовать в работе совещаний. Такая анкета была, например, разослана в конце 1926 г. Центральным комитетом профсоюзов кожевников⁴⁶. Анкетный опрос показал, что главной причиной недостаточного участия рабочих в производственных совещаниях являлось слабое выполнение администрацией предложений совещаний. В связи с этим ЦК союза предложил выделить на предприятиях специальных работников для проверки выполнения решений совещаний.

Большое внимание профсоюзные организации стали уделять налаживанию обмена опытом между производственными совещаниями и производственными комиссиями. С этой целью проводились совместные заседания членов производственных комиссий различных предприятий. Подобные совещания проходили, например, в Твери (4—5 января 1926 г.), в Кузнецком округе (6 июня 1926 г.) и в других местах⁴⁷.

В конце 1926 г. и в 1927 г. некоторые губернские отделы профсоюзов в целях подготовки опытных руководителей производственных совещаний начали организовывать курсы для членов производственных комиссий. Так, на курсах, организованных Московским губотделом союза деревообделочников, за два месяца 1927 г. прошли соответствующую подготовку более 30 членов производственных комиссий от 20 предприятий⁴⁸.

Выполняя указания Коммунистической партии, профсоюзные организации усилили работу по развертыванию социалистического соревнования между производственными совещаниями. В 1926—1927 гг. они стали широко практиковать конкурсы на лучшее производственное совещание. В июне 1926 г. такой конкурс был организован в Орле⁴⁹, в 1927 г. был проведен Ленинградским губернским советом профсоюзов конкурс в Ленинграде⁵⁰.

Соревнование за лучшее рационализаторское предложение и усовершенствование развертывалось также внутри самих производственных совещаний. Например, цеховая производственная комиссия тракторной мастерской ленинградского завода «Красный путиловец» объявила в начале 1927 г. конкурс-соревнование на лучшее предложение по изготовлению наиболее выгодным и простейшим способом стальных масленок для смазки подшипников станков⁵¹. Рабочие живо откликнулись на этот конкурс. В результате было внесено большое количество практических предложений и оживилась работа производственных совещаний завода. Подобные конкурсы были затем проведены на московском заводе «Красный богатырь»⁵² и на других предприятиях.

Важнейшим достижением производственных совещаний, сыгравшим в свою очередь значительную роль в усилении их работы в первые годы индустриализации, явилось уточнение и улучшение организационных форм их работы. В августе 1926 г. ВЦСПС принял Положение о производственных комиссиях при фабзавкомах, в котором были точно разграничены

⁴⁵ «Производственный журнал», 1927, № 4, стр. 26.

⁴⁶ «Производственный журнал», 1927, № 6, стр. 19.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 361, лл. 72 и 121.

⁴⁸ «Производственный журнал», 1927, № 4, стр. 26.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 5151, оп. 11, д. 309, л. 169.

⁵⁰ Там же, д. 305, л. 132.

⁵¹ «Комсомольская правда», № 174, от 3 августа 1927 г.

⁵² «Производственный журнал», 1927, № 13, стр. 33.

функции и задачи как производственных комиссий, так и производственных совещаний⁵³. Производственным комиссиям Положение вменяло в обязанность: 1) привлечение широких масс рабочих в производственные совещания, 2) подготовка вопросов к совещаниям, 3) контроль за выполнением администрацией предложений рабочих. Задачи же улучшения и усовершенствования производства должны были решаться только производственными совещаниями.

В производственные комиссии, указывалось в Положении, фабзавкомы должны подбирать наиболее активных рабочих и административно-технических работников в количестве от 3 до 15 человек. Производственные же совещания должны иметь массовый характер. В них, помимо членов производственных комиссий, должно было участвовать как можно больше рабочих на принципе добровольности. Положение помогло ликвидировать организационную неразбериху в работе производственных совещаний, которая была характерна для них в 1924—1925 гг.

Наряду с этим было проведено еще одно важное организационное мероприятие, значительно увеличившее число участников производственных совещаний и улучшившее их работу, — создание и проведение цеховых производственных совещаний. Преимущество цеховых совещаний перед общезаводскими состояло в том, что на них рассматривались вопросы, более доступные и понятные рабочей массе, поскольку они были непосредственно связаны с работой данного цеха. Инициатива перехода к цеховым совещаниям исходила от самих рабочих. Выражая настроение широких рабочих масс по этому поводу, ремонтер ленинградской фабрики «Советская звезда» Столяров в беседе с сотрудниками журнала «Производственное совещание» заявил: «Посещаемость (производственных совещаний.— Л. Р.) можно поднять тогда, когда ставится интересный вопрос... Помогает, надо большие вопросы разбивать на отдельные вопросы цехового значения с тем, чтобы найти сразу ту точку, с которой особенно связан интерес рабочих»⁵⁴.

Процесс перехода к цеховым совещаниям был особенно интенсивным в первом полугодии 1926 г. Так, ЦК профсоюза текстильщиков в своем отчете подчеркивал: «Внедрение массовой экономработы в цех является одним из наиболее серьезных достижений за 1-е полугодие 1926 г.»⁵⁵. Подобный вывод мы находим в отчетах и других ЦК союзов.

В 1927 г. около 80% всех производственных совещаний были цеховыми⁵⁶.

В этом же году производственные совещания сделали дальнейший крупный шаг вперед в деле привлечения к их работе широких масс рабочих: начали организовываться внутрицеховые совещания, совещания по сменам. Поскольку предприятие обычно работает в две-три смены, время работы даже цехового производственного совещания неизбежно совпадало с рабочим временем другой части рабочих. Совещания по сменам вводились специально для того, чтобы дать возможность всем рабочим принять участие в их работе. Эта мера оказалась весьма эффективной: отчеты профсоюзов свидетельствуют, что на предприятиях, где перешли к производственным совещаниям по сменам, число рабочих, участвовавших в их работе, увеличилось в два раза⁵⁷.

⁵³ «Справочник профработника. Сборник руководящих материалов по профессиональному движению», М., 1929, стр. 30—33.

⁵⁴ «Производственное совещание», 1927, № 22, стр. 8.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 5157, оп. 10, д. 162, л. 9.

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 131.

⁵⁷ Там же.

Большим достижением производственных совещаний в первые годы индустриализации был наметившийся еще во втором полугодии 1926 г. переход к плановости в их работе. Рабочие стали обсуждать на производственных совещаниях не случайные вопросы, а заранее спланированные и подготовленные производственными комиссиями.

В 1927 г. планы производственных совещаний стали носить более конкретный характер. Примером такой конкретизации может служить план совещаний Таганрогского металлургического завода Югостали на июль—сентябрь 1927 г., куда были включены производственной комиссией следующие вопросы: рационализация производства, снижение себестоимости, борьба с браком и прогулами. Проект плана был предварительно разослан всем начальникам цехов и председателям цеховых производственных совещаний для ознакомления с ним рабочих. В установленный по плану день во всех цехах разбирался один и тот же вопрос применительно к каждому цеху⁵⁸.

Плановость работы производственных совещаний усиливала активность рабочих. Зная заранее вопросы, над которыми должно было работать очередное совещание, рабочие могли подготовиться к нему. Однако и эти планы имели свои недостатки. Они в большинстве случаев были велики, не учитывали возможностей их выполнения, поэтому и выполнялись, как правило, лишь на 50—75%⁵⁹.

В первые годы индустриализации получили широкое распространение совместные производственные совещания двух или нескольких связанных между собой предприятий. Так, у текстильщиков стали практиковаться совместные совещания рабочих прядильных и ткацких фабрик⁶⁰. Рабочие табачных фабрик начали проводить совместные производственные совещания с бумажниками, поставлявшими бумагу для мундштуков, и т. д.⁶¹

Вошли в практику также совместные производственные совещания непосредственно связанных друг с другом цехов одного предприятия. Так, на Днепропетровском заводе им. Дзержинского 6 августа 1927 г. было организовано совместное производственное совещание рабочих прокатных цехов и мартеновского цеха, который выдавал продукцию плохого качества. Путем обмена мнений было установлено много недочетов в работе цехов и приняты меры к их устранению⁶². Результатом совместного производственного совещания рабочих Краснохолмской и Даниловской фабрик было значительное улучшение качества пряжи Даниловской фабрики⁶³.

Однако значение совместных производственных совещаний далеко не исчерпывалось только практическими результатами их работы. Они имели и огромное политическое значение, так как приводили к росту сознательности рабочих и расширению их политического и экономического кругозора, укрепляли дух товарищества и взаимопомощи между рабочими разных предприятий, повышали их чувство ответственности за судьбы социалистической промышленности в целом.

Остановимся подробнее на том, какими вопросами преимущественно занимались производственные совещания в первые годы индустриализации.

⁵⁸ «Производственный журнал», 1927, № 11, стр. 19.

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 1.

⁶⁰ «Производственный журнал», 1927, № 4, стр. 5.

⁶¹ Там же.

⁶² «Звезда» (Днепропетровск), № 194, от 27 августа 1927 г.

⁶³ И. Суслов и А. Пуятин. Как организовать работу производственных совещаний, М., 1929, стр. 12.

Прежде всего большое место в их работе занимали вопросы режима экономии. Призыв Коммунистической партии к проведению строжайшего режима экономии нашел горячий отклик в рабочих массах. Рабочие искали и находили пути сбережения денег и материалов, которые шли на индустриализацию страны. По их предложениям на предприятиях начали использовать отходы, которые раньше вывозились на свалку. Использование утильсырья приносило большую экономию. Так, реализация предложения трех рабочих ленинградского Балтийского завода об использовании угольного мусора на топливо давало заводу экономии в 25 тыс. руб. ежемесячно⁶⁴. Реализация предложения производственного совещания рабочих домного цеха Златоустовского металлургического завода об использовании металлической стружки, которая ранее выбрасывалась на свалку, дала за полгода экономию в 14 617 руб.⁶⁵

В борьбе за режим экономии рабочие вносили также предложения по уменьшению накладных расходов, сокращению штатов, конкретно указывая, какие должности и почему могут быть сокращены.

Большое внимание рабочие начали уделять экономному расходованию сырья и топлива. В 1927 г., например, вопрос о рациональном использовании топлива специально обсуждался на производственном совещании рабочих Златоустовского металлургического завода. Реализация предложений рабочих снизила расход нефти более чем на треть⁶⁶.

Все чаще на производственных совещаниях стали рассматриваться вопросы об экономном хозяйствовании на заводах и фабриках. Многочисленные факты свидетельствуют о борьбе рабочих за экономное расходование буквально каждого рубля. Приведем два примера. Железнодорожным вагонным мастерским во Владикавказе на ремонт электрического освещения 20 вагонов было отпущено 6 тыс. руб. На производственном совещании мастерской рабочие приняли решение использовать для ремонта провода и аппаратуру, считавшиеся отслужившими свой срок, в результате чего на полное оборудование 34 вагонов и легкий ремонт шести вагонов было израсходовано всего 2600 руб.⁶⁷ Второй пример еще более показателен. Когда в декабре 1926 г. на Нижне-Салдинском металлургическом заводе вышла из строя единственная на Урале мартеновская печь конструкции «Вельтмана», рабочий Павел Зорихин предложил на производственном совещании отремонтировать мартен на ходу. Реализация предложения Зорихина дала заводу экономию в 115 тыс. руб. и спасла от останков не только мартеновский, но и прокатный цех⁶⁸.

Огромное внимание производственные совещания стали уделять рационализации производства, которая особенно усилилась в 1927 г. Около 60% всех вопросов, рассмотренных производственными совещаниями текстильных предприятий Московской губернии в 1927 г., было связано именно с рационализацией производства⁶⁹.

Показательно, что производственные совещания, посвященные обсуждению вопросов рационализации производства, привлекали наибольшее количество участников, и на таких совещаниях принималось наибольшее число предложений.

Через производственные совещания рабочие активно участвовали в обсуждении общих вопросов, связанных с реконструкцией и рационализа-

⁶⁴ «Труд», № 4, от 6 января 1927 г.

⁶⁵ «Производственный журнал», 1927, № 5, стр. 1 (обложка).

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Известия», № 113, от 19 мая 1926 г.

⁶⁸ «Рабочий» (Тагил), № 27, от 3 февраля 1927 г.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 11, д. 116, л. 82.

цией предприятий. Подчас рядовые рабочие вносили настолько ценные и важные предложения, что они влекли за собой радикальную переделку всего плана.

Рабочие активно обсуждали также вопросы, связанные с установкой нового оборудования. Так, в 1927 г. производственные совещания оказали в этом деле большую помощь инженерам ленинградских заводов им. К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, М. И. Калинина и «Красного путиловца»⁷⁰.

Реализация сотен и тысяч рационализаторских предложений рабочих давала большую экономию. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что реализация рационализаторских предложений рабочих славянского завода «Красный химик» дала экономию в 60 тыс. руб. в год⁷¹. Таких примеров можно привести очень много.

Подводя итоги работы производственных совещаний за 1926—1927 гг., М. Н. Шверник в отчетном докладе Уральского областного комитета ВКП(б) в ноябре 1927 г. указывал: «Работа производственных совещаний за отчетный период также возросла. Производственные совещания разбирают теперь важнейшие вопросы реорганизации, реконструкции предприятия»⁷².

Одним из важнейших вопросов, постоянно обсуждавшихся производственными совещаниями, был вопрос об улучшении качества продукции и борьбы с браком.

На Костромской обувной фабрике по решению производственного совещания бракованную обувь начали отправлять в тот отдел, который был виновником брака, для бесплатного ее исправления. Эффект выявился немедленно — брак резко снизился⁷³. На владимирской фабрике им. Лакина для широкого информирования рабочих о браке производственные комиссии вывешивали на видном месте диаграммы с указанием помесечно или понедельно количества брака на предприятии⁷⁴.

Реализация предложений, направленных на борьбу с браком, приносила хорошие результаты. Так, на московском заводе «Динамо» благодаря мероприятиям производственных совещаний брак в первом полугодии 1926/27 г. снизился почти в два раза по сравнению со вторым полугодием 1925/26 г.⁷⁵

Большое место в работе производственных совещаний занимали вопросы борьбы с прогулами и простоями. Борьба с прогулами велась главным образом путем разъяснительной работы и общественным порицанием прогульщиков и лодырей. Такое общественное воздействие всегда было успешным.

В начале 1927 г. на ленинградской фабрике им. Халтурина большое впечатление на рабочих произвел доклад директора об ущербе, наносимом фабрике прогулами. Присутствовавшие на совещании рабочие-прогульщики чистосердечно признались, что они никогда не думали о том вреде, который приносит всему предприятию их невыход на работу, и дали слово покончить с прогулами⁷⁶.

Рабочие 2-й республиканской фабрики (Кострома), заслушав на производственном совещании сообщение о прогулах на фабрике, потребовали

⁷⁰ «Производственный журнал», 1927, № 13, стр. 15.

⁷¹ «Производственный журнал», 1927, № 5, стр. 1 (обложка).

⁷² «Уральский рабочий», № 267, от 24 ноября 1927 г.

⁷³ ЦГАОР, ф. 5:51, оп. 11, д. 300, л. 46.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Производственный журнал», 1927, № 12, стр. 7.

⁷⁶ «Торгово-промышленная газета», № 11 от 14 января 1927 г.

от фабричного комитета энергичной борьбы с прогульщиками вплоть до перевода в более низкий разряд и на менее оплачиваемую работу⁷⁷. На Трехгорной мануфактуре благодаря мерам, принятым производственным совещанием, прогулы с октября 1926 г. по сентябрь 1927 г. уменьшились почти в два раза⁷⁸.

Положительную роль сыграли производственные совещания в борьбе с простоями. Многочисленные факты говорят о заботе рабочих в отношении правильного использования машин и механизмов. Так, рабочие прядильной фабрики тверской Пролетарской мануфактуры предложили на производственном совещании увеличить число рабочих-шорников, так как нехватка последних вела к простоям машин. Предложение было реализовано, что дало экономию в 3 тыс. руб. в год⁷⁹.

Производственные совещания обсуждали изобретения рабочих, а производственные комиссии затем помогали внедрять их в производство. Изобретения рабочих давали большую экономию предприятиям, повышали производительность труда.

Приведем только два примера. Изобретение рабочего Бежецкого механического завода Шелкова в 1926 г. дало возможность увеличить производительность труда по одной из операций более чем на 500%⁸⁰.

На Московском заводе «Морзе» рабочий Утенков предложил гнезда к ручкам радиоприемников изготавливать не из эбонита, а из более дешевого карболита. Это нововведение дало возможность заводу обходиться без дорогостоящего заграничного каучука и получить экономию в 20 тыс. руб. в год⁸¹.

В 1927 г. на производственных совещаниях все чаще стали вставать вопросы борьбы с бюрократизмом и волокитой. Этому способствовал изданный 9 марта 1927 г. ЦКК ВКП(б) совместно с ВЦСПС циркуляр, в котором специально подчеркивалась роль производственных совещаний в борьбе с бюрократизмом и указывалось, что РКК должна привлечь их к своей работе⁸².

Характерным в этом отношении является состоявшееся в апреле 1927 г. производственное совещание брянского завода «Красный Профинтерн», посвященное борьбе с бюрократизмом и волокитой на заводе⁸³. На совещании рабочие выявили, как проходят заказы по мастерским, какой перепиской сопровождается прохождение этих заказов, порядок приемки готовых изделий и выписки инструментов, сколько на это тратится рабочего времени. Выработанные на этом совещании предложения значительно сократили время, затрачивавшееся на выполнение указанных операций, и покончили с волокитой в оформлении заказов.

Одна из сторон деятельности производственных совещаний состояла в выдвижении рядовых способных рабочих на руководящие должности низшего и старшего звена — мастера, бригадира, административно-технического и хозяйственного персонала. Обычно намеченные к выдвижению кандидатуры обсуждались на цеховых или общезаводских производственных совещаниях. Такой порядок обеспечивал выдвижение действительно лучших рабочих, пополнявших собой кадры младших командиров производства.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 300, лл. 47—48.

⁷⁸ «Производственный журнал», 1927, № 13, стр. 32.

⁷⁹ «Тверская правда», № 126, от 8 июня 1926 г.

⁸⁰ «Тверская правда», № 6, от 11 января 1927 г.

⁸¹ «Производственный журнал», 1927, № 10, стр. 6.

⁸² «Справочник партийного работника», вып. VI, ч. 2, М., 1927, стр. 382.

⁸³ «Брянский рабочий», № 79, от 8 апреля 1927 г.

В 1925/26 хозяйственном году производственные совещания выдвинули на административно-хозяйственные должности 805, а в 1926/27 г. — 1088 человек ⁸⁴.

Одновременно с изменением характера работы производственных совещаний значительно увеличилось количество их участников. Если в конце 1925 — начале 1926 г. в совещаниях принимало участие лишь 6% всех рабочих, то уже к концу 1926 г. их число возросло до 10%, а в 1927 г. — до 15% ⁸⁵.

Больше всего участников собирали цеховые производственные совещания. Так, по данным ЦК профсоюза металлистов, в 1927 г. в работе цеховых совещаний участвовали в среднем 36,5% всех рабочих металлистов, в то время как общезаводские производственные совещания собирали только 7,8% ⁸⁶. Среди рабочих химической промышленности в первом полугодии 1927 г. в общезаводских совещаниях участвовали 11% всех рабочих, а в цеховых — 29% ⁸⁷.

По своему составу производственные совещания были, безусловно, прежде всего рабочими организациями: примерно 90% участников совещаний составляли рабочие и только около 10% — высший и средний административно-технический персонал ⁸⁸. В основном в совещаниях участвовали кадровые, квалифицированные рабочие с большим производственным опытом. Например, на ленинградском заводе «Красный судостроитель» одним из активнейших участников производственных совещаний был опытный мастер литейной мастерской простого чугуна Я. П. Адамсон, работавший на заводе с 1917 г. За активную работу в совещаниях (им было внесено более десятка ценных предложений) он был выбран в 1927 г. членом цеховой производственной комиссии ⁸⁹.

Женщины и молодежь принимали в производственных совещаниях гораздо меньше участия, чем квалифицированные рабочие-мужчины; в 1926 г. в них работали лишь 7,5% рабочей молодежи ⁹⁰. Это объяснялось, во-первых, отсутствием у нее необходимой квалификации, а во-вторых, недостаточно внимательным и чутким отношением к предложениям молодежи со стороны администрации. Немаловажное значение имел и тот факт, что вначале на совещаниях почти не ставились вопросы, затрагивавшие работу молодежи.

Исправляя этот недостаток, в 1927 г. заводские и фабричные комсомольские ячейки стали проводить собрания рабочей молодежи, на которых обсуждались вопросы о значении и цели производственных совещаний, устраивались вечера обмена опытом между молодежью и квалифицированными рабочими, усилили контроль за работой молодежи в совещаниях и особенно за выполнением ее предложений.

По инициативе цеховых комсомольских ячеек фабричного района тверской комсомольской организации в каждой ячейке начали выделять специальных регистраторов, учитывавших предложения молодежи и их работу в производственных совещаниях ⁹¹. На «Заводской шахте» (Донбасс)

⁸⁴ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 13.

⁸⁵ «К XV съезду ВКП(б). За два года. К организационному отчету ЦК ВКП(б)», М.—Л., 1927, стр. VIII; ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 5, лл. 12, 15.

⁸⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 300, л. 29.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Вестник труда», 1927, № 12, стр. 77.

⁸⁹ «Производственное совещание», 1927, № 9, стр. 19.

⁹⁰ Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы Орготдела ЦК ВЛКСМ за 1927 г., дело «Обзор участия фабрично-заводской ячейки в производственной жизни предприятий», л. 221.

⁹¹ Там же, л. 228.

после собрания, посвященного работе молодежи в производственных совещаниях, участие в них молодых рабочих значительно повысилось ⁹².

В результате подобных мероприятий доля участвовавшей в производственных совещаниях рабочей молодежи значительно возросла. Так, число комсомольцев — участников производственных совещаний на свердловском заводе «Металлист» увеличилось в 1927 г. по сравнению с 1926 г. почти в четыре раза ⁹³, на ленинградской фабрике им. Халтурина — в пять раз ⁹⁴, на брянском заводе «Красный Профинтерн» — в полтора раза ⁹⁵ и т. д.

В 1927 г. в работе производственных совещаний приняли участие 11% всей рабочей молодежи, т. е. за один год количество молодых участников совещаний возросло в полтора раза ⁹⁶.

Повышение интереса молодежи к производственным совещаниям выразилось также в росте числа предложений молодых рабочих. Так, в строительном цехе Сормовского завода на 10—15 предложений, принимавшихся производственным совещанием цеха, два-три предложения вносились молодыми рабочими ⁹⁷. На предприятиях Перми осуществление рационализаторских предложений комсомольцев только за первый квартал 1927 г. дало экономии около 35 тыс. руб. ⁹⁸

В связи с этим возрастал авторитет молодежи среди квалифицированных рабочих. В 1927 г. на некоторых предприятиях, в частности на московской фабрике «Пролетарский труд», на Тверском механическом заводе и др., во главе производственных совещаний стояли молодые рабочие ⁹⁹.

Усилилось также участие в производственных совещаниях женщин. В 1927 г. уже 11,69% всех работниц участвовало в работе производственных совещаний ¹⁰⁰. Если иметь в виду, что работницы еще сравнительно недавно принадлежали к наиболее угнетавшейся капиталистами части рабочего класса, были в дооктябрьское время почти сплошь неграмотны или малограмотны, то надо считать, что приведенный процент был весьма значительным.

Ведущую роль в организации и работе производственных совещаний играли рядовые рабочие-коммунисты, воодушевлявшие своим примером беспартийных рабочих. В 1927 г. 32% всех участников производственных комиссий составляли коммунисты ¹⁰¹. На «Красном путиловце» в 1927 г. из 29 членов заводской производственной комиссии 18 были коммунистами и два — комсомольцами. Актив цеховых совещаний завода почти наполовину состоял из коммунистов и комсомольцев ¹⁰².

⁹² «Опыт работы комсомола (за время с VII съезда ВЛКСМ)», М., 1928, стр. 35—36.

⁹³ «Уральский рабочий», № 88, от 17 апреля 1927 г.

⁹⁴ Архив ЦК ВЛКСМ. Информационные материалы Ленинградского комитета ВЛКСМ за 1927 г., дело «Краткая докладная записка Ленинградской организации ВЛКСМ», л. 13.

⁹⁵ Архив ЦК ВЛКСМ, № 100. Материалы Информационного отдела, дело «Сводки, инструкции, изданные ЦК ВЛКСМ, отчеты, статьи и доклады Брянского губкома», л. 20.

⁹⁶ Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы Орготдела ЦК ВЛКСМ за 1927 г., дело «Проверка выполнения решений VII Всесоюзного съезда», л. 77.

⁹⁷ Архив ЦК ВЛКСМ, № 336. Материалы Информационного отдела Нижегородского комитета ВЛКСМ за 1927 г., дело «Протоколы заседаний бюро Нижгубкома ВЛКСМ за 21/I—18/II 1927 г.», л. 25.

⁹⁸ «Уральский рабочий», № 163, от 20 июля 1927 г.

⁹⁹ Архив ЦК ВЛКСМ. Материалы Орготдела ЦК ВЛКСМ за 1917 г., дело «Обзор участия фабрично-заводской ячейки в производственной жизни предприятия», л. 222.

¹⁰⁰ Там же, дело «Проверка выполнения решений VII Всесоюзного съезда», л. 77.

¹⁰¹ «Производственный журнал», 1927, № 13, стр. 31.

¹⁰² «Производственное совещание», 1927, № 20, стр. 8.

По профессиональному признаку наиболее активно участвовали в производственных совещаниях металлисты, представлявшие передовой отряд рабочего класса. Их участие в совещаниях достигало в 1927 г. 18,4% от всего числа металлистов — почти на четверть выше среднего процента¹⁰³.

Наибольшую активность в работе производственных совещаний проявили рабочие Ленинграда. В 1927 г. в них участвовали до 25% всех ленинградских рабочих¹⁰⁴. Ленинград был родиной производственных совещаний, и работа их была наилучшей по сравнению с другими городами.

Большое значение в активизации производственных совещаний имела высокая концентрация рабочих на предприятиях. Как правило, на более крупных предприятиях в работу производственных совещаний было вовлечено гораздо больше рабочих, чем на мелких и средних. На ряде крупнейших заводов в совещаниях участвовали 30—40% рабочих¹⁰⁵. В числе таких предприятий были ленинградский завод «Красный треугольник», московский завод «Серп и молот», Харьковский паровозостроительный завод, брянский завод «Красный Профинтерн» и другие, на каждом из которых работало более 10 тыс. рабочих¹⁰⁶.

Деятельность административно-технического персонала в производственных совещаниях шла главным образом по трем направлениям. Во-первых, инженерно-технические работники, так же как и рабочие, вносили предложения по рационализации и усовершенствованию производства; во-вторых, они принимали активное участие в обсуждении и разработке предложений рабочих и, наконец, помогали рабочим-рационализаторам и изобретателям разрабатывать проекты, чертежи, составлять сметы. Эта помощь давала рабочим возможность повышать свой технический уровень и тем самым активнее работать в производственных совещаниях.

Усиление работы производственных совещаний в течение первых двух лет индустриализации особенно наглядно выразилось в росте числа вносимых предложений, преимущественно от рабочих. Учет работы совещаний был налажен плохо, поэтому мы не располагаем полными сведениями о количестве предложений, поступивших в 1926—1927 гг. Однако о прогрессирующем увеличении числа рабочих предложений совершенно определенно свидетельствуют отчеты ЦК профсоюзов и другие многочисленные документы.

«Некоторые сведения, — сообщал бюллетень Тарифно-экономического отдела ВЦСПС, — говорят о росте количества предложений в 1927 хозяйственном году по сравнению с 1926 г.»¹⁰⁷. На московском заводе «Динамо» их число в 1927 г. выросло по сравнению с 1926 г. в два раза¹⁰⁸, на ленинградском заводе «Красный путиловец» — в два с половиной¹⁰⁹. На Таганрогском металлургическом заводе за весь 1925/26 хозяйственный год было внесено 238 предложений, а за пять месяцев 1927 г. — 333¹¹⁰ и т. д. Материалы выборочного обследования 863 предприятий показывают, что производственные совещания передавали администрации в 1926/27 хозяйственном году около 70 тыс. предложений. На каждую ты-

¹⁰³ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 9.

¹⁰⁴ Там же, д. 206, л. 28.

¹⁰⁵ «К XV съезду ВКП(б). За два года. К организационному отчету ЦК ВКП(б)», стр. VIII.

¹⁰⁶ ЦГАОР, ф. 5451, оп. 10, д. 359, л. 264; оп. 11, д. 302, л. 8.

¹⁰⁷ Там же, д. 328, л. 11.

¹⁰⁸ «Мотор» (Москва), № 19, от 7 ноября 1927 г.

¹⁰⁹ «Производственный журнал», 1928, № 3, стр. 16.

¹¹⁰ «Молот» (Ростов-на-Дону), № 1789, от 21 июля 1927 г.

сячу участников совещаний приходилось не менее 100 предложений¹¹¹. Основная их масса (75—80%) вносилась рабочими на цеховых совещаниях¹¹².

Ярким показателем возросшей роли и авторитета совещаний служил тот факт, что предложения рабочих стали все чаще приниматься и реализовываться администрацией предприятий. Так, ЦК союза текстильщиков отмечал в своем отчете за 1926 г., что «если в 1925 г. у нас не было такого района, где выполняемость решений совещаний превышала бы 10—15%, то ко второму полугодию мы можем выявить отдельные районы, которые сдвинулись с этой голодной нормы 1925 г.»¹¹³. В 1926 г. число всех принятых администрацией иваново-вознесенских текстильных предприятий предложений производственных совещаний достигло примерно 75%, владимирских — 68%, костромских — 40% и т. д.¹¹⁴

Следует, однако, иметь в виду, что среднее количество принятых предложений рабочих по стране в целом было выше указанных цифр, достигнув в 1926 г. 70%, а в 1927 г. — 80% от всех предложений производственных совещаний¹¹⁵. Это объясняется тем, что на текстильных предприятиях процент их реализации был ниже, чем в других отраслях. Высокий процент свидетельствовал не только о возросшем внимании администрации к предложениям рабочих, но и о том, что они стали более конкретными и ценными.

Реализация предложений рабочих приносила предприятиям большую экономию. К сожалению, мы не имеем полных данных на этот счет. Так, например, по ленинградскому профсоюзу металлистов была учтена экономия только по 11% всех выполненных в первом полугодии 1926/27 г. предложений рабочих¹¹⁶. Тем не менее даже отрывочные данные позволяют сделать вывод о значительном экономическом эффекте, полученном социалистической промышленностью от реализации предложений производственных совещаний.

Об экономии, полученной на ряде предприятий Ленинграда от реализации рабочих предложений, внесенных через производственные совещания в мае — июле 1926 г., дает представление следующая таблица¹¹⁷:

Заводы	По скольким предложениям учтена экономия	Сумма годовой экономии, (в рублях)	Сколько из этих предложений проведено в жизнь	Сумма годовой экономии (в рублях)
Балтийский	5	25 000	3	11 850
„Красный выборжец“	19	138 804	17	114 924
„Ильич“	11	30 663	2	15 100
Ижорский	2	45 000	2	49 000
„Красный путиловец“	4	14 927	3	1 300
Им. Ленина	17	54 958	17	54 953
„Большевик“	9	21 500	2	7 200

¹¹¹ «Производственный журнал», 1928, № 5, стр. 6.

¹¹² ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 2.

¹¹³ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 10, д. 162, л. 9.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ «Производственный журнал», 1927, № 2, стр. 18; ЦГАОР, ф. 5451, оп. 11, д. 305, л. 133.

¹¹⁶ «Производственное совещание», 1927, № 10, стр. 5.

¹¹⁷ ЦГАОР, ф. 5469, оп. 10, д. 250, л. 70.

Такую же примерно, экономию давала работа производственных совещаний предприятий Москвы, Донбасса, Урала и др. На Днепропетровском трубопрокатном заводе им. Ленина реализация предложений совещаний принесла с 1 января по 1 апреля 1927 г. экономию в 90 тыс. руб. и 24 тыс. пуд. угля¹¹⁸. Внедрение предложений рабочих сталелитейного цеха Кулебакского металлургического завода дало только за 1927 г. 60 тыс. руб. экономии¹¹⁹; на одесском заводе сельскохозяйственных машин им. Октябрьской революции только по одному литейному цеху — 70 тыс. руб.¹²⁰ и т. д.

Производственные совещания оказывали прямое влияние на общую работу предприятий, способствуя увеличению выпуска продукции, выполнению и перевыполнению плановых заданий, увеличению производительности труда, снижению себестоимости и улучшению качества продукции. Так, например, активная работа производственного совещания таганрогского машиностроительного завода «Красный маслопресс» привела к увеличению продукции завода во втором полугодии 1926/27 г. по сравнению с первым полугодием почти в два с половиной раза¹²¹. На ленинградском Металлическом заводе производственная программа в 1925/26 г. была перевыполнена более чем на 22 %¹²² также в значительной мере благодаря работе производственных совещаний.

На брянском заводе «Красный Профинтерн», в производственных совещаниях которого принимало активное участие около 40 % всех рабочих, производительность труда в 1927 г. поднялась по сравнению с довоенным уровнем на 40 %¹²³, а на ленинградской фабрике «Скороход», где производственные совещания также активно работали, производительность труда ряда цехов только за один 1927 г. выросла на 20 %¹²⁴.

Производственные совещания сыграли большую роль в снижении себестоимости продукции на московском заводе «Динамо» (себестоимость трамвайного мотора в 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. понизилась на 17 %), на Харьковском электромеханическом заводе (по трансформаторам за это же время — на 11 %)¹²⁵ и др.

На текстильной фабрике им. Лакина благодаря внедрению предложений производственных совещаний брак в течение 1926/27 г. снизился с 11,3 до 8,9 %¹²⁶.

Все эти данные, как отметила XV партийная конференция, свидетельствовали о том, что «вопреки паническим крикам оппозиции, производственные совещания развиваются и постепенно переходят на более углубленную работу»¹²⁷.

В конце 1927 г. Центральным Комитетом партии в материалах к организационному отчету ЦК ВКП(б) на XV съезде партии работа производственных совещаний за 1926—1927 гг. была охарактеризована следующим образом: «Производственные совещания, с одной стороны, отражают на себе повышенный интерес рабочих к вопросам строительства, к делу рационализации промышленности и, с другой стороны, они сумели

¹¹⁸ «Производственный журнал», 1927, № 14, стр. 9.

¹¹⁹ «Нижегородская коммуна», № 196, от 27 августа 1927 г.

¹²⁰ «Производственный журнал», 1927, № 16, стр. 1 (обложка).

¹²¹ «Металлист», 1927, № 28, стр. 24.

¹²² См. «XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», «Партиздат ЦК ВКП(б)», 1935, стр. 15.

¹²³ См. там же, стр. 309.

¹²⁴ «Производственный журнал», 1927, № 11, стр. 20.

¹²⁵ «Экономическая жизнь», № 235, от 14 октября 1927 г.

¹²⁶ «Производственный журнал», 1927, № 7, стр. 18.

¹²⁷ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 317.

за это время своей деловой работой завоевать себе прочное положение на предприятиях, и хозяйственники больше, чем когда бы то ни было, уделяют внимания их работе, их решениям¹²⁸.

Однако, несмотря на указанные успехи, в работе производственных совещаний в первые годы индустриализации имелось еще много недостатков, и основной из них состоял в том, что количество рабочих, втянутых в их работу, составляло всего 15%. Хотя за два года — 1926—1927 — это количество увеличилось в два с половиной раза, тем не менее совещания еще не стали подлинно массовыми рабочими организациями. Как уже отмечалось, в них весьма недостаточно участвовали женщины и молодежь.

Одна из причин данного явления коренилась в том, что работу производственных совещаний часто подменяли производственные комиссии. Вместо своей основной задачи — вовлечь рабочих в работу совещаний, комиссии сплошь и рядом брали на себя их функции, решая в узком кругу вопросы, подлежавшие ведению производственных совещаний. Тем самым в корне извращалась сама идея совещаний. Коммунистическая партия неоднократно указывала, что значение производственных совещаний заключается не только в том, что их работа приносит огромную экономию производству, но и в том, что через них рядовые рабочие приобщаются к руководству социалистическими предприятиями, учатся разумно ими управлять.

Подмена работы производственных совещаний работой производственных комиссий была вызвана главным образом деятельностью правооппортунистических элементов в ВЦСПС и в ЦК отдельных профсоюзов. Они стремились задержать развитие совещаний, т. е. на деле затормозить развертывание производственной инициативы и активности рабочего класса. Они пытались умалить значение производственных совещаний как школы воспитания коммунистического отношения к труду, добиваясь их превращения в чисто деляческие организации, задачей которых было лишь устранение мелких недостатков производства. На XIV съезде партии Томский, бывший тогда председателем ВЦСПС, открыто выступил с заявлением, направленным против «преувеличения» значения производственных совещаний, против того, чтобы они занимались основными и сложными вопросами развития производства. В частности, он пытался доказать, что обсуждение производственных планов на совещаниях является неправильным.

Томский и другие стремились свести всю деятельность профсоюзов к вопросам, связанным с материальным положением рабочих, пренебрегая основной задачей профсоюзов — вовлекать в социалистическое строительство широкие рабочие массы. Эта деятельность оппортунистической профсоюзной верхушки ослабляла участие профсоюзов в решении хозяйственных вопросов, в частности — их руководство производственными совещаниями.

Обследование работы на местах по вовлечению рабочих в дело рационализации производства, произведенное ЦК ВКП(б) в мае 1927 г., установило, что недостаточное участие рабочих в производственных совещаниях в значительной степени объяснялось слабым руководством ими со стороны профсоюзов¹²⁹.

В первые годы индустриализации слабым местом в работе производственных совещаний продолжало оставаться все еще недостаточное вы-

¹²⁸ «К XV съезду ВКП(б). За два года. К организационному отчету ЦК ВКП(б)», стр. VII.

¹²⁹ «Известия ЦК ВКП(б)», 1927, № 19, стр. 7.

полнение предложений рабочих администраций предприятий. Хотя процент принимавшихся предложений в 1927 г. стал, как уже отмечалось, весьма высоким, однако число действительно реализованных предложений составляло лишь 60—70% от всех принятых предложений¹³⁰. Формально-бюрократическое отношение администрации к предложениям рабочих ослабляло их заинтересованность в работе производственных совещаний.

* * *

Производственные совещания, несмотря на отмеченные недостатки, сыграли в первые годы индустриализации большую политическую и хозяйственную роль.

Они, во-первых, принесли огромную экономию, исчисляемую на отдельных предприятиях в сотнях тысяч рублей. Во-вторых, втягивая в свою работу большое количество рабочих, производственные совещания тем самым осуществляли указания В. И. Ленина, данные им в январе 1919 г. в выступлении на II Всероссийском съезде профессиональных союзов: «Необходимо еще и еще расширять участие самих трудящихся в управлении хозяйством и строительстве нового производства. Если мы этой задачи не решим..., — тогда мы дело коммунистического строительства не доведем до конца»¹³¹.

На производственных совещаниях рабочие учились ставить и решать важные вопросы, касающиеся работы цехов и предприятия в целом, развертывать критику и самокритику, повышать чувство ответственности за состояние всего производства. Таким образом, участие рабочих в производственных совещаниях превращало их в подлинно общественных деятелей. В этом отношении характерно заявление рабочих механического отдела тверской Пролетарской мануфактуры, сделанное сотрудникам редакции «Тверской правды» накануне девятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. «Производство — наше, — заявили они. — Хозяева на нем — мы. Сейчас производством руководит каждый рабочий, а не одна администрация только. Каждый рабочий имеет свой полный голос. Хотя бы те же производственные совещания. Дельные предложения с этих совещаний администрацией учитываются и проводятся в жизнь»¹³². Производственные совещания сыграли большую роль и в развитии социалистического соревнования.

Заслугой производственных совещаний является также то, что они подготовили большое количество младших командиров производства, выдвигая на хозяйственную и административную работу наиболее способных рабочих. Одновременно они послужили хорошей школой повышения квалификации рабочих. На совещаниях нередко выявлялись необходимость организации производственных кружков для изучения и устранения технических недостатков, необходимость для рабочих знания математики, физики, механики и т. д. Чрезвычайно важное принципиальное значение работы производственных совещаний состояло в том, что на них рабочий выступал прежде всего как работник умственного труда. «Громадная школа будущей коммунистической нашей промышленности, нашего хозяйства», — так охарактеризовал производственные совещания С. М. Киров в 1927 г.¹³³

¹³⁰ «К XV съезду ВКП(б). За два года. К организационному отчету ЦК ВКП(б)», стр. VIII.

¹³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 404.

¹³² «Тверская правда», № 252, от 6 ноября 1926 г.

¹³³ С. М. Киров. Статьи, речи и документы, т. III, стр. 304

Д. С. БАБИЧЕВ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА
В ЛОНДОНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914—1917)**

Царская Россия, как известно, вступила в первую мировую войну неподготовленной в материально-техническом отношении. В связи с этим уже в 1915 г. наступил кризис вооружения, принявший огромный размах¹.

Одним из средств, при помощи которого правительство пыталось разрешить этот кризис, была организация закупок вооружения, снаряжения и других необходимых для ведения войны материалов за границей, прежде всего у союзников — Англии, Франции, а также США. Для этого были созданы специальные органы, одним из которых был так называемый Англо-русский комитет, превращенный впоследствии в Русский правительственный комитет в Лондоне.

Вопрос об отношениях России с союзниками на базе поставок ей военных заказов странами Антанты и США обстоятельно исследован в специальной работе А. Л. Сидорова². В ней исследуется также вопрос и о деятельности Англо-русского комитета, но лишь до конца 1915 г. В силу этого, а также потому, что данный сюжет в указанной работе освещается лишь в связи с деятельностью Особого совещания по обороне, целесообразно осветить деятельность Англо-русского комитета в целом, тем более, что имеющиеся архивные материалы позволяют это сделать с достаточной полнотой.

Научная же и политическая актуальность вопроса о деятельности Англо-русского комитета как части большой и важной проблемы о взаимоотношениях России с союзниками в годы первой мировой войны не вызывает сомнений.

* * *

В августе 1914 г. английский министр иностранных дел Эдуард Грей обратился к русскому послу в Лондоне Бенкендорфу с предложением образовать специальный орган — смешанную англо-русскую комиссию по образцу уже созданных англо-французской и англо-бельгийской комиссий, которая бы целиком и исключительно ведала делом закупок

¹ См. А. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 гг. — «Исторический журнал», 1944, № 10—11.

² А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками во время первой мировой войны — «Исторические записки», т. 15.

и размещения военных заказов России в Англии. Необходимость создания такого органа мотивировалась потребностью в упорядочении дела закупок и устранении конкуренции на английском рынке. Состав комиссии предлагался двусторонний: русское правительство посылает в него представителей министерств военного, морского, финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, английское — также представителей соответствующих ведомств³.

Предложение было принято, и образованный комитет получил название «Англо-русской комиссии по снабжению». Председателем его был назначен агент Министерства торговли и промышленности Рутковский.

14 сентября 1914 г.⁴ по инициативе Бенкендорфа состоялось первое заседание Англо-русского комитета, на котором был обсужден вопрос об урегулировании дела заказов. Комитет решил: 1) впредь все заказы размещать исключительно через посредство комитета или представителей английских министерств, являющихся его членами; 2) заказы, сделанные до образования комитета, должны быть доведены до конца самими ведомствами-заказчиками, либо лично их представителями, либо с помощью комитета, но с обязательным его уведомлением о роде и количестве заказанных предметов и их цене; 3) заказы, порученные русскими министерствами для исполнения иностранным представителям или петроградским коммерсантам, должны быть доведены до сведения комитета с предоставлением списков всего заказанного по их количеству и ценам и с указанием, какая часть их предназначена на нужды военного министерства и какая — на нужды промышленности и торговли; 4) о всех произведенных частных заказах Министерство торговли и промышленности обязано доложить комитету.

Принятые решения мотивировались необходимостью избежать конкуренции на английском рынке между Англией, Францией, Россией и Бельгией и тем самым способствовать установлению удовлетворительных цен и ликвидации посредничества. Получение всех сведений о заказах было обусловлено необходимостью получения разрешения на их вывоз от английского правительства, которое вначале должно проверить, имеет ли оно само достаточный запас заказанных предметов и не попадут ли они противнику⁵. Решение было доведено до сведения министерств военного, морского, финансов, торговли и промышленности и путей сообщения, которые отныне все заказы и закупки в Англии должны были производить исключительно через Англо-русский комитет⁶.

Из первого же заседания комитета видно, что основная цель, которую ставило английское правительство, добываясь его учреждения, заключалась в установлении контроля с его стороны над размещением русских заказов в Англии. Английское правительство строго следило за тем, чтобы все заказы и закупки для России осуществлялись под контролем английских властей. Когда несколько русских ведомств, чтобы избежать этого контроля, попытались заключить торговые сделки непосредственно с поставщиками, английское правительство заявило решительный протест, и царское правительство было вынуждено обязать ведомства вести торговые сделки исключительно через представителей английского правительства.

6 февраля 1915 г. почетным председателем Англо-русского комитета

³ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Экономич. деп. МИД России, 1-е дел-во, 1914—1917 гг., д. 105, лл. 2, 3, 6, 7.

⁴ Все даты приведены по старому стилю.

⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 5579, л. 86—86 об.

⁶ АВПР, ф. Экономич. деп. МИД России, 1-е дел-во, 1914—1917 гг., д. 105, л. 16.

был назначен великий князь Михаил Михайлович. Каждое правительственное ведомство, которое вело закупки в Англии, имело своего представителя в комитете, который самостоятельно вел все операции вплоть до финансовых расчетов. Однако комитет как коллегиальный и двусторонний орган фактически не существовал; заседания его происходили лишь в отдельных случаях и носили формальный характер; деловым разрешением вопросов комитет не занимался; своих представителей в комитет английское правительство не назначило, так что по своему составу он до конца оставался чисто русским учреждением. Не были также точно определены функции комитета и его полномочия.

Комитету приходилось иметь дело с двумя английскими правительственными органами. Первым из них была так называемая Международная комиссия снабжения, которая ведала заказами на сырье, станки и другие изделия, не относящиеся к военному имуществу. В Международной комиссии снабжения, где представителем русского правительства был председатель Англо-русского комитета Рутковский, общие заседания также не практиковались. Все вопросы разрешались путем непосредственных переговоров с различными представителями английских ведомств в этой комиссии, которые сообщали названия фирм, условия контрактов и сроки исполнения заказов; сама сделка подлежала в дальнейшем лишь официальному утверждению со стороны руководителей комиссии. Заключенный контракт в любое время мог быть ликвидирован английским правительством, если оно считало необходимым воспользоваться предусмотренным контрактом материалами или готовой продукцией для собственных нужд.

Вторым органом было образованное при английском военном министерстве специальное учреждение, ведавшее заказами на оружие и боеприпасы. Номинальным главой этого органа являлся Винтура, фактически возглавлял его генерал Эллершоу. Сношения с этим органом осуществляли полковник Беляев и генерал Гермониус⁷.

Английское правительство систематически срывало выполнение принятых русских военных заказов. Так, например, по поводу исполнения на английских заводах заказа на шести- и восьмидюймовые гаубицы, в которых русская армия испытывала крайнюю нужду, оно заявило, что оставляет изготовленные орудия для вооружения собственных войск. В результате заказ пришлось передать американской фирме Мидваль. Это действие английского правительства вызвало большое недовольство в русских правительственных кругах и явилось предметом обсуждения на заседании Особого совещания по обороне 5 марта 1916 г. Выступивший на заседании член Государственного совета граф С. А. Толь, выражая общее мнение, заявил о недопустимости подобных действий со стороны союзного государства и потребовал дипломатического воздействия русского правительства с тем, чтобы не допустить подобных явлений в будущем⁸.

В делах верховной следственной комиссии, учрежденной для расследования причин недостаточного и несвоевременного пополнения русской армии оружием и боеприпасами, имеется обширный материал о неудовлетворительном выполнении русских заказов за границей, в том числе и в Англии. Великий князь Сергей Михайлович, стоявший во главе артиллерийского ведомства, писал по этому поводу: «Но где нас обману-

⁷ А. Л. Сидоров. Отношения России к союзникам..., стр. 147.

⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 175, л. 2. Журнал Особого совещания, № 53, от 5 марта 1916 г.

ли, так это границей; за французами за эти месяцы остается недодел в несколько сот тысяч снарядов... Но кто хуже всех оказались — так это англичане. Это был сплошной злостный обман»⁹.

Воспользовавшись тяжелым положением русской армии, испытывавшей острый недостаток вооружения, английское правительство в феврале 1915 г. предложило Ставке русского верховного главнокомандующего сосредоточить все русские заграничные заказы в руках военного министра Англии лорда Китченера. Ставка это предложение приняла, и, таким образом, английское правительство, получив монопольное право на реализацию всех русских заграничных заказов, стало не просто посредником, а фактически контролером этих заказов.

Свою деятельность Китченер осуществлял при содействии американского банкира Моргана, превратившего русские заказы в Америке в колоссальный источник наживы. Заказы сдавались по исключительно высоким ценам, поэтому заключенные ранее русскими представителями контракты непосредственно в Америке были парализованы действиями Моргана, предлагавшего за те же изделия более высокие цены. Так, например, Канадской компании, с которой Россия заключила до этого договор на поставку 5 млн. снарядов, он предложил за каждый снаряд цену на 3 доллара дороже¹⁰. Представитель Центрального военно-промышленного комитета проф. Бахметьев писал, что все то, что приобреталось при посредничестве английских властей всегда было неудачно и стоило значительно дороже. Условия контрактов были зачастую не только неприемлемы, но и просто унижительны¹¹.

Нередко английские власти подписывали контракты с фирмами, не имевшими специального оборудования для исполнения принятых заказов и даже вообще не имевшими соответствующих заводов, которые они лишь впоследствии создавали на русские деньги. Условия контрактов составлялись иногда специально с таким расчетом, чтобы русская сторона не могла обращаться к судебным инстанциям для отстаивания своих интересов.

Пример подобного рода приводится в телеграмме генерала Залюбовского, сообщавшего о требовании фирмы Вестингауз выдать ей новый аванс в размере 20% стоимости двух принятых ею заказов. Фирма являлась самой неисправной, и ее деятельность не внушала никакого доверия в смысле возможности выполнения ею взятых обязательств. Однако ее притязания были поддержаны английскими властями, которые настаивали на выдаче фирме аванса и угрожали, что в случае отказа Россия проиграет дело в арбитраже, так как все контракты составлены Морганом в ущерб русским интересам¹².

Деятельность Китченера по размещению русских заказов приняла довольно широкий размах, контракты заключались им на сроки по апрель 1917 г. включительно¹³. Всего при посредничестве Китченера было заказано 12 млн. артиллерийских снарядов различного калибра, 2,5 млн. винтовок, 550 млн. патронов и 84 070 тыс. фунтов пороха в общей сложности на 732 282 700 руб¹⁴. Из-за посреднической деятельности Китче-

⁹ А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками..., стр. 136.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 35, л. 22.

¹¹ ЦГАВМФ, ф. 1139, д. 26, л. 17.

¹² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 11, д. 2575, л. 155.

¹³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1429, л. 169.

¹⁴ Эта сумма подтверждается одной из нот английского правительства России, где указывается, что сумма заказов, произведенных через комитет Китченера в Америке, достигла более 75 млн. ф. ст. (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 778, лл. 159—160).

нера Россия переплатила десятки миллионов рублей, причем ни один заказ не был исполнен в срок.

Русская буржуазия с завистью смотрела на то, какие огромные прибыли получала иностранная буржуазия за счет русских военных заказов, стремясь принять участие в их дележе. 4 августа 1915 г. Центральный военно-промышленный комитет обсудил договор, заключенный Англо-русским комитетом с фирмой «Р. Мартенс и К^о лимитед», и признал, что договор обеспечивает только интересы фирмы, а не России. Особый упор был сделан на то, что в договоре отсутствовали гарантийные обязательства фирмы по срочной отгрузке и разгрузке пароходов. Центральный военно-промышленный комитет просил верховную следственную комиссию произвести расследование по данному вопросу. Мартенс обвинялся также в шпионаже в пользу Германии, следствием которого якобы явилось потопление зафрахтованных им русских судов германскими подводными лодками¹⁵. Требование Центрального военно-промышленного комитета об аннулировании договора с Мартенсом было поддержано Особым совещанием по перевозкам¹⁶. Однако против расторжения договора выступило английское правительство, потребовавшее оставить Мартенса агентом английского адмиралтейства по перегрузочным работам в Архангельске. Царское правительство вынуждено было пойти на компромисс, предложив разделить перегрузочные работы между двумя сторонами: подъем угля с трюма до борта корабля должны были производить английские агенты, а погрузка с борта корабля на баржи была передана русской фирме Мордухович.

Шумом, поднятым вокруг дела Мартенса, русская, буржуазия воспользовалась для того, чтобы поставить перед правительством вопрос о необходимости реорганизовать Англо-русский комитет. Это требование было поддержано военным министром и министром торговли и промышленности.

25 августа 1915 г. военный министр А. Поливанов просил Горемыкина обсудить в Совете министров вопрос о реорганизации комитета и замены его личного состава. Однако Совет министров «признал нежелательным, по соображениям дипломатического свойства, вносить в настоящее время в состав и организацию названного Комитета какие-либо коренные изменения»¹⁷.

В результате дальнейших настоятельных требований буржуазии Совет министров вынужден был согласиться на создание нового ответственного правительственного органа по закупкам в Англии. Окончательное решение по данному вопросу было отложено до возвращения министра финансов П. Барка из Англии, где он вел переговоры по вопросу о заключении англо-русского финансового соглашения.

Главная причина неудовлетворительной деятельности Англо-русского комитета по размещению заграничных заказов объяснялась финансово-экономической зависимостью России от Англии. Поэтому никакое изменение в организации структуры комитета не могло коренным образом изменить характер русско-английских взаимоотношений.

Во время своего пребывания в Лондоне Барк одновременно ознакомился с работой Англо-русского комитета. Возвратившись в Россию 9 октября 1915 г., Барк представил доклад о его деятельности председателю

¹⁵ АВПР, ф. Экономич. деп. МИД России, 1-е дел-во, 1914—1917 гг., д. 105, лл. 146—148. Письмо русского консула в Ливерпуле Хр. Кристи МИД, от 19 августа 1915 г.

¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 418, д. 4225, лл. 15, 16. Выписка из журнала Особого совещания по перевозкам от 30 ноября 1915 г., № 24.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 1, л. 22.

Совета министров Горемыкину. В докладе указывалось на необходимость реорганизации комитета и точного исполнения требования английского правительства о прохождении всех заграничных заказов по английским кредитам исключительно через комитет. В заключение Барк выдвигал проект организации русского правительственного комитета в Лондоне и просил Совет министров обсудить его.

20 октября 1915 г. Совет министров рассмотрел представленный Барком проект Положения о русском правительственном комитете и Особом междуведомственном совещании в Петрограде, которое ведало бы отпуском иностранной валюты для заграничных заказов. Предложение Барка было принято. В постановлении указывалось, что для обсуждения всех предложений, связанных с производством заграничных заказов по кредитам, отпускаемым Англией, в Лондоне образуется «Особый русский правительственный комитет»¹⁸.

Статья 3 выработанного Барком проекта нового комитета предусматривала коллегиальный характер создаваемого органа; все контракты на размещаемые за границей заказы в обязательном порядке подлежали предварительному обсуждению на заседании комитета. Порядок его работы, согласно статье 12, определялся Советом министров, и лишь внутренний распорядок устанавливался самим комитетом.

Проект, утвержденный Советом министров, вызвал большое недовольство русской буржуазии. В Особом совещании по обороне «Положение об англо-русском комитете» подверглось резкой критике со стороны представителей буржуазии, потребовавших допуска представителей буржуазных общественных организаций в состав русского правительственного комитета в Лондоне.

Это требование было поддержано военным министром Поливановым, представившим в Совет министров новый проект о комитете, в котором предусматривалось удовлетворение указанного требования.

Тем не менее Совет министров 3 ноября 1915 г. специально указал на необходимость запрещения правительственным организациям вести заграничные заказы при содействии общественных организаций. В особом журнале Совета министров отмечалось, что правительство в настоящее время располагает материалами, «указывающими на нежелательное и вредное стремление объединившихся промышленников и посредников, пренебрегая благом общим и интересами государственными, извлекать из обстоятельств военного времени возможно большие выгоды»¹⁹. В подтверждение этого Совет министров приводил один из многих случаев, когда Центральный военно-промышленный комитет, получив выгодный заказ на изготовление трехдюймовой шрапнели, отказался от изготовления менее прибыльных шестидюймовых снарядов. «Хотя несоответствие в расценках и было впоследствии устранено, — указывалось в журнале, — но стремление его использовать со стороны предприятий, отрешившихся будто бы от преследования коммерческих выгод и движимых исключительно патриотическими целями, является особо показательным»²⁰.

Истинная причина принятия правительством этого решения объяснялась стремлением буржуазии воспользоваться военными неудачами и неспособностью правительства справиться с задачами, выдвинутыми войной, для того, чтобы добиться от царизма ряда политических уступок.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 184, лл. 47—48 об. Журнал Совета министров 20 октября 1915 г.

¹⁹ АВПр, ф. Экономич. деп. МИД России, 1914—1917 гг., д. 105, лл. 310—311.

²⁰ Там же, л. 311.

Председателем Русского правительственного комитета был назначен генерал Гермониус, заместителем — генерал Тимченко-Рубан, ответственным за финансовые вопросы комитета — Рутковский. Пост почетного председателя комитета попрежнему был оставлен за великим князем Михаилом Михайловичем.

В соответствии с финансовым соглашением от 30 сентября 1915 г., заключенным Барком с Англией, на упомянутых выше лиц одновременно возлагались обязанности представлять интересы русского правительства в органах, созданных англичанами: в Международной комиссии снабжения представлял Гермониус, в комитете лорда Китченера — Тимченко-Рубан и при английском министерстве финансов — Рутковский. Представителем английского правительства в Лондонский правительственный комитет был назначен генерал Эллершоу. В комитете были учреждены следующие отделы: военный, морской, финансовый, торговли и промышленности, путей сообщения и транспортный.

Создание нового комитета способствовало до некоторой степени упорядочению русских правительственных заказов за границей, поскольку монопольное положение комитета лорда Китченера по размещению русских артиллерийских заказов было ликвидировано. Однако самостоятельность Русского правительственного комитета в Лондоне была фактически номинальной, так как в своей деятельности он должен был руководствоваться финансовыми соглашениями, заключенными между русским и английским правительствами. Условия их были сформулированы таким образом, что все заказы и покупки подвергались строжайшему контролю со стороны английского правительства и требовали соответствующих санкций английского представителя, входившего в состав Русского правительственного комитета, или же английских властей. Ни один заказ в Англии или в других странах не мог быть размещен без их согласия. Это положение ставило любую сделку в полную зависимость от произвола английской стороны. К тому же этот порядок крайне задерживал исполнение заказов. На получение одних только разрешений и оформление заказов уходили целые месяцы.

Требуя, чтобы каждый заключаемый контракт передавался им на просмотр, английские представители принимали все меры к тому, чтобы не допускать заключения договоров непосредственно с поставщиками. В этих случаях, как сообщал Бахметьев, представители английских властей объявляли поставщиков неправомочными и сделка расстраивалась. Выдачу заказа английские представители брали на себя, затем через своих агентов заключали контракты с теми же поставщиками, которых они перед этим объявляли неправомочными. В результате происходила оттяжка на несколько месяцев в выполнении заказа, и поставка этого же самого вида продукции обходилась русской казне значительно дороже²¹.

В особенности английские власти игнорировали требования на отпуск кредитов, связанных с приобретением заводского оборудования для производства оружия и боеприпасов непосредственно в России. Так, например, Русским правительственным комитетом в Лондоне была изыскана возможность приобретения двух американских военных заводов по производству взрывателей и дистанционных трубок, но для оформления кредита пришлось обращаться к английскому правительству, которое выступило против этой покупки. Отказ мотивировался отсутствием свободного тоннажа для доставки заводского оборудования из Америки, а также тем, что один из покупаемых заводов мог быть пущен только в 1918 г., а дру-

²¹ ЦГАВМФ, ф. 1139, д. 26, л. 30.

гой — в 1919 г.²² Истинная же причина отказа заключалась в нежелании допустить усиления военно-промышленной мощи России. Подобное поведение английского правительства отмечалось также и в вопросах обеспечения России оружием и боеприпасами.

Воспользовавшись совещанием по вопросам снабжения союзных держав, происходившим в Лондоне 9—10 ноября 1915 г., Англия предложила его участникам подписать соглашение о создании Центрального бюро союзных держав. Соглашение предусматривало, что бюро создается из представителей всех союзных стран, от каждой страны по одному человеку. По истечении каждого месяца союзное государство обязывалось представлять в бюро данные по следующим вопросам: 1) программа производства важнейших видов вооружения (пушки, снаряды, ружья, патроны и т. д.) и сроки исполнения; 2) список заказов, произведенных как на отечественных заводах, так и на заграничных, ориентировочные сроки их выполнения; 3) запасы сырых материалов (сталь, латунь, алюминий и т. д.), нужные для производства; 4) наличие сырых материалов, машин и рабочей силы для производства средств войны с учетом покрытия собственных нужд и количество, выделяемое для союзников.

Соглашение было подписано представителями Англии, Франции, Италии и России (со стороны последней его подписал вице-адмирал Русин)²³.

Представляемые сведения давали английскому правительству возможность иметь точные данные не только о производственной мощности союзных государств, но и об их потребностях в сырье. Используя эту осведомленность, английские монополии закупали на мировых рынках сырье, а затем вздували на него цены. В качестве примера можно привести факт, изложенный в письме уполномоченного Всероссийского земского союза Сахновского от 1 октября 1916 г., адресованном председателю русского заготовительного комитета в Америке генералу Залюбовскому, где он сообщал об усиленной скупке англичанами кожи в Америке, в результате чего цена на нее была поднята на 20%. Было установлено, сообщал Сахновский, что за последние пять месяцев в Англию, наряду с отправкой из Америки огромного количества обуви, было вывезено 13 898 тыс. фунтов кожи, что намного превышало собственную потребность Англии. Позднее выяснилось, что эти действия были связаны с предстоящими закупками кожи русским правительством. России пришлось приобретать кожу уже не на американском рынке, а у английских перекупщиков, которые за свое посредничество взяли 10% сверх цены на мировом рынке. В общей сложности Россия заплатила за эту кожу на 30% дороже ее начальной цены. Вся эта спекулятивная махинация принесла царскому правительству убыток в 4080 тыс. долл.²⁴

В конце 1915 г. с деятельностью Русского правительственного комитета в Лондоне ознакомился вице-адмирал Русин — глава русской делегации на Лондонском совещании представителей союзных армий по вопросам снабжения, проходившем под председательством Ллойд-Джорджа. В своем докладе Особому совещанию по обороне Русин дал весьма положительную характеристику деятельности комитета и его председателя Гермониуса. По его предложению Особое совещание признало необходимым установить тесный контакт между Русским правительственным комитетом в Лондоне и русским послом в Англии. Решение Особого совещания было доведено до сведения Министерства иностранных дел, от

²² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 3171, л. 4.

²³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 14, л. 33.

²⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 23, д. 22, лл. 71—72.

которого последовало указание всем послам установить связь с русскими заготовительными организациями за границей. Главы заготовительных миссий обязаны были ставить посла в известность о всех важнейших мероприятиях, связанных с нуждами государственной обороны, и получать от него указания общеполитического характера²⁵.

Одновременно Русины были составлены для Особого совещания записка «О работе наших организаций в Лондоне и Париже». По мнению Русина, одним из существенных недостатков, осложнявших работу Лондонского комитета, было отсутствие в нем представителей общественных организаций — Центрального военно-промышленного комитета и Союза земств и городов, являвшихся крупными заказчиками за границей. Русин предлагал провести следующие мероприятия, осуществление которых улучшило бы, по его мнению, прохождение русских заказов за границей:

«1. Не ограничиваться передачей в Лондон отдельных заказов и поручений, а держать нашего главного представителя там в полном курсе наших нужд и давать ему общие директивы, предоставив ему большие полномочия для решения деталей вопросов.

2. Установить общность работы наших заграничных организаций, причем председателю Лондонского комитета дать руководящую роль. В Америке помещать заказы исключительно через Лондонский комитет. Председателю Лондонского комитета быть в постоянном личном общении с руководителем нашего дела в Париже.

3. Прекратить окончательно какие бы то ни было дела через комиссионеров.

4. Принять экстренные меры для ускорения сношения между заграничными центрами и Петроградом.

5. Усилить состав Лондонского комитета назначением туда лиц для заведывания интendantскими заказами — двух делопроизводителей, представителей общественных организаций, а также лиц для заведывания покупкой металлов и т. п. и частными грузами.

6. Объединить в особых органах в Петрограде потребности наши во взрывчатых веществах, металлах, медикаментах и организовать покупку через эти органы и представителей их в Лондоне, кои должны войти в состав комитета. Привлечь к этому делу людей практики, основательно знающих соответственные отрасли»²⁶.

9 января 1916 г. записка Русина была обсуждена в Особом совещании по обороне. Было решено снова возбудить ходатайство перед Советом министров о введении в состав Лондонского комитета представителей буржуазных общественных организаций. На основании решения Особого совещания и заключения Русина военный министр А. Поливанов направил Горемыкину письмо, в котором говорилось: «Я признаю, что только включение в состав комитета представителей указанных организаций может должным образом наладить работу комитета и разгрузить его от целого ряда обязанностей, требующих специальных познаний, и тем облегчить дело получения нами различного рода предметов, своевременная доставка которых крайне необходима для государственной обороны»²⁷.

26 января 1916 г. Совет министров, рассматривая письмо Поливанова, снова отказался ввести в состав Лондонского комитета представителей буржуазных общественных организаций, причем если раньше этот отказ мотивировался необходимостью сосредоточить заграничные заказы в ру-

²⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 15, л. 168.

²⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 8, л. 6 об.

²⁷ АВПР. Ф. Экономич. деп. МИД России, 1-е дел-во, л. 307 об.

ках казенных ведомств, то на этот раз он открыто обосновывался политической причиной — невозможностью допустить в состав Лондонского комитета представителей буржуазных общественных организаций ввиду некоторых расхождений их с органами правительственной власти²⁸.

Реорганизация Англо-русского комитета в Русский правительственный комитет не изменила характера его взаимоотношений с представителями английского правительства, вытекавших из финансовых соглашений. Наоборот, эта реорганизация была использована английскими властями для еще большего усиления экономического давления на Россию.

В 1916 г. между английским и русским правительствами, при содействии Русского правительственного комитета, было заключено соглашение о морских перевозках, по условиям которого Англия получила в свое ведение русский торговый флот и северные порты.

Причиной, толкнувшей Россию на заключение этого соглашения, была нехватка морского тоннажа для перевозки предстоящих грузов и стремление русского правительства в связи с этим получить у Англии валюту для приобретения судов. В 1916 г. России предстояло перевезти 2 млн. 500 тыс. тонн грузов, а русский флот был в состоянии перевезти всего около 800 тыс. тонн. Без содействия английского правительства изыскать свободный тоннаж для доставки 1700 тыс. тонн было невозможно. В ответ на просьбу отпустить валюту для приобретения судов и оказать содействие в доставке части грузов английское правительство выдвинуло контрпредложение: передать в его руки все русские торговые суда и учредить в северных портах России английскую администрацию. При условии принятия этого предложения английское правительство брало на себя обязательство доставить в Россию в 1916 г. 2 млн. тонн грузов²⁹. Предложение было поддержано Русским правительственным комитетом в Лондоне и вице-адмиралом Русиным, и после продолжительного колебания царское правительство согласилось с условиями, выдвинутыми английским правительством.

«Помощь» английского правительства весьма дорого обошлась России: стоимость фрахта значительно превысила сумму, планировавшуюся на приобретение судов. К тому же Англия сорвала план доставки грузов. Из обусловленных соглашением 2 млн. тонн было перевезено примерно около трети всех грузов, т. е. меньше того количества, которое были в состоянии перевезти русские суда³⁰.

Английское правительство под различными предлогами отказывало или значительно урезывало заказы России на сырье, металлы и другие материалы. Еще хуже обстояло дело с поставками России станков и различного машинного оборудования.

Над вывозом станков из Англии был установлен строгий контроль. 3 декабря 1915 г. председатель Русского правительственного комитета в Лондоне Гермониус доносил военному министру о затруднениях, связанных с приобретением станков. В каждом отдельном случае, сообщал Гермониус, при покупке даже одного станка приходилось испрашивать разрешение английских властей как на его приобретение, так и на вывоз³¹. 10 апреля 1916 г. между Англией и Россией было подписано «Соглашение о способах и порядке покупок в Америке машин, станков и

²⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 184, л. 64.

²⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2533, л. 135. Соглашение о морских перевозках.

³⁰ ЦГАВМФ, ф. 1139, д. 25, лл. 46, 47. Письмо пред. Совещания по морским перевозкам вице-адмирала Кербера Остроградскому (представителю Министерства торговли и промышленности) от 2 августа 1916 г.

³¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, л. 2556, л. 69.

подъемных кранов для России». Заказы подразделялись, согласно этому соглашению, на две категории: частные и государственные. Первые поступали обычным порядком в Международную комиссию, а для вторых устанавливался особый порядок. Производство непосредственных заказов через Русско-американский комитет запрещалось. Из Международной комиссии эти заказы направлялись в отдел станков, который рассматривал их с точки зрения возможности размещения в Англии. После положительного заключения отдела станков заказ снова поступал на утверждение в Международную комиссию, затем в отдел контрактов и лишь после согласия английского казначейства на финансирование данного заказа он принимался к исполнению. Только в том случае, если отдел станков не находил возможным разместить данный заказ на английских предприятиях, разрешалось обратиться к американскому рынку. Для заказов в Америке создавалась особая подкомиссия, состоявшая из представителей русского и английского правительств. Все заказы в Америке должны были быть одобрены представителем английского правительства в этой комиссии Серлом и проходить обязательно через банк Моргана. Моргану предоставлялось право подписания контрактов и предъявления претензий по ним. Для особо важных и срочных заказов в Америке России выделялся специальный фонд в сумме 500 тыс. долл., но использование его разрешалось только после получения согласия от Серла. Обычные заказы в Америке, которые не должны были оплачиваться за счет специального фонда, после заключения Серла, Международной комиссии и английского казначейства могли подписываться, по поручению председателя Русского правительственного комитета в Лондоне, Русским комитетом в Америке или специальной подкомиссией, членом которой являлся тот же Серл. Наделяя своего представителя Серла большими полномочиями, английское правительство одновременно специально оговаривало о снятии с себя всякой ответственности за его деятельность. В тексте соглашения указывалось, что «министерство не принимает на себя никакой ответственности и считает г. Серла как бы откомандированным в Русский комитет, дабы он мог действовать и как член конференции и как член подкомиссии в интересах Международного комитета и казначейства»³².

Дальше мы приведем ряд конкретных примеров, показывающих, как английскийское правительство использовало это соглашение в своих интересах. Соглашение не было выгодно для России и с финансовой точки зрения, так как запрещало ей непосредственные закупки станков на свободном рынке: английское правительство поставило русское правительство перед необходимостью соглашаться с любыми ценами, установленными английскими промышленниками. Обращение к американскому рынку допускалось лишь в крайних случаях и то только через посредничество Моргана.

Особенно большие трудности с размещением заказов на станки и оборудование возникли осенью 1916 г. Стремясь воспользоваться затруднительным положением России, английское казначейство потребовало вывоза в Англию значительного количества русского золотого запаса в счет нового финансового соглашения. Чтобы заставить Россию согласиться на свое требование, английское правительство временно прекратило размещение русских заказов.

В ответ на телеграмму Гермониуса, сообщавшего о создавшемся без-

³² ЦГВИА, ф. 369, оп. 23, д. 4, лл. 70—71. Соглашение о способах и порядке закупок в Америке машин, станков и подъемных кранов для России 10 апреля 1916 г.

выходном положении, военный министр Шуваев 9 сентября 1916 г. телеграфировал ему: «Не могу согласиться с характеристикой вашей создавшегося положения. Как ход переговоров в Лондоне во время конференции, так и в особенности дальнейшая волокита ясно доказывают желание финансовых кругов Англии эксплуатировать наше трудное положение [с] целью получения золота. Трудность платежей в долларах по нашим новым заказам намеренно преувеличивается, ибо огромное количество наших долларов по первому займу, вследствие недопоставок Америки, лежит еще в портфеле прежюри. Постоянно возобновляющийся отказ от уже сделанных было уступок в переговорах о займе, систематическое затруднение к получению оборудования для наших новых заводов создают здесь самое тяжелое впечатление. Не поддавайтесь искажающим обстановку влияниям и твердо отстаивайте наши права самим руководить нашими заказами. В частности, настаивайте всемерно на максимальном вывозе металлов, машин, станков, инструментов до закрытия навигации»³³.

2 октября 1916 г. Шуваев снова требует от Гермониуса принятия энергичных мер по срочной доставке станков и машин для строящихся военных и автомобильных заводов. Все это, заявлял он, должно быть отправлено немедленно, с тем, чтобы пароходы успели доставить грузы в Архангельск в ноябре 1916 г.³⁴ Однако все эти «энергичные» представления, в силу зависимости царской России от союзников, не достигали своей цели, и Россия, невзирая на заклинания военного министра, попрежнему испытывала острый недостаток в станках.

В 1916 г. в Россию было завезено 20 тыс. станков на сумму в 80 млн. руб.³⁵ Несмотря на это, зависимость России от заграницы в области поставок станков и другого машинного оборудования не только не уменьшилась, но еще более возросла по мере роста потребностей и изнашивания наличного станочного парка. Крайне велика была также зависимость в стратегических материалах и особенно в металлах.

6 января 1916 г. председатель комитета по снабжению заводов металлами заграничного производства Ф. Иванов сообщил председателю Особого совещания по обороне о резком сокращении англичанами поставок важнейших металлов в Россию на 1916 г. Вместо запрашиваемых 83 тыс. тонн электролитической меди англичане соглашались поставить всего 43 тыс. тонн, причем это согласие оговаривалось возможным повышением цены, которая и без того была слишком высока. Заявка Министерства торговли и промышленности на высокопроцентный цинк в количестве 30 тыс. тонн была признана англичанами чрезмерной. Взамен они предложили русскому правительству авансировать цинкоплавильный завод в Британской Колумбии на сумму в 400 тыс. долл. Ф. Иванов признал это условие кабальным и счел необходимым отказаться от сделанного предложения и принять все меры для увеличения производства цинка в самой России.

Особенно неудовлетворительно обстояло дело с обеспечением заводов ферро-вольфрамом и алюминием. В поставке алюминия было вовсе отказано. Ввиду этого Иванов предлагал изъять из употребления в армии и во флоте всех изделий из алюминия и заменить их изделиями из других металлов. Одновременно он просил дать указание председателю реквизиционной комиссии произвести реквизицию алюминия по всей империи.

³³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 2589, л. 327.

³⁴ Там же, оп. 11, д. 2589, л. 621.

³⁵ А. Л. Сидоров. Влияние войны на экономику России—«Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 90.

Отрицательным моментом в закупке металлов Иванов считал необходимость совершать все эти сделки через Русский правительственный комитет в Лондоне, где английские промышленники и фирмы быстро узнают все данные о трудном положении России и немедленно взвинчивают цены. Помимо значительных переplat, этот порядок ведет к длительной переписке и потере времени, что в конечном итоге приводит к несвоевременному обеспечению армии оружием и боеприпасами ³⁶.

Об огромной потребности России в заграничных поставках цветных металлов и сплавов и крайне недостаточном удовлетворении их на заграничном рынке можно судить на основании таблицы, показывающей, сколько требовалось этих металлов в 1916 г. только для предприятий, непосредственно связанных с выполнением военных заказов, и сколько было в действительности получено ³⁷.

М е т а л л ы	Требовалось получить из-за границы (в пуд.)	Получено (в пуд.)
Медь красная	5 065 750	1 776 000
„ фосфористая	6 415	—
Цинк	2 022 000	1 162 000
Алюминий	739 650	282 662
Никель	396 165	184 000
Свинец	2 517 265	3 229 000
Сурьма металлическая . .	551 970	315 000
Ферро-вольфрам	34 591	Неизвестно
Ферро-ванадий	2 758	5 087
Ферро-молибден	1 042	2 593
Ферро-хлор	155 500	21 155
Ферро-силиций	535 520	22 992

Эти данные свидетельствуют о том, что потребности России, за исключением свинца, ферро-ванадия и ферро-молибдена, были удовлетворены в крайне незначительных размерах. Привоз же черных металлов и других материалов в том же 1916 г. составил: чугуна — 2246 тыс. пуд., железа — 4486 тыс. пуд., стали — 3441 тыс. пуд., гвоздей и колючей проволоки — 2665 тыс. пуд., железных и стальных изделий — 6669 тыс. пуд., хлопко-сырца — 3541 тыс. пуд., каменного угля — 57 930 тыс. пуд., селитры чилийской — 4291 тыс. пуд., каучука и гуттаперчи — 454 тыс. пуд., автомобилей (кроме грузовых) — 2197, автомобильных платформ — 465. Эти количества в самой незначительной доле удовлетворяли военные потребности России. Что касается вооружения и боеприпасов, то достаточно указать, что в 1916 г. Россией по заграничным заказам было получено всего 8 797 144 артиллерийских снаряда, в то время как англо-французские войска в отдельных частных операциях расходовали до 10 млн. ³⁸

³⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 19, д. 15, лл. 28—31.

³⁷ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1470, л. 9; ЦГАВМФ, ф. 418, д. 4350, л. 120; ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, лл. 206—210. Ведомости о потребностях цветных металлов на 1916 г. и полученных из-за границы

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 2093, лл. 173—175; ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1190, лл. 268—273.

В 1916 г. между Англией и США обострилась борьба за русский рынок. В связи с этим представитель Моргана в Париже Харджесс сделал русскому военному агенту во Франции полковнику А. Игнатьеву предложение о сосредоточении всех русских заказов в Америке в руках банковской фирмы Морган. Предложение преследовало цель ликвидировать монопольное право Англии на русские заграничные заказы.

Однако Россия не могла принять предложения Моргана, так как основным кредитором России была Англия, в руках которой были сосредоточены все нити русских заграничных заказов от момента их производства до доставки в Россию; к тому же в Английском банке находилась почти треть русского золотого запаса, переданного Англии по условиям финансовых соглашений.

Сосредоточив в своих руках русские заграничные заказы, английские деловые и правительственные круги не только не выполняли взятых на себя обязательств, но даже препятствовали поставкам в Россию оружия, сырья, машин, станков и металлов из других стран.

20 января 1917 г., по инициативе Англии, состоялась совместная конференция французского министерства снабжения и соответствующей британской делегации по вопросу о поставке металлов в Россию. Глава английской делегации Хлевехлин в своем выступлении заявил о необходимости воздержаться от поставок России металлов, ибо она стремится получить двойную порцию одновременно от Англии и Франции.

Узнав в феврале 1917 г. об этой конференции, председатель Русского правительственного комитета Гермониус заявил решительный протест английскому правительству. «Я не могу себе объяснить, — писал он, — почему г. Хлевехлин совещался с французским правительством по вопросу о поставках французского правительства в Россию без участия и даже без ведома Русского правительственного комитета и во всяком случае без уполномочия настаивал на замедлении поставок французского правительства, в то время когда наш комитет прилагает все усилия для сокращения всяких проволочек и потери времени. Г-ну Хлевехлину известно, что требования России на 1917 год были распределены между Францией и Англией и что не могло быть вопроса о получении двойного количества»³⁹.

После свержения царизма и образования Временного правительства в состав Лондонского правительственного комитета были немедленно командированы представители буржуазных общественных организаций.

В делах МИДа этого периода сохранились две записки с указанием на неудовлетворительную деятельность комитета и необходимость его реорганизации. В записках предлагалось сократить чрезмерно разбухший аппарат комитета, включавший более 700 человек, ликвидировать должность почетного председателя и освободить Гермониуса. Председателем комитета предлагалось назначить представителя Временного правительства и при нем организовать «Исполнительное бюро», в состав которого должны были войти представители министерств военного, морского, торговли и промышленности, финансов и иностранных дел. Бюро должно было нести ответственность за исполнение решений комитета. В состав последнего на положении полноправных членов должны войти представители буржуазных организаций⁴⁰.

Однако фактически никакой реорганизации комитета не последовало. Весь прежний его состав был сохранен; только великий князь Михаил

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 2, д. 537, л. 13.

⁴⁰ АВПР, ф. Экономич. деп. МИД России, 1-е дел-во, д. 105, лл. 532—534.

Михайлович был освобожден от должности почетного председателя, а все изменения в структуре комитета свелись в основном лишь к увеличению его состава за счет включения в него представителей буржуазных организаций — Земгора и Центрального военно-промышленного комитета.

Реорганизации подверглись лишь органы, ведавшие заграничным снабжением в Петрограде. 6 апреля 1917 г. постановлением Временного правительства был создан Межведомственный комитет, председателем которого был назначен генерал Маниковский. В качестве одного из его отделов было образовано Главное управление по заграничному снабжению во главе с генералом Михельсоном. В состав Межведомственного комитета, помимо представителей различных ведомств, входили также представители союзных держав. Комитет являлся высшим правительственным органом по вопросам заграничного снабжения, ему принадлежало право утверждения заказов, выдачи валюты и обеспечения тоннажем грузов, предназначенных для отправки в Россию. Организация Межведомственного комитета соответствовала желанию Англии, предлагавшей организовать в Петрограде англо-русский комитет. Этот комитет, по мысли английского правительства, должен был заменить некоторые функции Русского правительственного комитета в Лондоне и содействовать ускорению доставки оружия не только из-за границы в Россию, но и на фронт. Для участия в работе комитета английское правительство направило в Россию полковника Бирна с четырьмя офицерами ⁴¹.

Причина, побудившая английское правительство выступить с подобным предложением, объяснялась его стремлением распространить свой контроль на деятельность Временного правительства. Однако и после образования комитета дело с английскими поставками продолжало обстоять так же плохо, как и раньше.

9 апреля 1917 г. Гермониус сообщил военному министру, что английское правительство отказало России в кредите на оборудование второго сталелитейного завода. Отказ мотивировался тем, что завод может вступить в строй не раньше 1919 г. ⁴² 12 апреля 1917 г. состоялась беседа Гермониуса с Мильнером, ведавшим кредитами английского казначейства, о нарушении английской стороной финансового соглашения. По условиям соглашения, указывал Гермониус, русское правительство обязано было только ставить в известность английское казначейство о наличии кредита для производства того или иного заказа. Однако казначейство не ограничивается этой ролью и рассматривает все заказы по существу, отказывая в финансировании тех из них, которые связаны с приобретением станков и оборудования. Мильнер ответил, что его комитет как раз и создан для того, чтобы проверять заказы по существу и что русскому безденежному правительству нельзя требовать обратного: ему могло бы принадлежать решающее слово только в том случае, если бы оно имело деньги и тоннаж ⁴³. Так как у Временного правительства не было ни того, ни другого, ему приходилось соглашаться с любым контролем, который устанавливало английское правительство.

В апреле того же года английское правительство полностью прекратило размещение русских заказов на машинное оборудование, поставив тем самым Временное правительство в крайне трудное положение. В первую очередь этот запрет отрицательно сказался на военной промышлен-

⁴¹ АВПР, ф. Экономич. деп. МИД России, 4-е дел-во, д. 770, № 95, л. 1.

⁴² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 3168, л. 273.

⁴³ Там же.

ности, и выполнение срочных артиллерийских заказов было поставлено под угрозу срыва⁴⁴.

11 апреля 1917 г. Гермониус в телеграмме Маниковскому сообщал, что выполнение русских заказов на промышленное оборудование в Англии прекратилось сразу же после возвращения Мильнера с Петроградской союзнической конференции, проходившей в январе—феврале 1917 г. Те заказы, которые были выполнены и предназначались для России, либо используются самими англичанами, либо передаются ими другим союзникам. В качестве выхода из создавшегося положения Гермониус предлагал немедленно добиться американского кредита и передать в США ряд крупных заказов. Только при этом условии, заявлял он, в Англии найдутся и кредит и деньги.⁴⁵

Все попытки Гермониуса заставить английские органы выполнять их обязательства были безуспешны. Вначале свой отказ они объясняли нехваткой тоннажа. Затем, когда было доказано, что выделенного тоннажа вполне достаточно для доставки машинного оборудования, они заявили, что сами нуждаются в нем.

Так же неудовлетворительно обстояло дело и с выполнением Англией обязательств по доставке металлов. Заявки России на металлы на 1917 г. были представлены еще в сентябре 1916 г. Затем на состоявшейся конференции было достигнуто соглашение, по которому Англия обязывалась поставлять четверть обозначенной потребности каждые три месяца. По состоянию на 8 июня 1917 г., Англия еще не приступила к выполнению поставок⁴⁶, и все попытки Гермониуса изменить положение не привели ни к каким результатам.

Срыв поставок вынудил министра иностранных дел обратиться к Временному правительству с предложением срочно командировать в Русский правительственный комитет лицо с широкими полномочиями для выполнения в пределах финансово-экономических соглашений с Англией следующих поручений:

«1) Объединить и скомбинировать все наши финансовые и экономические интересы в Англии в одно стройное целое, отвечающее современным требованиям широких интересов, общегосударственных, общественных и частных, использовать для этой цели ныне функционирующий в Лондоне Русский правительственный комитет.

2) Русский правительственный комитет переорганизовать и направлять его будущую деятельность в пределах существующих договоров с Англией, а также ввиду предстоящей, по заключении мира, ликвидации военных заказов.

3) Войти в тесный контакт с великобританскими правительственными, общественными и частными финансовыми, торговыми и промышленными кругами в целях установления наиболее осведомленных и благоприятных финансово-экономических взаимоотношений между Великобританией и Россией при и после заключения мира»⁴⁷.

Однако все попытки Временного правительства добиться от английского правительства выполнения принятых на Петроградской конференции обязательств оказались безуспешными.

Каковы же итоги деятельности Русского правительственного комитета в Лондоне?

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 21.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 3195, л. 131—134 об.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 1525, оп. 2, д. 537, л. 21.

⁴⁷ АВПр, ф. Эконом. деп. МИД России, 1-е дел-во, д. 105, л. 530.

Всего за время войны царским и Временным правительствами через посредство комитета было произведено 5386 заказов на 7694 млн. руб. Оплачены же были заказы всего на 3875 млн. руб. По условиям заключаемых контрактов, окончательная оплата заказов производилась только по предъявлении коносаментов приемочных актов, из чего следует, что неоплаченные товары попасть в Россию не могли. Какая же часть оплаченных товаров была доставлена в Россию, установить не удалось. Большое количество уже оплаченных грузов осталось в портах стран отправления и в транзитных странах — Швеции, Норвегии и Финляндии⁴⁸.

После Октябрьской революции Русский правительственный комитет был использован Англией для финансирования белогвардейской контр-революции.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 2, д. 681, лл. 273—274.

П. Н. А Б Р А М О В

ИЗ ИСТОРИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1905—1906 гг.
В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЯХ¹

Крестьянское движение в центрально-черноземных губерниях в годы первой русской революции приобрело поистине массовый размах. Нам удалось на основании архивных документов, газет и других опубликованных источников выявить за 1905 и 1906 гг. 1461 крестьянское выступление².

По губерниям и годам эти выступления распределяются следующим образом:

	1905 г.	1906 г.	Всего
Воронежская . .	176	255	431
Курская	186	139	325
Орловская . . .	214	156	370
Тамбовская . . .	211	124	335
Итого . .	787	674	1461

¹ Хронологические рамки работы обусловлены тем, что 1905—1906 гг. были годами подъема крестьянского движения в изучаемом районе. К тому же крестьянское движение за 1907 г. подробно освещено в статье М. Егорова «Крестьянское движение в Центральной черноземной области в 1907—1914 годах» («Вопросы истории», 1948 г., № 5).

² Нами составлены поуездные хронологические таблицы выступлений крестьян. В большинстве случаев (1261 из 1461) при помощи справочников населенных мест удалось установить также волости, где происходили выступления, и почти для всех выступлений (за исключением 14 случаев) — их даты.

Таблицы составлены на основании материалов хранящихся в ЦГИАЛ фондов Министерства юстиции (дела 1-го департамента, 2-го уголовного отделения, 1-го делопроизводства: за 1905 г. — ф. 1405, оп. 107, дд. 7358, 7363, 7594, 7915, 8155, 8754, 8788, 8993; за 1906 г. — ф. 1405, оп. 108, дд. 6804, 6805, 6806, 6811, 6818, 6819, 6831, 6834, 6846, 6853, 7210, 7371, 8686 и 9200) и Министерства внутренних дел (дела канцелярии земского отдела: за 1905 г., ф. 1291, дд. 34а (ч. 1 и ч. 2), 316, 113 (ч. 3), 116; за 1906 г., ф. 1291, д. 61, 123 и дела Департамента общих дел. — ф. 1284, оп. 194, за 1906 г. д. 71; за 1907 г. д. 42, 74 и 82); сборников опубликованных архивных материалов: «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 г.», М., 1955; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ноябрь—декабрь 1905 г.», ч. I, М., 1955; «Красный архив», 1935, т. VI; Н. Карпов. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах, Л., 1926; «1905, Аграрное движение 1905—1907 гг.» т. I, М., 1925; ряда брошюр местных истпартов, изданных большей частью к двадцатилетию первой русской революции и основанных на фондах местных архивов; 21 названия местных газет за 1905—1906 гг., в том числе 13 губернских и 8 уездных, и других источников.

В общей сложности указанное 1461 крестьянское выступление подтверждено 2172 ссылками на источники. Они распределяются следующим образом: на материалы фондов министерств внутренних дел и юстиции сделано 526 ссылок, на местные издания, основанные на фондах губернских архивов, — 798, на газеты за 1905—1906 гг. — 826, на другие источники — 22.

Крайняя недостаточность данных лишает нас возможности подробно характеризовать классовый состав участников крестьянского движения. Однако имеющиеся материалы позволяют утверждать, что оно было общекрестьянским, что в нем принимала участие и кулацкая часть деревни. Это обстоятельство отнюдь не исключало внутрикрестьянской борьбы — борьбы бедноты и середняков против кулачества, особенно выступлений, направленных против субарендаторов.

Единственным в своем роде материалом о классовом составе участников движения являются данные Земского отдела Министерства внутренних дел, составленные во исполнение царского указа от 10 апреля 1905 г. «Об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших последнее время в некоторых местностях беспорядках». Этот указ предоставлял министру внутренних дел право учреждать в отдельных уездах комиссии, на которые возлагалось «выяснение лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян, а также исчисление размеров причиненных ими убытков, с привлечением к имущественной ответственности, с обращением взыскания на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских обществ, коими производились разгромы и грабежи»³.

Такие временные комиссии в ряде уездов были созданы. Хотя практически предусмотренный указом порядок взыскания в жизнь не проводился (законом от 15 марта 1906 г. пострадавшим помещикам были отпущены на льготных условиях ссуды из специально для этой цели выделенного правительством 8-миллионного фонда), некоторые комиссии представили в министерство требуемые сведения, на основании которых земский отдел составил общую справку, где приводятся данные о крестьянских выступлениях февраля — марта 1905 г. по Дмитриевскому уезду Курской губ., по Севскому, Трубчевскому и Дмитровскому уездам Орловской губ. и по Бирюченскому уезду Воронежской губ.⁴ Коль скоро речь шла об имущественной ответственности крестьян, их материальное положение было учтено довольно точно. Справка не только свидетельствует об участии в движении зажиточных крестьян, но и подчеркивает этот факт; в частности, в качестве примера по шести сельским обществам приводятся фамилии 17 зажиточных домохозяев — участников движения с указанием размеров их землевладения, из которых видно, что эти крестьяне принадлежали к кулацкой группе, имея до 19, 29 и даже 42 дес. земли на двор.

Этот же факт для всех четырех рассматриваемых губерний устанавливается и в «Трудах Вольного экономического общества» по итогам известного анкетного обследования аграрного движения в 1905—1906 гг.⁵ Его же подтверждает тамбовский губернатор фон дер-Лауниц, доносивший 11 января 1906 г. министру внутренних дел: «Замечено также, что во многих местах грабили также богатые, многоземельные крестьяне, как, например, бывшие государственные...»⁶.

Нами установлено около десятка случаев крестьянских выступлений, возглавлявшихся волостными старшинами, мельниками и лавочниками, и 31 случай, когда руководство принадлежало сельским старостам.

Таким образом, классовый состав участников крестьянского движения в центрально-черноземных губерниях подтверждает тезис В. И. Ленина,

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, 1905 г., д. 34 б., л. 1.

⁴ Там же, д. 113, ч. 3, лл. 129—130.

⁵ «Труды Вольного экономического общества», ч. I, СПб., 1908, № 3, стр. 58, 62, 77, 87.

⁶ Н. Карпов. Крестьянское движение в революции 1905 г. в документах, Л., 1926, стр. 182.

что в России в период буржуазно-демократической революции против помещичьего землевладения и царского самодержавия выступало все крестьянство в целом.

В движении участвовали люди всех возрастов, о чем можно судить на основании обвинительных актов. Так, в 25 актах содержатся данные о возрасте 1468 человек, из которых следует, что 73 участника движения были моложе 20 лет, 59 — старше 60 лет (в том числе трое были старше 70 лет).

Реакционная пресса того времени усиленно пропагандировала тезис о том, что главную роль в крестьянских выступлениях якобы играли не местные крестьяне, а «злонамеренные агитаторы», «пришлые банды» и т. д. Этим она пыталась доказать, что аграрное движение было чем-то наносным, привнесенным извне, чуждым крестьянству, не вытекало с неизбежностью из всего строя тогдашних земельных отношений⁷. Однако даже ряд царских чиновников вынужден был констатировать несостоятельность этого утверждения.

Так, по поводу разгрома Шестаковской экономии (Павловский у. Воронежской губ.) начальник губернского жандармского управления Тархов доносил 19 июня 1905 г. командиру Отдельного корпуса жандармов: «В происшедшем погроме не обнаружено влияния со стороны и политической пропаганды, а причиной такового всецело можно признать тяжелое материальное положение крестьян и слишком строгое и придирчивое к ним отношение со стороны администрации имения»⁸.

Относительно разгрома Лобановской экономии великого князя Сергея Александровича (Дмитровский у. Орловской губ.) прокурор Орловского окружного суда Кафаров сообщал 9 марта 1905 г. министру юстиции: «Ни дознанием, ни следствием пока не добыто никаких указаний, чтобы движение среди крестьян с. Лобанова и других окрестных деревень началось благодаря агитации каких-либо посторонних лиц. Напротив, есть полное основание предполагать, что это движение было чисто местное, возникшее на почве экономических отношений»⁹.

Упомянутая анкета Вольного экономического общества содержала прямой вопрос, который формулировался следующим образом: «Кто принимал участие в движении — местные крестьяне или пришлые со стороны?». На этот вопрос по всем четырем рассматриваемым губерниям даются совершенно определенные ответы, говорящие об участии именно местных крестьян¹⁰.

Все дополнительные материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, приводят к такому же выводу.

Конечно, так называемая «злонамеренная агитация», т. е. агитация социал-демократов, эсеров и др., имела место, усиливаясь с развитием революции, но она пользовалась успехом именно потому, что находила исключительно благоприятную почву в самой деревне. Таким образом, в рассматриваемых губерниях налицо было аграрное движение, охватившее широчайшие слои крестьян.

Несмотря на то, что крестьянские выступления возникали по разным поводам и имели различные формы, их основой в конечном итоге был

⁷ В этом пытался убедить царя и Д. Ф. Трепов, который в своем докладе от 17 ноября 1905 г. утверждал, что если руководителям Всероссийского крестьянского союза «удаается иногда заручиться в деревнях приговорами и петициями по адресу правительства в духе их программы, то почти всегда только обманным путем, пользуясь недостаточной грамотностью крестьянского люда» («Исторический архив», 1955, № 1, стр. 123).

⁸ «Аграрное движение в 1905—1907 гг.», т. I, М.—Л., 1925, стр. 284.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 103, 1906 г., д. 6811, л. 10.

¹⁰ «Труды Вольного экономического общества», 1908, ч. I, № 3, стр. 57, 61, 77, 86.

вопрос о земле. Если исходить из принятой и в дореволюционной и в советской литературе¹¹ классификации форм крестьянских выступлений, относя смешанные выступления к высшей форме (в порядке нарастания шкалы), то крестьянские выступления в изучаемом районе за 1905—1906 гг. распределятся следующим образом:

Формы выступлений	Число выступлений	%
1. Порубки леса	137	9,4
2. Потравы	72	4,9
3. Увоз сена	63	4,3
4. Увоз хлеба	81	5,5
5. Разгромы	695	47,6
6. Сельскохозяйственные забастовки	232	15,9
7. Захват земли	23	1,6
8. Выступления против полиции и войск	110	7,5
9. Отказы платить подати и давать рекрутов	17	1,2
10. Попытки захвата власти	16	1,1
Разные	15	1,0
Всего	1461	100,0

Приведенные данные говорят о том, что преобладающей формой выступлений были разгромы (47,6% всех выступлений)¹². В числе 695 разгромов насчитывается 292 поджога. Эту цифру следует признать резко преуменьшенной, ибо во многих случаях в сообщениях о разгромах поджоги особо не оговаривались как нечто обычное. Наоборот, в литературе имеются прямые указания на то, что разгромы почти всегда сопровождались поджогами¹³. Поджоги отнюдь не исключали того, что при разгромах захватывался и увозился крестьянами помещичий хлеб, в отдельных случаях — десятки тысяч пудов. Несомненно, что увозом хлеба сопровождался, за редкими исключениями, едва ли не все разгромы, и утверждение о том, что «все случаи нападения крестьян на помещичьи усадьбы, можно сказать, на 100% сопровождались захватом хлеба — зерна и муки и, отчасти, кормов и скота», на наш взгляд, является совершенно правильным¹⁴.

Однако целью разгромов были не только захват помещичьего хлеба и инвентаря или месть помещикам. По своему содержанию разгромы являлись одной из наиболее решительных форм революционной борьбы крестьян за уничтожение помещичьего землевладения, в основе которой лежало их наивное представление о том, что можно без изменения существующего политического строя, путем одного лишь уничтожения поме-

¹¹ С. Прокопович. Аграрный кризис и мероприятия правительства, М., 1912, стр. 54; Н. Саваренский. Борьба общественных сил в русской революции, вып. 3, М., 1907, стр. 57; А. В. Шестаков. Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России, М., 1926, стр. 52.

¹² К подобному же выводу приходит и П. Першин в статье «Крестьянство в революции 1905 года» («Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 18), говоря о «Центральном районе слабого развития капитализма с наибольшими остатками крепостничества», в который он включает 92 уезда, в том числе и уезды изучаемых нами губерний.

¹³ И. Катаев. Аграрное движение 1905 г. в Тамбовской губ. — «Пролетарская революция», 1924, № 6, стр. 119; «Воронежский телеграф», № 151, от 11 июля 1906 г.

¹⁴ «Пролетарская революция», 1924, № 6, стр. 120.

щичьих построек и инвентаря, «выкуривания» помещиков из их гнезд добиться перехода барской земли в руки крестьян. Очень характерно в этом отношении показание одного из свидетелей, зафиксированное в обвинительном акте по делу о разгроме имения Петровых в Бобровском уезде Воронежской губ. Свидетель Гончаров передает высказывания крестьян — участников разгрома, которые говорили: «Нужно их (помещиков. — П. А.) разграбить и сжечь, и тогда они не вернутся и земля достанется крестьянам»¹⁵.

Оценивая значение разгрома крестьянами помещичьих имений в период революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин писал: «Крестьяне разрушили до 2000 помещичьих усадеб (к сожалению, это не более 1/15 того, что следовало разрушить)»¹⁶.

На втором месте вслед за разгромами стоят сельскохозяйственные забастовки — 232 случая (15,9% всех выступлений), причем показательно, что они получили развитие главным образом в 1906 г. (199 случаев против 33 за 1905 г.), в то время как в 1905 г. преобладало разгромное движение (410 случаев из 695).

Главная черта этой формы движения состояла в том, что и в ее основе лежала крестьянская борьба за землю. Это выражалось прежде всего в выдвижении непомерно высоких требований оплаты, имевших своей целью сделать невозможным для помещиков ведение своего хозяйства. Так, например, крестьяне Козловского уезда Тамбовской губ., бастовавшие в 1906 г., выдвигали в своих приговорах следующие требования в отношении оплаты: в девяти приговорах поденная плата мужчине в восьми случаях устанавливалась в 3 руб. и 3 р. 10 к. и лишь в одном случае — в 1 рубль¹⁷. «Когда же в требованиях фигурирует 3-рублевая поденная плата, — отмечал один из видных советских исследователей крестьянского движения, — повышавшая обычную норму заработка в 5—10 раз, то в этом случае сквозило желание — путем экономического «разорения» помещика добиться перехода его земель в руки крестьян-забастовщиков»¹⁸.

То, что в основе забастовочного движения лежала борьба за землю, видно также и из того, что во многих случаях забастовщики требовали не только повышения заработной платы, но и изменения арендных отношений — в первую очередь понижения арендной платы, а затем увеличения количества сдаваемой земли, удлинения сроков аренды, прекращения сдачи земли посредникам, права уборки урожая до выплаты арендных денег и т. д. Характерен и состав участников сельскохозяйственных забастовок. Если в западных губерниях основной контингент забастовщиков составляли безземельные сельскохозяйственные рабочие, то в изучаемых губерниях основная масса бастовавших состояла из бедноты, сочетавшей работу по найму с ведением собственного хозяйства и стремившейся прежде всего именно к укреплению этого хозяйства.

Разгромы и забастовки дают в общей сложности почти две трети всех выступлений — 927 из 1461, или 63,5%. Этим уже определяется преимущественно аграрный характер движения. Что же касается порубки леса, потравы, увоза сена и хлеба, то и они были вызваны безземельем. Это подтверждается также тем, что они (преобладая именно в 1905 г.) не-

¹⁵ «1905 г. в Воронеже», вып. 5, Воронеж, 1925, стр. 9.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 348.

¹⁷ «1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии». Составил А. Д. Андреев, Тамбов, 1925, стр. 114—116.

¹⁸ А. В. Шестаков. Борьба сельских рабочих в революции 1905—1907 гг., М.—Л., 1930, стр. 47—48.

редко бывали лишь первой ступенью, через которую движение шло к более высоким формам — разгромам и сельскохозяйственным забастовкам. Характерно, что и политические выступления крестьян также прежде всего были связаны с борьбой за землю. На этой почве происходили в большинстве случаев столкновения крестьян с полицией и войсками, на этой же почве крестьяне зачастую выступали против уплаты податей и т. д. Такой факт, как постановление схода в с. Вязовом Путивльского у. Курской губ. не платить податей, пока не будет отобрана у помещиков земля¹⁹, был далеко не единичным.

Особенно отчетливо преимущественно аграрный характер крестьянских выступлений обнаруживается при сопоставлении данных, говорящих о том, против кого эти выступления были направлены. Согласно этим данным, картина выглядела следующим образом:

Против частных землевладельцев . .	1170	выступлений	(80,1%)
„ казны и удела	42	„	(2,9%)
„ церкви и духовенства . . .	14	„	(1,0%)
„ властей	143	„	(9,7%)
Прочие выступления	26	„	(1,8%)
Нет сведений	66	„	(4,5%)
Итого		1461	выступление (100,0%)

Уже первая группа выступлений — против частных землевладельцев (конечно, в подавляющей части против помещиков), дающая четыре пятых выступлений, определяет аграрный характер движения. Но и вторая группа носила в значительной мере подобный же характер: из 42 выступлений 26 приходятся на разгром казенных винных лавок, а остальные 16 были направлены против казенных лесничеств и экономий удельного ведомства. В третьей группе из 14 выступлений 13 также были связаны прежде всего с землей (церкви или духовенства). Требования, выдвигавшиеся во время этих выступлений и имевшие специфически антицерковный характер (борьба против чрезмерных поборов со стороны духовенства, за снижение оплаты церковных треб и т. п.), стояли явно на втором месте.

Анализ крестьянского движения в губерниях черноземного центра в 1905—1906 гг. показывает, что оно нередко принимало бурные наступательные формы. В отдельных случаях движение, начавшись в одном месте, быстро распространялось на довольно значительный район, перекидываясь из одной волости в другую и образуя, таким образом, непрерывную цепь выступлений.

Наиболее ярким примером подобного распространения движения являются разгромы помещичьих имений летом 1906 г. в Бобровском уезде Воронежской губ.

18 июня в с. Щучьем, во время воскресного базара, где обычно помещики близлежащих имений нанимали рабочих на полевые работы, крестьяне окрестных деревень Щученской, Александровской и Матренской волостей (три самые северные волости Бобровского уезда) сорвали наем рабочих на уборку хлеба, установив необычно высокую оплату в 25 руб. за десятину. Первые за этим дни прошли сравнительно спокойно. Но когда 21 июня в экономию Павлова прибыли на работу специально пригла-

¹⁹ «1905 год в Курской губернии», Курск, 1925, стр. 75.

шенные дальние крестьяне (из-под Воронежа), местные обратили их в бегство и сожгли 12 дес. ржи. Это и явилось началом разгромного движения. До 24 июня оно оставалось в пределах упомянутых трех волостей, а далее стало распространяться к югу, преимущественно западной стороной уезда (правым берегом р. Битюга). 25-го движение захватило Садовскую волость, 26-го — Михайловскую, 27-го оно сосредоточилось главным образом в этих двух последних волостях, 28-го движение, распространяясь далее к юго-западу, захватило Верхне-Тойдёнскую и смежную с ней Верхне-Хавскую волость Воронежского уезда. 29-го движение охватило Мартыновскую волость и смежную с ней Можайскую волость Воронежского уезда, 30-го — Чесменскую, а 1 июля — еще Средне-Икорецкую, Масловскую и Пчелинскую волости, пройдя мимо г. Боброва и достигнув юго-западного угла уезда. Но и на этом распространение движения не остановилось. В первые дни июля оно охватило смежные с Бобровским уездом Колыбельскую и Марковскую волости Острогожского уезда и остановилось у естественного рубежа — р. Дона.

Таким образом, с 24 июня по начало июля движение с севера Бобровского уезда распространилось до Острогожского уезда, покрыв менее чем за десяток дней расстояние почти в 150 км, причем за это время только в пределах Бобровского уезда, по нашим данным, было разгромлено 69 экономий²⁰.

Февральские разгромы в Дмитриевском уезде Курской губ. и Севском уезде Орловской губ. в 1905 г. начались с движения крестьян с. Сальное Прилепской вол. Дмитриевского у. С 6 по 16 февраля они произвели порубки в лесу Попова и разгромили хутора купца Черничина и барона Мейендорфа. Трижды приезжавшей в село (8, 10 и 11 февраля) для производства дознания полиции было оказано сопротивление. С 17 февраля движение начало расширяться, причем в отличие от движения в Бобровском уезде, оно, будучи весьма интенсивным, захватило меньшую территорию и распространялось концентрически. 17 февраля движение захватило Гламаздинскую волость, 18-го — Ольховскую и Витичскую, 19-го — Сквородневскую, 20-го — Лемяшевскую, 21-го — Стрелецкую (Витичская и две последних — Севского уезда), причем оно не затихало и во всех других указанных волостях. 22 февраля, после разгрома Хинельской экономии и винокуренного завода миллионеров бр. Терещенко, расположенных в Лемяшевской волости, движение перекинулось в соседний Глуховский уезд Черниговской губ., где был разгромлен принадлежащий тем же Терещенко Михайловский сахарный завод, находившийся верстах в 15 от Хинеля. Это крайняя точка территориального распространения движения, а последний разгром был и последним выступлением по времени в этот период: широкое крестьянское движение в Дмитриевском и Севском уездах возобновилось лишь поздней осенью 1905 г.

С 1 по 22 февраля в семи волостях Дмитриевского и Севского уездов было разгромлено 33 экономии.

Такого же примерно масштаба и характера были выступления крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губ. осенью 1905 г. С 13 по 18 октября окрестные крестьяне громили железнодорожную станцию Ржакса, расположенную на границе Борисоглебского и Кирсановского уездов. Было разгромлено 30 вагонов с хлебом, увезено на 2 тыс. руб. товаров из пакгауза, а станция сожжена до основания. После нескольких дней затишья началось большое разгромное движение. 28 октября оно охватило

²⁰ В некоторых источниках говорится о разгроме 95 экономий, однако без их перечисления.

прилегающие к ст. Ржакса три северных волости Борисоглебского уезда — Верхне-Шибряйскую, Краснохуторскую и Уваровскую, а 29-го перекинулось и на четвертую из крайних северных волостей — Нижне-Чуевскую. 30-го движение продолжалось в тех же границах, а 31-го переместилось на юго-запад в центральные волости уезда — Подгорнскую, Никольско-Кабаньевскую, Павлодарскую и Мало-Грибановскую. 1 и 2 ноября движение продолжалось в тех же волостях, а 3 ноября распространилось далее на юго-запад, охватив Туголуковскую и Алешковскую волости; последняя уже граничила с Воронежской губернией (с Новохоперским уездом). Развиваясь в том же направлении, движение 4 ноября распространилось на Бурнакскую волость, а 5-го — на Костино-Отдельскую. 6 и 7 ноября оно охватило соседние волости Новохоперского уезда — Верхне-Карачанскую и Новогольскую, не затронув пяти крайних волостей самого юго-западного угла Борисоглебского уезда, и здесь остановилось.

Таким образом, за 11 дней движение распространилось более чем на 100 км. Были разгромлены 62 экономии.

В Ново-Оскольском уезде разгромное движение конца 1905 г. началось 1 ноября в границах Чернянской волости. 2 ноября оно охватило смежную с ней пригородную волость, а 4-го — граничившие с ними Волотовскую, Ольшанскую и Халанскую волости. В пределах этих пяти волостей движение продолжалось до 7 ноября, во время которого были разгромлены 46 экономий.

Однако было бы неправильным, отмечая бурный характер крестьянского движения, недооценить его слабых сторон, прежде всего стихийности и распыленности.

В работах общего порядка для характеристики территориального распространения аграрного движения в 1905—1907 гг. обычно дается подсчет числа уездов, затронутых крестьянскими выступлениями. Известно, что к такому приему неоднократно прибегал В. И. Ленин²¹. Для общей характеристики крестьянского движения в масштабе всей страны указанный прием, несомненно, достаточен. Но он недостаточен и просто неприменим при изучении отдельных, локальных районов крестьянского движения.

В самом деле, если мы применим его для оценки положения в рассматриваемых губерниях, то окажется, что все без исключения уезды этих губерний (51 уезд) были охвачены крестьянскими выступлениями. Создается, таким образом, картина сплошного охвата крестьянским движением всего района. Но она резко меняется, если анализ движения довести до волости. Тогда оказывается, что из 954 волостей было охвачено движением только 456, или 47,8% всех волостей. Довести анализ до отдельного населенного пункта нам удалось только по Воронежской губернии, поскольку по остальным губерниям земские справочники населенных мест не обладают достаточной полнотой. Здесь из 2509 сельских населенных пунктов²² движением были охвачены только 243, или 9,7%.

Таким образом, ни о каком сплошном крестьянском движении в изучаемых губерниях говорить не приходится.

Распыленность движения выступает еще более отчетливо при рассмотрении его во времени. Если все выявленные нами выступления (1461) рассмотреть по месяцам 1905—1906 гг., то окажется, что даже в ноябре 1905 г., когда движение достигло высшей точки, им были охвачены только 154 волости (16,1%), в среднем же в месяц за весь период

²¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 348; т. 23, стр. 241.

²² «Сведения о населенных местах Воронежской губ.», Воронеж, 1906.

движением было охвачено 32,5 волости (3,4%), причем в феврале и декабре 1906 г. эта цифра снижалась до одной волости на все четыре губернии.

Явно преобладали одиночные выступления отдельных сельских обществ (81,1%). Почти две трети (66,5%) участвовавших в движении селений в течение 1905—1906 гг. выступали не более одного раза каждое. Экономические выступления составляли 90,2% всех выступлений. За единичными исключениями не создавались такие органы борьбы как крестьянские комитеты.

Отдельные крестьянские вожаки выдавали себя за генералов. Так, в Севском уезде один из них называл себя генералом Стесселем, другой — генералом Куропаткиным, оба показывали свои ордена и ленты. Позже было установлено, что «Стесселем» был крестьянин с. Троебортного Косых²³. Подобного же рода «генерал» был арестован в Рязанке Кирсановского у. Тамбовской губ. Об одном из таких «генералов» упоминается в корреспонденции из Курской губернии, опубликованной в большевистской газете «Вперед»²⁴. Во многих случаях вслед за революционными выступлениями быстро наступало «покаяние». Тогда захваченный хлеб отвозился крестьянами назад, и сельские сходы встречали начальство на колених. Так, например, встречали тамбовского вице-губернатора Богдановича крестьяне с. Верхне-Чуево Борисоглебского у.²⁵ и крестьяне слободы Веселой Бирюченского у. Воронежской губ. — помощника управляющего Земским отделом Министерства внутренних дел Литвинова²⁶.

В целом, таким образом, стихийность крестьянского движения выступает как его главная, основная черта. И в этом заключалась одна из важнейших причин поражения первой русской революции.

Однако стихийность крестьянского движения нельзя рассматривать абсолютно, не видя в ней никаких изменений на всех этапах революции. По мере усиления идейного и организующего влияния рабочего класса на крестьянское движение, возраставшего в ходе развития революции, оно приобретало и некоторые черты организованности, хотя, разумеется, в ограниченных масштабах. Этот процесс прослеживается и на крестьянском движении в центрально-черноземных губерниях.

Прежде всего надо остановиться на развитии движения во времени, по месяцам. Для 14 выступлений из 1461 даты установить не удалось, остальные 1447 выступлений разбиваются по месяцам следующим образом:

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
1905 г. . .	5	49	29	21	13	25	35	22	8	122	337	111	777
1906 г. . .	17	1	7	8	74	312	144	42	23	31	10	1	670

Таким образом, отчетливо выступают три периода наиболее активного развития крестьянского движения в 1905—1906 гг.: 1) невысокий, но крутой подъем в феврале 1905 г.; 2) бурный подъем в октябре и особенно в ноябре того же года; 3) почти такой же подъем в июне и отчасти в июле 1906 г. На эти пять месяцев приходится ровно две трети всех выступлений (964 из 1447).

²³ «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 года», док. № 415, стр. 636.

²⁴ «Вперед», № 12, от 16 марта 1905 г.

²⁵ П. Н. Черменский. 1905 г. Хроника революционных событий Тамбовской губ., Тамбов, 1925, стр. 24; «1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губ.», стр. 106.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1291, 1905 г., д. 34а, ч. 2, л. 10.

Третий подъем произошел уже в 1906 г., когда царскому правительству удалось подавить основные очаги революции в промышленных центрах страны. Это свидетельствует о медленной «раскачке» крестьянства. Что же касается предыдущих двух подъемов, то они были явно связаны с общим ходом революции: первый — с ее начальным этапом, второй — с периодом максимального размаха.

Под влиянием революционной борьбы промышленных рабочих имели место крестьянские выступления в составе нескольких сельских обществ. Из общего числа 1461 выступления селения указаны в 1170 случаях. Как уже отмечалось, в огромной мере преобладали выступления отдельных селений (949, или 81,1%). Тем не менее на долю выступлений, охватывавших не менее трех селений, приходится 101 случай, или 8,7%; иногда число одновременно выступавших сельских обществ поднималось до 7, 8 и даже 9. Данные эти следует считать даже преуменьшенными, так как некоторые источники, повидимому, не полностью перечисляли все участвовавшие в том или ином выступлении сельские общества.

Коллективные выступления нескольких обществ наблюдались главным образом при разгромах и сельскохозяйственных забастовках. Об этом говорят следующие данные:

	Всего выступлений	В том числе					
		разгромы	%	забастовки	%	политические выступления	%
Общее число	1461	695	47,6	282	15,9	143	9,8
С участием не менее трех селений	101	61	60,4	24	23,7	8	7,9
С участием не менее пяти селений	25	16	64,0	7	28,0	2	8,0

Таким образом, для коллективных выступлений характерны разгромы и забастовки, которые дают в сумме 84,1% всех выступлений для группы с участием не менее трех селений и 92% для группы с участием не менее пяти селений, причем относительно более быстро растет удельный вес забастовок. На этом основании можно сделать вывод, что главной школой коллективных выступлений крестьянства были именно эти две формы движения. Политические же выступления крестьян имели место, как правило, лишь в отдельных селениях, коллективные выступления здесь встречаются значительно реже.

В отдельных случаях крестьяне ряда сельских обществ проявляли большое упорство в борьбе. Упомянутые 1170 выступлений происходили в 947 сельских обществах, причем 630 из них (66,5%), как уже указывалось, выступали только по одному разу. Но 151 селение (15,9%) выступало не менее чем по три раза каждое, причем отдельные сельские общества активно боролись в течение сравнительно длительного периода.

Крестьяне с. Романова Дмитриевского у. Курской губ. выступали 13 раз (максимальное число выступлений для одного селения) за период с 19 февраля 1905 г. по июль 1906 г.; крестьяне дер. Хомутовки того же уезда выступали 11 раз за период с 17 февраля 1905 г. по 21 августа 1906 г.; крестьяне с. Пески Новохоперского у. Воронежской губ. выступали девять раз, начиная с 4 августа 1905 г. и до начала ноября 1906 г.; шесть выступлений приходится на с. Коноплянки Кирсановского у. Тамбовской губ. за

период с 16 августа 1905 г. по 16 сентября 1906 г. Были случаи, когда выступления крестьян продолжались, несмотря на карательные действия полиции и казаков.

Так, в конце сентября 1905 г. крестьяне слободы Ольховатки Острогожского у. Воронежской губ. выкопали 3 дес. свеклы в экономии Овсяниковой; 10 октября для их усмирения прибыли казаки; в мае 1906 г., на ярмарке, они выдержали целое сражение с казаками, обратив их в бегство, а в июле провели в том же имении трехдневную сельскохозяйственную забастовку, сняв с работы рабочих экономии. Крестьяне с. Карай-Салтыково Кирсановского у. Тамбовской губ. в конце октября 1905 г. разгромили имение Петрово-Соловово, выдержали при этом большое столкновение с полицией и освободили из-под стражи четырех арестованных крестьян. В октябре 1906 г. они подвергли имение разгрому.

Показательны события, развернувшиеся в с. Мастюгине Коротояжского у. Воронежской губ. У крестьян этого села еще с начала прошлого столетия шел судебный спор с соседними помещиками относительно захваченных ими 319 дес. крестьянской земли. В конце марта 1905 г. крестьяне вынесли общественный приговор о разделе спорной земли по душам и ее запашке. Прибывшему на место земскому начальнику они заявили о своей решимости привести приговор в исполнение, прямо сославшись при этом на революционные события в столице. «В Петербурге,—заявили крестьяне земскому начальнику,—рабочие добились своих требований, несмотря на то, что в них стреляли. Точно так же и мы будем поступать. Если даже придут войска и будут стрелять, мы готовы пожертвовать для общества несколькими лицами». Свое обещание мастюгинцы выполнили. 6 апреля около 800 крестьян, вооружившись вилами, цепами, топорами и даже ружьями, напали на присланную полицию, смяли ее, а затем начали пахоту и за неделю ее закончили. Дважды на место выезжал воронежский губернатор Андреевский. В первый свой приезд, 8 апреля, он, прибыв с одной ротой солдат, не рискнул приступить к усмирению. Только 21 апреля, приехав вторично и располагая на этот раз двумя ротами и сотней казаков, Андреевский сумел усмирить мастюгинских крестьян. Финалом этого выступления был состоявшийся в августе 1905 г. суд. Из 106 обвинявшихся крестьян 76 были осуждены на разные сроки²⁷.

Элементы организованности наблюдаются во всех формах крестьянских выступлений, в том числе и при разгромах. Задуманные выступления предварительно обсуждались, начинались они обычно по сигналу (набат, выстрел, поджог соломы), составлялись сторожевые пикеты, чтобы перехватывать посыльных и предупреждать о появлении полиции, и т. д.

Наибольшей организованностью отличались сельскохозяйственные забастовки. Именно в развитии этой формы движения сказывалось прежде всего влияние революционной борьбы рабочего класса на крестьянство. Забастовкам предшествовали сельские сходы, на которых принимались приговоры с подробным перечислением выдвигаемых требований. Широко практиковался (особенно по Козловскому уезду Тамбовской губ.) выбор уполномоченных, на обязанности которых лежал надзор за выполнением выдвинутых перед помещиками требований — в первую очередь требования о немедленном снятии всех рабочих, а в дальнейшем борьба с теми, кто захотел бы стать на работу на прежних условиях, в частности борьба с пришлыми из других деревень. Функции уполномоченных иногда расширялись: крестьяне требовали, чтобы только через них помещик произ-

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, 1905 г., д. 7358, лл. 6—7, 21.

водил раплату и наем. В пользу уполномоченных собирались денежные отчисления.

Производились денежные сборы и иного порядка. В этом отношении представляет интерес следующий пункт постановления сельского схода с. Ивановского Льговского у. Курской губ., вынесенного на 19-й день сельскохозяйственной забастовки в имении князя Барятинского: «Для поддержания крайне нуждающихся обложить каждый двор в 10 коп. Сбор этих денег возложить на десяточных»²⁸.

В отдельных случаях сельские сходы, после рассмотрения условий работы у помещика, оговаривали в своих решениях необходимость сохранения порядка в экономиях (села Архангельское и Покровское Козловского у. Тамбовской губ.)²⁹.

Особо надо остановиться на вооруженных выступлениях крестьян. Революционный характер крестьянского движения в центрально-черноземных губерниях в годы первой русской революции выражался не только в преобладании разгромов, но и в том, что крестьяне часто брались за оружие. Мы насчитали 140 случаев вооруженных выступлений крестьян, причем в 50 из них применялось огнестрельное оружие. За оружие брались и при столкновении с полицией и войсками, следовательно, при выступлениях политического порядка (62 выступления) и при выступлениях на экономической почве, особенно при разгромах (43 выступления).

В сл. Коренной Богучарского у. Воронежской губ. крестьяне, выступив против соседних экономий Ширинкиной и Вальронд, организовали два отряда «ружейников» по 30 человек в каждом, которыми командовали бывшие солдаты — участники турецкой кампании. Тактика была принята следующая: отряды первыми вступали в имения, стреляя в охрану, за ними шли и ехали остальные.

В Землянском уезде той же губернии крестьяне с. Медвежье и деревень Раздолье и Приволье построили баррикаду из борон, сох и бревен против казаков, прибывших арестовать мелкого помещика Алмазова, местного либерала и толстовца. Соорудили ее на той дороге, куда решили оттеснить казаков. Затем, затеяв с казаками длительные переговоры, крестьяне стремительно напали на них с камнями и дубинами и обратили в бегство, загнав их к построенной баррикаде. В схватке шесть казаков были ранены.

В Судже Курской губ. крестьяне «разбили ворота тюрьмы и освободили 38 аграрников»³⁰. В сл. Алексеевке Бирюченского у. Воронежской губ. крестьяне «обратили в бегство 60 стражников»³¹. В Грайворонском уезде Курской губ. крестьяне отбирали у стражников оружие: в сл. Головчине было отнято 30 винтовок, в сл. Борисовке — около 40 винтовок, шесть револьверов и патроны³².

Вооруженная борьба крестьян свидетельствовала об укреплении союза рабочего класса и крестьянства, о все большем превращении крестьянства в революционного союзника пролетариата.

В наибольшей степени влияние революционной борьбы рабочего класса на крестьянское движение сказалось в политических выступлениях крестьянства. К ним мы относим в изучаемом районе столкновения крестьян с полицией и войсками (110 случаев), отказы платить подати и да-

²⁸ «Курская весть», № 2, от 25 июня 1906 г.

²⁹ «Труды Вольного экономического общества», 1908, ч. 1, № 3, стр. 75, 76.

³⁰ «Курское эхо», № 5, от 10 января 1906 г.

³¹ «Воронежский телеграф», № 135, от 21 июня 1906 г.

³² «Курская весть», № 17, от 14 июля 1906 г.

вать рекрутов (17 случаев) и выступления против властей и попытки захвата власти (16 случаев).

Столкновения с полицией и войсками следует, безусловно, считать выступлениями политического характера, хотя они, естественно, вырастали из экономического движения. Из указанных 110 фактов в 49 случаях сопротивление полиции и войскам оказывалось при непосредственном их вмешательстве в самый ход экономических выступлений, в 25 случаях — при арестах руководителей и участников движения.

Все эти столкновения были для крестьян серьезной политической школой, хотя и медленно, но неуклонно приводившей их к пониманию того важнейшего вывода, неустанно пропагандировавшегося большевиками, что без свержения самодержавия они помещичью землю получить не смогут.

В связи с этим необходимо подробной характеристике политических выступлений крестьянства изучаемых губерний предпослать одно общее замечание. Говоря о взаимосвязи между экономическими и политическими стачками, В. И. Ленин подчеркивал, что отсталые слои рабочих поднимаются к политической борьбе только через участие в экономическом движении. «...Только экономическая борьба, — писал он, — только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть наиболее отсталые слои эксплуатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов»³³. Тем более это верно по отношению к трудовому крестьянству, являвшемуся наиболее отсталой частью эксплуатируемых масс. Именно этим объясняются характер и масштабы превращения крестьянства черноземного центра в ходе их экономической борьбы в годы революции в армию сознательных политических борцов против самодержавия. Однако отличительная особенность этого процесса в указанном районе состояла в том, что он развернулся слабо и шел своеобразными путями.

Это выразилось прежде всего в том, что политических выступлений крестьян было вообще мало. Если даже все случаи, когда выступления экономического порядка сопровождались столкновениями с полицией и войсками, отнести к группе политических выступлений (как мы и поступили), то и тогда на долю политических выступлений придется всего 143 выступления из 1461, или 9,8%. Выступления, связанные с отказом платить подати и давать рекрутов, а также выступления, направленные против властей и являвшиеся попытками захвата власти, имели место только в 33 случаях, составив 2,3% всех выступлений. Вспомним, что удельный вес политических выступлений рабочих-текстильщиков, наиболее массовой и значительно более отсталой в политическом отношении части рабочего класса, по сравнению, например, с металлистами, даже в первой четверти 1905 г. был значительно более высоким: соотношение экономических и политических стачечников было 196 тыс. к 111 тыс. человек, т. е. доля последних составляла свыше трети общего числа стачечников³⁴.

Но даже не в этом заключалась главная разница между политическими выступлениями рабочего класса, в частности текстильщиков, и крестьянства. Наиболее характерным в политических выступлениях крестьян губерний черноземного центра в период революции было то, что наибольшей остроты они достигали не в тех районах, где сильнее всего развернулась экономическая борьба крестьян, а, наоборот, в районах, где эта борьба была сравнительно слабой.

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 234.

³⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 380.

В самом деле. По общему количеству выступлений первые пять мест по указанным губерниям занимают следующие уезды:

Бобровский Воронежской губ. . . .	118	выступлений
Кирсановский Тамбовской губ. . . .	88	"
Дмитриевский Курской губ. . . .	87	"
Козловский Тамбовской губ. . . .	77	"
Борисоглебский Тамбовской губ. . .	71	"

Картина совершенно меняется, когда мы переходим к политическим выступлениям, связанным с отказом платить подати и давать рекрутов и попытками захвата власти (формы 9 и 10, см. стр. 296):

	Форма 9	Форма 10	Всего
Путивльский Курской губ.	2	7	9
Новохоперский Воронежской губ. .	2	3	5
Бобровский " " . . .	3	—	3
Воронежский " " . . .	3	—	3
Львовский Курской губ.	1	2	3
Итого . . .	11	12	23

Политические выступления крестьян развернулись прежде всего в тех районах, где наиболее активно вели работу в деревне социал-демократические организации.

Как известно, большевики поддерживали и выдвигали перед крестьянами требования не платить подати и не давать рекрутов. В комментариях ЦК большевистской партии к резолюции III съезда о крестьянстве эти требования были сформулированы следующим образом: «Отказ от уплаты податей, несения воинской повинности, подчинения распоряжениям властей»³⁵. Одна из листовок ЦК РСДРП большевиков, обращенная к крестьянам, содержала призыв: «Ни одной копейки налогов, ни одного рекрута, никаких повинностей»³⁶. Сохранилось письмо Областного бюро центрального района от 28 сентября 1906 г. по поводу проведения рекрутской кампании, в котором говорится о «небоевом настроении» по отношению к этой кампании крестьян Воронежской и Курской губерний³⁷. Призыв не платить податей вошел и в известный «Финансовый манифест» от 2 декабря 1905 г., подписанный Петербургским Советом рабочих депутатов, Всероссийским крестьянским союзом и др.³⁸

Кроме отмеченных нами 17 случаев отказов платить подати и давать рекрутов, имеется еще известие о том, что в июне 1906 г. в Кирсанове Тамбовской губ. состоялся съезд представителей 15 селений этого уезда, на котором было постановлено «вести борьбу с правительством путем неуплаты податей и отказа давать рекруты»³⁹.

Наиболее яркими из политических выступлений крестьян следует признать события, имевшие место в юго-западных волостях Путивльского

³⁵ «Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов», М., 1955, стр. 377.

³⁶ «Большевики во главе всероссийской политической стачки в октябре 1905 года». Сборник документов и материалов, М., 1955, стр. 174.

³⁷ ИМЛ, ф. 377, оп. 3н., д. 1105, лл. 3—4.

³⁸ Полный текст см. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 25—26.

³⁹ В. В. Кондриков. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в период революции 1905—1907 гг. Кандидатская диссертация, Мичуринск, 1949, стр. 260.

уезда, смежных с Конотопом. Здесь сказались также активная работа путивльской большевистской группы, одной из лучших по постановке работы среди крестьянства в изучаемом районе, и влияние рабочих конотопских железнодорожных мастерских. Именно поэтому Путивльский уезд не только стоял на первом месте по количеству политических выступлений, но их удельный вес составлял почти 50% всех выступлений (11 из 23).

В селах Грузское, Вязовое и смежных с ними выносились приговоры о неуплате податей, недаче рекрутов; в с. Грузском был избран новый старшина. Во второй половине декабря попытки захвата власти крестьянами привели к тому, что «в Грузском, Землянке, Вязовом и Бочечках были избраны крестьянские комитеты. Они издавали приказы и руководили движением. По их приказам снимались рабочие в экономиях. Они выполняли также и судебные функции. Но такое явление наблюдалось лишь в 4—5 селах и, конечно, не могло сыграть решающей роли»⁴⁰. В конце декабря члены этих комитетов были арестованы.

К сожалению, никаких более подробных сведений о деятельности этих комитетов мы нигде не встречали. Тем не менее самый факт их существования ставит Путивльский уезд на одно из первых мест по зрелости крестьянского движения среди всех уездов центрально-черноземных губерний и является убедительным свидетельством того, что крестьяне этого уезда в ряде селений пошли за большевистскими лозунгами, за решениями III съезда большевистской партии.

Следует думать, что организация подобных комитетов в центрально-черноземных губерниях была явлением чрезвычайно редким, так как кроме указания на существование путивльских комитетов, мы нашли лишь очень краткое и довольно неопределенное замечание у П. Маслова о том, что «во многих местах там (в Брянском уезде. — П. А.) организованы даже крестьянские комитеты»⁴¹.

В с. Пески Новохоперского у. Воронежской губ., где также велась работа социал-демократов, 6 января 1906 г. крестьяне, собравшиеся толпой в несколько тысяч человек, арестовали волостного старшину, писаря и несколько сельских старост. «Крестьяне фактически произвели захват власти. Все движение носило ярко выраженный политический характер и протекало организованно и стройно. Захватив власть, крестьяне выставили дозоры на случай нападения и начали привлекать на свою сторону близлежащие села, что им и удалось...»⁴². Но силы были слишком неравны. Крестьяне сдались прибывшим 8 января войскам, последовали массовые аресты и порка крестьян⁴³.

В сл. Алферовке того же уезда в декабре 1905 г. на волостном сходе крестьяне сместили старшину Выценко и на его место заочно избрали члена борисоглебской большевистской группы Буханцева, который вел политическую работу в слободе и был хорошо известен крестьянам⁴⁴.

В Моршанском уезде Тамбовской губ. была сделана попытка сместить сельского старосту. В материалах дознания пристава первого стана Моршанского уезда по этому поводу говорится следующее: 26 декабря 1905 г. на сход с. Гумны Черкинской вол. были командированы два стражника, так как староста села опасался, что возвратившиеся с шахт крестьяне

⁴⁰ «1905 год в Курской губернии», стр. 77—78.

⁴¹ П. Маслов. Аграрный вопрос в России, т. II, СПб., 1908, стр. 322.

⁴² «1905 г. в Воронеже», вып. 3, стр. 50.

⁴³ Там же, стр. 51.

⁴⁴ П. П. Тяжелов. Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905—1907 гг., Воронеж, 1947, стр. 27.

«сделают возмущение и выберут своих каких-то уполномоченных». И действительно, шахтеры внесли предложение: «Не надо старосту, выберем от себя депутатов в Петербург». Обращаясь к стражникам, крестьяне кричали: «Вы на своего брата идете, стреляете и рубите, сами судите... Какие это законы? У нас теперь после 17 октября свои законы есть»⁴⁵.

В семи случаях имели место выступления против волостных старшин, в пяти — против сельских старост. Более многочисленными были выступления против стражников. Учрежденный по закону от 5 мая 1903 г. институт стражников, вербовавшихся из местных жителей, был предметом особенно сильной ненависти крестьян: стражников не пускали на квартиры, иногда сходы лишали их земельных наделов и т. п. В результате этого стражники в ряде мест массами бросали полицейскую службу.

В подобном же положении оказывались многие волостные писари. В статье с характерным заглавием «Бегство писарей» местная воронежская газета сообщала: «За либерализм» земский начальник сажает писаря под арест... Крестьяне же за неисполнение их требований в лучшем случае перестают платить ему жалование, а в худшем избивают его»⁴⁶.

Характеризуя политические выступления крестьянства, мы не остаемся на выступлениях, связанных с выборами и работой первых двух дум, поскольку это особая тема. Отметим лишь, что депутаты I Думы, избранные по крестьянской курии от рассматриваемых нами губерний, были настроены в большинстве революционно, и в отношении 11 депутатов от Тамбовской губернии, после их резких выступлений в Думе, выборы были признаны недействительными.

Что же касается влияния борьбы рабочего класса на крестьянское движение этих губерний, то своеобразие здесь состояло в том, что со стороны рабочих местных предприятий это влияние было довольно слабым, а значительно более сильное воздействие на крестьян оказывали крестьяне-отходники, получившие определенную школу политического воспитания на тех предприятиях и шахтах, где они работали.

Это было связано прежде всего с тем, что здесь преобладали мелкие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья — сахарные и винокуренные заводы, мельницы и пр., на которых работали почти исключительно местные крестьяне, не порвавшие с землей и мало чем отличавшиеся от других крестьян. Так, по Курской губернии на долю только сахарных заводов приходилось в 1905 г. около двух третей всей промышленной продукции в ценностном выражении⁴⁷. Мы не только не встретили ни одного свидетельства, говорящего об авангардной роли этих рабочих в крестьянском движении, но, наоборот, располагаем фактами, свидетельствующими о том, что их собственные выступления носили отсталый характер. Так, рабочие Любимовского сахарного завода (Суджанский у. Курской губ.), потребовав 10 октября 1905 г. увеличения заработной платы, вместо забастовки учинили погром завода, лаборатории и заводской лавки⁴⁸. В с. Ивня Обоянского уезда той же губернии сначала (в конце августа 1905 г.) местные крестьяне начали порубку леса в имении графа Клейнмихеля, выдержав при этом сражение с объездчиками, а уже потом, значительно позже (15 сентября), потребовали увеличения заработной платы и рабочие местного сахарного завода⁴⁹.

⁴⁵ «1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии», стр. 89.

⁴⁶ «Воронежский телеграф», № 187, от 25 августа 1906 г.

⁴⁷ «1905 год в Курской губернии», стр. 36.

⁴⁸ Там же, стр. 48.

⁴⁹ Там же, стр. 65.

Правда, в рассматриваемых губерниях было несколько крупных фабрик и заводов, где работали рабочие, представлявшие собой часто подлинных пролетариев, но и их влияние на выступления крестьян оказалось слабым.

В одном из дел хранится вырезка из сообщения «СПБ Телеграфного агентства» от 27 марта 1905 г. с приложением докладной записки об итогах произведенного в связи с этим сообщением расследования. Сообщение гласило: «Крестьянское движение в Брянском (Орловской губ.) уезде возникло одновременно с забастовочным движением на брянском рельсопрокатном заводе, т. е. с самого конца февраля. Оба движения находятся в тесной связи, потому что забастовавшие рабочие, большей частью местные крестьяне, уйдя с завода, принесли с собой в деревню недовольство общим положением»⁵⁰. Однако расследование этого сообщения, произведенное прокурором Орловского окружного суда по требованию Министерства юстиции, привело прокурора к другому выводу: «Серьезно тревожных настроений среди крестьян Брянского уезда в связи с забастовками рабочих на Брянском и Радицком заводах не замечалось»⁵¹.

К этому следует прибавить, что вообще Брянский уезд по сравнению с другими уездами Орловской губернии по числу крестьянских выступлений занимает одно из последних мест, идя впереди лишь Дмитровского и Карачевского уездов (по нашим данным, 13 выступлений в 1905 г. и шесть — в 1906 г.).

Имеются также некоторые данные, указывающие о влиянии рабочих борисоглебских железнодорожных мастерских на выступления крестьян Борисоглебского уезда. Нам представляется, что и они не соответствуют действительности. Тамбовский губернатор фон дер Лауниц в донесении от 18 мая 1905 г. на имя министра внутренних дел указывал, что под влиянием рабочих железнодорожных мастерских находится преимущественно население Пригородной волости Борисоглебского у.; на крестьянство же всего уезда, по его словам, сказывается влияние «пришлых людей»⁵². Один из авторов, на которого мы уже ссылались, придерживается того же мнения. «В Борисоглебском уезде, — пишет он, — волнения происходят под влиянием агитации рабочих в Пригородной волости, где среди населения много рабочих и служащих на городских заводах и на железной дороге и где много распространяется прокламаций»⁵³. Следует напомнить при этом, что наиболее интенсивные выступления в октябре 1905 г. начались на крайнем севере уезда, в углу, противоположном Борисоглебску, и распространялись на юго-запад, минуя Борисоглебск; в самой же Пригородной волости и в прилегающих к ней Больше-Грибановской и Богановской, а также Нижне-Карачанской и Рождественской волостях Новохоперского у. не было, по нашим данным, ни одного крестьянского выступления.

В Воронеже 4 декабря 1905 г. в малярном цехе железнодорожных мастерских происходило собрание с участием более 3 тыс. рабочих, где присутствовало до 70 крестьян из Павловского, Острогожского, Коротояцкого и Задонского уездов и из слободы Алексеевки Бирюченского у. Это были делегаты воронежского съезда Всероссийского крестьянского союза, на проведение которого губернатор не дал разрешения. Делегатов приветствовал представитель Воронежского комитета большевиков. Оратор

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, 1905 г., д. 7594, л. 1.

⁵¹ Там же, л. 3.

⁵² Н. Карпов. Указ. соч. стр. 151.

⁵³ «1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии», стр. 58.

ры говорили об общности интересов рабочего класса и крестьянства. Крестьяне просили помочь им добиться снижения арендной платы за землю.

В одном из жандармских донесений за декабрь 1905 г. сообщается о том, что член Таловского (Воронежской губ.) стачечного комитета железнодорожников призывал крестьян Хреновской волости дружными выступлениями против помещиков поддержать железнодорожную забастовку⁵⁴.

Однако никаких данных о результатах этих связей воронежских железнодорожников с крестьянством не имеется.

Единственным известным нам исключением в этом отношении являются юго-западные волости Путивльского уезда Курской губ., Грузчанская и Казачанская, где сказалось влияние рабочих конотопских железнодорожных мастерских: здесь при участии конотопских «агитаторов» выносились решения о неплатеже податей и недаче рекрутов, производилась смена сельских и волостных властей, а также, как отмечалось выше, были избраны крестьянские комитеты.

Но в целом бесспорен вывод, что влияние рабочих местных предприятий на развертывание крестьянского движения в рассматриваемых губерниях было слабым.

Совершенно иначе обстояло дело с влиянием отходников. Именно отходники — местные крестьяне, уходившие на заработки в города, явились основными проводниками революционного влияния рабочего класса на деревню в центрально-черноземных губерниях.

Так, на телеграфный запрос губернаторам от 7 января 1906 г. министра внутренних дел Дурново: «Сообщите почтой в трехдневный срок, какие, по вашему мнению, главные причины сельских беспорядков — революционная агитация, бездействие власти и недостаток у нее материальной силы или малоземелье крестьян»⁵⁵, губернаторы курский и орловский наряду с другими причинами прямо отметили роль отходников.

Курский губернатор сообщал, что «крестьянство силою вещей начало выделять из своей среды значительное число отправляющихся на заработки, преимущественно на заводы и фабрики: на заработки шел элемент с подорвавшимся уже хозяйством. Этот элемент, попавший в новую среду, приносил с собою в деревню все отрицательные условия фабричной и заводской жизни. Частые волнения на заводах, волнения в городах, сопровождавшиеся погромами, не могли не оказать своего деморализующего влияния на возвращающихся домой рабочих из крестьян, в отдельных случаях являвшихся настолько распропагандированными, что уже сами становились организаторами на местах революционных очагов»⁵⁶.

Ему вторил орловский губернатор: «Производятся они (сельские беспорядки. — П. А.), главным образом, прибывшими с отхожих промыслов молодыми крестьянами, зараженными революционной пропагандой...»⁵⁷.

Это же отмечали и органы юстиции.

Крестьяне — отходники из центрально-черноземных губерний особенно часто направлялись на работу в шахты Донбасса. В связи с этим чаще других встречаются упоминания о руководящей роли в местном крестьянском движении отходников — шахтеров.

По орловской губернии роль шахтеров отмечается в Севском, Орловском, Болховском, Трубчевском и Мценском уездах; по Тамбовской губер-

⁵⁴ П. П. Тяжелов. Указ. соч., стр. 27.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, 1906 г., д. 123, лл. 1, 34—38 и 45.

⁵⁶ Н. Карпов. Указ. соч., стр. 169.

⁵⁷ Там же, стр. 208.

нии — в Лебедянском, Борисоглебском и Моршанском; по Воронежской — в Задонском и Землянском; по Курской — в Дмитриевском и Ново-Оскольском уездах.

Шахтерами дело, разумеется, не ограничивалось. Встречаются указания на руководящую роль в движении крестьян, вернувшихся из Москвы, Ростова-на-Дону, Армавира.

Таким образом, через сотни и тысячи отходников оказывалось огромное воздействие рабочего класса на отсталую деревню черноземного центра.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Г. Дыков. Румчерод и борьба за установление Советской власти на Румынском фронте	3
Г. Н. Голиков, Ю. С. Токарев. Апрельский кризис 1917 г.	35
К. Н. Тарновский. Комитет по делам металлургической промышленности и монополистические организации	80
Т. Д. Крупина. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями	144
Г. И. Ионов. Воскресные школы в годы первой революционной ситуации (1859—1861)	177
П. К. Федоренко. «Рудни» XVI—XIX вв. на территории СССР	210
Н. Г. Куканова. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII—начале XVIII в.	232

СООБЩЕНИЯ

Л. С. Рогачевская. Работа производственных совещаний в первые годы индустриализации (1926—1927)	255
Д. С. Бабичев. Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны (1914—1917)	276
П. Н. Абрамов. Из истории крестьянского движения 1905—1906 гг. в центрально-черноземных губерниях	293

Исторические записки, т. 57

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР
Технический редактор Л. В. Назарьянц

РИСО № 21-73В Сдано в набор 16-VII 1956 г. Подп. в печать 18/IX 1956 г. Формат бум. 70¹/₁₆×108
Печ. л. 19,5. Уч.-изд. лист 27,2. Тираж 2000 экз, Т-60412. Изд. № 1826. Тип. зак 3152

Цена 17 р. 30 к.

Издательство Академии наук СССР Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
63	15 св.	„Демент“	„Цемент“
87	19—20 св.	„анархическое. У него	„анархическое“, у него
107	14 сн.	Шувалову	Шуваеву
147	22 сн.	Шешменцев	Шешминцев
173	24—25 св.	далго	задолго
174	18 св.	Что	Чем
246	20 сн.	не возился	не возились
257	10 сн.	совещаний должны	совещаний — должны
262	6 сн.	№ 8	№ 18

к. 250 284 - 1

Цена 17 р. 30 к.

57

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

1956